

ЯКУБ КОЛАС

Современная
литература

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор)

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,

А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,

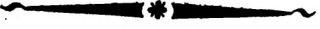
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,

Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,

С. А. Рустам, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЯКУБ КОЛАС

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья И. Я. Науменко
Составление и примечания Ю. С. Пширкова
Редакция стихотворных переводов
В. С. Шефнера

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1978

С именем народного поэта Белоруссии Якуба Коласа (1882—1956) связана целая эпоха становления национальной белорусской литературы.

Якуб Колас был поэтическим летописцем родного народа на решающих этапах его истории. Его стихотворения появились в печати в дни первой русской революции, в них отразились идеалы, настроения, надежды белорусского крестьянина, разбуженного революцией.

С новой силой развернулся многосторонний талант Якуба Коласа после победы Октября, когда были завершены самые значительные и монументальные лиро-эпические поэмы «Новая земля», «Сымон-музыкант», написана поэма «Хата рыбака», множество прозаических и драматических произведений.

В сборник включены лучшие поэмы и стихотворения Якуба Коласа; некоторые стихотворения переведены на русский язык впервые для настоящего издания.

ИЗ ГЛУБИНЫ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Судьба народного поэта Белоруссии Якуба Коласа удивительна. Пятьдесят лет продолжался его неустанный литературный труд. Если окинуть мысленным взором все, созданное Якубом Коласом, то предстанет панорама широкая, величественная, главным действующим лицом которой является белорусский народ на грозных, решающих перевалах своей истории.

Двадцатый век начался на просторах России раскатами первой русской революции. Зашаталась основа царского самовластия, к активной политической жизни пробудились окраины царской империи.

Первая русская революция вызвала к художественному творчеству плеяду талантливых белорусских писателей, и среди них звезды неведомой ранее величины — Янку Купалу и Якуба Коласа. Устами Якуба Коласа и Янки Купалы заговорила о себе Беларусь — талантливая и униженная, богатая духовно и не признанная как нация, Беларусь, которая в революции, в борьбе за право «людьми зваться» видела свой светлый завтрашний день.

Поэзия и проза Якуба Коласа выросли на богатой ниве духовного творчества народа. Восьмимиллионный белорусский народ был лишен возможности пользоваться плодами своей многовековой культуры, над его языком висел оскорбительный запрет, книги его немногочисленных писателей не могли дойти до народа. Даже к началу XX столетия Белоруссия была краем, где в значительной степени сохранились древние, едва ли не языческие элементы культуры, представлений, богатейший фольклор¹. Вместе с тем нарастание революционных событий глубоко отразилось на судьбе патриархальной белорусской деревни: она быстро усваивала социальные идеи, про-

¹ См.: А. Е. Богданович, Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, Гродно, 1895.

буждалась к активной борьбе против угнетения и насилия. Творчество Якуба Коласа вобрало в себя эти два начала: оно рождается на почти не тронутой книжной культурой целине народного языкотворчества, этических, эстетических представлений народа, с одной стороны, и с другой — насыщается революционными идеями социальной непримиримости, протеста.

Родился Якуб Колас — Константин Михайлович Мицкевич — 3 ноября (22 октября) 1882 года на хуторе Акинчицы, неподалеку от села Миколаевщина (ныне Столбцовского района Минской области). Отец будущего поэта, Михаил Казимирович, спасаясь от безземелья, поступил на должность сторожа в лесные владения известного магната князя Радзивилла. Сторожа-лесника часто переводили с места на место. Семья Мицкевича вскоре переезжает в Ласток, затем в Альбуть. Детские годы будущего поэта прошли в красивейших местах. И думается, тонкое чувство природы, присущее Коласу, лиризм, мягкая акварельность его письма, светлые эмоциональные краски своими истоками в значительной мере восходят к детству поэта, проведенному среди необозримых белорусских лесов.

«Тяготение к поэзии, к поэтическому творчеству пробудилось во мне еще в ранние детские годы, — вспоминал Якуб Колас. — Этому способствовали басни Крылова, поэзия Пушкина, Гоголь, с которым я познакомился еще подростком. В Альбути, когда мне было 12 лет, я начал пробовать и свои литературные силы. Помню, прочел отцу свое стихотворение «Весна». Он прослушал внимательно, потом спросил, правда ли, что это написал я, и дал рубль гостинца. Я любил ученье, книги, меня сильно тянуло к тому и другому. Учился я хорошо. Отец всеми силами старался пустить меня в науку».¹

В 1898 году Якуб Колас поступает в Несвижскую учительскую семинарию. Здесь его первые литературные опыты поддержал преподаватель русского языка Федот Андреевич Кудринский, сам литератор. Прочитав стихотворение юноши, написанное на белорусском языке, он горячо одобрил его: «Вот Ваше настоящее призвание». По окончании семинарии в 1902 году будущий поэт несколько лет работал сельским учителем.

«Первые годы учительства, — читаем в автобиографии Я. Коласа, — прошли на Полесье — в Люсине и Пинковичах. Здесь в первый раз познакомился с нелегальной революционной литературой. . . Эти брошюрки сделали во мне целый переворот, дав ход моим рассуждениям в совсем новом направлении. Газеты радикального характера,

¹ Я. Колас, Аўтабіяграфія. — В кн.: «Пяцьдзесят чатыры да роگی», Мінск, 1963, с. 289.

японская война, рассказы учителей, земляков, с которыми встречался летом, направили меня на революционный путь. В 1905 году я уже был завзятым врагом самодержавия и в этом направлении вел работу».¹

По всей Белоруссии происходили революционные волнения, забастовки, выступления городских и сельскохозяйственных рабочих. В одном из таких выступлений принял непосредственное участие Якуб Колас. Он вел агитационную работу среди крестьян села Пинковичи, составил петицию, с которой они обратились к помещику Скирмунту, требуя больших земельных прав. В 1906 году он был уволен с учительской должности и отдан под надзор полиции.

За участие в нелегальном учительском съезде, а главным образом за насыщенные революционным духом стихи и рассказы Виленская судебная палата в сентябре 1908 года приговорила Коласа к трем годам лишения свободы. Когда поэт находился в тюрьме, вышел его первый сборник стихов «Песні-жалбы» («Песни-жалобы») (1910).

Империалистическая война... Учитель Константин Михайлович Мицкевич, который за революционные убеждения три года отсидел в Минской тюрьме и только с осени 1912 года с трудом устроился на работу в школу, был вынужден вскоре покинуть родные места: на берегах Немана — окопы, в белорусских пушах, лесах, воспетых поэтом, рвутся снаряды, поля, нивы безжалостно вытаптываются солдатскими сапогами.

Политическая неблагонадежность учителя была временно забыта: царскому правительству нужны были офицеры. Несколько месяцев занятий в Александровском военном училище в Москве — и новоиспеченный прапорщик Мицкевич служит в Перми, затем на румынском фронте.

Вскоре по болезни Якуб Колас был освобожден от военной службы и отправлен в город Обоянь Курской губернии, где находились жена и двое детей. Здесь его застала Великая Октябрьская социалистическая революция.

На Курщине Якуб Колас работает учителем, школьным инструктором, с энтузиазмом отдается общественной деятельности: связавшись с политпросветительными учреждениями Красной Армии, организовывает библиотеку, открывает в селе Липовец избу-читальню; будучи беспартийным, является техническим секретарем липовецкой сельской партийной ячейки.

В 1921 году Якуб Колас переезжает на постоянное жительство в Минск, столицу Советской Белоруссии.

¹ Там же.

Литературное развитие Якуба Коласа шло под непосредственным влиянием лучших образцов русской литературы. Нензгладимый след в его душе оставили произведения Крылова, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Кольцова, Некрасова, Толстого, Достоевского, Горького. Он знал наизусть «Полтаву», «Братьев-разбойников», «Цыган» и много лирических стихотворений Пушкина, «Демона» Лермонтова. «.. Не будь Пушкина с его «Евгением Онегиным», «Медным всадником», «Вольностью» и посланием «В Сибирь», «Капитанской дочкой» и сказками, — не было бы, наверно, и моих поэм «Новая земля» и «Хата рыбака», лирики и прозы»,¹ — признавался Якуб Колас. Большую поддержку молодому, еще не окрепшему таланту Якуба Коласа оказал А. М. Горький. «.. знаете Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янко Купала? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно»,² — писал А. М. Горький в 1910 году А. Черемнову.

Высокая оценка А. М. Горьким его творчества окрылила Якуба Коласа. Впоследствии он вспоминал: «Имя Горького я услышал полвека назад. Были девятисотые годы. Яркие произведения молодого русского писателя производили сильное впечатление. Казалось, разрывая духоту, ударил весенний гром, возвещающий освежающую перемену... Я навсегда сохранил в сердце глубокую признательность к Максиму Горькому за чуткость к первым шагам в литературе, которые делали мы с Янкой Купалой».³

Якуб Колас жил и творил на стыке двух эпох. Его стихотворения, рассказы появились в печати в грозные дни первой русской революции, когда в полный голос заговорила о своих невзгодах заброшенная, униженная деревня, разбуженная революционной бурей. Поэзия Якуба Коласа и Янки Купалы выражала идеалы, настроения белорусского крестьянства. Во всем величии и мудрой простоте предстала в их творчестве могучая фигура белорусского мужика. Он, этот крестьянин-мужик, и покорный и бунтовщик, он и забитый горем «маленький» человек, и философ, творец, создающий материальные блага и духовные ценности, живущие в веках.

С приходом в литературу Якуба Коласа и Янки Купалы в ней появился психологически сложный, жизненно реальный образ белоруса — подлинно национальный характер. Лубочная литература, как известно, рисовала белоруса тихим, покорным, готовым терпеливо нести свой крест мученика. Правдивое слово о трудовом белорусском

¹ Я. Колас, Збор твораў у 14-ці тамах, т. 12, Мінск, 1976, с. 82.

² М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, М., 1955, с. 144.

³ Я. Колас, Збор твораў у 14-ці тамах, т. 12, с. 169.

народе сказали поэты XIX столетия Павлюк Багрим, Винцент Дунин-Марцинкевич, Адам Гуринович, Янка Лучина, Франтишек Богушевич, но они еще не создали полнокровного национального характера, в их произведениях еще нет отображения народной жизни во всей широте, богатстве и противоречивости, которая присутствует в произведениях Коласа и Купалы.

Новые идеи и герои, пришедшие в поэзию, знаменовали рождение качественно новой белорусской литературы, у истоков которой стояли Я. Колас и Я. Купала и работавшие рядом с ними писатели демократического направления: М. Богданович, М. Горецкий, Тетка (Э. Пашкевич), З. Бядуля. Белорусская литература не только расширяла жанровые и тематические рамки, избавлялась от этнографизма, главное — она становилась на уровень с требованиями века, наполнялась передовыми революционными идеями, большим философским содержанием, переставая быть фактом узко местного значения.

Процесс становления национальной белорусской литературы шел в неразрывной связи с формированием белорусского литературного языка. Так, как писали Колас, Купала, до них на родном языке не писал никто. Белорусское слово освобождалось от инородных наслоений, зазвучало широко, эпично, мягко, с лирической проникновенностью; оно, казалось, вобрало в себя и певучую мелодию народной песни, и мощный гомоп народного веча, призывающего к борьбе, и страстный голос богато одаренной души, потрясенной красотой окружающего мира.

Якуб Колас выступил в литературе в сложное время. После поражения первой русской революции мутным паводком разлилась декадентщина. Деятели националистического лагеря призывали Коласа сойти с дороги осуждения, критики социальных основ действительности. Но поэт остался верным народу, революции, непоколебимо отстаивая право отражать суровую правду жизни.

Якуб Колас — писатель отчетливо социальной темы, берущий идеи, сюжеты, конфликты и образы своих произведений из народной жизни. Бесправие, безземелье, труд до изнеможения, полуголодное существование в покривившейся избушке, темнота, забитость, отсталость — мотивы эти варьируются в дореволюционной лирике поэта (стихотворения «Край родимый», «Родное поле», «Осади назад», «Конституция», «Наше село», «Вдовья хата» и т. д.). В стихах Коласа запечатлена повседневная жизнь, будни быта, труда. Колас рано понял, что, каким бы тяжелым, неприглядным ни был труд крестьянина, он единственное условие не только физического, но и духовного его существования. Внимательно следил поэт за жизнью крестьянина

от его рождения до смерти, чутко отзывался на радость, которая бывала так редка на веку мужика.

Мотивы грусти, печали, тоски занимают немалое место в поэзии Якуба Коласа, но не исчерпывают и не определяют ее характера. Поэт верит, что мужик-бедняк имеет право на лучшую жизнь, что он завоюет себе счастливое будущее:

Дымом всё пойдет лихое,
Всё, что давит нас и гнет.
Верь, брат, время золотое
В край родимый наш придет.

(«Не горюй»)

Недаром печаль, грусть поэта так часто переходят в протест против несправедливого общественного строя. Традиционная печальная песня становится гневной, и крылья ей дает та социальная правда, которую открыла перед поэтом первая русская революция.

Лирика Коласа в этом смысле переключается с «музой мести и печали» Некрасова, под благотворным влиянием которого долго находился поэт. «Что народный труд был в тогдашней России мучительством, — писал исследователь творчества великого русского поэта К. Чуковский, — это знали и видели многие, но Некрасов первый и единственный из русских поэтов закричал об этом во весь голос, не плаксиво и жалостно, а как грозный и разгневанный мститель, как закричал бы сам многомиллионный народ, если бы не был обречен на безмолвие».¹

Колас глубоко знал жизнь, быт белорусской деревни, остро чувствовал настроения, которые в ней рождались. То, что крестьянин трудился много и жил бедно, было только половиной правды. Жизнь требовала новых песен. Поэт эти песни создавал, их подсказывала ему та деревня, которая отказывалась платить налоги, захватывала помещичью землю, пускала «красного петуха» в панские поместья.

Революционная идея — счастье можно добыть только в борьбе — становится основой этики и эстетики Коласа.

Герой лирики Коласа не смиряется с тем, что он, труженик, руками и потом которого созданы все блага жизни, прозябает в бедности, не может удовлетворить самой острой своей нужды. Революционные события помогают ему осознать свою силу, человеческое достоинство. В стихотворении «Мужик» (1909) он заявляет:

¹ К. Чуковский, Мастерство Некрасова, М., 1971, с. 382.

Я — мужик. но ум имею.
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

В другом стихотворении, «Врагам», написанном в 1906 году, герой открыто выступает против панов-помещиков:

Каты-лиходен,
Паны-богатеи!
Мы зовем на суд вас,
Подлые злодеи!
.
Вас давно веревки
Наши ожидают,
И по вас осины
Слезы проливают.

Значительное место в лирике и прозе Коласа занимают образы самовластия. Сатирическими красками рисует поэт фигуры «столпов» царского самодержавия — урядника, стражника, пристава:

Куда ни глянь — шнуры-погоны,
Селедка-шашка, толстый зад —
На перекрестках фараоны
Попарно, по трое стоят.

В глазах сплошное мельтешенье —
Как прусаков кто напустил. . .
Да есть ли где-нибудь спасенье
От фараоньих этих рыл?!

(«Образы самодержавия»)

Но более всех достается самому царю Николаю II. Едкой иронией проникнуты строки, в которых поэт высмеивает царскую конституцию:

Конституцию ввели,
Отворили двери
И в острог нас повели,
Стали бить, как звери.

(«Конституция»)

В то время, когда значительная часть крестьянства питала определенные иллюзии по отношению к царской власти, Колас призывал

народ не верить царю, разоблачал его как главного виновника несправедливого социального порядка. Полны горькой иронии строки стихотворения «Не верьте» (1907):

Ой, чего же мы дождались!
Обманул ты нас, царек!
Чтоб тебе дал бог на старость
Лапти, посох и мешок!

Нет ни хлеба, нет ни соли,
Ни купить нам, ни продать...
Никогда царю не верьте,
Подведет он нас опять.

Конечно, Колас, как и Купала, отрицал царско-помещичьи порядки с позиций, если пользоваться словами Ленина, «беспартийно-революционной демократии». ¹ Ясной социальной, а тем более политической программы у него не было. Но песня поэта служила революции.

Якуб Колас во многих стихотворениях выступает от лица мужика, однако мысли и чувства лирического героя коласовской поэзии шире узко мужицкого представления о счастье как о клочке собственной земли. Человек из народа, всей душой связанный с крестьянством, его лирический герой живет напряженной внутренней жизнью. Его сердце полнится общенародным горем, оно охвачено высокими порывами социальных страстей. В этом смысле поэзия Я. Коласа несет в себе немалый заряд романтичности, ² истоки которой в размахе социальной и национально-освободительной борьбы, в росте национального самосознания.

Душа лирического героя распахнута навстречу всему прекрасному. Тонко чувствует он красоту окружающего мира, разнообразие, богатство его красок, звуков, запахов. Глазами этого героя увидена, открыта, эстетически оценена белорусская природа. Отсюда берет начало непревзойденная в белорусской поэзии пейзажная лирика Коласа, которая заставила всех, кто живет в этом крае, по-новому посмотреть на реки, нивы, рощи, дубравы, поля, увидеть их очарование. Стилистика пейзажной лирики Коласа насыщена романтическими красками. Не в меньшей мере она опирается на элементы народного

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, с. 274.

² Подробнее об этом см. в кн.: *І. Я. Навуменка, Якуб Колас. Духоўны воблік героя, Мінск, 1968.*

мироощущения. Поэт тонко чувствует неразрывную связь человека с окружающим миром, слитность души, характера, настроения человека с характером и настроением природы. Воспеваемая Коласом природа края и сама как бы наложила печать на творения поэта: они то спокойно-печальные, как белорусские поля, болота и равнины, то грозные и гневные, как короткая летняя гроза, задумчивые, как шум леса, веселые, искристые, как зеркальная гладь рек и озер.

Якуб Колас — поэт очень земной, никогда не искавший исключительных, экзотических образов и красок. Поэтическую жизнь под его пером обретает то, что с малых лет окружает сельского жителя. Деревня, в которой «пригорюнились избушки», «узкая, кривая» полевая дорога, напоминающая поэту судьбу крестьянина-мужика, пастух или пастушка, что мокнут в поле под дождем, охраняя стадо, убогая хата вдовы, погост на краю деревни, где находит наконец покой бедолага мужик, даже муха, что попала в паутину и «жалостно звенит», — все это в стихах поэта, говоря словами Белинского, превращается «в чистое золото поэзии». ¹ Поэт не пропускает ни одного значительного момента из жизни крестьянина, много раз побывал он в крестьянской избе, прошел за сохой по узенькой полоске земли, усеянной камнями, провел беспокойный день на плотках на Немане.

Стихотворения Я. Коласа глубоко проникнуты поэзией земледельческого труда. Поэт любит просторы полей, его радуют плоды трудов крестьянина — «зеленое море буйных колосьев», возделанная нива. В самом труде, в выявлении сил человека, в радости отвоевания у природы нужных для жизни даров находит Колас неподдельную поэзию. Ему чрезвычайно дорога и та природа, которую создал для жизни, радости человек труда, — «вторая природа», по выражению М. Горького.

Любя все живое, созданное человеческими руками, поэт недаром взял своим псевдонимом слово «колос» — символ животворного человеческого труда.

Особую страницу в творчестве Коласа составляет «острожная» лирика. Острожные годы (1908—1911) явились для Коласа своеобразным университетом: в тюрьме были представлены люди всех сословий; среди политических и уголовников художник столкнулся со множеством характеров, видел разных людей вблизи, изнутри, ибо в условиях тюремной изоляции человек вольно или невольно раскрывает самое сокровенное. ²

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 9, М., 1955, с. 534.

² Я. Колас, Цení мінулага. — Збор твораў у 14-ці тамах, т. 11, Мінск, 1976, с. 11—28.

Годы заключения поэта совпали с разгулом черносотенной реакции, разброда среди временных попутчиков революции и идейного шатания среди части демократически настроенной интеллигенции. Но это трудное время не изменило социальной направленности народного по духу творчества Коласа. В стихах «тюремного» цикла находим те же революционные мотивы и идеалы; лирика заметно углубляет содержание, расширяются ее жанровые рамки: именно с этого времени в нее вливается струя пейзажных, философских по содержанию и настроению стихотворений.

В 1910-е годы Коласом было написано значительное количество прозаических произведений. В 1912 году вышел сборник «Рассказы», в 1913-м — «Толстое полено», в 1914-м — «Родные явления». Белорусский рассказ и художественная проза вообще были к этому времени представлены лишь юмористическими зарисовками Ф. Богушевича, баснями в прозе Ядвига Ш. (А. Левецкого), так что и в прозе Якубу Коласу пришлось прокладывать новые пути.¹

Колас-прозаик ставит и решает те же вопросы, что и Колас-поэт. Его проза вбирает в себя острые, назревшие социальные вопросы, которыми жила белорусская деревня. В рассказах немало образов, мотивов, идей, знакомых по лирике. Вместе с тем суммарный, собирательный тип крестьянина — героя лирики — все чаще уступает в прозе место индивидуализированному, «объемному» образу того же мужика, выписанному психологически более углубленно, многогранно, во всей противоречивости. Тенденция развития прозы Коласа вела к герою со сложной внутренней жизнью, с широкими социально-этическими запросами. Она нашла наиболее совершенное воплощение в самых крупных, этапных не только для Коласа, но и для всей белорусской литературы произведениях — поэмах «Новая земля» и «Сымон-музыкант», представляющих широкие эпические полотна, содержанием которых была целая историческая эпоха жизни народа. Задуманные и частично написанные во время заключения и после тюрьмы, они были закончены уже после Октябрьской революции.

Время создания «Новой земли» совпало с событиями всемирно-исторического значения. Поражение первой русской революции, империалистическая война, Февральская революция, наконец Октябрьская революция — все это оказало влияние на написание поэмы, обусловило ее идейную сущность. Социалистическая революция, советская действительность обострили социальное зрение поэта, помогли ему

¹ О Коласе-прозаике более подробно см. в кн.: Д. І. Г а л ь м а к о ў, Стыль прозы Я. Коласа, Мінск, 1973.

глубже понять содержание исторической борьбы за землю и волю, непримиримость классовых интересов пана и крестьянина, почувствовать бесплодность, тщетность устремлений мелкого крестьянства добиться счастье и свободу в условиях капиталистического общества индивидуалистическим путем.

Колас использовал в поэме автобиографический материал, изобразил семью своего отца, служившего лесником во владениях Радзивилла.

Исподволь, неспешно разворачивается действие в «Новой земле» Течет оно в русле обыденного труда, бытовых забот, захватывая не очень большой промежуток во времени и пространстве, сосредоточивая внимание читателя на обычности, типичности обстоятельств крестьянской жизни. То, что действие происходит не в деревне, а на лесном хуторе, существенно дела не меняет: герои поэмы «Новая земля» — фактически вчерашние крестьяне, которые собираются стать ими вновь, мечтают, грезят об этом.

Якуб Колас уже в дореволюционном творчестве преодолел взгляд на мужика как на извечного мученика, забитого, униженного, — взгляд, принижавший человека труда как полноценную личность. В этом несомненно сказалось благотворное влияние на белорусского поэта русской литературы.

Михал и Антось — герои «Новой земли» — образы, которых до Коласа еще не знала белорусская литература. Крестьянин, нарисованный поэтом, предстанет во всем своем духовном величии и красоте, — не в виде «забитого окончательно» раба, а как существо, сохранившее «в себе живую душу и вечное, не исторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье». ¹ В образах и картинах поэмы раскрывается духовное и нравственное богатство народа. Понятия о прекрасном и добром, как в народной эстетике, сливаются у Коласа в единое целое.

Герой поэмы Коласа — человек, как бы насильно вырванный из типичной для него крестьянской среды. В поисках куска хлеба он «до прусов дважды доходил», то есть был плотовщиком на Немане, и, наконец, «решил на службу он толкнуться — ведь дома негде вернуться», так как не было земли.

Поступить на службу к князю Радзивиллу Михала заставили нужда и бедность. Служба у пана тягостна для вчерашнего крестьянина:

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 9-ти томах, т. 7, М.—Л., 1963, с. 275.

Лесничий — плут каких немало —
Ценил по-своему Михала:
Как бессловесную скотину,
И день и ночь гонял детину.

Михал, его брат Антось, жена, дети с того времени, как глава семьи впрягся в панскую службу, больше не принадлежат самим себе: «нанялся — как продан». Михал не только охраняет панский лес, на нем еще множество дополнительных обязанностей:

Михал рабочих нанимал,
За панским стадом наблюдал,
На нем лежал и сенокос.

«Мартин из каморы» — этот неутомимый исполнитель панской воли — может в любой день прийти с приказом:

«Чтобы Антоний утром рано
Шел рубку намечать в бору.
Михал же должен поутру
К поселку лыжи наострить
И рыбки малость половить.
Бери там невод с рыбаками,
Панов порадуй окуньками».

«Глухое, мрачное волнение» постоянно владеет героем, так как служба у пана основана на унижении человеческого достоинства лесника. Весной, как правило, Михалу поступает приказ конторы выслеживать глухаринные тока, чтобы ясновельможные паны могли удовлетворить свой охотничий азарт. Михал, крестьянин до мозга костей, честный труженик, при этих наездах панов чувствует себя холуем, лизоблюдом, и эта роль для него глубоко оскорбительна.

Панам охота ведь в забаву,
Потеха эта им по нраву,
А ты, как Каин, волочишь
И в шалаше ночами гнишь.
Пан, если что-нибудь не так,
Кричит: «Пся крев!», «Болван!», «Дурак!» —
Последним словом обзывает,
А то и кулаком махает.
Кабы своя земля и хата!
Да будь ты трижды распроклята
И служба панская, и ласка,
И доля вечная подпаска!

В. И. Ленин писал, что развитие пореформенной России сопровождалось неуклонным «подъемом чувства личности, чувства собственного достоинства»¹ в среде трудового крестьянства. В этом смысле «Новая земля» — яркий художественный документ времени.

Должность лесника дает Михалу достаточно материальных благ, чтобы он со своей немалочисленной семьей мог жить безбедно. Но в том-то и дело, что в поэме речь идет не только о хлебе насущном, но и о категориях духовных, таких, как чувство свободы, независимости, которой всем сердцем жаждет герой. Он не хочет служить за кусок хлеба, сносить повседневное издевательство, ругань, насмешки. Он не раб, а свободный человек — и это самое главное для понимания нарисованного Коласом характера.

Михал — натура по-крестьянски цельная, здоровая. Он умеет и любит трудиться, бережет семью, хочет, чтоб дети выросли трудолюбивыми и честными. «Простые, целомудренные, суровые и добродетельные нравы» (Ф. Энгельс)² органичны для среды, в которой существует герой. Но Михал не может жить так, как хочет.

Труд для него является первой жизненной необходимостью, он не любит сидеть сложа руки или работать спустя рукава. Поэтому с добросовестностью относится Михал и к своей «собачьей» службе. Михал не хочет выслуживаться, не жаждет панских подачек, но тем не менее вынужден «под дудку панскую плясать». Он не имеет злости на окрестных крестьян, понимает их, но он лесник и не пропускает ни одной самоуправной порубки:

В округе всех крестьян Михал
От мала до велика знал.
Потрава ль где или покража —
Разыщет мигом и докажет,
И уж дойдет до голубочка,
Ну как по нитке до клубочка.
Так и не диво, что Михала
В селе любили очень мало.

И дальше так стараться служить пану — значит, все больше отрекаться от самого себя. Михал настойчиво, испуленно ищет освобождения от панской службы, и именно поэтому собственная земля предстает перед ним как обитель свободы.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.

² «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», в 2-х томах, т. I, М., 1976, с. 190.

Социальный протест, пробудившийся в душе лесника, помогает ему преодолеть превратности судьбы и сохранить чувство собственного достоинства. Лесник отвергает нравы, господствующие в мире панов, подпанков, чиновников. Готовность протестовать, несогласие со своим положением — постоянное настроение Михала, направляющее сюжет поэмы.

Пока между панами и теми, кто их обслуживает, идет бескровная война. Но накал социальных страстей велик. В чувствах, мыслях, настроениях, в разговорах, которые ведут между собой лесники, все панское отмечается начисто, подвергается злему осмеянию:

За что ж панам такой почет?
Зачем их бог так бережет?
Затем, чтоб вечно пановали
И нашим братом помыкали?
Эх, братец, это всё обман.
Когда-нибудь да сгинет пан!

Колас, замечательный поэт-реалист, рисовал крестьянина, не пережившего еще уроков революции. Тем не менее в своей поэме он глубоко раскрыл новые социальные качества крестьянина, пробуждение в нем чувства личности, осознание им своей роли в жизни, истоки той «ненависти, злобы и отчаянной решимости»,¹ которые проявились во время первой русской революции.

Колас первым в белорусской литературе глубоко почувствовал, что корни прочности, цельности народной натуры — в ежедневном труде, радости созидания. Простой человек не боится физического труда. Идеал героев поэмы — вольный труд на вольной земле. Михал хочет сам пользоваться плодами своего труда: «дума о клочке земли лучом свободы в нем горела». Стремление Михала — как бы повторенное в миниатюре стремление всех крестьянских масс, пришедших в революцию с требованием земли и воли. В то же время его путь борьбы за счастье — иллюзорный.

На политом крестьянским потом клочке «своей» земли гармония оказывается недостижимой, она где-то впереди, она в полном тревожной печали вопросе о «новой» земле, которым кончается поэма:

Свободный путь!.. Когда ж во мгле
Ты засверкаешь на земле
И все в одну сведешь дороги?

Тема разговоров Михала в семье и с другими лесниками одна — как вырваться из неволи, об этом же герой бесконечно думает во

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.

время своих одиноких блужданий по лесу. Мысли Михала о своем подневольном положении, об униженном человеческом достоинстве, о невозможности жить так дальше повторяются много раз, вырастая в стержневую тему «Новой земли». Именно эта идея-страсть делает образ Михала монументальным, социально значительным.

Все в Михале подчинено стремлению приобрести землю, вырваться из панской зависимости. Притягательная мечта становится смыслом его жизни. Долго, упрямо, настойчиво идет герой к своей цели. Казалось, она близко: уже найдена, осмотрена, сторгована земля, уже дядя Антось съездил в Вильну, в земельный банк, чтобы оформить заем, — и вдруг неожиданная болезнь и смерть Михала.

Смерть Михала не случайна в поэме. Она обусловлена законами художественной правды. Михал как бы воплощает старый патриархальный крестьянский мир с его извечными устоями, традициями. Но наступает новая жизненная полоса, делающая таких, как Михал, «отходниками», отрывающая их от земли, заставляющая есть некрестьянский хлеб. Понять это Михал не хочет и не может, поэтому он обречен, путь его трагичен.

«Новая земля» показывает не что иное, как процесс капиталистической пауперизации, обезземеливания деревни. Не только Михал, но и остальные лесники, объездчики, нарисованные в поэме, — из безземельного племени «отходников», всех их погнала на службу крестьянская нужда. В то же время служба лесника, преимущественной платой за которую служит кусок земли, отданный паном пускай во временное пользование, поддерживает в них иллюзию крестьянской, «хозяйской» жизни. Вот от этой иллюзии Михал и не может освободиться.

В самом характере Михала таятся сила и красота. Он обладает мужеством терпения, извечной, природной выносливостью — качествами, которыми в конечном счете обусловлены истоки исторического народного оптимизма, жизнеутверждающего отношения к миру.

Поэт рисует героя с исключительной вдумчивостью, постепенно прибавляя деталь за деталью к его характеру. Перед нами предстанет человек сдержанный, немного замкнутый. Им редко овладевает гнев, хоть в гневе он неистов. Он довольно сурово относится к детям, не прощая им никаких проступков, лени, нерадивости. Он не очень грамотен, но детей поощряет к учению, ценит книгу и, вообще, всякое умное слово. Наедине с самим собой он и мечтать умеет, этот хмурый с виду человек, хотя мечты его и ограничены мировоззрением и психологией крестьянина-труженика.

Михалу свойственна душевная доброта, чувство справедливости. По Коласу, доброта — норма человеческого характера, поведения;

другое дело, что условия воспитания, социальная среда, неблагоприятные жизненные обстоятельства не дают возможности проявиться человеческому в человеке, «отчуждают» его исконную доброту. Однако нет оснований разочаровываться в человеке, наказывать его издевательской иронией или высокомерием. Коласу ни в коей мере не свойствен этический максимализм. Он принимает своего героя таким, какой он есть, — обычным, земным — и находит в его обычности благородные черты, высокую поэзию. Такой взгляд на жизнь, на человека не является чем-то привнесенным, это не результат рационалистических поисков писателя, а мироощущение, основной художественный принцип, проявляющийся во всех компонентах сюжета, стиля поэмы, в языке, в неповторимом, сочувственно-мягком юморе Коласа.

Дядя Антось — другой, не менее обаятельный образ в поэме, дополняющий и углубляющий художественный замысел автора. Антось — яркая, талантливая натура. Он живет в добром согласии со всем миром и особенно с природой. Он мастер на все руки — и рыбак, и бортник, и грибник. Окружающий мир как бы существует для того, чтобы приносить Антосю бесконечные дары.

Антось внимателен, заботлив,
К работе всяческой охотлив,
Что ни замыслит, всё отладит
И так пригонит, так пригладит,
Что и для глаза будет мило.
Любое дело говорило
Само за мастера без слов!
Таких на свете мастеров —
На все лады — не так-то много,
И за него молили бога
Все те, кому он помогал,
Кого в несчастье выручал.

Всепоглощающая доброта — определяющая черта характера дяди Антоса. Личная жизнь Антоса сложилась неудачно, однако Антось душой не очерствел. Он живет в семье брата, все хозяйство на его плечах, и ни тени недовольства своим положением он не выказывает. Он с радостью живет для других, умеет жертвовать собой.

Альтруизм Антоса проявляется в том, что он становится наилучшим другом детям. Чутким, открытым сердцем они чувствуют доброту, искренность, чистоту души дяди, тянутся к Антосю. Дядя их советчик, судья, он раскрывает перед ними великую, полную загадок и тайн книгу природы.

Если Михал воплощает в поэме дух протеста в среде безземельного крестьянства, то образ Антося несет иную идейную нагрузку: он утверждает жизнь и труд, пускай даже тяжелый. Антошь тянет ярмо хлебороба от весны до зимы, его характер проявляется преимущественно в труде.

Крестьянский труд — процесс непосредственного взаимодействия человека с природой. Труд предстает в поэме как стихия поэтическая, он несет радость людям. Высоким пафосом проникнуты картины артельного, совместного труда — жатва, молотьба, косовица:

И вот в сиянии зари
Пошли в атаку косари, —
Клинки блеснули золотые,
И травы росные, густые
Ложатся ровными рядами,
А за косцом двумя следами
Ног отпечатки остаются,
Взлетают косы и смеются.

Поэзией овязны не только труд, но и орудия, предметы труда, быта, домашнего крестьянского обихода, выписанные любовно, со множеством поэтических деталей; картины крестьянских праздников, хлебосольного застолья как воплощения мечты о достатке, довольстве.

Чудесным, многокрасочным светом сияет нарисованная в «Новой земле» белорусская природа. По мастерству пейзажной живописи Колас не имеет себе равных в белорусской литературе. Его одухотворенные, то возвышенно-философские, романтические, то мягкие, лирические пейзажные картины очаровывают своим богатством, проникновенностью, гармонией.

Высок в произведении поэтический культ солнца, весны, лета как сил животворящих, дающих начало всему живому. Есть в этом что-то языческое, соседствующее с магическими заклинаниями, к которым прибегали наши далекие предки.

Герои Коласа, живущие под вечным небом, если не мыслью, то чувством обращаются к бесконечности, безмерности мира. Философская тема жизни и смерти, их неразгаданности, таинственности развивается поэтом преимущественно в лирических отступлениях. Эта тема, как и картины природы, поданные в романтически-философском ключе, придает «высокую» ноту многим страницам поэмы, которые соседствуют с картинами будничными, бытовыми, являющимися основным объектом художественного изображения.

«Новую землю» справедливо считают энциклопедией жизни белорусского крестьянства на рубеже двух столетий. В ней сказано все о крестьянине. Перед нами мир деревенской жизни с трудом, бытом, отдыхом, праздниками, духовными и материальными интересами. Крестьянин в поэме предстает как гражданин и человек в его отношении к прошлому, настоящему и будущему. Произведение такого энциклопедического охвата народной жизни закономерно возникло в начале XX века в белорусской литературе, которая становилась литературой национальной.

«Новая земля» имеет стройный, целостный сюжет и композицию. По своей структуре эпическая поэма Коласа приближается к семейно-бытовому роману. Некоторые исследователи — и не без основания — называют «Новую землю» Коласа первым белорусским романом, несомненно оказавшим влияние на развитие белорусской прозы.¹

Якуб Колас не был сторонним наблюдателем крестьянской жизни, он стоял рядом со своими героями, говорил от их имени, утверждал народный взгляд на жизнь. Этим обусловлена стилистика поэмы, ритмико-интонационный рисунок стиха. Во всем, что и как изображает поэт, чувствуется мироощущение народа, связь с народной традицией. Традицией лирической народной песни навеян образ ели:

И елка с тихой сосною,
Обнявшиеся над водою,
Как молодые в час разлуки,
В час клятвы и любовной муки.

А вот другой образ той же ели, идущий от чувственно-зрительного народного видения, очень конкретного, достоверного:

А елки хмурыми крестами
На небе четко выделялись
И словно с тучами шептались.
Они стояли, точно вдовы,
Поодаль, хмуро-одинокю,
Поднявши к облакам высоко
Своих вершин наряд суровый.

В основе поэтической ассоциации лежит характерная примета, существенное качество предмета или явления, которые могут быть увидены всеми и которые не противоречат народному представлению. Все это вызывает у читателя поэмы радостный эффект узнавания.

¹ А. М. Адамович, Становление жанра. (Белорусский роман), М., 1964, с. 22—41.

В поэтическую ткань «Новой земли» органически входят устойчивые фразеологические выражения, народные по происхождению афоризмы. Поэт не боится слова диалектного, особенно если оно имеет дополнительный семантический смысл, воспринимается как словообраз.

Поэма написана четырехстопным ямбом, рифма преимущественно смежная, однако одинаковость метрического рисунка и характера рифмовки в огромном по объему произведении (в поэме почти 11 тысяч стихов!) не создает впечатления однообразия. Колас блестяще доказал широкие возможности четырехстопного ямба, практически неисчерпаемое разнообразие интонаций — уравниженно-спокойных и патетически-возвышенных, элегически-печальных и юмористических, повествовательных и разговорных и т. д.

«Новая земля» — органическое создание поэта, возникающее как закономерный синтез его предшествующих исканий и достижений.

Поэма «Сымон-музыкант», над которой Якуб Колас начал работать в ноябре 1911 года, была также окончена в советское время. В «Новой земле», как уже говорилось, поэт наиболее полно раскрыл мир крестьянской, народной жизни, его нравственно-этические устои. Поэма «Сымон-музыкант» по своей идейно-творческой концепции также имеет глубокие корни в народном самосознании. В ней поэт стремится разрешить вопрос об истоках искусства, о связи человека с природой, о воздействии подлинного искусства на жизнь и деятельность человека, о безграничных возможностях человеческого разума. Главной проблемой произведения является проблема взаимоотношения художника с жизнью, с народом, и в понимании искусства как средства отражения жизни, борьбы за высокие идеалы Якуб Колас шел за Пушкиным, Некрасовым, Горьким. Роль художника как выразителя глубинных народных интересов, стремлений, дум он осознал с первых шагов литературной деятельности.

Белорусский народ в силу социально-исторических особенностей своего развития вплоть до того времени, когда в литературу пришли Купала и Колас, первые национальные поэты, во многом сохранил «живую старину», поэтические и философские воззрения своих далеких предков, их наивную, у более развитых народов уже изжитую веру в то, что всем предметам и явлениям окружающей природы свойственно психическое, одухотворенное начало.¹ Народное мироощущение находит отражение в поэме Коласа.

¹ А. Е. Богданович, Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, Гродно, 1895; Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966.

Подросток Сымон обращается с таким вопросом к пастуху Куриле:

Дед, скажи — земля живая?
Чует боль она, беду,
Как по ней соха кривая
Прорезает борозду?
Иль когда копытом топчет
Старый конь ее весной?

«Нет, не слышит — не живая», — отвечает дед-пастух, который смотрит на мир, руководствуясь трезвым крестьянским разумом. Но у хлопчика-подпаса впечатлительная душа, глубоко, даже болезненно воспринимающая все проявления жизни.

Сядет он на камень в поле,
Подопрет щеку, молчит,
Сердцем слушает на воле,
Как всё дышит, гомонит,
Как поют, звенят, сверкают
Мошки, бабочки, жучки
И головками кивают
И смеются васильки.
Звон тот в сердце откликался,
Было радостно, светло,
И Сымонка сам смеялся —
Всё смеялось и цвело.

Природа щедро награждает Сымона за чуткую преданность, она открывает ему свои тайны, пониманию Сымона становится доступно:

Что вещает колос тучный
И о чем шумит ячмень;
Что лепечет шмель докучный,
Мушка, бабочка, слепень;
Что вверху над морем жита
Легкий жаворонок поет
Так пригоже-самовито
И зачем в простор открытый
Ветер свой стремится полет. . .

Природа необычайно волнует Сымона. Ему радостно видеть поле, луг, небо над головой, ловить шорохи, звуки, голоса, которые обычный человек, тот же дед Курила, воспринимает без всякого удивления. В его сознании живое и неживое как бы объединяются, вызы-

вают у будущего музыканта поэтическое чувство, у него рождается мысль о том, что и им присуще человеческое начало. Предметы, явления, наделенные душой, живут не только в сознании музыканта-самородка, — на художественном воплощении этой идеи построены новеллы-аллегории «Сказки жизни», которые Колас писал на протяжении всей жизни.

Ставя в центр поэмы тему художника, творца, предстающую в народном сознании в ореоле исключительности, Колас в духе этой традиции и разрешает ее. Образ музыканта, дударя как кудесника, мага, к которому имеют касательство даже сверхъестественные силы, широко распространен в белорусском фольклоре.¹ Но Колас не просто опирается на фольклорные традиции: в поэме развивается концепция происхождения искусства, согласно которой истоки искусства — в самой жизни, в гармонии, красоте окружающего мира, воздействующего на чуткую, как бы раскрытую навстречу этой гармонии душу талантливого человека:

От матери-земли, от гомона лесов,
От сказок вечеров,
От песен пастухов,
От светлооких необласканных детей,
От шорохов ночей,
От золотых лучей,
Что ткут основу жизни, мощь ее,
Переплетая смерть и бытие, —
Богатства собирал я неустанно;
Мне радужною музыкой звучал
И выхода искал
Воспоминаний вал
В могучих образах, в напевах долгожданных.

Процесс творчества, как вытекает из поэмы, далеко не познан, спрятан в глубинах, тайниках души, но не менее загадок в окружающем мире, и именно это, неразгаданное, таинственное, находит отзвук в душе художника, порождая в ней жажду познания.

Колас — реалист и эпик — в поэме «Сымон-музыкант» отдал значительную дань условно-романтическому сюжету и другим атрибутам романтической лирической поэмы. В поэме тесно сплавлено обычное с необычным, бытовое с исключительным. Жизнь Сымона в семье, его взаимоотношения с дедом Курилой, странствия с нищим,

¹ Н. Я. Никифоровский, Очерки Витебской Белоруссии, 2. Дудар и музыка, М., 1892.

служба у шинкаря Шлемы — все это вполне реалистические картины, с достоверными бытовыми и психологическими деталями. В то же время характер главного героя романтически приподнят, мотивировка его действий, поведения не всегда психологически обоснована. Границы пространства, времени, в которые вписана история музыканта-самородка, размыты, точно не очерчены; в известной мере игнорирован и возраст героя — подростка, который показан не по годам мудрым и взрослым. Поэт не мог изобразить внутреннюю жизнь талантливого самородка, его высокие порывы объять чувством, мыслью весь свет, заглянуть в суть вещей, не прибегая к романтическим приемам, которые являются органическим элементом поэтического стиля «Сымона-музыканта». По природе натура романтическая, Симон постоянно находится во власти творческого порыва, необузданной фантазии, действительность и мечта сливаются в его воображении в единое целое, одно уступает место другому; очень часто Симон видит себя в воображаемом мире, и этот мир для него ничем не отличается от реального. Романтическими красками выписаны картины природы, полные в глазах художника очарования и тайны. Все предстает для Сымона загадкой: почему восходит и заходит солнце, отчего покрывают небо звезды, куда несутся тучки, какая живая сила скрыта в траве, дереве; все тревожит, влечет, побуждает рассказать другим людям о том, что открылось потрясенному красотой взору музыканта.

В этом смысле «Симон-музыкант» — наиболее автобиографическое произведение Коласа, хотя в перипетиях жизненной судьбы Сымона нет ничего от обстоятельств жизни поэта. В центральном образе поэмы отразилось движение внутренней, духовной жизни будущего поэта в юности, те впечатления, которые наиболее воздействовали на него, формировали в нем художника. В письме к С. А. Венгеру от 24 февраля 1913 года Колас сообщает: «Жили мы одиноко, и детство мое прошло в одиночестве. Картины окружающей природы были очень просты и незатейливы, но тем не менее они сильно действовали на меня и глубоко западали в душу. Мне особенно нравилось пение жаворонков... Я так изучил оттенки песен жаворонков, что сразу находил отличие в пении жаворонков нашей местности от песен других жаворонков...»¹ Колас считает эти детские впечатления столь важными для своего развития как поэта, что вновь напоминает о них в автобиографии, посланной Е. Ф. Карскому 18 июня 1921 года:

¹ Я. Колас, Збор твораў у 14-ці тамах, т. 14, Мінск, 1977, с. 20.

«Я любил, проснувшись ранним весенним утром, выбегать на двор. Было у меня такое излюбленное место на деревянном сарае возле хаты, куда попадали первые лучи солнца. Мне очень нравилось сидеть целыми часами и слушать, как поют жаворонки, и эти песни для меня стали такими понятными, близкими, родными, что мне казалось, будто я понимаю все, о чем пели эти птицы. Мое ухо привыкло отмечать новые тона песен и улавливать различия их настроений. . . Еще что меня сильно интересовало и всегда глубоко западало в душу — это гром и тучи. Особенно большое впечатление производили на меня гроза ночью и молнии издали находящихся туч. . .»¹

Создавая образ художника, творца, Колас сталкивал своего героя не только с одухотворенным, возвышенным миром природы, но и с миром реальной, повседневной жизни, ее страстями, борьбой, с носителями того или иного социального сознания. Он показал, что в условиях социального гнета и неравенства трудно быть свободным художником, еще труднее родиться свободному искусству.

По существу, все те опекуны, к которым на пути странствий попадает талантливый деревенский подросток, каждый на свой манер пользуются его способностями. Дед-нищий, корчмарь Шлема, князь-магнат — все они хотят одного: использовать талант Сымона в своих корыстных целях.

Дед-нищий — первый человек, к которому пристал Симон, убежав из дома. Образ этот типичен для дореволюционной Белоруссии. Такие старцы, бродяги, странствующие музыканты были носителями самодельного искусства. Они зарабатывали хлеб и пристанище пением песен религиозных и «жалостливых», играли на лирах, скрипках, дудках, рассказывали необычайные истории и были. Дед-нищий — человек хитрый. Жизнь выбросила его за борт. Недаром он не имеет в поэме даже собственного имени. За кусок хлеба вынужден унижаться, угождать незнакомым людям. В то же время дед, как и корчмарь Шлема, как и князь-магнат, — выразитель паразитических взглядов на жизнь. Под маской «божьего» человека, сочувствующего чужой беде, таится тот же собственник, который, пользуясь своим увечьем, стремится насобирать побольше медяков, обеспечить свое существование.

Эксплуатирует талант бродячего музыканта и корчмарь Шлема. Жизнь в корчме приносит Сымону новые невзгоды, но и дает толчок к социальному прозрению героя. Сымону не по душе расчетливый, грязно-мелочный порядок жизни, господствующий в семье корчмаря, как и пьяное крестьянское веселье, не знающее удержу в стенах

¹ Я. Колас, *Збор твораў у 12-ці тамах*, т. 12, с. 27—28.

корчмы. Раскрывает Сымону глаза на многое и батрак Яким, натура широкая, вольнолюбивая.

Затем музыкант-самоучка попадает в княжеский замок. В нем легко угадывается поместное гнездо Радзивиллов в Несвиже, которое поэту приходилось видеть в годы учебы в Несвижской учительской семинарии. В замке князя-магната у Сымона пробуждается классовое, враждебное ко всему панскому чувство. Этому способствуют сами паны и их слуги, ибо на каждом шагу они дают почувствовать музыканту, что он человек «низкой», мужицкой породы и с панами — какими бы талантами ни обладал — никогда не сравняется. При встрече с князем в лесу, играя по его приказу для панов, Симон в качестве награды получает рубль, а через минуту, после того как князь решил забрать музыканта к себе в замок, слышится приказ одного из подпанков: «Руку, галган, поцелуй!» — первый для свободолюбивой натуры урок рабского унижения.

В своем духовном созревании Симон проходит несколько этапов. На первых порах его больше всего влечет жизнь природы с ее тайнами и загадками. Мир общественных, социальных отношений с жестокой, безжалостной борьбой, богатством одних и нищетой других занимает в его сознании небольшое место. Но вот судьба сталкивает молодого музыканта с батраком Якимом, он видит мошенничество, плутни корчмаря Шлемы, наконец оказывается в княжеском гнезде, и тут у него окончательно раскрываются глаза на существующий порядок вещей, на пропасть, разделяющую богатых и бедных:

«Сколько роскоши в палатах,
И дано всё одному! —
На свои взглянул заплаты. —
Почему так, почему?»
С новой силою сомненье
Сына бедности томит,
А в душе растет смятенье:
«Видно, кривда здесь царит.
Барам — всё, а нам немного:
Им и жить и пановать,
А другим одна дорога —
Только горе горевать».

Три года в замке прошли напрасно: то, к чему страстно стремился молодой музыкант — овладеть профессиональными знаниями, техникой, — им не достигнуто, его никто не хочет учить, он так и остался «голоштаным Шопеном», призванным лишь потешать княжеских гостей.

В нелегких скитаниях мужает характер Сымона, складываются его взгляды на жизнь. Герой приходит к пониманию того, что его удел — нести радость людям, помогать им в поисках справедливого переустройства жизни, в борьбе с насилием и угнетением.

Готовность разделить с Сымоном его судьбу, радости и горе выказывает чудесная девушка Ганна, встретившаяся на его пути. Ганна угадывает ранимую душу молодого музыканта, чистоту его помыслов и порывов. Любовь к девушке обостряет слух и зрение Сымона, дает его таланту крылья, наполняя дни ощущением счастья, полноты жизни. Но если жизнь и любовь дают силу искусству, то существует и обратная связь — воздействие искусства на жизнь: как в сказке, игра Сымона неизменно зачаровывает слушателей, кто бы они ни были — обычные крестьяне, заведомые корчмы или изысканная публика в замке магната. Художник силой прирожденного таланта призван оказывать могучее, можно даже сказать, магическое влияние на людей; вышедший из народа, он должен служить народу — вот основные идеи поэмы «Сымон-музыкант».

По сюжетно-композиционным принципам поэма «Сымон-музыкант» существенно отличается от «Новой земли». В «Новой земле» повествовательное течение сюжета только изредка прерывается лирическими отступлениями. Осью сюжета в поэме «Сымон-музыкант» также является повествование о странствиях героя. Но этим далеко не исчерпывается содержание поэмы. Значительно большая, чем в «Новой земле», нагрузка падает в ней на лирические зачины, вставки, отступления, имеющие форму аллегорических притч или символических картин. Все эти вставки-отступления, написанные в условно-сказочном, романтическом ключе, углубляют идейно-философское звучание поэмы, сообщают дополнительный смысл повествовательной эпической линии, как бы объединяя конкретное, раскрытое в реалистических картинах и образах с «вечным», спроецированным на философское понимание конкретных реалий. Так, первая часть начинается отступлением о зеленом, засыхающем листе, который «скорбно гнет», и «одиноким колосе», оторванном от родной нивы. Символическая притча о листе и колосе является как бы увертюрой ко всему содержанию главы, сжато освещая то, о чем пойдет в ней речь. Судьбы листа и одинокого колоса очень похожи на судьбу Сымона, чьи дни «одиноким протекали», ибо он нес в своем характере приметы исключительности, непохожести на других детей. Углублению повествовательного содержания поэмы служат и другие вставные элементы: песнь о колоколах, аллегория о похваляющейся вороне, пропадающем дубке, лирические отступления о дорогах, родном крае и т. п.

Стилистика поэмы «Сымон-музыкант», ритм, интонация, образы, тропы — иного характера, чем в «Новой земле». Ритмико-интонационный рисунок стиха более разнообразен. Двухстопный с лишним слогом анапест, которым написано большинство повествовательных глав, порой уступает место другим размерам, а в лирических отступлениях приближается к интонационному, акцентному стиху, реалистический по характеру образ соседствует с образом романтическим, с его размытыми, «шаткими» пространственно-временными границами.

Поэму «Сымон-музыкант» Якуб Колас окончил в 1918 году. Но первоначальный вариант не удовлетворил поэта, и он заново переписал поэму в 1924 году. К сожалению, вторая редакция утеряна, в третьей, окончательной редакции поэма вышла на белорусском языке в 1925 году.

В первом варианте поэмы Колас ставил перед собой задачу показать, что талантливый человек из народа пробьет дорогу в жизни, несмотря ни на какие трудности и препятствия. Последняя редакция — произведение более широкое по проблематике и совершенное художественно. Якуб Колас в окончательном варианте усилил реалистические черты поэмы за счет условно-сказочных. Более четкое социальное звучание получил образ Сымона, народного художника, призывающего народ к борьбе с несправедливым порядком.

С новой силой развернулся многосторонний талант Якуба Коласа после победы Великого Октября. Послереволюционная явь захватила поэта размахом созидания. Под руководством Коммунистической партии белорусский народ за короткое время достиг замечательных успехов на всех участках социалистического строительства. На белорусском языке стали выходить газеты, журналы, альманахи, вокруг которых группировалась литературная молодежь, был открыт Белорусский государственный университет, институты, техникумы, начали работать драматические театры, издательства.

Если окинуть мысленным взором все, созданное Якубом Коласом, нетрудно заметить, что большинство его произведений написано в советское время. В их числе 19 глав «Новой земли», несущих основную идейную нагрузку поэмы, наново переделанная поэма «Сымон-музыкант», поэмы «На путях воли», «Хата рыбака», «Суд в лесу», «Отплата», трилогия «На расстанях», повести «На просторе жизни», «Отщепенец», «Трясина», пьесы «Война войне», «В пущах Полесья», многочисленные стихотворения и рассказы.

В ряде произведений, написанных в 1920—1930-е годы, Колас стремится осмыслить события революции, гражданской войны. Он одним из первых в белорусской литературе сделал попытку создать

образ сознательного участника революции — большевика (рассказ «Сергей Карага», 1923).

Якуб Колас закрепил в белорусской литературе жанр монументальной лиро-эпической поэмы. Написанные в разное время поэмы «На путях воли» (1929; осталась неоконченной), «Хата рыбака» (1947), «Отплата» (1943) составляют единое целое с поэмами «Новая земля» и «Сымон-музыкант»: они дают образное представление о пройденном белорусским народом пути накануне революции и в период социалистического строительства, проникнуты пафосом возвеличения людей труда, подлинных творцов истории. В поэме «На путях воли» народ показан в борьбе за победу революции, в «Хате рыбака» — в схватке с польскими панами, правившими западными областями Белоруссии в течение двадцати лет; священной борьбе с гитлеровскими оккупантами посвящена поэма «Отплата».

После Октября выходят многочисленные сборники рассказов, повестей Якуба Коласа: «Первые шаги», «В тихой воде», «Сказки жизни», «В полесской глуши», «В глубине Полесья», «На просторах жизни», «Отщепенец», «Трясина», «На росстанях». Самое значительное прозаическое произведение Якуба Коласа — трилогия «На росстанях» (1921—1955). Это произведение во многом предопределило пути развития белорусской прозы. В трилогии отражена жизнь белорусского народа на крутом историческом перевале, в эпоху первой русской революции. В известном смысле трилогия продолжает тему «Новой земли» и «Сымона-музыканта». Деревня дремлющая в этом широком эпическом полотне превращается в деревню революционную, начавшую осознавать свою силу и права. Главный герой трилогии молодой сельский учитель Лобанович воплощает в своем облике революционный пафос времени, мысли, чувства передового интеллигента, ищущего путей единения с народом. Он активно борется за народное дело и находит полную поддержку и понимание народных масс.

Трилогия «На росстанях» — произведение широкого охвата жизненных явлений. В нем запечатлены представители разных социальных слоев дореволюционной Белоруссии: крестьяне, учителя, чиновники, служители культа, интеллигенты, мещане. Трилогия является зеркалом глубинных процессов жизни Белоруссии во время нарастания и спада первой русской революции. Писатель рисует дореволюционный Минск, Вильно, ведет читателя в среду чиновников, защитников царского режима, знакомит с революционными и прогрессивными деятелями.

Якуб Колас первым в белорусской литературе показал рождение новых отношений между городом и деревней (повесть «На просторах жизни», 1926). Продолжая эпопею народной жизни, Якуб Колас со-

здает еще два важных для всей белорусской литературы произведения — повесть «Трясина» (1933) и поэму «Хата рыбака» (1947).

Дед Талаш, главный герой повести, — крестьянин-полещук, всей своей жизнью воспитанный в ненависти к панам-угнетателям. Этим он похож на лесника Михала из поэмы «Новая земля». Но на этом сходство образов кончается. Своего героя писатель показывает в условиях гражданской войны. Дед Талаш — не бунтарь-одиночка, каким был лесник Михал: он становится на путь борьбы всенародной, возглавляет партизанский отряд.

Поэма «Хата рыбака», посвященная борьбе народа Западной Белоруссии за свое освобождение, в жанрово-стилевом отношении близка «Новой земле»: тот же широкий эпический размах повествования, поэтизация деревенского быта, природы, жизни сельских тружеников. Сюжет поэмы построен на последовательном показе жизни Данилы и Марины — бедняков, которые не имеют собственной земли. Поэтому они в большей степени, чем остальные жители деревни Петруши, терпят от кулаков-мироедов, польских панов, чиновников. Данила выступает в поэме как воплощение талантливости народа, бесстрашия, веры в правоту своего дела.

Пятилетки, индустриализация, коллективизация коренным образом изменили лицо Белоруссии — бывшей отсталой окраины царской России. Эпоха грандиозных свершений требовала других песен. Якуб Колас вместе с Я. Купалой, З. Бядулей, К. Чорным, П. Бровкой, К. Крапивой, П. Глебкой, А. Кулешовым, М. Лыньковым был в числе первых летописцев героического времени пятилеток. Его муза, сложившая столько грустных песен, настроилась на мажорный лад.

Как не похож герой советской поэзии Я. Коласа на героя его дореволюционной лирики! В жизни он чувствует себя полноправным хозяином, его дерзания не знают границ, он натура деятельная, созидаящая, и в этом истоки его оптимизма:

Гляжу, закинув голову,
На солнышко веселое,
Не опуская глаз:
Такая ширь безбрежная,
Кипучая, мятежная
На родине у нас!

(«Май-победитель»)

Поэт видит величественные преобразования, происходящие в стране, и не может не сравнивать сегодняшнее, добытое в напряженном труде и борьбе, со вчерашним, нерадостным, мрачным, что на-

всегда ушло в небытие. Поэтому многие стихотворения Якуба Коласа построены на контрасте дореволюционной и советской действительности. В ряде таких стихотворений заметно проглядывает публицистический элемент, но эта публицистика согрета искренним поэтическим чувством. Поэт воспекает «большевистский напор», которому поддались «простор земли и поднебесье», его радует каждый заметный успех не только родной Белоруссии, но и всей необозримой Советской страны («Счастливая минута», «Осеннее», «Раскованный Прометей», «Комсомольцам», «Май-победитель»). С пристальным вниманием следит он за процессами, преобразующими облик старой деревни.

Многократно возникает в поэзии Коласа образ Октября. При этом чем дальше во времени отступает это событие, тем более глубоким гуманистическим содержанием оно наполняется, предстает как акт величайшей исторической справедливости:

Расправляет плечи-крылья
Прометей на воле.
Стали дни поэмой-былью,
Сказочною долей.

(«Раскованный Прометей»)

Колас рисует процесс духовного становления личности советского человека как результат одного из самых значительных завоеваний Октябрьской революции. Герой лирики Коласа советского времени не только наследует лучшие черты, присущие народному характеру и в прошлом, — он обладает новым, неведомым ранее качеством, воспитанным социалистической действительностью, — органической слитностью личных и общественных интересов:

Леса полны весенним зовом,
На край свой любо мне взглянуть.
К земле в ее обряде новом
Хотел бы сердцем я прильнуть.

(«На новой земле»)

Понятие Родины в советской лирике Коласа значительно шире, чем в дореволюционной. Теперь Родина — не только Белоруссия, это многонациональный Советский Союз.

Простая, по-народному мудрая лирика Якуба Коласа военного времени проникнута глубоким патриотическим чувством, призывом к борьбе, отмщению, верой в победу правого дела:

**«Вставай, народ, всю мощь и силу
Вздымайте села, города!
Пусть злую гибель и могилу
Найдет фашистская орда!**

.
**Копайте яму, долокопы,
Чтобы в ее холодный прах
Упал навек тиран Европы,
Свободы, мира лютой враг!»**

(«Копайте яму, долокопы»)

Бронзовый монумент народного поэта Белоруссии Якуба Коласа вырос на площади, носящей его имя, в людном, шумном центре современного индустриального Минска. Поэт на эту площадь «пришел» не один, а вместе со своими героями — знаменитым партизаном дедом Талашом и Сымоном-музыкантом, дивным самородком из народа.

Дети, внуки сельчан-хлеборобов, сыновья мужицкой, крестьянской Белоруссии стали рабочими, строителями, инженерами. Испытывают ли радость нынешний инженер, высокообразованный рабочий, читая «Новую землю», «Сымона-музыканта»? Помогают ли произведения Коласа, муза которого родилась на крестьянской ниве, вобрала в себя духовные ценности, этический и эстетический мир земледельческого народа, им жить, работать, отвечают ли они их новым духовным запросам?

Якуба Коласа читают и любят. Книги его расходятся многотысячными тиражами, ибо настоящая поэзия бессмертна. Творчество каждого большого художника зиждется на слиянии могучего природного таланта со стремлением народа, которому принадлежит художник, полнее осознать, выразить свои духовные силы, заветные надежды. С появлением таких художников общество обогащается в своем духовном развитии, делая шаг навстречу будущему. Якуб Колас помог родному народу почувствовать силу, он был его летописцем на главных перевалах истории. Он будет всегда с народом.

Иван Науменко

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Не ищите, не просите
Светлых песен у меня,
Только песню заиграю —
Жжет печаль сильнее огня.

Я шутил бы и смеялся,
Чтобы вас развеселить,
Да на жизнь вокруг посмотришь —
Начинает сердце ныть.

Несчастлива наша доля:
Ничего нам не дала.
Не ищите цвета в поле,
Ведь весна к нам не пришла.

1904

2. НЕМАН

Льется Неман по долинам,
Светлый, чистый, как роса;
Проложил он путь свой длинный
Сквозь зеленые леса.

Ой ты, Неман, наш навеки!
Поишь ты и кормишь нас.
Утлый ялик человека
Ты в волнах носил не раз.

А весною на просторы
Древний дуб, лютуя, гнал,
Подымал ты льдины-горы,
Луг и поле заливал.

Затоплял леса и доли,
Всё смывая невзначай,
За плотами плот тяжелый
Уносил в далекий край.

Сколько раз рыбацкий невод
По груди твоей гулял.
Ой ты, Неман, быстрый Неман!
Сколько дум ты мне нагнал!

Ты знаком с постылой долей,
С горькой долей мужика.
Ты слышал в пустынном поле
Причитанья бедняка.

Вечерами над тобою
Плакала свирель не раз,
Как слезинка за слезою,
Песня падала в тот час. . .

А у берега, под дубом,
В ночь ненастную рыбаки
Под разодранным тулупом
До утра дрожал, бедняк.

В непогоду ветер шальный
Лозы над тобой сгибал,
И в тебе косарь усталый
Пот кровавый омывал.

Над тобою месяц круглый
В ясном небе тихо плыл,
И с тобой, высокий, смуглый,
Лес шептался-говорил.

Жаша Доля

першая беларуская газета для вёскаваго и мейсцовага рабочага народу,
ВЫХОДЗІЦЬ РАЗ У ТЫДЗЕНЬ рускімі і польскімі літэрамі,
Адрэс рэдакцыі і адміністрацыі: *Вильня, Виленская булица 32.*

Жаша: з перасылкам і дастаўкаю да хаты: на 1 год—3 руб. на 6 месцаў—1 руб. 50 кап., на 3 мес.—75 кап., на 1 мес.—25 кап. Без дастаўкі і перасылкі: на 1 год—2 р. 40 к., на 6 мес.—1 р. 20 к., на 3 мес.—80 кап., на 1 мес.—20 кап. За прапачку: на 1 год—6 руб., на 6 мес.—2 р., на 3 мес.—1 руб. Перадплава ляржу—10 кап.

АБЪЯВЛЕННЯ прымаюцца на паслядней старонцы на 20 кап. за лінейку тэксту.

Рукапісы і карэспандэнцыі, прысманьня і Радагашы, пусьці быць чытальна напісанымі з фамільным і адрэсам таго, хто яе прысылае. Адрэс толькі для ведама Рэдакцыі.

Жаш родны край.

Край наш бедны, край наш родны!
Грась, балота ды пясок.
Чуць дзё троху луг прыгодны...
Хвойник, мох ды верасок.
А туманы, як пяленка,
Засцілаюць лес і гай...
Ой ты, бедная старонка!
Ой, забыты Багам край!
Наше поле кепска родзіць;
Бёдна тут жыве народ.
У гразі ем, бедны, ходзіць:
А працуе—льцеца пот.

Пазіраюць нудна вескі.
Глянешь—сэрца забаліць.
На дворэ—паленья, щескі;
Куча сметніку ляжыць.
Крыж хваевы пры дарозі;
Кучка тололеу сухих...
Сцішна, нудна, як у вастрозі,
Як на могілках якіх.
А як песня панясецца,—
Колькі у песні той нуды!
Уцякаў бы, бег, здаецца,
Сам ня ведаеш куды.
Край наш родны Бедна поля!
Ты глядзішь, як сирота.
Нудна ты, як наша доля,
Як ты, наша цемнята!

.. Якуб Колас.

Ты прорезал край природный
Белоруса-мужика. . .
Ты наш чистый, наш свободный
Неман — быстрая река.

(1906)

3. ДОРОГА

По полям широким,
Как змея седая,
Тянется дорога,
Узкая, кривая.

В две шеренги груши,
Мимо них дорога,
Ельник низкий, чахлый,
Будто из острога.

Черный, словно сажа,
Пахарь едет в поле.
Крест на перепутье
Говорит о боли.

Катится телега,
Бьется о камень.
Пахарь в поле смотрит,
Смотрит в размышленья.

Ой, дорога-тропка,
Узкая, кривая!
И вся доля наша,
И вся жизнь такая!

(1906)

4. КРАЙ РОДИМЫЙ

Край родимый, край наш бедный!
Лес, болото да песок. . .
Там лужок едва приметный,
Частый ельник невысок.

А туман — стена сплошная!
Всё закроет невзначай.
Ой, сторонка ты родная!
Ой, забытый богом край!

Наше поле плохо родит,
Нищий тут живет народ.
Весь в грязи он, бедный, ходит,
Льет над пашней тяжкий пот.

Пригорюнились избушки,
Глянешь — сердце защежит,
На дворе зола да стружки,
Мусор кучами лежит.

Крест замшелый при дороге,
Купа тощих тополей. . .
Так тоскливо, что в остроге,
На кладбище веселей.

А как песня донесется —
Сколько муки в песне той!
Эх, бежать, куда придется,
От той песни проклятой!

Край родной, родное поле,
Ты глядишь, как сирота,
Грустен ты, как наша доля,
Ты — как наша темнота.

1906

5. БЕЛОРУСАМ

Встаньте, хлопцы, встаньте, братья!
Встань ты, наша сторона!
Ведь не зря к нам сквозь ненастье
Шлет тепло свое весна.

Иль мы сил своих не знаем?
Иль нам руки бог связал?
Иль над бедным нашим краем
Луч свободы не блистал?

Выйдем вместе на работу,
Дружно встанем, как стена,
И стряхнет с себя дремоту
С нами наша сторона!

1906

6. МОЛОДОСТЬ

Чем тебя мне вспомнить, молодость,
Жизни солнечная ранница?
Ой, весна уходит красная,
Ой, весна моя туманится.

Где мечты и думы чистые,
Где вы, дети сердца милые?
Как легко жилося с вами мне
В дни печальные, унылые.

Сколько раз меня вы тешили
В ночь темную, бессонную,
Хоть на время заслоняли вы
От меня тоску бездонную.

Где же, где, звезда ты ясная,
Что среди людей светилася,
Что, в глухом краю забытая,
К жизни радостной стремилася?

Ты горишь ли там по-прежнему
Иль погасла, одинокая?
Где ты, искра солнца ясного,
Ласточка моя далекая?

Чем же, чем мне вспомнить молодость,
Непогожую, неясную?
Ты истлела, незаметная,
Как лучина в ночь ненастную

1906

7. ВРАГАМ

Каты-лиходеи,
Паны-богатеи!
Мы зовем на суд вас,
Подлые злодеи!

Вас зовет к ответу
Бедный да голодный,
Спрашивает смело
Голос всенародный:

«Чьими же руками
Жар вы загребали?
И на чьи вы слезы
Счастье покупали?»

И за что, скажите,
Нас прикладом били,
Били-катовали,
Голодом морили?

Чьим трудом-заботой, —
Отвечайте, каты, —
Строили вы замки,
Пышные палаты?

Всё у нас забрали —
Что же принесли вы?
То не наше ль поле
Смотрит так тоскливо,

И не наша ль это
Нива — в пол-аршина?
Не у нас ли в хлебе
Каждый год мякина?

Чья земля песчана,
Поле каменисто?
В чьих сараях пусто,
В чьих амбарах чисто?

Чьи овины, хаты
Гнутся сиротою?
Чьи струятся слезы
Летом и зимою?

Чья скотина бродит
По земле бесплодной,
Без травы, без корма
Гибнет ежегодно?

Чьи, скажите, песни
Ходят полем, бором,
Жалуются, стонут
И звучат укором?»

Слушайте же, каты!
Бойтесь сермяги!
Много в сердце гнева,
Много в нас отваги.

Вас давно веревки
Наши ожидают,
И по вас осины
Слезы проливают.

1906

8. ОБРАЗЫ САМОДЕРЖАВИЯ

Куда ни глянь — шнуры-погоны,
Селедка-шашка, толстый зад —
На перекрестках фараоны
Попарно, по трое стоят.

В глазах сплошное мельтешенье —
Как прусаков кто напустил. . .
Да есть ли где-нибудь спасенье
От фараоньих этих рыл?!

(1907)

9. НЕ ГОРЮЙ!

Не горюй, что солнце низко,
Что тосклив короткий день,
Не горюй, что осень близко,
Что легла на землю тень.

Не горюй, что снег холодный
Скроет землю от очей:
Не погибнет край твой родный
В этой темени ночей!

Верь, брат, времечко настанет —
Сгонит снег с полей весна,
Тихо с неба солнце глянет,
Зацветет твоя страна.

Не горюй, что тяжело стало
Жить в извечной темноте,
Что судьба нас в крюк сгибала,
Что живем мы в нищете.

Не горюй, что туч отары
Бродят — солнца не видать,
Что в ночи сильнее пожары
Стали небо заливать, —

Дымом всё пойдет лихое,
Всё, что давит нас и гнет.
Верь, брат, время золотое
В край родимый наш придет.

(1907)

10. НАША ВОЗЬМЕТ

Мы ходим — спотыкаемся,
Шатаемся, как пьяные,
Мы с голодом сроднились,
Истерзанные, рваные.

Осмеяны, обруганы,
Идем, совсем заплеваны,
Богатыми обмануты,
Неволею окованы.

В густой грязи затоптаны,
В глухие щели брошены,
Глаза у нас завязаны
И уши запырошены.

Одно мы знаем нáтвердо:
Пусть долго мы скитаемся,
А все-таки когда-нибудь
Мы с правдой повстречаемся.

(1907)

11. МЕСЯЦ

Тихо месяц одинокий
Ходит в небе над землею.
Неразгаданный, далекий,
Что ты видишь под собою?

Слезы видишь ты людские,
Как они росую льются,
Как в тумане думы злые
Горьким плачем отдаются;

Как без воли и без хлеба
Работающий люд наш гнется. . .
Брось печаль ты нашу в небо —
Пусть же небо всколыхнется!

1907

12. ПЛОТОВЩИКИ

Торбы за плечами,
Вдавленные груди,
Вот на сплав толпами
Двигаются люди.

Необуты ноги,
Лицо загорело,
Рубищем убогим
Чуть прикрыто тело.

Сзади чуть ступает,
Хлеб везет кобылка,
Злобно понукает
Бедную Кирилка...

Солнце жжет жестоко,
Лист не колыхнется,
По спине широкой
Пот ручьями льется.

Серебром сверкает
Неман, как зеркальный.
Долго не стихает
Шум и говор дальний.

Слышно перебранку,
Слышен голос бодрый:
«На барбару, Янка!
Бери гартоль, Пётра!

Опускай шырыгу,
Прысом двигай влево!
Попроворней! Мигом!
Не зевать там, эй вы!»

Кормовой без толку
Толстый руль толкает.
Головной Миколка
Бедняка ругает.

Ломит плот дугою,
Вот на берег сбросит,
Быстрою водою,
Точно змея, носит.

На мели застряли.
Крик, сердитый голос...

Порты поскидали,
Все в воде по пояс.

Бомы ухватили:
«Рразом, хлопцы, рразом!
Ну же, что есть силы!
Ну, еще наляжем!»

А на самой зорьке
Ветер расшумится —
Плотовщик в каморке
Спать без сил ложится.

Плотовщик в походах
Знает стужу, холод,
Знает он невзгоды,
Знает он и голод.

Что ж? Нужда ведь гонит —
Силы зря и тратишь,
Кости только ломит,
Как простуду схватишь.

Эх ты, доля, доля!
Голод да забота!
Не своя тут воля,
Не своя охота.

1907

13. НА ПЕРЕПУТЬЕ

Ты скажи мне, тьма глухая:
Долго ль будешь ты лежать?
Долго ль будет дума злая
Сердце грустью колыхать?

Не шуми ты, лес высокий,
Песнь тоски не напевай,
Дней счастливых, дней далеких
В песне той не вспоминай!

Не видать моей дороги —
Горы, лес, болота, грязь. . .
Сколько скорби и тревоги
В этот тяжкий, темный час!

Где ж дороженька иная?
Я стою, ответа нет,
Ночь вокруг лежит глухая. . .
Иль сошелся клином свет?

Так скажи мне, тьма глухая:
Долго ль будешь ты лежать?
Долго ль будет дума злая
Сердце грустью колыхать?

1907

14. НЕ ВЕРЬТЕ

Десять лет Никола думал,
И взбрело на ум ему:
Посадили в Думе с паном
Янку, Гришку да Кузьму.

Недель восемь посидели —
Разозлился Николай,
Дал по шапке депутатам:
Мол, манатки собирай!

Ой, чего же мы дождались!
Обманул ты нас, царек!
Чтоб тебе дал бог на старость
Лапти, посох и мешок!

Нет ни хлеба, нет ни соли,
Ни купить нам, ни продать. . .
Никогда царю не верьте,
Подведет он нас опять.

1907

15. НАША ДОЛЯ

Наша доля нас не знает,
Наша жизнь вся — ночь и тьма.
Летом жар нас донимает,
Душит холодом зима.

Луг не радует нам глаза,
Не живет простор полей.
Труд гнетет нас, горбит сразу,
На погост ведет детей.

Горе жизни невеселой...
Ночь и тьма на нас легли.
Наши избы, наши села
Сизым мохом обросли.

Счета нет вам, наши стоны,
Слезы, наш кровавый пот...
Люд забитый, люд согбенный,
Обездоленный народ!..

1907?

16. ПЕВЕЦ

«Что ты грустен? — мне сказали. —
Что поешь ты всё про горе?
Эти песни — крик печали,
Слезы ветра на просторе.

Ты сложи нам песню воли,
Чтобы дух наш разыгрался,
Чтоб напев широкий поля
В струнах сердца отозвался,

Чтоб на нас весна дышала,
Грела душу теплотою,
Чтобы сердце нам ласкала
Тихим счастьем, добротой».

Ой вы, люди! Нет ведь воли:
Мысли скованы цепями,
На пустом, бесплодном поле
Злобный вихрь шумит над нами.

Я ли сердцем не болею?
Я ль душою не томился?
Но пою я, как умею, —
Радость петь не научился.

(1908)

17. ДОЛЯ БАТРАЧКИ

Мать в батрачки отправляет
Дочку молодую
И с трудом слезу скрывает,
Горькую, скупую.

«От чужих не жди потачки,
Делай всё с оглядкой,
Будь послушною, батрачка,
Да терпи, дитятко!

Ох, не раз от горя очи
Заплывут слезою,
Станет жизнь темнее ночи. . .
Тяжко быть слугою.

Встанешь утром раньше зорьки,
Выйдешь первой в поле. . .
Ох, дочушка, хлеб твой горький
И не слаще доля!»

Мать, судьбе своей покорна,
Дочку утешает,
Только к сердцу тучей черной
Жалость подступает.

Вот уж девушка готова
В путь идти далекий.
«Ну, матулька, будь здорова!» —
И целует в щеки.

«Ну, бывай! . . .» Не совладала
Мать с тяжелым горем, —
Плачем голос ей прервало,
Стынет скорбь во взоре.

Вышла мать за ней, с тоскою
Стала у порога,
Подперев лицо рукою,
Смотрит на дорогу.

На дорогу, на тропинку,
Где шагает Ганна,
И слезинка за слезинкой
Взор ее туманит.

И пока платочек белый
Не исчез у бора,
Всё глядела мать, глядела
Долгим грустным взором.

(1908)

18. КИРИЛА

Как посмотришь, боже милый,
Что с людьми творит почет. . .
Ставши старостой, Кирила
До отвала ест и пьет.

У него и кони гладки,
В клетки много полотна,
Поле хлебное в порядке,
Ходит павою жена.

У него ума палата,
С башлыком армяк хорош,
Новая, на диво, хата,
Денег — за год не сочтешь.

С писарями чай лакает,
Растолстел, как три снопа.
Он частенько зазывает
В гости местного попа.

В карты режется с панами,
Словно сам с рожденья пан;
Разозлясь, стучит ногами
И кричит: «Дурак! Болван!»

А недавно, боже милый,
Как и все, он был мужик.
Где же пузо взял Кирила?
Отчего здоров, как бык?

(1908)

19. ЖНИВО

Сельским женщинам

Чахлая рожь пополам с лебедою,
Колос не гнется зерном до земли.
Здесь несчастливою, видно, порою,
Зерна бросая, с севалкой прошли.

Жницы с серпами пришли спозаранок,
В лапти обулись, а кто босиком.
Нива не радует взора крестьянок,
Нива пустым шелестит колоском.

Жарче, всё жарче. . . Горячее поле,
Жницы работа безмерно тяжка!
Плечи и спину им сводит от боли,
Деревенеет, слабеет рука.

Спутано жито, цепляется колос,
Горстку нажнет — распрямится жнея,
Натуго прясло завяжет, как пояс. . .
Тяжкая, жница, работа твоя!

На поле тихо, а полдень горячий!
Жарко, ни кустика, просто беда.
Только услышишь — ребенок заплачет,
Только над ухом жужжат овода. . .

(1908)

20. ЗА ПОДАТИ

Нас за подати не раз уж
Староста страшает!
Ох, пускай их. . . горе с ними,
Кто того не знает!

Но вот писарь приезжает,
Да со старшиною. . .
Ничего, знать, не поделать
С лютою бедою!

«Потерпите, ваша милость!» —
Бухнулся им в ноги.
Утром за рога Красульку
Тянут по дороге.

Заревела так тоскливо
Бедная корова,
Как ножом, мне этим ревом
Сердце распорола.

А жена всё причитает. . .
Так о дочке милой
Только мать горюет, бьется
Над сырой могилой. . .

Я шагал, на сердце камень,
Дух мне захватило.
В поле вышел — слезы льются,
И унять нет силы.

(1908)

Шум затих по коридорам,
Люди приумолкли.
На замок закрыты крепко
Тесные каморки.

Замер звон цепей железный,
Замер звон унылый. . .
Смотрит злобно, смотрит дико
Этот дом постылый.

Люди спят. На грязных нарах —
Тел нагроможденье.
Мучат бедных арестантов
Тяжкие виденья.

Сон тревожный, воздух спертый
Не дают покоя. . .
Эх, напрасно пропадает
Время молодое!

Лампа светит и не светит. . .
Грустно и обидно.
Сквозь решетку глянешь в темень —
Ничего не видно.

Только видно: чуть заметный,
Огонек мигает.
Только слышно: вольный ветер
Песню запеваёт.

2 декабря 1908

22. СТАРЫЕ ЛИПЫ

Старые липы шумят за стеною,
Жалобно, глухо шумят,
Грустно качают они головою,
Грустно ветвями скрипят.

Ветер, играя их пышным убором,
Листья развеял, разнес,
Грустно и им за острожным забором,
Тяжко стоять им в мороз.

Плачут печальные липы кривые,
Плачут над долей своей:
«Пышно росли мы, цвели, молодые,
Славно в лесу меж друзей.

Вольные птицы кругом щебетали,
Пчелы беседу вели,
Вязы ветвями от бурь заслоняли,
Сети дубы нам плели.

Белые тучки над нами гуляли,
Плыли в неведомый край,
Чистые росы алмазом сверкали,
Гомоном наполнился гай.

Мы бы хотели расти, красоваться
Там, где издревле привык
Тихою песнею нам откликаться
Сын Беларуси, мужик.

Почва чужая отрадой не дышит,
Наша недоля темна.
Все нас забыли, никто нас не слышит,
Слышит нас только тюрьма».

1908

23. ВЕТЕР

Ветер, ветер беспокойный,
Ты всю жизнь летаешь,
Те же сказки, те же песни
Людям навеваешь.

То заплачешь сиротою
Над убогой хатой;
То застонешь, как над нивой
Селянин-оратай;

То засвищешь в переулке,
Горем разольешься;
То сердито стукнешь в двери,
Злобно засмеешься.

Ветер, ветер беспокойный,
Ты мой брат по доле!
Разбросаем смех и слезы
Мы с тобою в поле.

1908

24. «ОСАДИ НАЗАД!»

Дрянь мое житьишко,
Всё идет не в лад,
Мне кричат повсюду:
«Осади назад!»

Боже ты мой милый!
Бьюся я, как гад,
Ведь куда ни кинусь —
«Осади назад!»

Сватал я девицу,
Ловок был мой сват,
Но дошло до дела —
«Осади назад!»

Девушка что надо!
Да сосед Кондрат
Ножку мне подставил:
«Осади назад!»

Раз попал я в город,
В городе — парад.
Лезу я поближе —
«Осади назад!»

Нет зерна в амбаре,
Жито выбил град.
«Старшина, дай ссуду!»
— «Осади назад!»

Без гроша оставшись,
Я работать рад.
«Нет ли работенки?»
— «Осади назад!»

Весь я оборвался,
С головы до пят.
«Помогите, люди!»
— «Осади назад!»

Сына вывести в люди
Захотел Игнат.
«Господа, вот сын мой!»
— «Осади назад!»

Хлеб в село прислали,
Для голодных — клад;
Пру и я с мешочком —
«Осади назад!»

Голову имею,
Был бы депутат,
Ну так ценза нету —
«Осади назад!»

Правда (что таиться!),
Был и мой черед:
Два разочка в жизни
Вышел я вперед.

Взбунтовал село я.
Ой, был тяжкий год!
Приезжает пристав:
«Выходи вперед!»

Это ты, мерзавец,
Взбунтовал народ?
Гей, городовые!
Дать ему «вперед!»!»

1908

25. МУЖИК

Я мужицкий сынок!
Ни двора, ни кола!
Поле — желтый песок,
Хата в землю ушла.

Не живу, а гнию,
Словно мышь в западне.
Видишь долю мою:
Крест тяжелый на мне!

Я болота сушу,
Надрываю живот,
За бесценок кошу,
Рою землю, как крот.

Каждый угол глухой
Своим телом подмел,
Лес расчистил густой
И дороги провел.

Да не езжу по ним,
А шагаю пешком
По тропинкам глухим
Без сапог, босиком.

Сколько замков возвел,
Сколько фабрик, мостов —
Сам же гол как сокол,
Побираться готов.

Под окошком не раз
Я с сумою ходил,
Подаянья у вас
Христом-богом просил.

Меня мочит роса,
Меня солнце палит,
А от песни слеза
На глаза набежит.

Я по свету бродил,
Труд свой всюду пронес
И повсюду пролил
Много слез, горьких слез.

То не дуб вековой
Заскрипел, застонал —
Это я, молодой,
Богу душу отдал.

Мерно колокол бьет,
Стонет в даях сырых.

Дьяк, гнусавя, поет
На поминках моих.

На могилке моей
Крест подгнивший стоит,
А над грудой костей
Вольный ветер шумит.

Я — мужицкий сынок:
У меня нет дорог.
Моя школа — шинок,
Моя доля — острог.

1908

26. ВОСХОД СОЛНЦА

Край небес играет ярим,
Переливным блеском,
Сыплет золото над яром
И над перелеском.

Пурпур вспыхнет и прольется
Чуть заметно вроде —
Это небо усмехнется
Людам и природе.

И в ответ на всех пригорках
Птичье ликование.
Час восхода — час восторга...
Звезды как в тумане.

И заря — как будто птица,
Крылья шире, выше,
Или в небе бьет криница —
Пламя так и пышет.

Сноп лучей, сужаясь книзу,
Сеет блеск-червонцы —
Это небо стелет ризы
На дороге солнцу.

Над полями мрак прорвался,
Понизу расплылся,
Лес туманом повязался,
Луг росой умылся.

Огневые волокнца
Ткутся в шелк червонный —
Это тучки ладят солнцу
Пышную корону.

Как приятно пахнет хлебом!
Тьмы как не бывало!
И какие краски небо
Дивные собрало!

А вокруг — моря покоя,
Песня раздалася. . .
Где еще найдешь такое
Вечное согласие?!

1908

27. В ОСТРОГЕ

Скучно Степке за решеткой,
Тяжело седому!
Плачут думы, рвутся думы
И несутся к дому.

Дома женка, дома детки. . .
Знает бог единый,
Сколько там у них, несчастных,
Горя да кручины.

Степка в камере шагает,
Поглядит в оконце —
За решеткой видно небо,
В тучах скрыто солнце.

Эй вы, тучки! Вы плывите
Прямо в ту сторонку,
Где покинул я семейку,
Старую хатенку!

Ох, вот так и я поплыл бы,
Тучки, вслед за вами,
Чтоб свое село окинуть
Скорбными глазами.

Там далёко, за домами,
Разбежалось поле,
Лес, пригорки и курганы. . .
Там простор и воля!

Мужики картошку роют,
Дым костра взлетает. . .
Степка ж чахнет за решеткой,
Долю проклиняет.

А как ляжет спать на нары —
Напролет всю ночь
Видит он село родное,
И жену, и дочку.

Скучно Степке за решеткой,
Тяжело седому!
Плачут думы, рвутся думы
И несутся к дому.

1908

28. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (ЧУГУНКА)

В два ряда средь лугов
Ровно рельсы легли,
Режут недра лесов,
Грудь родимой земли.

Где прямою стрелой,
Где дугою сверкнут;
По горам, над водой
Всё бегут и бегут.

Быстрый, сказочный гон!
Рвется вспышками дым.

За вагоном вагон
Мчится змеем лихим.

Мчится ночь, мчится день —
Только поле дрожит,
Так ни конь, ни олень,
Ни орел не летит!

1908

29

Вьются мысли, мучат сердце,
Хочется на волю им —
Стать хотят пригожей песней,
Милым детищем моим.

Одному мне тяжело с ними,
Нелегко в ночной тиши.
Тесно мыслям, тесно бедным, —
Так и рвутся из души.

Вьются мысли смутным роем,
Сияясь вырваться на свет.
Что ж, летите, дети сердца,
Строки песни — вот ваш след!

1908

30. КОЛОС РЖИ

На сололке тонкой
Средь травы густой
Зреет сиротливо
Колос золотой.

То ли пташка божья
Бросила зерно,
То ль на крыльях бури
Занеслось оно,

То ль мешок дырявый
Кто-то мимо вез
И зерно упало
Средь чужих полос, —

Только знает небо,
Отчего и как
С нивою родимой
Разлучился злак.

Сушит его солнце,
Клонит ветерок.
Стонет сиротинка,
Плачет колосок.

Не с кем ему горе
В жизни разделить,
Некуда бедняжке
Голову склонить,

Милой нет головки,
Нет груди родной,
Чтоб шептать о счастье
В тишине ночной.

Опустивши низко
Узкий поясок,
Стонет сиротинка,
Плачет колосок.

Плачет, что напрасно
Он растет в глуши,
Что не видит рядом
Ласковой души,

Что его все зерна
Птица поклюет,
Белую соломку
Дождь к земле прибьет.

Поднимая к небу
Стройный стебелек,
Стонет сиротинка,
Плачет колосок.

1908

31. МАТЬ

Неприветливо в окошко
Смотрит ночь глухая.
Тихо в хате. Всё семейство
Смолкло, отдыхая.

Только мать сидит за пряжей,
Хоть и ноют плечи.
Старая не спит. Согнулась,
Примостясь у печи.

И прядет, прядет кудельку,
Не переставая,
По стене за веретенцем
Тень бежит густая.

Перед ней горит лучина,
Искрами стреляя.
За окошком плачут вербы
И метель гуляет.

Зябнут вербы на морозе,
Ветер колобродит,
Забивая снегом двери,
Хороводы водит.

Вьется нить воспоминаний
И картин угрюмых,
Вторит вой седой метели
Материнским думам.

И встает перед глазами
Дней былых обличье:
Даль промчавшегося детства
И лета девичьи,

Солнце промелькнувших весен,
Дни ненастий частых —
Всё, что жизнь преподносила,
Где-то спрятав счастье.

Всё припомнилось старушке,
Горько бедной стало, —
Набок голову склонила,
Пряжу оборвала.

С болью вспомнила о муже:
Рано смерть скосила.
Малых деток он покинул, —
Без поры могила.

Бедный муж! Он жил надеждой:
Дни придут когда-то,
Принаймет клочок землицы,
Приукрасит хату...

Ох, был горек хлеб батрацкий!
Но с чужого поля
Не сошел он. Бился тщетно:
Умер в злой неволе.

Гаснет дымная лучина,
В хате потемнело.
Петухи пропели. Полночь.
Мать сидит за делом.

Тянет нитку, веретенце
Торопливо вертит,
Словно нищий запоздалый,
В дверь стучится ветер.

Подгоняет думка думку,
Нудной вереницей
Выплывает, уплывает...
Женщине не спится.

Тяжело она вздохнула:
О сынке гадает,
Что в остроге, под замками
Кару отбывает.

И за что? В толк взять не может
Бедная старушка...
Ну какой закон мудреный
Сын ее нарушил?

Ветер воеет за углами,
По полям бродяжит.
А за думой ткутся думы,
Словно нити пряжи.

Зябнут вербы на морозе,
Лес шумит тревожно.
Думка думку выкликает,
Мать заснуть не может.

1908

32. НАШЕ СЕЛО

Средь пригорков над рекою
Приютилось сиротою
Наше бедное село;
Стрехи старые замшели,
Хаты сгорбились, осели,
Будто в землю всё вросло.

Сбились в кучи, как в испуге,
Наши жалкие лачуги,
Тряпкой заткнуто окно.
Школа наша развалилась —

Подточила стены сырость,
И забор подгнил давно.

Как старушки с грустным взглядом,
Вербочки кривые рядом
Одинокие стоят.
Неман корни оmyвает,
Ветер веточки качает,
Листья жалостно шумят.

На пригорке в отдаленье —
Пустошь, холмики, камня:
Смерти горестный приют.
В черных ямах, под крестами,
Перемытые слезами,
Кости родичей гниют.

Плачут ветры над могилой,
С песней скорбной и унылой
Уносясь на крыльях вдаль.
Как припомнишь угол родный,
Край заброшенный, голодный, —
Сердце защежит печаль.

1908

33. РОДНЫЕ ОБРАЗЫ

Образы милые края родного,
Грусть моя, радость моя!
Сердце стремится к вам снова и снова,
Чем же прикован к вам я?

Речки, курганы, пригорки и дали,
Поле и лес мой родной,
Полные грусти и горькой печали,
Веете скорбной красой.

Только усталые веки смежаю,
В городе, здесь, в тишине,
Образы милые, вас созерцаю,
Вы прилетели ко мне.

Слышится шорох желтеющей нивы,
Трепетный голос полей,
Леса дремучего шум-гуд счастливый,
Песня дубовых ветвей. . .

Помню вас, братья мои сиротливые,
Помню вас, люди труда,
Песни страдания, песни тоскливые,
Слышу я, помню всегда.

1908

34. КОНСТИТУЦИЯ

Конституцию ввели,
Отворили двери
И в острог нас повели,
Стали бить, как звери.

Витте важно заявлял:
«Помните свободу!»
После ж кукиш показал
«Верному народу».

Речь вели насчет земли
В Думе депутаты.
Им кулак преподнесли —
Разошлись по хатам.

Наш епископ Михаил,
Туровский и Минский,
Только черной сотне мил, —
Делает по-свински.

Стаей гончих по Руси
Пристава летают,
Травят нас: «Куси, куси!» —
Словно дичь, стреляют.

Развелось, как грибов,
Стражников ретивых,
От плетей да от шнуров
Покраснели нивы.

Сколько всяких строгих мер —
 Ни конца, ни краю.
Конституцию теперь
 Мы отлично знаем.

1908

35. ПОД НАПЕВ ВЕТРА

Ветер дует, плачет горестно,
В печь со свистом забивается,
До сих пор мне это пение
Наяву припоминается.

Помню: хата обветшала,
А кругом леса дремучие,
Крыши ветками касается
Ива старая, плакучая.

Полночь зимняя холодная,
Ветер злой не унимается,
А по лесу грозный гул идет,
Трубным звуком разбегается.

И в печи всё ветер песенки
Знай выводит тонким голосом,
И по крыше снегом шаркает,
Словно жита спелым колосом.

То несмело в двери стукнется,
Будто нищий в хату просится,
То закружится под окнами,
Горький плач его доносится.

И притихнет на минуточку,
Видно, силы набирается.
Ноет сердце, разрывается,
Песне ветра отзывается.

Помню, помню свою хату я,
Мою родину далекую;
А как вспомню — обоймет печаль
Мою душу одинокую.

1908

Даром чахну я в остроге,
 Даром трачу силы.
 Дух мой рвется на свободу
 Из живой могилы.

Жаль мне хатки кособокой
 С крышею худою,
 Что над Неманом склонилась
 Горькой сиротою.

Жаль мне нивы, что шумливо
 Зеленеет в поле,
 Того дуба, что над речкой
 Нежится на воле.

Жаль мне рощицы тенистой,
 Луга заливного,
 Где под ветром ходят волны
 Моря травяного.

Жаль мне светлой ручейки,
 Что промеж курганов
 Серебрится и струится
 В берегах песчаных.

Жаль безлюдных деревенок,
 Где соха горюет,
 Где зимою ветер воеет,
 Вьюга озорует. . .

Это — образы отчизны,
 Беларуси рódной. . .
 Край ты наш! Как мил ты сердцу,
 Темный край, голодный!

Да не век я тут горюю,
 Вот дождуся воли
 И сложу родному краю
 Песни лучшей доли!

1909

37. ЗИМА

Белым снегом заметает
Ветер черные поля,
Будто шубу надевает
Ширь просторная, земля.

Мягкий снег летает пухом,
Навевает на крыльцо
И несет сердитым духом,
Лютым холодом в лицо.

Дверь захлопывайте плотно,
Чтоб не выдуло тепло,
Маты вешайте на окна,
Чтоб не инело стекло.

Доставайте с вышек сани —
Стежки-борозды взрывать
И на белом океане
Вдоль и поперек гулять!

Да берите рукавицы —
Шутки плохи, стужа злей!
Белоусы, краснолицы,
Мы войну объявим ей.

Гей вы, кони молодые!
Что заснули? Веселей!
Вскачь, живее, золотые,
Пошевеливайтесь! Гей!

1909

38. ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Песни в поле, шум и гомон,
Ну и выдался ж денек!
Снег источен, лед надломан.
Запевают ручеек:

«Эй, друзья, ручьи-потоки,
Ожидать не время нам!

Гайда, гайда в путь далекий,
К тем широким берегам!

Гляньте, труженики пашен,
Сколько мчим воды мы в свет!
Единенье — сила наша,
В единенье — путь побед!

Мы в полях дороги знаем,
Не заблудится вода.
В знанье — сила! Эй, за нами
Все, кого гнетет нужда!

Мы несемся, гоним воды,
Заливая берега.
Спайка — первый шаг к свободе
И защита от врага».

19 января 1909

39. НА ЗАЙМКЕ

Глухомань, ночь, снега,
Бор столетний шумит.
Тихий дом лесника
Одиноко стоит.

Волчьим оком окно
В тьме полночной блестит.
Дети спят уж давно,
Мать за прялкой сидит.

Сучит нитку она,
Всё кудельку прядет.
Глушь, леса, тишина,
В дверь метелица бьет.

Воет ветер, как зверь,
Стонет вяз над стрехой;
Жутко в чаще теперь,
Только в доме — покой.

Но привыкла она
До полночи сидеть
И сквозь стекла окна
Ночке в очи глядеть.

А в трубе-то опять
Ветер песню завел,
Начал биться, стонать,
Сбросил вьюшки на пол.

«Мама, страшно мне тут,
Я боюсь один:
Чертенята ползут
Из-под старых овчин», —

Младший сын, Василек,
Маму кличет к себе.
«Бог с тобою, сынок,
То приснилось тебе!

Чудачок, никого
Нет в овчинах, молчи,
Я сынка моего
Охраняю в ночи».

«Мама, сядь на постель:
Слышишь? Чей это плач?»
— «То, мой мальчик, метель
Мчится по лесу вскачь».

«Мама, баба-яга
Бьет по крыше метлой. . .»
— «Это, детка, снега,
Это ветер шальной».

«А что нужно ему?
Отчего он не спит?
Он зачем, почему
В наши двери стучит?»

«Ой ты, баловень мой!
Ты, я вижу, храбрец!

Не тревожься, родной,
Засыпай наконец!

Ветер добрый, сынок». — «Он живой или как?»
— «Спи, усни, голубок!
Это — вздох, это — мрак».

«Что он делает?» — «Кто?»
— «Вздох тот самый, скажи!»
— «Да неведомо что
Ты болтаешь! Лежи!..»

Василек вдруг притих.
Ветер в чаще крепчал,
На руках ледяных
Ветер сосны качал;

Ветер выл, словно зверь,
В непроглядную тьму.
«Где мой тятя теперь,
Нет его почему?

Ночь, мороз; он один;
В чаще рыщет зверье...»
— «Тятя храбрый, мой сын!
Да к тому же ружье

На ремне за плечом,
А на поясе — нож,
И ему нипочем
Страха мелкая дрожь;

Ходит он по лесам,
Не боясь ничего,
Плохо будет волкам,
Если тронут его!»

«Мама, слышал я сам,
На селе говорят,
Будто дарят слепцам
Вместо хлеба — ребят».

«Ты не верь! Ох, беда!
Эту басню сплели,
Чтоб послушно всегда
Себя дети вели».

За окном — ветра шум.
«Спи, я песню спою. . .»
Детский маленький ум
Думал думу свою.

Лампа тускло горит,
В доме — сон, тишина.
Всё шумит да гудит
Старый бор у окна.

13 октября 1909

40. ПРИЗЫВ

Где скрылись вы, хлопцы? Вас нету и нету,
Развеял вас ветер по белому свету.

По всем уголкам вы молчком расползлись,
От дум своих прежних давно отреклись,

Забыли вы песню про вольную волю
И битву за счастье, за лучшую долю.

Растаяла песня, бесследно пропала, —
Знать, хлебная корка язык ваш связала,

Знать, низко пригнули вас первые бури,
Знать, смелость и стойкость не в вашей натуре.

Ярмо вековое, что вы осудили,
Вы снова покорно на плечи взвалили!

Где скрылись вы, хлопцы? Где ваши дороги?
И вечный покой вам пою я в остроге.

19 октября 1909

41. ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Сыплются капли дробно и густо,
Дождик по крыше стучит.
Шум тот наводит грустное чувство,
Сердце тихонько щемит.

Всплески и всхлипы. . . Ночка глухая
Тянется долго, как год.
Ветер на воле шумит не стихая,
Жалобно в печке поет.

Мысли мятутся, спать мне мешают,
Смутные, словно во сне.
Память о днях молодых воскрешают,
Память о давней весне.

Сыплются капли дробно и густо,
Дождик за стенкой бубнит.
Песня ли, слезы ли — грустно и грустно,
Сердце щемит и щемит.

1909

42. ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ

Белые волокна
Стелются над долом,
Замолчали птицы,
Лес утих веселый.

Стелются волокна,
Зеленеет озимь.
С каждым днем всё ближе
Сумрачная осень.

Будет небо в тучах,
Будет в поле пусто.
Сердцу почему-то
Сделается грустно.

Замирает лето,
И с его уходом
Сиротеет речка,
Холодеют воды.

Немота-усталость
Бродит лесом-бором...
Тише! Что за звуки
Слышатся в просторах?

Льются эти звуки
Грустно и красиво.
Слушают их села,
И леса, и нивы.

Ровною цепочкой,
Стройно, друг за другом,
Журавли несутся,
Улетают к югу.

Тянется цепочка,
В поднебесье тает.
Вот едва заметна,
Миг — и пропадает.

И стоишь ты, грустный,
Думаешь-гадаешь,
Будто что пропало,
Что — и сам не знаешь.

Так в часы прощанья
С другом, сердцу милым,
Чувствуя утрату,
Ты глядишь уныло;

Смотришь на дорогу,
Тихую, немую,
Что уводит в дали
Душу дорогую.

1909

43. ГУСИ

Звезды далекие, звезды блестящие
Тихо горят над землей,
Крики, знакомым напевом звучащие,
Льются вечерней порой.

С севера-холода, с севера бурного
Гуси стремятся на юг,
С неба далекого, с неба лазурного
Грустную песню поют.

Гуси вы дикие, вольные, скорые,
Вестники близкой зимы!
Хочется с вами мне в степи просторные,
К светлому солнцу из тьмы.

Только свободные крылья подрезаны,
Вижу, не вырваться мне:
Стены холодные, двери железные,
Прутья решетки в окне.

1909

44. РОДНЫЕ ПЕСНИ

Жалобу приносит Неман,
На волне качая.
Всюду бедность, всюду темень,
Беларусь родная!

Села сбились в кучу тесно,
Под застрехой — плесень.
Слышит темный лес окрестный
Отзвук скорбных песен.

Крест подгнивший — знак печали —
Здесь и там чернеет.
И тоска, что полнит дали,
Мне на душу веет.

Вся-то горем ты повита,
Сторона родная:
И тот ветер, что сердито
Ломит ветви гая,

И те песни, что на поле
Жнеи запевают,
И те думы, что до боли
Сердце мне сжимают.

Не оставлю без ответа
Я такого горя:
Сердце, жалостью согрето,
Песне грусти вторит.

Пусть же плачем в этих далях
Песня разольется,
Чтобы все на свете знали,
Как нам здесь живется.

1909

45. Я НЕ ЗНАЮ...

Я не знаю сам, браточки,
Почему мне милы
Бури, мгла осенней ночи,
Плач ее унылый,

Шум болота, гул нестройный
Бора векового,
Боязливый, беспокойный
Шорох тростниковый.

Я не знаю, чем мне дорог
Вид полей убогих,
Тишина родных просторов,
Вербы у дороги.

Я не знаю, чем так манит,
Взор мой привлекает
Та сосна, что на поляне
Сохнет-умирает,

Дуб ветвистый и высокий,
Прежде полный силы,
И тот крест у одинокой
Сироты-могилы,

Где так грустно ветры веют,
Улетая к тучам,
Где людские кости тлеют
Под песком сыпучим.

Я не знаю, я не знаю,
Чем так приковали
Взор и сердце в этом крае
Образы печали!

1909

46. ЛЕС

Глухо шепчет лес зеленый,
И шумит он, и шумит.
Долгий гул, неугомонный,
Целый день над ним стоит.

Над землей сплелись осины,
И поет шатер живой...
Лес! О чем шумят вершины?
Что ты шепчешь, вековой?

Лес в ответ гудит, рокочет
Темной шапкою вершин,
Но поведать мне не хочет
То, что знает он один.

1909

47. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Помню, помню эту ночь,
Не забуду этот час, —
Пел соловушка в садочке,
О любви слагал рассказ.

Выплыл месяц, круглый, полный,
Подрумяненный, как блин,
Полумрак бродил безмолвный,
И пьянил меня жасмин.

Ты нежданно появилась,
В дом, суровая, вошла,
До рассвета провозилась,
Ночь со мною провела.

Приказала первым делом,
Чтобы руки поднял я,
Строгим взглядом осмотрела
Все карманы у меня.

Ты сенник мой потрошила —
Как противиться я мог!
Ты бумаги ворошила
И бросала за порог.

На лице твоём суровом
Я читал и злость, и месть.
Ты, сказав мне два-три слова,
Вдруг спросила: «Паспорт есть?»

Набрала моих ты книжек
И в портфель, и в свой подол,
А чтоб знать меня поближе,
Написала протокол.

1909

48. МУЖИК

Я — мужик, бедняк постылый,
И меня «жалееет» всяк:
Кровь сосет и тянет жилы,
Надрывает мои силы,
Прижимает так и сяк.

Я — мужик. В неволе лютой
На мякине вырос я,

От ботвы — живот раздутый,
Ноги в лапотки обуты,
Рвань — одежда вся моя.

Я — мужик, я — сын заботы,
Недоем и недосплю,
Надрываюсь над работой,
День стараюсь за два злотых,
Издевательства терплю.

Я — мужик, не слышу звона,
Всё же ест меня червяк:
А не врет ли поп с амвона,
Что царю бог дал корону?
Ой, не может быть, не так!

Я — мужик, но ум имею.
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

1909

49. РУЧЕЙ

Средь ольховых кустов,
Где поет соловей,
И шумит, и гремит
Среброзвонный ручей.

И склоняет, как мать,
Верба ветви над ним,
И глядится в него
Пышным верхом своим.

Над ним шепчет камыш,
Над ним гнутся кусты,
И венки для него
Заплетают цветы.

Робко кинет звезда
Взор девичьих очей,
Тучка с неба не раз
Заглядится в ручей.

И склоняет трава
Над ним кудри свои,
А он сыплет, шалун,
Смехом звонкой струи.

То в лесок забежит,
То курган обовьет,
Там сердито бурлит,
Здесь беспечно поет.

И ласкает твой слух
Этот лепет живой,
И под песни ручья
Отдыхаешь душой.

1909

50. БЕЗДОРОЖЬЕ

Тьма владычит. Хмуро. Глухо.
Затерялась в поле тропка.
Что ж притих ты? Смотришь робко?
Или что-то слышит ухо?

Пусто. Тихо. Мир — в дремоте...
Плотен мрак, как крышка гроба.
Страшно, брат. Гляди же в оба
На опасном повороте!

Небо в тучах. Даль в тумане,
Раздвоился путь зловеще.
Что же там так тускло блещет?
Не ходи: тот блеск обманет.

Тишь, безлюдье... Этой ночью
Мир до ужаса беззвучен!
Только свист в лесу дремучем,
Только туч несутся клочья.

Тьма ползет с боков и следом,
Под ногами — шлак, каменья.
Вот ведь, право, наважденье:
Цель во мраке, путь неведом.

Но не бойся черной ночи —
Тьма растает, сгинут совы!
Встретим день с тобой мы новый!
Так вперед, брат, что есть мочи!

1909

51. У ПОРОГА

Пред железными дверями
Темного острога
Ждет крестьянка, хочет видеть
Сына дорогого.

Ох, сынок! Сидит, соколик,
За стеной высокой
В злой беде, в терзаньях долгих
И в нужде глубокой.

Поглядеть хотя б немного
На него охота...
К сыну рвется мать, и тяжко
Грудь томит забота.

И стоит, и ожидает —
Час длиннее года.
Злые люди, их не тронет
Матери невзгода.

Сыро. Пронял ветер-сивер
До костей всё тело,
И к дверям тюрьмы подходит
Старая несмело.

Мокрый узел обернула
Старенькой тряпицей
И иззябшею рукою
Робко в дверь стучится.

Загремел ключом тюремщик,
Выглянул в оконце.
«Что тебе?» — спросил сердито.
«Ой, мое ты солнце,

Повидать нельзя ль сыночка?
Я сдаля, соколик. . .»
— «Опоздала ты, старуха,
Приходи во вторник.

А теперь домой ступай-ка
И — бывай здорова!»
И оконце загремело
Злобно и сурово.

Боже! сколько простояла,
Времени убила,
Сколько денег на дорогу
Даром загубила.

Как ей быть? Кто растолкует?
Кто помочь ей в силе?
И к кому пойти с поклоном,
Чтоб к сынку пустили?

Жалость к сердцу подступила,
Охает бедняжка.
Сын в тюрьме уж третье лето,
Сын страдает тяжко.

Забастовку сын устроил
На дворе у пана,
И за то враги в темницу
Отвели Степана.

Постояв, опять стучаться
В двери начинает:
У начальства встретить правду
Старая мечтает.

Вот начальник сам подходит
К воротам железным.
«Милый барин! Золотой мой,
Золотой, любезный,

Повидать позволь мне сына!
Из села я, милый.
Пожалей меня, старуху,
Больше нету силы!

Видишь, дождь холодный сеет
Меленько и тошно».
...Поглядел начальник зверем,
Рявкнул: «Невозможно!»

Тяжко, тяжело вздохнула
Женщина от боли.
Видно, ей такое горе
Выпало на долю.

И в отчаянье взглянула
Мать, скрестивши руки,
На тюрьму, на дом страданья
И безмерной муки.

И никто не отозвался
На ее стремленье,
И осталось без ответа
Горькое моленье.

1909

52. СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Там, где липы при дороге
С ветерком судачат,
Примостился дом убогий,
Как слепец бродячий.

Нет ворот и ставней даже,
Дыр не счесть на крыше,
И на ладан — каждый скажет —
Школа наша дышит.

Сгнил забор, а двери скоро
С петель в пыль сорвутся.
На лужайке, полной сора,
Две березки гнутся.

Ночь. Ни звука. Снится липам
Вешний день погожий.
Только крыша нудным скрипом
Тишину тревожит.

Спит село. Пора глухая.
Поле звездам внемлет.
Только в школе молодая
Девушка не дремлет.

Лампа льет свой свет, мигая,
Тихо, как в могиле.
Жизнь — в ребятах: помогает
Расправлять им крылья.

Делать всё, чтоб озарило
Знание ум ребячий,
Не легко! Но ей по силам
Трудные задачи.

Хоть жите-бытье глухое,
Темнота без меры,
Только сердце молодое
Не теряет веры.

Детвора ее сильнее
Любит, чем вначале,
Радость детства вечно с нею,
С ней — его печали.

Каждый день детишек учит,
Говорит о жизни.
Сердце верит: из-за тучек
Луч свободы брызнет!

Так проходят мерным шагом
Дни, стучась в оконце,
Чтобы к темным бедолагам
Заглянуло солнце.

Дремлют хатки. Злая дума
Душу замутила.
Сердце стиснула угрюмо
Горькой жизни сила.

Одиночество, что ветер,
Набегает снова.
Трудно человека встретить
Чуткого, живого.

Поп и писарь ей чужие, —
Без худого слова
Грабят, словно волки злые,
Мужика слепого.

Тяжко бедной временами:
«Власти» насадают,
Поп и земский с писарями
Взгляд косою бросают

На «учительшино дело»...
Но упрямы руки,
Потому что нет предела
Вере в свет науки!

Беспросветно в деревеньке,
Тяжко, тяжко в школе.
Но... от стоптанной ступеньки
Вьется стежка воли.

Не погибнут край и люди,
Пасынки народа,
Если слать сквозь тучи будет
Светлый луч свобода.

1909

53

Рано приуныли
Думы, сердца детки,
Рано вы завяли,
Как цветы на ветке!

Знать, мороз убил вас
Раннею весною,
Лишь на тропку жизни
Я, с прямой душою,

Вышел, полный веры,
Радости и силы.
Что ж на вас дохнуло
Холодом могилы?

Что ж вы беспокойно
Вьетесь, словно пчелы,
Думы мои, думы,
Рой ваш невеселый!

Или вас трясины,
Заводы гнилые
Сыростью обдали,
Думы молодые?

Или песня скорби
С вами не рассталась?
Иль в лесу людское
Горе повстречалось?

Иль так неудачно
Жизнь моя сложилась?
Иль моя дорога
За туманом скрылась?

Рано загрустили,
Думы молодые,
Рано вы завяли,
Маки полевые!

1909

54

Только стонет земля,
Только ветер шумит,
В нашем бедном краю
Всюду ночка лежит.

Что ж, стелися, туман:
Осень — праздничек твой,
Всюду — лужи и грязь
В черной мгле дождевой.

Не молчи же, сова,
Громче в чаше кричи,
Знай, что тьма не навек, —
Встанет солнце в ночи. . .

(1910)

55. МЕТЕЛИЦА

Низко виснет над землею
Туча снеговая,
Свищет ветер за стеною,
В печке завывает.

Лес гудит, дрожат осины,
Стонет бор сосновый,
И качаются вершины,
И шумят сурово.

Белой мглою даль закрыта,
Буйные бураны
Вихри снега, как из сита,
Сыплют неустанно.

Как расправят крылья-плечи,
Наберутся злобы
И курганами намечут
За собой сугробы.

Эх, гуляют вихри в поле,
Сыновья метели!
Как завидую их доле:
Что хотели — спели!

Ой ты, ветер, что тоскливо
Стонешь на просторе?
Не мое ли это плачет
В твоей песне горе?

1 января 1910

56. ВЕСНА

Весна, весна
Желанная!
Ты вновь придешь,
Воротишься!

Опять напев
Приветливый
Ручьев твоих
Послышится.

Проснется лес
И с песнями
В зеленый лист
Оденется. . .

И птичий свист
Наполнит лес,
Травой луга
Вскудрявятся.

А облако
Да с молнией
К нам с полудня
Надвинется.

И первый гром,
Как музыка,
Таинственно
Прокатится.

И вся земля
Всколышется,
Дождем густым
Омоется.

В природе всё
Воскреснет вновь,
И молодость
Вернется к ней.

Но лишь ко мне
Вернуться вновь
Не можешь ты,
О молодость!

Весна, весна
Желанная!
Одна лишь ты
Воротишься!

25 января 1910

57

Надрывайся и шуми,
Ветер злобный, в поле!
Как сердито ни греми,
Ни гуляй на воле,

Как дорог ни заметай
И тропы далекой,
Как в трубе ни завывай
Хаты одинокой —

Всё ж ты стихнешь, и теплом
Скоро ты повеешь,
Игры с ивовым кустом
Ласково затеешь.

29 января 1910

58. НА ПОЛЕ

Мирно шепчутся колосья,
Качаются нивы,
Слышен гомон среди полосок
Звонкий и счастливый.

Сколько шуму в спелом жите
И певучей мощи!
Как привольно вы лежите
По пригоркам, рощи!

Пахотой чернеют свежей,
Поле, твои склоны,
Убраны цветами межи
Да травой зеленой.

Над хлебами песни льются,
Только солнце встанет.
Любо-мило оглянуться,
Стоя на кургане.

Сколько в поле одиноких
Грушек зеленеет,
За разливом нив широких
Хвойный лес синее.

Под косынкою тумана
Он глядит суровой,
Изогнувшись вдоль кургана,
Как девичьи брови.

Нивы шепчутся на воле,
Гнутся колосками. . .
Ой ты, роща! Ой ты, поле!
Что же я не с вами?

Я вас вижу только в думах,
Слышу издалека.
Жизнь без вас идет угрюмо,
Сиро, одиноко.

18 марта 1910

59. ТУЧИ

Тучи, тучи, вы, что в небе
Ходите горами,
Были б крылья, полетел бы
Я на волю с вами!

Полетел бы в край родимый,
Сердцу вечно милый,
Где я вырос, где мне радость
Молодость сулила.

Полетел бы в край, где Неман
В берег бьет волною,
Где, играя, легкий ветер
Говорит с листвою,

Где над Неманом избушки
Лепятся убого,
Где пылит дорога летом,
Где песков так много.

Полетел бы я к курганам
Тихим, молчаливым,
К тем пригоркам, где весною
Зеленеют нивы.

Ой, летел бы с вами, тучи,
Я в тот лес тенистый,
Где вдыхаешь всею грудью
Хвои дух смолистый!

Тучи, тучи, вы, что в небе
Ходите горами,
Если б крылья, полетел бы
Я на волю с вами!

31 марта 1910

60. ВЕРБА

Ручеек расспрашивал
Вербу сиротливую,
Что над ним закинула
Голову шумливую
И, склоняясь ветками
Прямо в воду светлую,
С ветерком полуденным
Зашепталась, сетуя:

«Ты скажи мне, вербочка,
Ты ответь, унылая,
Что ты всё печалишься,
Жалуешься, милая?
До поры, до осени,
Горем утомленная,
Всё роняешь листики,
Венчики зеленые?
И о чем ты шепчешься
С ветерком так жалостно,
Будто ищешь гибели,
Сотрясаясь яростно?
Кудри твои пышные
Жолкнут, высекаются,
И листы упавшие
На земле валяются.
Ты скажи мне, вербочка,
Ты ответь мне, милая,
От какого горюшка
Ты так обессиленна?»
Зашумела тихо
Верба-сирота:
«Горько мне, любимый,
Горько неспроста!
Тяжко моим ножкам,
Камень их сдавил,
Ты своей водою
Корни мне подмыл.
Землю под ногами
Взрыл ты, раскопал,

Сок из сердца выпил,
Всё себе забрал.
Зря я загубила
Молодость свою!
Ох, зачем так крепко
Я тебя люблю?»

2 апреля 1910

61. ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ

Уплывали тучи в дали
Белыми горами,
Уплывали, словно льдины
С медными краями.

Уплывали, рассыпались
В поднебесных кручах,
Будто бог на них повеял
Силою могучей.

Как весною хлопья снега,
Тучи в небе тают. . .
Так с восходом солнца сразу
Страхи пропадают.

Засветилось, засверкало
Небо голубое,
И опять глядит природа
На него с тоскою.

Скрылись тучи и не дали
Влаги долгожданной,
И окутаны печалью
Поле, луг, курганы.

Огорченно и уныло
Смотрят, как и прежде:
Вновь обмануты сегодня
Их мечты-надежды.

Ветер стих. Застыло поле.
Смолкли люди в хате...
Так горюет только сердце
По своей утрате.

14 мая 1910

62. ПЕРВЫЙ ГРОМ

Медленной мощи голос раздался,
Гром покатился с небес.
Грому протяжно луг отозвался,
Темный откликнулся лес.

Гай встрепенулся, вздрогнуло поле,
Доны тот гул понесли.
В этих раскатах слышится воля,
Слышится радость земли.

В грохоте этом слышится бездна,
Слышится мощь и простор...
Первые громы! Сердцу любезна
Ваша игра между гор.

Сердцу любезен гомон далекий,
Отзвук веселый и гул.
Гром ты могучий, гром одинокий,
Сколько ты дум всколыхнул!

Зычно меня ты кличешь на волю —
Жизни без воли мне нет.
Кланяйся, громе, отчему полю,
Дому родному привет!

26 мая 1910

63. ТРОЙКА

Мчатся кони: динь-динь-дины!
Легкий звон несется
И далеко меж равнин
Тихой грустью льется.

Глохнет, тает этот звон,
Залетев в лесочек,
Замирает, гаснет он,
Слабый голосочек.

Вот и тройки не видать,
Пронеслась стрелою,
И в безлюдье не слышать
Плача под дугою.

Только пыль столбом стоит,
Взбитая копытом,
Поле ровное молчит
Сиротой забытым.

И в глазах вопрос немой:
Кто промчался мимо
От судьбы иль за судьбой
Так неукротимо?

Не узнать ему, стрелой
Куда тройка скачет,
Колокольчик под дугой
Отчего так плачет.

9 июня 1910

64. НОЧЬ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Встал месяц круглый, меднолицый,
Созвездье робкое зажглось,
Как косы, вспыхнули зарницы,
Как будто в небе сенокос.

Бурлит криница огневая,
И мнится: грозный вихрь рукой
Швырнул, и злясь и завывая,
Огнистый гравий за рекой.

Дневных забот умолкнул голос,
Затих пичуг болотных свист,
На ниве чутко дремлет колос,
На ветке не шелохнет лист.

Люблю я ночи час тот дивный,
Когда простор, объятый сном,
Разбудит голос переливный —
Далеких туч могучий гром,

Когда протяжно загрохочет
И ухнет в небе тяжело,
И лес, взметнувшись, забормочет,
И в доме задрожит стекло.

А туча грозно насаждает,
Вся в лентах молний золотых...
А ночь... а ночь еще не знает,
Что грянет буря через миг!

17 июня 1910

65. МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ .

За деревней в поле,
В желтеньком песочке,
Мать родная утром
Схоронила дочку.

Сникла, сникла радость,
Потускнели зори.
Ходит мать родная
В безутешном горе.

Никто не вернет ей
Дорогой дочушки,
Плачут по девчине
Друзья и подружки.

Горестно вздыхает
Друг ее сердечный,
Только это горе
У него не вечно.

Позабудут Ганну
Друзья и подружки,
Но не позабудет
Мать родной дочушки.

Не залечит время
Материнской раны,
Ляжет с ней родная
В гроб свой деревянный.

27 ноября 1910

66. РАЗДУМЬЕ

Взгляну я на небо. По синей равнине
За тучкою тучка плывет.
Иные сольются, иная средь сини
На нет в одиночку сойдет.

А эти, бесплодные, по небу бродят,
Не слыша роптания нив.
И мысли, бывает, вот так же проходят,
Одну только скуку родив.

Взгляну я на жито. Шумит, подрастает,
И марево цветня над ним,
Неспешно колеблясь, колосья ласкает
Любовным касаньем своим.

Поднимется ветер — и как не бывало
Над житом пыльцы золотой.
И в жизни, случается, гибнет немало
Красы животворной такой.

Столетняя липа. В порфире зеленой
Красуется летом она
И гордо шумит своей пышною кроной,
И радость в том шуме слышна.

А осень настанет — и лист над землею
Закружит, на дол упадет.
И молодость наша так схожа с листвою —
В свой срок и она отцветет.

Снежинки, гляди, мотыльками порхают,
Белея на вешнем ветру,
А сядут на землю — и тут же растают,
Как летом роса поутру.

И ты, человек, снежинка такая ж:
Вот был ты — и нету тебя.
Ты вечную книгу с тревогой листаешь
И плачешь, душою скорбя.

29 декабря 1910

67. НЕСБЫВШАЯСЯ НАДЕЖДА

Шепчут колосья то громче, то тише,
Шепчут в тиши полевой.
Только высокое небо не слышит
Горестной жалобы той.

Синее небо всё солнцем залито.
Знойный, безоблачный день.
Дождика просит зеленое жито,
Просит овес и ячмень.

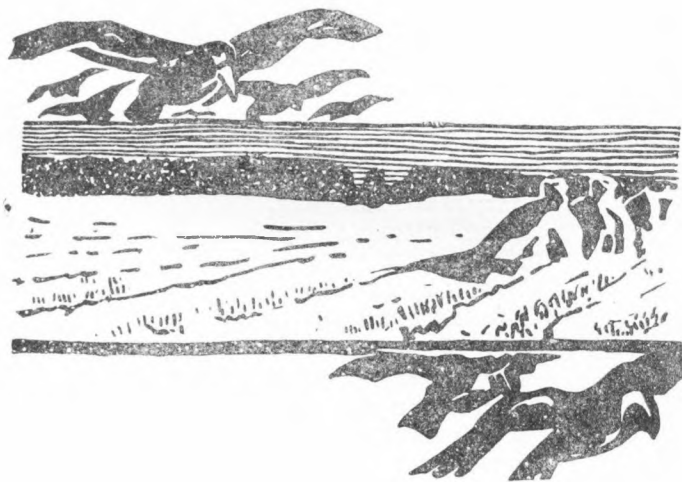
Глянь! Тучка, тучка дорогая
Плывет сюда из-за лесов —
Надежда светлая людская,
Спасенье трав и жизнь хлебов!

Давно дождя мы не встречали,
Давно не видели росы.
Сухая мгла покрыла дали,
Поникли жито и овсы.

Всё замирает, застывает
У этих позабытых сел.
Прохлады, влаги ожидает
Окаменелый знойной дол.

И лес, и луг глядят с мольбою,
Гадают, думает земля,
Что тучка дождиком-водою
Падет и оживут поля,

ЯКУБ КОЛАС

ПЕСЬНІ ЖАЛЬБЫ.

1910 г.

Что пронесется над курганом
И щедро хлынет с высоты,
И чисто вымоет поляны,
Напоит травы и цветы.

А тучка бродит в синем поле,
Минуя лес, минуя гай.
Она не слышит криков боли
И уплывает в дальний край.

1909, 1910

68. В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Скоро вьюги на раздолье
Загуляют, зашумят,
Белой пылью задымят
И застелют луг и поле,
Чтобы в холоде-неволе
Всходы яркие примять.

Ночь свои распустит косы,
Разметает над землей,
Сядет панной-госпожой,
А мороз беловолосый
Проведет по ним прочесы,
Сам в одежде ледяной.

И взметнется гомон дикий,
Загудят кусты, леса
На все тоны-голоса,
И начнется бал великий —
Завыванье, грохот, крики
Полетят под небеса.

Ты же сядешь, мать родная,
Будешь тихо кросна ткать,
Будешь сына вспоминать,
Что в тюрьме сидит, страдая,
Что ходил, не отступая,
Волю вольную искать.

За окошком, за стеною
Будет злобно ветер петь,
Будет белый снег лететь,
И, окутано тоскою,
Словно эта полночь мглою,
Сердце будет плакать, млеть.

1910

69. В СУДЕ

Янке приговор читает
Член окружного суда:

«Суд законным полагает
За проступок, что Дуда
Совершил по доброй воле,
В твердой памяти, в уме, —
За покражу хлеба в поле —
Год держать его в тюрьме». —
«А когда тюрьму отбудешь, —
Добавляет член суда,
Чтоб кольнуть его больнее, —
Помни, прав иметь не будешь,
Даже сотским не посмеешь
Избираться никогда!»

Поклонившись, осторожно
Янка хочет разузнать:
«А нельзя ли, пан вельможный,
Те права и с сына снять?»

1910

70

Где б я ни был, что б ни думал —
Ты всегда со мною,
И во мраке ты мне светишь
Ясною зарею.

105

Ты в минуты злой недоли
Унимаешь хвори,
Разгоняешь грусть-кручину,
Усмиряешь горе.

Только пролегли меж нами
Берега крутые,
Все дороги завалили
Камни вековые.

Рядом в поле вдоль дороги
Две колейки вьются,
Но вовеки меж собою
Они не сольются.

1910

71. У ОКНА В ОСТРОГЕ

Высоко, высоко в остроге окно,
И крепким железом забито оно.

А глянешь за город, в широкий простор —
И не оторвешь загоревшийся взор.

Не высказать, братцы, как воля мила,
Какая на сердце тоска залегла

По жизни свободной и ветру лугов,
По шуму родному зеленых лесов!

Эх, были бы крылья — туда бы махнул
И воздух свободы всей грудью вдохнул.

Я душу бы отдыхом там освежил
И славную б песню о воле сложил.

Но крыльев ведь нет, и оковы крепки,
Тюремные душат мне сердце замки.

1910

72. ПЕРЕД СУДОМ

Не в солдаты провожает
Мать родного сына,
Не на заработки к пану —
Едет в суд детина.

Знает мать, что там не шутят,
Судьи судят строго,
Хоть сынок ее не грабил
По глухим дорогам.

Не убил, не обесславил —
Нет, помилуй боже!
Он сказал, — но что же в этом? —
Что так жить негоже,

Жить и гнуться пред богатым,
Ползать червяками,
Что достаточно терпели
Долгими веками,

Что давно пора за разум
Бедным людям взяться,
Что порядков справедливых
Нужно добиваться.

И чтоб справиться с неправдой
Да с бедою, нужно
Всем подняться неимущим
На богатых дружно.

Конь запряжен. Всё готово.
Смутная дорога.
От нее седой старухе
Лишь одна тревога.

Закипают в сердце слезы:
«Что же, что же будет?»
В уголок зашла и плачет,
Чтоб не знали люди

Ни печали материнской,
Ни кручины лютой.
«С богом, милый! Пусть пошлет он
Добрую минуту».

Конь пошел, и заскрипели
Сани полозками.
Посмотрел назад бедняга
Грустными глазами:

У двора стоит старуха,
Головой кивнула
И непрошенные слезы
Рукавом смахнула.

Вот и поле. Конь — рысцою.
Ветер поддувает.
Оглянулся парень — хата
В даях пропадает.

И слезу смахнул украдкой,
Горькую, большую,
Ох, не скоро он увидит
Сторону родную!

1910

73. ПОЭТУ

Сочини ты мне песню такую,
Обжигала чтоб душу она,
Расскажи про недолю людскую,
Черпай горе до самого дна.

Как в неволе, поведай, живется,
Как ярмо тебе шею гнетет,
Как душа истомленная рвется —
И как жизнь ни за грош пропадет.

Всколыхни, тряхани со всей силы
Этот сумрак, что жизнью зовем,
Чтобы сердце взыграло, взорлило,
Зазвенели все струны бы в нем!

Чтоб слова твои все услышали,
Даже тот, кто душой заскоруз,
Чтобы головы никли в печали,
Чтобы трясся разгневанно ус.

Сочини же ты песню такую,
Чтобы молнией светлой она
Поджигала недолю людскую,
Громычала бы, гнева полна!

1910

74. «ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ»

Был одинок я. Братья, сестры,
Друзья забыли обо мне.
И боль была смертельно острой
В моей душе на самом дне.

И в этот горький час утраты,
Когда поник я головой,
Со мной один был провожатый —
Со мною был городской.

Да в стороне, играя усом,
Помощник пристава следил
(Что Никодим за Иисусом!),
Как «нижний чин» меня тащил.

Приволокли, в острог впихнули,
В сырую яму, к черту в пасть,
И тяжело они вздохнули,
Как будто горя взяли часть.

На этом я расстался с ними,
И мне подумалось тогда:
«Пускай вас водят так слепыми,
Как вы вели меня сюда!»

1910

75. ДУДКА

Дудка за горой играет,
Будто плачет в тишине,
И тревогу навевает
И печаль на сердце мне.

Песня льется за горою:
«Я — слеза твоей души,
В годы, полные бедою,
Назревала я в тиши

И упала одиноко
В час, когда ты долю клял;
Я — тот крик, что ты глубоко
В сердце горестном скрывал,

Я — плач ветра на просторе,
Я — твоей тоски напев,
Я — неведомое горе,
Я — невылившийся гнев. . .»

Дудка жалобно играет,
Плачет частою слезой
И неслышно замирает
В чистом поле за горой.

1910

76. ЗАБЫТАЯ МОГИЛА

Могилы нет, одно название:
Какой-то холмик над землей,
На том заброшенном кургане,
Где дуют ветры день-деньской.

Не много время сохранило —
Вокруг упавшие кресты,
И всё написанное смыло
Дождями летними с плиты.

А тут ведь жизнь почилa чья-то
И целый мир за нею вслед...
Жизнь — вроде дыма или чада:
Чуть ветерок — и следа нет.

1910

77. ОРЕЛ

Над влажной равниной высоко-высоко
Раскрыл свои крылья орел одинокий,

И взором проворным он даль озирает,
И громкие крики на поле бросает.

А поле лежит под туманом устало,
Как будто под темным, сырым покрывалом,

Одним своим горем задумчиво дышит
И снизу орлиного крика не слышит.

1910

78. НА ПЕРЕПУТЬЕ

На большой дороге,
Где стоит камора,
Я на свет родился
Под глухой шум бора,
Позднею порою,
Осенью гнилою.

По дороге торной
Днями и ночами
Люд спешит рабочий,
Пеший и с возами,
Словно кто их гонит,
Вся дорога стонет.

В разные сторонки
Мимо той сторожки
Серой паутиной
Разбрелись дорожки,
Узкие, глухие
Стежечки кривые.

И моя, как осень,
Доля беспросветна,
Взгляд куда ни кину —
Глухо, неприветно,
Даль-то не видна мне,
Лишь коряги, камни...

И меня людская
Буря подхватила,
В омуте глубоко
С силой закружила
И несет с собою
Тяжкою волною.

Не на путь открытый
Ставит мои ноги —
Узки мои стежки,
Заросли дороги.
Я бреду, шагаю,
А куда — не знаю!

2 января 1911

79. ЗАХОД СОЛНЦА

Догорало небо, дали
Отцветали в блеске,
Отступали, пропадали
В тенях перелески.

Над равниной снеговою —
Заревая круча,
Узкой стежкой золотою
Протянулась туча.

Ослепительные взмыли
Два столба от солнца,
Жгли костры морозной пыли
Тучек волоконца.

Блеск по небу разливался
Огневой волною.
Я стоял и любовался
Дивною игрою.

Далеко в просторном поле
Снегом гладь белела.
Я молчал; душа о воле
Плакала, скорбела.

Дым клубился над снегами,
Солнцем позлащенный,
И с последними лучами
Столб исчез червонный...

И я думал: у оконца
Ты, как я, стояла
И прощальный отблеск солнца
С грустью созерцала.

27 января 1911

80

Погулял на воле
Ветер легкокрылый,
Погулял — и хватит:
Отдохни, мой милый!

Ты ломал деревья,
Крыш сорвал немало,
С тучами и с громом
Спорил ты, бывало.

Ты вперед стремился,
Где просторы сини,
Только укачали
И тебя пустыни.

113

Что ж, ложися, ветер,
Хоть в чужой долине,
Не вздыхай напрасно
О родной краине.

У тебя судьбина —
Мачеха лихая,
У тебя, бедняга,
Нет родного края.

Погулял на воле
Ветер легкокрылый,
Погулял, улегся
И заснул, унылый.

3 июня 1911

81. ТРИ ЖЕЛАНЬЯ

Мы земли хотим и хлеба,
Тяжко торбу нам носить, —
Не дает его нам небо,
Нету слов уже просить.

Солнца мы хотим и света,
Тяжко нам ходить слепым,
Тяжко жить нам без привета,
Как бы проклятым каким.

Мы хотим житья и воли,
Тяжко нам носить ярмо, —
Не спадет, хоть жди доколе,
Не спадет оно само.

1911

82. КРЕСТЬЯНСКИЕ ДУМЫ

Невеселая, голодная,
Злыми стужами богатая,
Эх, весна, весна холодная,
Чем порадуешь оратая?

Не растут хлеба, горбатятся,
Зря работа вся тяжелая.
Вместо ржи — осот лохматится,
В яровых — сурепка желтая.

И луга лежат суровые,
Шелестят сухими травами,
Бугорки торчат кротовые
Бородавками корявыми.

Ветры с севера холодные
Веют злобными порывами,
Мчатся тучи, но, бесплодные,
Не роняют слез над нивами.

Видно, поняли, что нашими
Пóтом-слезками горючими
Кроплено не раз над пашнями,
Над лугами и над кручами.

1911

83

Эй, скажи, что это значит,
Ты, кого в ярмо впрягают,
Чью свободу попирают!
Сам тоскуешь, доля плачет,
И повсюду недостача...

Сеешь в поле ты немало,
Хоть и скупо всходит нива.
Отвечай же мне правдиво:
Что тебя здесь приковало?
Иль других путей не стало,

Или мир тебе закрылся?
Иль ты слеп и глух, быть может?
Ребра видны сквозь одежду,
А сквозь шапку чуб пробился;
Что ж ты, век терпеть решился?

Не слышал о лучшей доле?
«Ой, пустился б я в дорогу,
Только слез ведь пролил много,
Только пота море пролил
Там, где всходят песни боли;

Только твердо верю в то я,
Что посев наш в поле диком
Гнёвом вырастет великим
И затопит он всё злое,
Всё несчастье всковое».

28 февраля 1912

84. ВЕСНОЮ

Веселые люди — шумят и болтают,
Видать, и на сердце весна,
И горькие думы им спать не мешают,
Судьба их завидно красна.

Почем кусок хлеба, счастливые люди
Не знают, и что́ им тужить,
Достаточно ль скошено с нивушки будет,
Чтоб завтрашний день пережить;

И будет ли где разогнуть свои плечи,
И ноги куда понесут —
К большому ли морю, к одной ли из речек,
И руки кому продадут,

Свободные руки с растреснутой кожей.
Счастливчик не знает того,
Как гнется бедняк под тяжелою ношей
Судьбы, невзлюбившей его.

А кто это ходит один стороною?
Не рад ему, видно, никто?
Пошто он не с вами? Пошто головою
Так низко поник он? Пошто?

Счастливые люди — как волны морские:
Их ветер поднимет — бегут,
И то, перед чем нынче гнут свои выи,
При ветре другом — оплюют.

7 марта 1912

85. ЗАЗЫВАНЬЕ ВЕСНЫ

Ты приходи, весна желанная,
Приди!
Гулом жизни и работы
Загуди.

На пригорки и в низиночки
Взгляни,
Сон тревожный, сон наш тяжкий
Разгони.

Ты неси нам радость, силушку
Неси,
Нашу лень и нерадивость
Растряси.

Ты лети возвратной ласточки
Скорей,
Обласкай теплом недужных,
Обогрей.

Нашу жизнь и нашу долечку
Побачь,
Над хлебами теплым дождичком
Заплачь.

Громом-грохотом всё небо
Сотряси,
Ты иди, дары чудесные
Неси.

Одари засеvom добрым
Весь наш край.
Ты приходи и с нами дружно
Запевай.

Тронуть струны нам сердечные
Сумей,
Чтоб на свете жить нам было
Веселей.

Так иди же к нам, желанная,
Иди,
Растолкай ты нашу дрему,
Разбуди!

1912

86. СТАРЫЕ ДУБЫ

По-над Неманом-рекою,
Над водою чистой
Вновь я слушаю весною
Шум дубов тенистых.

Дети века, дети силы,
Жители дубравы,
Чем вы дороги и милы,
Я не знаю, право.

Чем-то радостным и ясным
Вдруг от вас повеет,
И опять напев прекрасный
В сердце пламенеет.

Думы-песни взворохнутся,
Словно листья ваши, —
Силы свежие проснутся,
Станет в жизни краше.

Под зеленой вашей крышей,
Где густые тени,
Много, много раз я слышал
Ваш напев весенний.

А теперь, как посмотрю я,
И вы поредели:
Знать, не все вы бурю злую
Одолеть сумели.

Ой, дубравушка родная,
Дубы вековые!
Снова, снова вас встречаю,
Силачи лесные!

1912

87. БУДЬ ТВЕРДЫМ

Ты не гнишь, мой брат, вовеки
Хилою травой, —
Выкуй счастье человека
Собственной рукою.

Хоть толкуют, что с поклона
Голову не ломит, —
Знай: с татарского полона
Слово это ходит.

Не проси и не надейся
Вовсе на подмогу:
Сам с судьбой-злодейкой бейся,
Сам ищи дорогу!

Хоть помогут тебе люди
Отыскать дороги,
Лишь собьешься, снова будешь
Обивать пороги.

Не ласкайся к сильным, милый,
Лестью честь не купишь:
Будешь жить чужою силой —
Образ свой забудешь.

А едва начнешь шататься —
Люди отшатнутся:
Лучше вольным, брат, сломаться,
Чем терпеть да гнуться!

1912

88. БУДЕТ ГРОЗА!

Ночь наступает, и тучи встают,
Лозы тревожно беседу ведут.
Шепчутся робко листы меж собой,
Спрятался месяца рог золотой.

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать.
Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты, буря, да грянь посильней!

1912

89. МАЙСКОЕ УТРО

В небе бездонном, где тучки купаются
В золоте ярких лучей,
Вольные песни плывут, разливаются,
Слышатся крики стрижей.

Медленно листья трепещут зеленые,
С ветром беседу ведут;
Вишни, белеючи легкою кроною,
Словно невесты, цветут.

Полнится запахом воздух, вливается
В грудь животворным вином;
Моются травы росой, утираются
Ясного солнца теплом.

Тучки свои начинают скитания,
Легких раздумий полны.
Как же прекрасна ты, рань моя ранняя,
Светлые грезы весны!

1914

90

Боже мой! Когда настанет
Снова тишь земная,
К людям солнышко заглянет,
Смокнет буря злая?

Загорелся и затмился
Белый свет войною,
Дым пожаров покатился
Огненной волною.

Гибнут люди, опустели
Хаты и овины,
И от крови покраснели
Горы и долины.

Боже мой! Когда утихнет
Свистопляска эта
И когда, как солнце, вспыхнет
Счастье всего света?

1915

91. ПОЛЕ

Не видать межи в полыни,
Травы буйные кругом,
Поутру хозяин ныне
Не идет в поля с конем.

Пахота — не бабье дело,
Поцарапали едва,
И в сиротские наделы
Глубоко вросла трава.

121

Третье лето миновало,
А хозяев нет и нет,
Голоса-то их, бывало,
Далеко слышны чуть свет.

Где ж вы, где, селяне-братцы?
Вас не слышно, что стряслось?
Межи тихие боятся,
Не ответят на вопрос.

Смотрит поле сиротою,
Сорняки цветут везде.
От вопроса нет покоя:
«Где хозяева-то, где?»

Шелестит в полях тревога,
Пашни тихо шепчут мне:
«И калек, и пленных много,
И убитых на войне».

27 августа 1916

92. ЛЕС

Любо вспомнить лес зеленый,
Сосен пышные короны,
Череду больших стволов,

Где приволье, мир всечасно,
Где и сам живешь согласно
С жизнью сосен и дубов;

А дубы сошлись в колонны
И на елочки влюбленно
Смотрят, словно на девчат.

Здесь бродил я, молчаливый,
Но веселый и счастливый,
Мысли ясны, в сердце лад.

Эх ты, лес! Не раз, бывало,
Здесь душа покой искала,
Согревалось сердце... чем?

Знает только глушь лесная,
Ты да я, да молодая...
Кто? Молчи, будь глух и нем!

3 сентября 1916

93. ВРАГАМ

Зачем же кровь лилась людская?
Зачем губили мирный люд,
И всё добро родного края,
И поколений многих труд?

Народ, как от чумы, помчался,
Себя не помня, в белый свет,
И горький дым столбом поднялся,
И всё кресты росли вослед.

А сколько наших деток милых
У тех дорог войны лежит!
Тиха земля на их могилах,
И разоренный край молчит.

Теперь же вы, убийцы, каты,
Не прочь о мире поболтать,
Но кто же в вас решится брата,
Скажите, каины, признать?

Теперь иссякли ваши силы
В войне, что сами вы зажгли,
Руины вас страшат, могилы,
Неудержимый крах земли.

Народов праздник — день расплаты!
Пожар войны не вам залить!
Так руки прочь, палач проклятый!
Тебе ль о мире говорить!

2 декабря 1916

94. ПОЛЕСЬЕ

Край лесов, край болот
И туманов гнилых,
Хоть ты беден и глух
И хоть в лозах твоих
Ветер осенью злобно шумит, —
Всё же мил ты мне... Чем?
Я не знаю и сам,
Но твой образ моим
Пригляделся глазам,
И к тебе мое сердце лежит.

Я люблю твой простор
И болота твои,
Где шуршат тростники,
Где бубнят бугаи
И где травы, как море, легли.
Если лес там — так лес! —
В десять дней не пройдешь.
А простор — так простор! —
И конца не найдешь,
Не охватишь и взглядом земли.

Я люблю твой покой,
Ясность тихих деньков,
Золотистый убор
И полей и лесов,
Что под солнцем осенним горит.
Я теперь далеко
От полесских равнин,
Но люблю я тот край,
Я родной его сын,
И о нем мое сердце болит.

1916

95. К ТРУДУ!

Пред нами славная дорога,
К труду зовет родимый край.
Пришла весна, работы много —
Науки семя засевай!

Туда, где тьма царила злая,
Несите правды свет живой,
Чтоб озарил он, пробуждая,
Все уголки земли родной.

Пусть будет жизнь светлей и краше!
Не плеть царя, не панский кнут —
Пускай навек в отчизне нашей
Владыкой станет вольный труд!

1917

96. КЛИЧ

Гей, чистые сердцем! Гей, души живые!
Идите вы долю ковать!
В груди вашей силы кипят молодые,
И есть у вас крылья летать!

Но зорко смотрите: болотная плесень
Обманной красою манит;
А гнилью затянет — душа не воскреснет,
В лазурный простор не взлетит.

Вы слышите гул молодого прибора?
Вглядитесь-ка: ясные дни
Встают из тумана чредой золотою —
То нового мира огни.

Спешите же, братья, росой лучистой
Умыться в просторах родных,
Вдохнуть в себя воздух звенящий и чистый
Лесов и криниц голубых.

И помните крепко — на совести вашей
Лежит еще долг вековой:
Тот долг пред народом — ведь полною чашей
Вы черпали опыт живой

Из мудрого клада души его светлой,
Хоть был он унижен и гол.
То он, незаметный, наш труженик щедрый,
На гору вас молча возвел.

Вскормило вас пóтом политое поле,
Земля валунов и песков,
Вас кормит сермяга, что ласки и доли
Не знала от века веков.

Как добрые дети к народу идите,
Зовите сплотиться в борьбе,
В глаза ему правду прямую скажите
О жизни его, о судьбе!

11 июня 1921

97. ЭХО

Коса ли звенит на покосе стальная,
Иль девушка песню поет,
Проносится ль ветер от края до края,
Иль буря ночами ревет,

То ль гром в небесах перебранку заводит,
Потоки ли катятся с гор —
Всё отклик в широких просторах находит,
Всему отвечает простор.

И ты, коль про горе людское узнаешь,
Скорей отзовись, отвечай!
И ты, если кривду людскую встречаешь,
Быстрее свой голос подай!

А радость увидишь — надежды взовьются
И птицей они полетят,
Пушай твои струны тогда засмеются
И песнею счастья звучат!

20 ноября 1921

98. В ПОЛЯХ БЕЛАРУСИ

День добрый вам, я снова с вами,
Просторы вольные земли,
Поля, и горы за полями,
И пашни узкие вдали!

И сосны, старые, кривые,
Привет вам, будто вы родня,
И вам, дороги полевые,
Тропинки, знавшие меня!

И ты, желтеющий песочек,
И юной хвои изумруд,
И вы, березы, что в шнурочек
За оком земли бегут!

И луг над речкой, и на взгорье
Дубы, которым лет по сто,
И — что поповское подворье —
Всё тех же аистов гнездо!

То тут, то там лесок синее,
В ложбине реченька блестит...
Куда ни глянь — покоем веет,
Одна печать на всем лежит:

Раздумья мудрого и грустной,
Завороженной красоты,
И голос вечности стоустой
В согласье этом слышишь ты.

А тучка в небе, в ясном поле,
Собой счастливая, плывет,
И забываешь поневоле
Всю мелкость будничных забот.

Гляжу далеко и широко —
Всё светит тихой добротой...
В тебе есть что-то от пророка,
Наш край-страдалец, край святой!

1921

99. НОЧЬ

Что за ночь! В тишине
Травы засыпают.
Ясный месяц в вышине
Сказку начинает.

Небо слушает тот сказ,
Тучки не качнутся,
Лишь порой — в который раз? —
Звезды улыбнутся,

Чтобы сказочнику их
Было веселее,
Чтобы в небе в этот миг
Делалось светлее.

Только он от похвалы
Что-то застыдился:
Сторож ночи, сторож мглы
Потемнел и скрылся,

Потемнел, увял, поблек
В тучках молчаливых,
И на землю гуще лег
Сумрак сиротливый.

1922

100. ВРАГАМ

Еще колючки проволочных заграждений
Торчат в земле — проклятый след войны;
Еще на кладбищах кресты видны
Над головами жертв кровавых столкновений;
Еще не вспаханы поля былых сражений,
Валы окопные не снесены —
А вы, прислужники кумира золотого,
Острие вновь концы своих клыков
И пеной брызжете из злобных ртов...
Вам кровь нужна! Возжаждали ее вы снова!
Вам нестерпим расцвет союза трудового,
Где всем владеет мир былых рабов.
Ну что ж! Пускайте в ход и клевету, и подкуп,
Науськивайте псов под хрип ворон!
Вам не сломить бунгующих колонн!
Нет сил у вас сдержать могучую походку
Свободной массы, сбившей с ног своих колодку,
Чтоб новой жизни возвести закон!

1927

101. ПИОНЕРАМ

Все раскрыты вам пределы —
Путь широкий,
Звездоокий!
Так идите шагом смелым,
Чтоб земля весной гудела!
Дети бури и свободы!
Утро ваше —
Битвы наши,
И боев октябрьских годы
Дали первые вам всходы.
Семимильными шагами
Выступайте,
Подымайте
Выше крепкими руками
Пролетариата знамя!

13 ноября 1930

102. КОЛХОЗУ «СЛОБОДА»

Не больно велик он, колхоз «Слобода»,
Зато слобожане — народ хоть куда!
Молодки — что вишни, мужчины — кряжи,
А парни — с любого гвардейца пиши!

А дети — ой, славные дети пошли!
Они — украшение колхозной семьи,
В их ясных глазенках отвага, не страх...
Таких не видал я в былых деревнях.

Не слишком велик он, колхоз «Слобода»,
Да в дружной работе народ хоть куда!
Он в гору шагает, он — ветер живой;
Работают все бригадиры с душой,

Колхозники сил не жалеют своих,
Скажу: председатель на месте у них!
И речка на месте, и выгон, и гай,
Глядишь — и в душе занимается май!

1933

103. НА «СВАДЬБУ» ПАНА СТУДНИЦКОГО

Пан по карте, выгнув спину,
С ножницами скачет,
На Советы пасть разинул,
Как на блин горячий.

Беларусь и Украина
Во сне пану снятся,
Он с Японией «невинной»
Хочет обвенчаться.

Гитлер-сват весьма проворен!
Он снабдит приданым!
И «от моря и до моря»
Приглядит за паном.

Пан Студницкий в упоенье
От грядущей славы,
Вот где жирные именья
Шляхтичу Варшавы!

Чтобы пану поклониться,
Пала ниц без шапки
«Белорусская криница»
На четыре лапки,

Тенорочком неудалым
Подвывает рьяно,
Чтоб ей только перепала
Косточка от пана.

Пан, мечтай! Пиши про свадьбы
Толстые трактаты!
Да, гляди, не потерять бы
Жениховской хаты!

11 февраля 1935

104. СЧАСТЛИВАЯ МИНУТА

Сына мать несет из яслей,
Нежит да целует.
И ему про жизнь, про счастье
На ушко воркует:

«Бригадир ты мой удалый,
Свежий цветик маков!
День тебя я не видала,
Как ты там — не плакал?

Нет? Не плакал? Молодчина,
Мой колхозник славный,
Мой ударник, хват-мужчина,
Тракторист исправный!

Добрый хлеб я убираю
На колхозном поле
Да всё думаю-гадаю:
Как-то мой соколик?

А соколик мой — умытый,
Словно месяц ясный,
И причесанный — гляди ты! —
Жалует из яслей.

Вот мой сын какой счастливый,
Знай растет без горя!
Он что всход колхозной нивы
На родном просторе!

К лету будем мы, пожалуй,
С новым детским садом,
Вот где мой заскачет малый,
Лучше и не надо!

Там игрушки — надивиться!
Сам из них ты сложишь
Дом высокий со светлицей,
Клуб построить сможешь.

Подрастешь — учиться будешь
По красивым книжкам,
А кем быть — уж сам рассудишь.
Верно ведь, сынишка?

Может, будешь агрономом,
В инженеры ль выйдешь.
Мы теперь везде как дома,
Всё твое, что видишь.

А пилотом стать случится —
Знай по небу плавай
Да простор его лучистый
Полни летной славой!

Пролетишь над нашим полем
Ты на самолете
В самый раз, как я, соколик,
Буду на работе.

В небе громко, басовито
Загудят моторы,
Всколыхнется в поле жито,
Смолкнут разговоры.

Заслоним глаза, а лица
К небу запрокинем,
Где гремит стальная птица
По просторам синим.

Надо мной промчишься бурным,
Грозным ураганом,
Ловко сделав круг фигурный
Вон над тем курганом.

Да письмо мне с самолета
Сбросишь на прощанье:
Мол, от сына, от пилота —
Колхознице Ганне!

То-то мать гордиться будет
Смелой хваткой сына,
Как тебя похвалят люди:
„Наш, мол, молодчина!“»

Улыбается сыночек,
Смотрит безмятежно,
К материнской груди щечкой
Прижимаясь нежно.

9 октября 1935

105. ЗАГИБЕЛЬКА

Посвящаю К. Крапиве

Я был в Париже. Город — ничего...
Но Загибелька мне приятней всё ж...
Гриба в лесу Булонском не найдешь,
А в Сене нет леща ни одного...

Эпиграмма К. Крапивы

Немного, может, я чудной,
Но всё ж люблю я Загибельку:
Там каждый кустик мне родной,
Там над прозрачною волной
Готовит берег мне постельку.

Я там бродил, встречал восход
Не раз весеннею порою,
Следил, как день идет в поход,
А с ним и тучек хоровод
Плывет и тает надо мною.

Замедлишь шаг. Покой и тишь —
Травинка даже не качнется,
А ты задумчиво глядишь,
Как будто здесь во сне стоишь
И слышишь: песня тихо льется.

На дол посмотришь — беден он:
Один песок, залегший плотно.

Но даже там со всех сторон
Мох, вереск и кукушкин лен
Ползут и ткут свои полотна.

А сколько здесь цветов цветет,
А сколько красок здесь пылает!
Над ними звон и гуд встает,
Над ними солнышко плывет
И радость щедро разливает.

Бредешь один вперед, назад,
Минуешь сотни поворотов,
Войдешь в борок. . . и сосны в ряд,
Как будто женщины стоят,
Как будто ждут они кого-то.

Идешь и час и два часа
Через пустыри и перелески,
А сверху льются голоса,
Да так, что слушают леса,
Надев причудливые фески.

А вот и озеро-окно —
Такое редко где найдется, —
Среди болотища — одно,
И почему-то здесь оно
Гремячим озером зовется.

Лежит болото, каждый шаг
Глухим безмолвием окутав,
И лишь качает на ветвях
Сто тысяч шапок и папах,
Десятки тысяч парашютов.

Настроившись на философский лад,
Порой стою в лесной дремоте:
Куда ни глянь — наш край богат,
Дадим болоту шах и мат —
И будут нивы на болоте!

И так, с собой наедине,
Я узнавал тот край всё ближе,

И вот, узнав его вполне,
Скажу, что в Загигельке мне
Милей и лучше, чем в Париже.

4 ноября 1935

106. РАСКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Зашумела, забурлила,
Струями играя,
Родников свободных сила
Без конца, без края;
Рушит горы, сносит скалы,
Запружает реки,
Чтоб созвездья там сверкали,
Где был мрак от века;
Чтоб насытились заводы
Все электротоком,
Светлый день неся народу
Далеко-далеко.
Этой силой в нашем крае
Мир чудесный создан!
Эта сила залетает
В поднебесье к звездам.
Расправляет плечи-крылья
Прометей на воле.
Стали дни поэмой-былью,
Сказочною долей.
Кто, откуда те герои —
Демченко, Стаханов,
Что идут победным строем,
Шагом великанов?
У кого еще на свете
Так же жизнь богата?
Таковы уж, видно, дети
Пролетариата!
Слава родине свободной,
Нивам и дубравам,
Большевицким нашим годам,
Ясным зорям — слава!

14 ноября 1935

107. ЯНКЕ КУПАЛЕ

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вышел юноша когда-то
Из села, где рос ребенком.
Лес грустил в огне заката,
Кто-то пел в просторе звонком.

На полосках дали синей
Тени сумрака мелькали,
Сумрак стлался по долине,
Разливалась песнь печали.

Крест понурый, символ мрачный,
Путь означил, как могилу.
А мужик, босой, невзрачный,
Темя скреб себе уныло.

Слушал юный песни горя,
Яви впитывал напевы,
Чтоб в глаза кровавой своре
Их швырнуть словами гнева.

Он будил в народе силы,
Полной горстью сеял зерна,
Чтоб побольше правды было
И поменьше — кривды черной.

И слагал он песни-были
Для услады, для утехи
Тем, кого весь век давили
Их соломенные стрехи.

Он разнес немало песен,
Ярких песен по проселкам;
Общий путь ему был тесен,
Как идти, не знал он толком.

Только буря грозным гимном,
Волей Ленина пропетым,
Заклубясь над фронтом дымным,
Даль открыла пред поэтом.

День наш нынешний — просторы,
Светлый путь к чудесной цели,
День наш — сказка, о которой
Только грезить люди смели.

По осушенным трясинам
Тем путем идут герои,
Чтобы сделать мир единым,
Миром нового покроя.

Пой, певец наш, с новой силой
Славь уход от бед постылых,
Честь отчизны нашей милой,
Честь орлов ширококрылых!

20 ноября 1935

108—109. *О С Е Н Н Е Е*

1

Поднимает гомон ветер непокорный
На суровый лад.
Холодеет. Звезды ярче ночью черной.
Дни идут на спад.
Сгорбленная осень под руку с ветрами
В слякоти бредет,
Отсыревшим ставнем хлопает по раме,
Мокнет у ворот.
Кончилось лето. Отзвенели песни,
Громы бурных гроз.
В юности я думал: есть ли что прелестней
Летних теплых рос?
Тосковал по лету, как по той любимой,
Что взяла покой,
И венки сплетал ей я из дум, палимых
Страстью и тоской.
С той поры немало сплыло дней суровых,
Много лет прошло.
И на свет гляжу я нынче с вышек новых
В новое стекло.

Вижу и читаю новые скрижали —
Вот встают они:
Вольные дороги, солнечные дали,
Без конца — огни...
Позабыв печали, я люблюсь гордо
Родиной своей,
Наполняют сердце дивные аккорды,
Гимн великих дней.
Оттого сегодня не тужу о лете,
О своей весне
И о том, что тихо навевал мне ветер
В юношеском сне.

2

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ

Много гибло в драках жизней человеческих
Из-за пастбищ чахлых,
Из-за пашни хилой.
Стерegli мы наши межи, хаты, печи,
Гнулись на полосках
С детства до могилы.

Не жили — коснели на глазах с повязкой,
Был весь свет закрыт нам,
Не было раздолья.
Нынче это лихо — только злая сказка,
Дикий сон о прошлом,
Память о неволе.

Выйдите на поле да взгляните, братцы:
Не окинesh глазом —
Так простору много!
Вот он, край привольный, есть за что нам
братсья...
Широко легла ты,
Сельская дорога!

Поисчезли межи — сумрачные знаки
Жуткого бездолья
И судьбы проклятой,

Ныне — ширь, безбрежность, где ветры-гуляки
Ходят сановито,
Как сватья когда-то.

Этакой и бере шири не имели
И иметь не будут,
Не увидят боле.

Сорняки те с корнем вырвать мы сумели,
Что сосали соки
Из несчастной голи.

Всё быстрее былому новь идет на смену...
И земля не та уж,
И не те уж люди.

Быль-злосчастье тает, как от солнца пена,
В нашей жизни новой,
В неумолчном гуде.

Вкруг сегодня глянешь — не узнаешь края:
Выросли поселки
Вместо топей, гатей,
А взамен лучины, весело блистая,
Ильичовы лампы
Светят в каждой хате.

Пролегли стрелою сквозь леса, сквозь недра
Полотном накатным
Ровные дороги.
Едешь — сердцу радость. Числишь километры,
А их много-много,
И они так строги!

А во время жатвы высыплют бригады,
Загрохочет трактор,
Загудят машины.
Был ли нами в прошлом строй подобный гадан.
Труд такой совместный
Дружную общиной?

Колыбель с собою мать не тащит боле
В час горячей жатвы
На плечах несчастных.

Писка, перебранки не слышать на поле:
Наши дети в яслях
И в садах прекрасных.

И о наших детях нынче мы не тужим:
Свет им разгорожен,
Им дороги гладки,
Чтоб расти и выйти поколеньем дюжим,
Новым поколеньем
Большевистской складки.

Наши дети нынче — сами командиры,
Летчики-герои,
Доки-инженеры.
То они достигли ледников Памира,
На далекий полюс
Пробивают двери.

Кто штурмует небо, кто стоит в дозоре,
Где никто доселе
Не ходил на свете?
Кто соединяет с дальним морем море?
Это наши люди,
Это наши дети!

Вот таких героев, преданных и верных,
Воспитала мудро
Партия родная.
Сходит мгла с просторов, вольных и безмерных,
Юность бьет живая.

Оттого я ныне, на ущербе лета,
Не тужу о лете,
Как тужил, бывало,
Ибо радость-песня нами не пропета,
А весна звучит мне
И в листе завялом.

1935

110. ПОЭТАМ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

Распахнем мы вам двери пошире,
Вас встречая как близких своих,
В красный угол, как водится в мире,
Мы посадим гостей дорогих.

В откровенной и дружной беседе
Поведем мы трудам нашим счет,
Что, мол, сделали мы, что — соседи
И что надо нам сделать еще.

Все живем мы семьею согласной
На просторах советской страны,
И, как день, нам пути наши ясны
И огни нашей цели видны:

Для отчизны слагать свои песни,
Как никто не слагал никогда,
Чтобы пели их с нами совместно
Все деревни и все города.

И любовь не иссякнет в народе
К нам, поэтам советской земли,
Что в великие дни половодья
Нераздельной семьею выросли.

7 февраля 1936

111. КОМСОМОЛЬЦАМ

Привет вам, племя молодое,
Земель советских ясноцвет!
Дорога ваша — путь героев
В сияние грядущих лет.

Как солнце, первые в походе,
Стихиям злым наперекор,
Вы с песней шли, как половодье,
На штурмы недр и диких гор.

Сплоченно, гордо пламенея,
В пути не путая рядов,
Вы шли вперед, как чародеи,
Преграды все переборов.

Простор земли и поднебесья,
Болота, реки, глушь тайги
Ловили звонкий голос песни,
Горячей юности шаги.

Туда, где дым и грохот боя,
Где лишь отважные нужны,
Несли вы сердце молодое,
Борьбы и мужества сыны!

Вам страх не подгибал колени,
Без сил не падала рука, —
Всегда был рядом с вами Ленин,
Был в вас закал большевика!

Вперед же, войско молодое,
Всегда таким прекрасным будь!
Твоя дорога — след героев,
Былинный эпос, звездный путь.

Шагайте ж с песней боевою!
Привет вам, юные мои!
Пред комсомольскою волною
Враждебный мир не устоит!

8 марта 1936

112. В МАЙСКИЕ ДНИ

Песнь тоски и боли
В горе да в тревоге
Я когда-то пел.

Не было мне воли,
Не было дороги —
Был таков удел.

Злая та кручина
Сгибла, превратилась
В быль далеких лет.

Темная пучина,
Где беда гнездилась,
Сведена на нет.

И куда ни глянешь —
Близко ли, далеко ль —
Жизни нег полней.

Радуются взгляды
Солнечным потокам
Наших ясных дней.

Ширь колхозных пашен
Без межи-границы
И колосьев звон,

Взлет победы нашей,
Отблески зарницы —
Всё как яркий сон.

Вешний ветер дует,
Ветер мчится мимо,
Шепчет и поет.

Радость молодую,
Сказ неповторимый
Людам он несет.

И шумит мне ветер
Солнечного края,
Как вещун-баян,

Что по всей планете
Май пройдет, сверкая,
Разогнувши стан.

Пусть же сатапеет
Вражеская свора —
Злое воронье:

Май весною веет,
Он постелет скоро
Саван для нее!

Свежий ветер ходит
По полям, по селам,
Слушай, понимай:

«Шумным половодьем
Май придет веселый,
Наш победный май!»

Радостным напевом
По земле открытой
Ветер носит весть:

«Большевистским гневом
Цепи рабства сбиты, —
Ты хозяин здесь!»

Песнями привета
Ветру вторят дали,
Мы поем им в тон:

«Партии великой
От души спасибо,
От души поклон!»

25 апреля 1936

113. ПЕСНЕЙ ПРИВЕТСТВУЮ ВАС

И широки же колхозные нивы!
В далях теряется взор!
Стежки-дорожки бегут торопливо,
Меряют синий простор.

Мир разгорожен, запаханы межи,
Стало на нивах светлей,
В поле работает сильный, прилежный
Трактор — хозяин полей.

Смогла навеки песня неволи,
Жалоба-песня мертва.
Ясные дали! Привольное поле!
Песни счастливой слова!

Труд подарил нам радости песню,
Ей незнакома печаль.
Ясное завтра! День наш чудесный!
Синь, безграничная даль!

Жить стало лучше, и на просторе
Песни, что мак, расцвели.
Ими наполнены степи и горы
Вольной советской земли.

Песни вскипают звоном-разливом,
Славят цветущий мой край,
Песням веселым, песням счастливым,
Сердце мое, отвечай!

Марш победителей в радостном гуде...
Радости много сейчас.
Солнечный край мой, свободные люди,
Песней приветствую вас!

26 июня 1936

114. РАДОСТЬ

Веет ветер по долине,
Веет-повевает
И про счастье мне, девчине,
Песню напевает.
Расстилаются без края
Светлые дороги.
Легким шагом я шагаю
Смело, без тревоги.

Выйду, гляну я на поле,
Гляну — усмехнуся:
Где ж такое есть раздолье
Для тебя, Ганнуся?
Стерты плугом злые межи,
Что поля глушили,
Льется жита шелест свежий
По колхозной шири.
Безземелье где лихое,
Спутник жизни нищей?
Скрылось с барской кабалою —
И следов не сыщешь.
Нету больше вашей власти,
Тесные наделы.
Прочь ушли года несчастий,
Горе отлетело.
Новый шум в полях за рощей —
Жнейки застучали,
Режет землю трактор мощный
Из советской стали.
Шелестят поля под ветром
Добрым урожаем.
Ходит он, кормилец щедрый,
Нашим вольным краем.
Пусть враги ордою дикой
Вновь подкопы роют —
Не видать в стране великой
Им былого строя!

Веет ветер по долине,
По лесу играет,
Вольный путь перед девчиной
Всюду пролегает.
Мол, теперь тебе открыты
Все пути-дороги,
Знай вперед себе иди ты —
Сломаны пороги!
Я — комбайнер, трактористка
Первая в бригаде.
Я — пилот, парашютистка
Лучшая в отряде.

Я — директор на заводе,
Агроном умелый. . .
Прежде кто слышал в народе
Про такое дело?
И в семье дана мне воля:
Без отца, без бога
Выбрать мне самой позволят
Друга дорогого.
Где живут так вольно люди?
Иль не радость это?
Чье же сердце не полюбит
Милый край Советов?
(1937)

115. УСТЬЕ

Я вновь живу от города вдали,
Найдя приют в лесистом захолустье. . .
И весело всегда стихи текли,
Лишь вспоминал я уголок земли —
Заросшее, покинутое Устье.

Пускай пески желтеют там и тут,
Пусть не цветут здесь южные породы, —
Но мил душе гостеприимный люд,
И холмики пологие встают
В убранстве скромной и простой природы.

О сосенки-бородки! О пески!
Родной пейзаж на летнем солнцепеке!
Здесь в жаркие, погожие деньки
Ты пьешь смолистый дух, что ветерки
Несут в своем невидимом потоке.

Как в том краю чарующи леса!
Сошлись к дорожкам и тропинкам сосны.
Какой покой глубокий и краса!
Вот вереска краснеет полоса,
Гвоздики белой коврик медоносный.

Стоишь, бывало, в затишке один,
И целый мир лежит перед глазами:
Теплынь струится от лесов, долин,
Прогретый воздух свой прозрачный тын
За Свислочью возводит над полями.

Живет, дрожит, волнуется простор,
И каждая букашка тащит что-то:
Движенья сколько возле гнезд и нор!
Чебрец пушистый расстелил ковер,
Сзывая пчел, — тут есть для них работа.

Под горкою лучистый поясok —
То Балачанка светлую струею
Ласкает невысокий бережок.
Как хорошо, прилегши на песок,
Понежиться здесь утренней зарею!

Раскрыв шатры, богатыри-дубы
Стоят за речкой лагерем могучим.
В борьбе с дубами вихри все слабы, —
Вершин ветвистых гордые чубы
И в час грозы не бьют поклонов тучам.

За Балачанкою, где Блужский бор
Веселым шумом наполняет дали,
Как будто охраняя косогор,
Над ельником склоняет свой убор
Сосна-старуха, затаив печали.

Натянутые струны тишины
Звонят от песни, что на крыльях мчится;
Гудит мотор в волнах голубизны;
Купаясь в солнце, дни моей страны
Не устают счастливой песней литься.

Летит-гудит над Устьем самолет,
А кое-где внизу — кривые хатки,
Заборы старые. . . Но мой народ
Там светлые строенья возведет,
Добьет былого жалкие остатки.

Тут волю я даю своим мечтам,
Знакомых мест я скоро не узнаю:
Прочь выметут колхозы старый хлам,
Я новые дома увижу сам
И Устья ни на что не променяю!

10 ноября 1937

116. ЖИВЕТ РУСТАВЕЛИ

Ни бури, ни вихри, ни черные годы
Его не задели,
В сказаньях-былинах и в думах народа
Живет Руставели.
В кристальных ручьях вдохновенного слова
И в песенной трели,
Звучащей из вечности снова и снова,
Живет Руставели.
В весенних зарницах певучего дара,
Что мир облетели,
И в образах ярких, светлее лазури,
Живет Руставели.
И в добрых порывах, чем души людские
Горят и горели,
В минуты покоя и в дни боевые
Живет Руставели.
Чудесные струны в старинные годы
Грузинам звенели,
Под солнцем советским на радость народам
Расцвел Руставели.

15 декабря 1937

117. Я ЖИВУ

В лугах сырые сумерки легли,
И гаснет запада печальная усмешка.
Размыв границу неба и земли,
Ночь медленно туманится вдали
И прячется в траве зазябшего обмежка.

Так страшно вдруг пейзаж теряет вид,
Скрывается во мгле, в потемках тихо мреет.
Широкий дуб, с дубравой темной слит,
Тревожное безмолвие таит,
И горькой духотой над пожнею чуть веет.

Дневная суматоха улеглась,
И только коростель скрипучий на болоте,
Да облака, с полудня громоздясь,
Поблескивают, медленно клубясь,
Кипящей гущею в огнистой позолоте.

Такой вокруг покой, и трудно мне
Ревниво не следить, как тучи полыхают,
Как будто там, в их темной глубине,
На миг очнется кто-то и вовне
Мечты прельстительной сигналы посылает.

Молчу, как зачарованный, стою,
Окутан тишиной, согрет земным дыханьем.
Со всей землей согласно я пою,
И каждый миг себя я сознаю
Частичкой, слитою с великим мирозданьем.

1937

118. СИЛА МОЛОДАЯ

Что ни день, что ни час
Наша сила растет,
Сила молодая.
Кто ни взглянет на нас —
Сам, как май, расцветет,
Юность вспоминая.

С половодьем весной,
С буйной бурей лесной
Схожа сила эта, —
Ведь суровой войной
Кован дух боевой,
Родиной согретый.

Бездны синих высот,
Дикой Арктики льды
Доблесть нашу знают.
Даль без края — не в счет,
Нет преград молодым,
Грозы не пугают.

А дорог-то, дорог
Необъятных каких, —
Грудь раздольем дышит!
Не жалея только ног,
Сил своих молодых,
Да знамена выше!

Старый мир из норы
Вслед, испуган и нем,
Смотрит, замирая.
Мчится глыбой с горы —
Не удержишь ничем —
Сила молодая.

Где, в какой стороне,
Кто еще так живет
Вольно и богато?
По Советской стране,
Как река в ледоход, —
Наш порыв крылатый.

А задумает враг
Стать у нас на пути
И не дать проходу —
Втопчем в землю, как прах,
И костей не найти,
И не встанет сроду.

Что ни день, что ни час
Наша сила растет,
Сила молодая.
Кто ни взглянет на нас —
Сам, как день, расцветет,
Как улыбка мая.

1 сентября 1938

119. УСТЬИНСКИЙ ХОЛМ

Заветный холмик в Устье отыскав,
Люблю в свободные мгновенья
Я в соснах наслаждаться тенью,
Вести беседу, слушать пенье,
Впивая мед лесов и запах трав.

Пусть не богат, не славен холмик мой,
Пусть он простой, не знаменитый,
Но чебрецом зато покрыт он,
Там пчелки вьются деловито,
По капле мед собирая золотой.

Ковер гвоздики близ холма расцвел,
Легко махровые снежинки
Легли на тонкие тычинки,
Колебля слабые былинки,
Украшивши песчаный этот дол.

Чудесный вид мне с холмика открыт,
Голубизна сквозит далече,
Семья дубов широкоплечих
Стоит, как воины на вече,
Что солнышко приподняли на щит.

А там луга вдоль Свислочи легли,
Лозняк с ольхой сплелись ветвями,
Над островками, пустырями
День веет синими шелками,
Что вытканы дыханием земли.

Вон аисты, чьи крылья тяжелы,
Сюртук надевши черноперый,
Оглядывают косогоры,
Как землемеры-ревизоры
Иль важные заморские послы.

Алмазами росы сверкает луг,
След за охотником ложится:
Стрелок высматривает птицу.
Какой улыбкой взор искрится,
Когда бекаса он подстрелит вдруг!

Всё видно мне, все звуки мне слышны:
Шум трактора за Балачанкой,
И мельница, что крыта дранкой,
И песнь девчат из Березанки,
И небо — сплошь окно голубизны.

Я с холмика в засушливые дни
Гляжу в окно, как чередою
Клубятся тучи предо мною,
Я покорен их красотою —
В них гром грохочет, молнятся огни.

... Теперь живу от Устья я вдали,
Сижу среди книг, чернил, бумаги.
А в мыслях — лес, грибы, овраги,
Клев рыбы в час вечерней влаги,
Дары колхозной радостной земли.

Из этих дум венки я вью простой.
В нем вся теплынь и голос лета,
Что солнцем ласковым согрето,
В нем мирные мечты поэта...
И всё — тебе, о Устье, холмик мой!

18 октября 1938

120. ДЖАМБУЛУ

В полях Украины, в предгорьях Памира,
В казахских счастливых аулах
Гремит многострунная звонкая лира,
Симфония песен Джамбула.

Чудесные песни его — словно зори,
Что утром сверкают в лазури,
Что радугой блещут в небесном просторе,
Сплетаясь из солнца и бури.

И дышит в них свежесть и юная сила,
В них мудрость живет Казахстана,
Порывы потоков, орлиные крылья
В пленительных думах баяна.

Плывут его песни от края до края,
Полны вдохновенного гула.
Я деду Джамбулу привет посылаю,
Люблю я акына Джамбула!

Приветствую славную партию нашу,
Что руки народов сомкнула
Для дружбы великой, для дружбы всегдашней,
Что нам подарила Джамбула.

1938

121. КРАСНАЯ АРМИЯ

Красная Армия — это скала,
Львиная храбрость и зоркость орла,

Чести, свободы пламенный щит.
Красная Армия — это гранит,

Воля стальная и сила земли,
Где новые зори над миром взошли.

Красная Армия — грозный народ,
Красная Армия — мужества взлет,

Великого сердца горячая кровь,
Наша уверенность, слава, любовь.

Красная Армия — символ побед,
Красная Армия — солнечный свет.

Страшен железный ее ураган,
Красная Армия — смерть для врага!

1938

122. НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Легла дорога столбовая,
Она зовет меня вперед;
Иду, и мысль растет живая,
И чувство новое растет.

Куда ни гляну — ширь и воля,
Уходит к небу дальний лес.
Межи давно не видно в поле,
Бурьян — и тот с земли исчез.

Цветут луга в одеждах новых,
Шумит листвою зеленый сад,
И ветер в запахах сосновых —
И он шумит на новый лад.

Глядишь, дома встают, белея,
То с той, то с этой стороны,
И тешат новизной своею,
И сердце радуют, стройны.

Вон там, раскинутый над долом,
Клубами к небу всходит дым,
И весть несет колхозным селам
Гудок напевом молодым.

Ползут по склону через кочки
Волы стальные вверх и вниз,
Ведет их девушка в платочке
Иль комсомолец-тракторист.

А тут, где лишь вчера болото
Плитой лежало гробовой,
Колосья поднялись без счета,
Качая гордой головой.

И над осушенной трясинной
Пластами торф лежит, как щит,
И высятся над всей равниной
Громады черных пирамид.

Идут колхозные подводы,
Товар везут грузовики,
И всё моложе год от года
Седые даже старики.

Леса полны весенним зовом,
На край свой любо мне взглянуть.
К земле, в ее наряде новом,
Хотел бы сердцем я прильнуть.

1938

123. ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Я в твоих глазах,
Двух глубоких, как небо, криницах,
Вижу долгий шлях,
Богатырский взмах
Ввысь, где светит заря-заряница.

Путь прошел ты свой
Как борец с непреклонною силой.
Не угаснул твой
В тьме огонь живой, —
Прахом пал твой мучитель постылый.

И растет один
Злой бурьян на могиле тирана,
И дымит польнь
На дурной вспомин,
И, как пугало, пустошь кургана.

А ты жив, кобзарь,
И живут твои песни на свете.
И тебе, как дар,
Вольных песен жар
Твои внуки приносят и дети.

И приносят их
Все народы Советского края,
Что в тяжелый миг
Из криниц твоих
Пили, в тьме бездорожья блуждая.

Ширь цветущих стран
Солнцем радостным ныне сияет,
И кобзарь-баян,
Словно великан,
По земле своей с песней шагает.

Я в твоих глазах,
Двух глубоких, как море, криницах,
Вижу светлый шлях
И орлиный взмах
Вдаль, где зори горят, заряницы.

14 января 1939

124. КЛЯТВА

Перед родиной любимой
С правотой неколебимой
Клятву я даю.

Край родимый, как святыню,
Навсегда беречь отныне
Клятву я даю.

Охранять его границы,
Как очей своих зеницы,
Клятву я даю.

Для ее красоты и славы
Честно в бой идти кровавый
Клятву я даю.

Где врага ни обнаружим,
Бить его любым оружием
Клятву я даю.

Всходы новые взлелеяв,
Прятать тайну от злодеев
Клятву я даю.

Жить в готовности к походам,
Помнить долг перед народом
Клятву я даю.

И, что клятва нерушима,
Заверяю край любимый,
Родину мою.

21 февраля 1939

125. МОЙ ДОМ

Меж нив тропинкою слепою
Иду медлительной стопою
И озираю всё кругом.
Под крышей ярко-голубою
Какой-то доброю рукою
Построен мне просторный дом.

Уютно в нем, добра он полон,
На всем вокруг в тиши безмолвной
Видна мне мудрости печать.
Как будто паруса по волнам,
Несутся тучки стаей вольной.
«Куда летите вы?» — Молчат.

Вон в берегах своих размытых
Блестит речонка под ракитой
И целый мир с собою мчит.
А луг зеленым аксамитом,
Цветков венками перевитый,
В роскошной красоте лежит.

И моего уединенья
Друзья — дубы — полны движенья,
Ветвями тянутся вокруг.
А сколько сладкого томленья
В песках, что под лесною тенью
Спадают золотом на луг!

Как много вольного разгона,
Как много песен, шума, звона,
Что ни послушай, где ни глянь!
Свои обычаи, законы,
Свои у каждой песни тоны,
Своя природе мудрой дань.

Иду я, край свой озирая,
И сам с собою рассуждаю,
А на душе такой покой!
И песня в нем звучит живая,
Свой голос в дружный хор сливая
И с этим небом и с землей.

13 апреля 1939

126. НАД СВИСЛОЧЬЮ

Стряхнули одежды леса,
Смолкают и птиц голоса,
И травы повяли.
Глядят сиротливо луга,
Как пни, потемнели стога,
Намокли, опали.
Туман и тоска над землей,
И ветви холодной росой
Кропят, как слезами.
И я вспоминаю в тот миг
О лете, пропевшем свой стих
Листвой и цветами.
К тем далям лечу я душой
На зори, на пир золотой
К дубам над рекою.
Виденья и музыки звон,
Как тихий чарующий сон,
Плывут надо мною.

Солнце встает из-за Блужского бора
И стелет по взгоркам парчу золотую,
Багрянцем украсило ель вековую,
Что встала, как мать, и семью молодую
Хранит, величаво шумя над простором.

Шелка облаков уже прячут куда-то —
Должно, чтоб на солнце они не слиняли;
Как бусами, росы траву разубрали.
Разлившись в покое торжественном, дали
Внимают ликующим песням крылатым.

Как вольно, как молодо летнею ранью,
Когда просыпается тихая нива:
Колосья на солнце глядят, как на диво,
Над заводью ходит туман белогривый,
И луг наполняется звоном, сверканьем!

Иду не спеша я на Свислочь с удою,
С краюхой, с червями, распахнутый, босый,
И ноги мне моют прохладные росы;
Всем сердцем я слушаю день стоголосый,
Дубов литургию над быстрой водою.

Тут счету им нет! И все, как магнаты,
Горды, неприступны, глядят сановито,
Как будто собралась царская свита:
Один вон в плаще, жемчугами обшитом,
Другие же в тогах, отменно богатых.

А там старичина уж век доживает,
Стоит почернелый, и нет на нем кроны,
Забытый, как нищий, для всех посторонний, —
Летят к нему только монашки-вороны,
Буслица-вдова иногда навещает.

Унылая старость! И вдруг я невольно
С тоской вспоминаю: всему есть кончина!
Как долго протянется век старичины?
А мне далеко ли до той годовщины,
Когда я покину всё это приволье?

Но грусть мимолетна, и вновь я шагаю
По листьям и мхам, по зеленому чуду,
С удою сажусь на песчаную груду,
На зло и на зависть рыбацкому люду, —
Рыбак рыбака ведь всегда проклиняет!

А Свислочь играет, шумит, не смолкая,
Меж трав изумрудных, в горячем цветенье,
И вдруг то темнеет от облачной тени,
То снова сияет в довольстве и лени,
Деревья, осоку и птиц отражая.

Напротив — Кручок, заповедное царство
Над озером старым, запущенным ныне;
Там буйствуют травы, ивняк и осины,
Там льется с зарею поток соловьиный,
Там дичи несметной свое государство.

Мне всё тут знакомо: моя Балачанка —
Вон там, за холмом, она в Свислочь впадает,
Кустов прибрежных гряда молодая,
И Блужское поле, и пустошь глухая,
И та вон тропинка, и та вон полянка.

На берег из Устья доносятся звуки:
Часы проверяет петух голосистый,
Смеются мальцы безмятежно и чисто,
По травам коса пролетает со свистом,
И где-то слышны топора перестуки.

Сегодня село, как корабль, отплывает
К другим берегам — счастливым и вольным,
Несут мое Устье могучие волны;
Лишь клен сиротиной глядит, удивленный,
И что здесь стряслось — старичина не знает.

«Ну что же, бывайте, — скажу им с душою, —
Живите и стройтесь по дружбе, не споря,
Советской семьей на колхозном просторе,
Навеки забудьте унынье и горе,
Да будет вам счастье большое-большое!»

Сквозь кудри кустарника сыплются стрелы,
И солнце выходит, всей славой блистая,
Туман в тростниках расплзается, тает;
Вдруг солнце на мой поплавок приседает,
И радужный луч разгорается смело.

А я неотрывно слежу за лесом,
Звенит комарье и впивается в уши.
Я жду, когда рыба, червя обнаружив,
На полавке моем солнце потушит, —
И к дому вернусь я с богатой сумою.

Но если не клюнет совсем — не горюю,
Я радуюсь солнцу, алмазному лугу,
Безбрежному небу и ветру, как другу,
Что ходит, как солнце, по вечному кругу
И тучу, коль надо, несет дождевую.

Я радуюсь лету, колхозному люду,
Веселью и чарам родимого края,
Цветам, мотылькам, что порхают, играя, —
Всему, чем отмечена жизнь молодая.
Так пусть эта юность нетленною будет!

3—13 ноября 1939

127—128. 17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

1

ГУДИТ ЗЕМЛЯ...

Гудит земля, дрожат леса,
Им гулко вторят дали,
А в небе льются голоса
Крылатой, звонкой стали.
Гремит, шумит, как ураган,
Земли свободной сила.
Спустилась ночь на вражий стан
И плотно дверь закрыла.
Ударил гром, и нет панов,
И нет границ постылых:
Прогнивший строй былых веков
Не встанет из могилы.
Огнем Кремля пылает стяг
Над пробужденным краем,
Горит он в утренних лучах,
Ветрами колыхаем.
Идут полки, спешат бойцы
Советской славной рати,
Свободу, мир, как их гонцы,
Приносят каждой хате.

Народ глядит бойцам вослед
На стяги боевые:
Таких бойцов не видел свет, —
Спасибо вам, родные!

2

СВОЕМУ НАРОДУ

На простор, на раздолье полей
Выйди радостной, дружной семьею, —
Сотни новых и ясных путей
Жизнь расстелет теперь пред тобою!

Новой доли восходит заря,
Будешь жить ты без панской опеки:
Отошла, отцвела их пора,
И панам не вернуться вовеки.

Погляди, как просторно вокруг,
Как притихли дворцы и костелы!
Всё твое: это поле и луг,
Строй в дворцах для детей своих школы.

Так иди с нами вместе вперед,
Распростившись с бедою-тревогой.
Нас к счастливым вершинам ведет
Наша партия верной дорогой.

На простор, на раздолье полей
Выйди радостной, дружной семьею, —
Сотни новых и ясных путей
Жизнь расстелет теперь пред тобою!

1939

129. НЕ ГРУСТИ

Сыну

Ты не грусти! Минует осень,
Зима растает, словно дым,
И усмехнется неба просинь
Под вешним солнцем золотым.

Вновь зацветут поля с лугами,
Свой крепкий сон стряхнут леса,
И ты расслышишь в птичьем гаме
Дерев земные голоса.
В зеленом зашумят уборе
Дубы, прожившие века,
И, всплыв на небо, разузорят
Его ажурно облака.
Их лоскутки сольются в тучу,
Отчалит туча, как паром,
И по небесным синим кручам
Пройдет обходом первый гром.
И мы с тобой в свои обходы
Пойдем на речку, под дубы,
А позже — в добрую погоду —
Тихонько двинем по грибы.
Чего-чего мы там не встретим!
Услышим много голосов
В прохладном, звонком полусвете,
В дремучих зарослях лесов!
Облазим мы густые чащи,
Не обминем своих лужков,
И кузов полный мы притащим
Домой седых боровиков.

1939

130. РАЗЛУКА

Разошлись с тобой мы в тревожный час
Под напевы сирен и моторов.
Ясный летний день плыл на запад, гас,
Утопая в багровых просторах.

Подымался дым. Грозный блеск, как кровь,
Выше туч возносился столбами,
И под вихрями грозových ветров
Разливалось по городу пламя.

На восток я шел. Ты за шагом шаг
Удалялся своею тропюю.
Разлучились мы, но слеза в глазах
Не светилась тоскливой росюю.

Ничегошеньки друг о друге, брат,
Мы не ведаем, где-то блуждая.
О, как сладок мне дым родимых хат,
Ароматы лесов и лужаек!

Как бы я хотел поглядеть, взглянуть
На чудесное поле родное,
Воздух нив моих еще раз вдохнуть
И прильнуть к ним своей головою!

И не будет мне на единый миг
Ни покоя, ни радости, братец,
До тех пор, пока стая псов чужих
Зло лихое творит в нашей хате.

Где бы ни был ты, днем и в час ночной,
Помни только одно, друг мой милый:
Подымай народ, кличь, веди на бой,
Чтоб душисть нам змею со всей силы.

Чтобы понял враг, как наш гнев велик,
Как мы любим свой край и свободу,
Чтоб злодеи смерть там навек нашли,
Чтоб нам больше не видеть их сроду.

19 июля 1941

131. ГОЛОС ВЕТРА

Загудел суровым шумом
Ветер вольный, солнца сын,
И моим навстречу думам
Вести мчит с родных долин.

Голос ветра невеселый:
«Враг сжигает наши села,
Топчет нашу он сторонку,
Нет пощады ни ребенку,

Ни девчине, ни седому,
Ни имуществу, ни дому,
Ненасытный враг и лютый
Издевается над людом.

Изверг, выродок проклятый
Заливает кровью хаты,
Долю горя и печали
Зверь сулит нам, зубы скаля».

Замолчал родной мой ветер. . .
«Не грусти, брат, — шепчет он. —
Лютый враг за всё ответит,
И развеется полон.

Не согнул народ наш выи,
Он оружие в руки взял,
На дороги боевые
Сыновей своих позвал.

Орошает кровью черной
Враг болотную траву.
Белорусский лес упорно
Ширит гневную молву.

Не сломить народной силы
Ордам недруга в бою!
Верь: я им на их могилах
Похоронный марш спою».

25 июля 1941

132. НАД МОГИЛОЙ ПАРТИЗАНА

На старом песчаном кургане
Стоят три высоких сосны.
Царят здесь покой и молчанье
Пустынной, глухой стороны.

Не ходит за плугом орайт,
Коса на заре не звенит.
Не видно ни риги, ни хаты,
Лишь бор вековечный шумит.

Лишь ветер играет песками
И соснам лохматит чубы,
Да девушки между стволами
Пройдут иногда по грибы.

Вдруг, полный печальной заботы,
Отряд боевых партизан
Приходит под сосны, — кого-то
Несут на песчаный курган.

Глядит командир на поляну,
И тихим движеньем руки
Он знак подает партизанам
Свой груз опустить на пески.

И медленно четверо смелых,
Суровых вояк-партизан
Кладут бездыханное тело
На старый песчаный курган.

«Мы здесь похороним героя.
Копайте могилу, друзья».
И сосны в недвижимном покое
Застыли, печаль затая.

Одна за другую лопаты
Взлетают с песком золотым,
Где сосны свой полог мохнатый
Качают над склоном крутым.

И вот уж могила готова —
Последний и вечный приют.
На ложе из веток сосновых
Героя безмолвно кладут.

Застыло лицо, словно мрамор,
Погас его пламенный взгляд.
Под чубом кровавые шрамы,
Что капли брусники, горят.

Уже не влекут его дали,
Окончены жизни часы,
А только темнеть начинали
Над верхней губою усы.

Прощания миг наступает,
Земле предают его прах,

И тайные слезы блистают
В суровых и честных глазах.

И вышел из тесного круга
Вперед боевой командир:
«Хороним мы верного друга,
Да будет душе его мир!

Ты страха не чувствовал в жизни,
Был верным и храбрым в бою.
Свободе, народу, отчизне
Ты молодость отдал свою.

И пусть этот фюрер кровавый
Зарубит на лбу, что в борьбе
Одну лишь добудет он славу —
Осину да петлю себе!

Клянемся тебе над могилой,
Наш верный товарищ и брат:
Раздавим фашистскую силу,
Живою не пустим назад!»

«Клянемся!» — герои сказали.
«Клянемся!» — откликнулся бор.
«Клянемся!» — ответили дали.
«Клянемся!» — грохочет простор.

Склоняют над свежей могилой
Три старых сосны свой шатер.
Ковром своим алым укрыла
Гвоздика крутой косогор.

Стоит с простотою суровой
Там памятник, скромн и скуп, —
Обтесанный столб и три слова:
«Боец комсомолец Патуп».

8 сентября 1941

133. НАРОДУ-БОРЦУ

Хоть на родину мрак налегает,
Нависает над нею туман —
Прочь сметет их весна молодая,
Выткет новый земле сарафан.

Хоть и ночь своеволя настала
И злодеи нам смертью грозят —
Но еще никогда не бывало,
Чтоб ходил ясный месяц назад.

Хоть разнuzданный враг жаждет крови
И грозою над нами плывет —
Он могилу себе сам готовит
Под осиной средь диких болот.

Хоть и кажется ночь безысходной
И во все воет ветер концы —
Одолеешь ты бурю, народ мой,
И тебе сложат песню певцы.

Собирай же могучие силы —
Ворог лютый штурмует наш дом.
Ты схоронишь его без могилы,
Разразит его праведный гром!

15—16 октября 1941

134. МОЕМУ ДРУГУ

Путь немалый с тобою прошли мы
По чужой и родимой земле.
Улетели вдаль весны и зимы,
Годы шли, исчезая во мгле.

Много ткали мы шелковых тканей
Из крылатых своих грез и дум.
Сосны кланялись нам на поляне,
Лес к нам нес свой приветливый шум.

Над рекой, по лужайкам цветистым
Мы ходили, бывало, не раз,
А в дубах по шатрам желтолистым
О былом шел чуть слышный рассказ.

Журавли пролетали над полем
И тепло уносили с собой,
Да погуливал ветер на воле
С несказанною тихой тоской.

Эх, да где мы с тобой не блуждали!
Наших тропок не счесть, старина!
В два ряда мы следы оставляли,
Но звучала в них песня одна.

О той песне, что сердце мне полнит,
О тебе, кем живу я всегда,
Милый друг мой, желаю я вспомнить,
Пережить вновь былые года.

От родных рубежей мы далеко.
Ох, душа по отчизне болит!
Но прогоним мы вешним потоком
Всех разбойников с нашей земли!

Вновь на Свислочь, на Неман мы глянем
И вернемся в уют наших гнезд,
Что сегодня в кровавом тумане
Жаждают ясного солнца и звезд.

Так пускай у нас вырастут силы,
Как в чудесных весенних волнах,
Чтобы хищников всех чернокрылых
Схронить нам в бесславных гробах!

23 октября 1941

135. В ТЯЖКУЮ ГОДИНУ

Земля моя, зеленый луг родной
Под сводом неба светло-синим!
Вдали встаете вы передо мной
Сквозь горы и пустыни.

Прозрачность рек, дубов живой шалаш,
Бессчетных тропок волоконца!
Я вижу вас, я слышу голос ваш,
Приветливый, как солнце.

Мой милый край, народ мой дорогой,
Доверчивый, чистосердечный!
Злодеев, разделивших нас с тобой,
Клянусь проклятьем вечным.

Окутан ты тоскливой тьмою-мглой,
И вновь ты пьешь страданий чашу:
Фашист-злодей поправ своей ногой
И луг и пашню нашу.

Как нечисть черная, ворвался он
С своей разбойничьей ордою
И всюду кровь, погибель и полон
Оставил за собою.

Он сжег твои селенья, города,
Уютные разграбил хаты,
Такой, как эта лютая беда,
Не ведал никогда ты.

Не плачь, земля! Народ мой, не тужи,
Воспламенись ты местью ярой
И хищнику за кровь и грабежи
Ответь жестокой карой!

Уж сочтены его часы и дни,
Под зверем бездна распахнулась,
Не выйдет из своей же западни
Фашистская акула!

25 ноября 1941

136. ДУБ

Старый дуб стоял много лет и зим,
Над рекой мощным станом склоняясь,
И на дубе том, подружившись с ним,
Свил давно уж гнездо свое аист.

И хорош же был тот могучий дуб,
Красотой своей радуя око!
Ствол — что сталь-кремень, а кудрявый чуб
Привлекал к себе взор издалека.

А внизу под ним, хрустала ясней,
Извивалася Свислочь родная,
Льнула к милому, словно в сладком сне,
И вела свою речь, не смолкая.

А над Свислочью, среди слив и груш,
Скромно старая хатка стояла.
Жил там дед Андрей, весел, ласков, дюж,
Хоть уже шестьдесят миновало.

Дед любил свой двор и любил свой сад,
Что взрастил он своею рукою.
Проживал он тут много лет подряд,
Сжился с аистом, с дубом, с рекою.

И, бывало, днем иль в вечерний час,
Только звезды блеснут переливно,
Выйдет он во двор и вздохнет не раз —
Как всё в мире устроено дивно.

Гонит день и ночь серебро волны
Свислочь быстрая в беге проворном.
И зарницы во тьме далеко видны,
Точно пламени отблеск над горном.

И такая тишь, и такой покой —
Спит весь мир, безмятежно спокоен!
Наклонясь вперед, над ночной рекой
Дуб стоит, как у знамени воин.

Аист на ночь сел и молчит в гнезде,
Словно некий мудрец-молчальник.
И волшебный блеск придает воде
Неразгаданный месяц-печальник.

В молчаливой мгле тонет лес густой,
А дубы словно молятся богу.
Видно, с давних пор тишина, покой
Здесь свою проложили дорогу.

Дед глядит вокруг, и душа полна
Чувством радости, мира, свободы.
И всё явственней в ней звучит струна
В лад с гармонией вечной природы.

Дни за днями шли. Над родной рекой
Встали цепью стога, точно башни,
И осеннею маетою-тоской
Уж дышали умолкшие пашни.

Аист бросил дом, потянул на юг,
К блеску моря среди гор-исполинов.
И, шумя листвою, дуб стоит сам-друг,
Еще шире шатер свой раскинув.

И никто не ждал и не чаял беды,
Что над ними плела свои сети,
Кто бы смог ее распознать следы,
Угадать по невидной примете?

Наступал рассвет. Розовел восток.
Занималась заря молодая.
Мчал по Свислочи золотой поток,
В волнах алое небо купая.

А на западе, даль закрыв кругом,
Встала туча в неистовстве яром,
Грива в пламени, нарастает гром —
И вдруг треснуло всё под ударом.

Дед Андрей кончал свой ночной обход,
Мимо дуба шел, размышляя.
Что за диво? Глядь — искр над дубом взлет,
А внутри всё гудит, полыхает.

Черный дым валит. Наверху огни
Пляшут, вьются всё выше и круче.
Стонет дуб-гигант. . . А на лист взгляни,
На гнездо. . . Уж не видеть бы лучше!

Встрепенулся дед и домой бегом —
Дуб спасти он, быть может, успеет!
И скорей назад он бежит с ведром,
И трудов и воды не жалеет.

Но гудит в дупле и, шипя в воде,
Еще злее огонь его лижет.
Опоздал старик, не помочь беде:
Дуб склоняется. . . ниже и ниже.

Глухо охнул дуб, наклонясь к земле,
Обожженное тело повисло,
И — как будто гром прогремел в дупле —
Рухнул дуб-великан прямо в Свислочь.

И могучий дуб и гнездо на нем,
Расступясь, река принимает;
Как родная мать, обняла его,
Каждый листик волной обмывает.

. . . Дни бегут, плывут. Вот зимы уж нет,
Вновь повеяло теплой весною.
Зацвела земля, только дуба нет, —
Не заполнен простор над рекою.

Пробудился лес, расцветает луг,
Аист к дубу полет свой направил.
Подлетел, взглянул: где ж девался друг?
Где ж гнездо, что на нем он оставил?

И кружит семья по-над местом тем,
Где был дом ее в ветках укромных.
Смотрит дед на них, от печали нем:
Эх и жалко ж вас, сирых, бездомных!

Так летали день, так кружили два,
На соседней березе присели;
Посидели там и с утра давай
Вить гнездовье для новой постели.

Дед глядит на них, и в душе границ
Нет восторгу и радости шумной:
Поучись-ка, брат, ты у них, у птиц,
До чего ж это племя разумно!

Серебро волны мчит поток, бурля,
Никого о дороге не спросит.
И цветет опять по весне земля,
А бывшее всё дальше уносит!

12—14 декабря 1941

137. ГОЛОС ЗЕМЛИ

Я слышу голос неустанный:
Земля моя зовет меня.
И зов ее мне сердце ранит,
Как сталь косы, в траве звеня.

И шум дубрав, и леса стоны,
И вопли рек, и плач ручьев,
И взор немой озер зеленых
Несут мне вести про врагов.

Я вижу полчища тевтонов,
Звериный блеск в глазах пустых;
Не знает никаких законов
Орда разнузданная их.

О, если б мне такие руки,
Чтоб мог их простереть к тебе,
Моя земля, утишить муки
И силу дать тебе в борьбе!

Я слышу зов, земля родная!
Хоть песней я к тебе прильну.
Тебе я, сын твой, обещаю:
Недолго будешь ты в плену.

Твой лес объят весь шумом гневным,
Я вижу луч твоей зари.
Он солнцем заблестит полдневным, —
Есть у тебя богатыри.

31 декабря 1941

138. КОПАЙТЕ ЯМУ, ДОЛОКОПЫ

Земля в огне и в горьком дыме,
Разносит ветер гарь и чад.
Мир прокликает злое имя
Того, кто бешенством объят.

Колосья нив безбрежных стонут,
Призывный шум несут леса,
И ловит слух настроженно
Земли родимой голоса:

«Вставай, народ, всю мощь и силу
Вздымайте, села, города!
Пусть злую гибель и могилу
Найдет фашистская орда!»

Сметай ее стальной метлою
Всю, до последнего полка,
И пусть под тучей грозовой
Не дрогнут сердце и рука!

Копайте яму, долокопы,
Чтобы в ее холодный прах
Упал навек тиран Европы,
Свободы, мира лютый враг!»

1941

139. ВЕСНОЮ

Весеннее синее небо,
Листва молодых тополей. . .
А мне бы, одно только мне бы —
В просторы родимых полей!

Здесь тихо, спокойно, привольно,
И нежится в солнце платан,
И ластится ветер раздольный,
Широкий, как Узбекистан.

А там, в Беларуси родимой,
Народ мой измучен бедой,
Страдает, чужой и гонимый,
И хлеб его — мох с лебедой.

Я знаю: там черная погань
Свирепствует в злобе своей,
А дети глядят на дорогу
И шепчут: «Придите скорей!»

О, тяжки железные цепи!
Но знай же ты, край мой родной:
Пусть встречу руины и пепел,
Лишь быть бы мне только с тобой!

Лишь волю. . . Лишь цепи разбить бы,
Изгнать чужаков навсегда!
О Неман мой, Свислочь и Витьба,
Как был бы я счастлив тогда!

Пускай же разверзнутся недра
И сгинут фашисты на дне! . .
Весенняя ласковость ветра. . .
О родина, снишься ты мне!

20 апреля 1942

140. СТАРЫЙ ПУТЬ

Путь этот старый, известный в народе,
Лег между белых берез,
Пряди распущенных кос
Вьются, трепещут в живом хороводе.

Ласковый шорох беседы их чинной
Плыл над простором земли,
И замирали вдали
Звуки знакомые песни старинной.

Рядом с дорогой — луга, перелески,
Море зеленое нив,
Речек капризный извив,
Мирно бегущих в серебряном блеске.

Села, деревни кругом, и по селам —
Ласковый, крепкий народ.
Озеро, сад, огород,
Рощи избегают по склонам веселым.

В круговороте веков и событий
Время стремилло свой бег.
Мир раздвигал человек,
Новые тропы легли, точно нити.

Путь же старинный, как в давние годы,
Между берез, в тишине,
Служит, как раньше, стране,
Именем прежним зовясь у народа.

Путь наш родимый! Стрелою прямою
С давних времен ты пролег.
Запад чужой и Восток —
Два рубежа ты связуешь собою!

Дай же о родине весточку ныне —
Как там народ наш живет?
Слышу — твой голос плывет,
Мчит через горы, леса и пустыни:

«Время лихое настало в отчизне,
Топчет дороги чужак,
Льет нашу кровь вурдалак,
Нет от фашистского изверга жизни!

Только не ведает враг покоя —
Мстим беспощадно зверью!
Чует он гибель свою,
Ждет его пуля за каждой сосною!

С Немана, Припяти, Свислочи, Сожа
Крики доносит сюда:
«Наш этот край — навсегда!
Враг здесь проклятую голову сложит!»

Грозно поднялись бойцы-партизаны,
Мщеньем горят их сердца:
«Зверя добить до конца,
Падали — место под диким бурьяном!»

Верь мне, товарищ! Незваному гостю
Равный повсюду прием:
Нечисть мы скоро сметем —
Хватит ей места на нашем погосте!

Слышишь? Раскаты грохочут с Востока.
Зверю наступим на грудь!»
Старый родимый наш путь,
Голос твой — верю я — голос пророка!

12 мая 1942

141. НАД МОГИЛОЙ ДРУГА

Памяти Янки Купалы

Упал по дороге ты, друже,
И сжались печалью сердца.
Лежит боевое оружие,
Не стало поэта-бойца.
Спи же, друг мой! Образ твой
Не забудет край родной.

Тебе не пришлось, товарищ,
Отчизну увидеть опять
И к стройке на месте пожарищ
Народ своей песней позвать.
 Спи же, друг мой! Образ твой
 Не забудет край родной.

Покончив с нашествием темным,
С фашистским кровавым зверьем,
Тебя мы всей родиной вспомним
За праздничным нашим столом.
 Спи же, брат мой! Образ твой
 Не забудет край родной.

И вспомним как лучшего сына,
Что отдал стране до конца
Свой голос, распев соловьиный,
Талант несравненный певца.
 Спи, певец наш! Образ твой
 Не забудет край родной.

С тобою немало прошли мы,
Одни пролагая пути,
И слушали голос родимый,
Чтоб в мир этот голос нести.
 Спи, наш сокол! Образ твой
 Не забудет край родной.

И вот оборвался твой голос,
Объял тебя вечный покой,
Тебя, самый буйный наш колос,
Могучий наш дуб над рекой!
 Спи, гуслир наш! Образ твой
 Не забудет край родной.

Уж гусли навек отзвучали,
И сжаты тоскою сердца,
Отчизна в глубокой печали —
Не стало поэта-бойца.
 Спи спокойно! Образ твой
 Не забудет край родной.

2 июля 1942

142. БАТЬКЕ МИНАЮ

Поклон тебе искренний, низкий,
Наш батька Минай!
Родным стал для нас ты и близким:
Ты — это наш край.

Приветлив, умен ты и скромн,
И стоек, как дуб,
Тот дуб, что над Неманом в дреме
Возносит свой чуб.

Тот дуб не поклонится буре, —
И ты не упал,
И враг на собственной шкуре
Твой гнев испытал.

Узнали фашистские звери
Отвагу твою,
Удар твой внезапен и верен,
И зол ты в бою.

Невинных детей твоих милых
Убил этот кат,
И ветер смел пепел застылый
Сожженных им хат.

Один, без детей ты, несчастный,
Один, без сестры,
И греют тебя в день ненастный
Лесные костры.

Да! Тягостно бремя такое
Несчастий и бед!
Ты всё потерял дорогое
На старости лет.

И вышел ты, слезы сметая,
Навстречу врагам.
Сказал ты, герой: «Никогда я
Друзей не предам!»

Ты бьешься, все силы народу
И сердце отдав.
Смерть, смерть кровожадному сброду!
Сгинь, Гитлер-удав!

Скажу тебе братское слово:
Живи, наш Минай!
Расправим мы плечи, чтоб снова
Жил вольно наш край.

17 августа 1942

143. БОЙЦАМ И КОМАНДИРАМ КРАСНОЙ АРМИИ

Какую песню о победе,
Какой сложить о вас рассказ?
Богатыри, язык мой беден,
Чтобы воспеть, прославить вас!

Вы ярче самой яркой песни,
Вы всех хвалебных слов сильней!
Вы — солнце родины чудесной,
Цветенье радуги над ней.

Над миром, скованным тираном
И изувеченным войной,
Вы утром вспыхнули румяным
И вечно юною весной.

Лишь вы, лишь только ваши плечи
Груз выдержать смогли такой:
Он свыше силы человеческой,
Не по плечу стране другой.

Под вашим огненным ударом
Уж не оправится теперь
Терзавший целый мир кошмаром
Израненный фашистский зверь.

Так пусть же в вашем сердце львином
Гнев к отомщению зовет.
Друзья! К сияющим вершинам,
К бессмертным подвигам, вперед!

22 января 1943

144. М. Д. М.

Ты далеко. Во мраке ночи
Всё в снежном вихрится дыму.
Степной буран слепит мне очи,
И мне тоскливо одному.

Тоскливых дней с тобой немало
В разлуке прожил я, скорбя, —
Хочу, чтоб в песне прозвучало
Всё, что я думал про тебя.

Мне ведом твой удел жестокий,
Ты горечь дум пила до дна,
Понятны мне твои упреки,
Хоть ты в душе моей одна.

Прости! Что вымолвить мне боле,
Поникнув тихо головой?
Забудь обиды, муки, боли —
Тобой я жил, живу тобой.

Близка и далека ты. Ночью
Всё в снежном вихрится дыму.
Ночная степь глядит мне в очи,
И мне тоскливо одному.

25 января 1943

145

И в стуче музыка звучала,
И не страшна была тоска,
Когда в окно мое стучала
Благословенная рука.

И этот смех, и эти брови,
И звездный свет из-под бровей, —
Мне до сих пор как будто внове
Мой огонек в ночи моей.

Зачем я только вспомнил это,
Когда в разгаре наших дней
Другая песня не пропета
О множестве других огней?

Волна с волной сойдутся в море
И разойдутся, чтобы впредь
Грустить, блуждая на просторе.
Зачем грустят они? Ответь!

Воспрянув, как волна морская,
Огни и песни я таю.
И вновь и вновь, не умолкая,
Ее зову, весну мою.

29 марта 1943

146. СЛОВО

Волшебство, отрада, слово,
Образ весен вечно юных,
Солнце с неба голубого,
Свет во тьме ночей безлунных.
Слово! Ты зима и лето!
Жизнь в твоих проходит ласках.
Сумрак ночи, луч рассвета —
Всё в твоих играет красках.

23 июня 1943

147. СЛЫШУ ГОЛОС

Стелет солнце предзакатно
Тени по суглинкам,
Отдает свой жар прохладный
Взвихренным пылинкам.

Всё божественно, чудесно.
Подхожу поближе —
Где сиянье? Всё исчезло,
Ничего не вижу.

Вон — за тем оно платаном,
Метит хату чью-то. . .
Слышу голос: верь обману,
Не вторгайся в чудо!

Эту радость вечеренья
Солнце ткет лучами.
Дуб, и пыль, и озаренье —
Словно ты во храме!

Подойти еще бы малость,
Разглядеть бы чудо.
Подошел — куда девалась
Красота отсюда?

Вон — за тем горит платаном,
Над другим порогом. . .
Слышу голос: верь обману,
Красоты не трогай!

19 июля 1943

148. САЛАР

Кораллы закат рассыпает,
За облаком — солнечный шар.
Шумливые волны бросает,
Прохладою вея, Салар.

Деревья зеленой стеною
Его обступают кругом.
Салар говорит с тишиною,
Но только не знаю, о чем.

И пташка, склонясь над водою,
Глядит на широкий арык.
Она подружилась с волною,
А я к ней еще не привык.

И мальвы, как в давние годы,
Заткали некошенный яр.
Гривастые желтые воды
Кидает на камни Салар.

За тополем серо-зеленым
Колышется бледный пожар.
И с поля поветрием знойным
Несет на холодный Салар.

Смеркается. . . Тише и тише
Деревья на склоне шумят.
Бесшумно летучие мыши
Над темной водою летят.

И час этой тихой печали —
Вечернего сумрака дар.
Молчат неизвестные дали,
Шумит неумолчный Салар.

На запад гляжу я сурово.
Мне тяжело в печали. Ты знай:
Весь в пламени дымном, багровом,
Мне видится милый наш край.

Сижу я один, размышляю
О наших скитаньях, судьбе,
Стремлюсь я к родимому краю,
Тужу я, мой друг, о тебе.

И звезды взошли над волнами,
Зажгли их сиянием чар.
Ты знаешь, о чем вечерами
Шумит монотонный Салар?

3 августа 1943

149. ЗВЕЗДА

Светит звезда мне из бездны пустой,
Чудно-таинственна глубь мирозданья.
Есть некая связь между мной и звездой,
Лишь не могу подобрать ей названья.

Ласково шепчет звезда мне: постой,
Странник мой бедный, оставь ты блужданья!
Вижу, ты болен бродяжьей тоской,
В сердце засела печаль расстоянья.

Милая звездочка! Ясью своей
Ты мои горькие мысли рассей,
Сердцу даруя радость покоя!

О нет, ты далеко, не греет твой луч.
Вечер мой меркнет под пологом туч.
Арфа разломана — чьею рукою?

21 августа 1943

150. ЧИМГАН

1

Под легким покровом, огромный, могучий,
Сквозь просинь возносится к небу Чимган.
Там спит на вершинах холодный туман,
На плечи крутые склоняются тучи.

Как некий несметно богатый властитель,
Всё в новых одеждах красуется он:
Дарит ему солнце расцветку и тон,
И звезды сучат золотистые нити.

Как сказочный замок, в тиши вековой
Он башнями скал небосвод распорол,
Где в гордом спокойствии горный орел
Один озирает простор бесконечный. . .

Но выше Чимгана летят мои думы,
Туда, где край неба с равниною слит,
Где мир необъятный широко открыт,
И родину вижу я сирой, угрюмой.

Грозой смертоносной Чимган и не тронут,
Спит мирно в горах первобытный покой.
В отчизне ж моей, горемычной такой,
Кровь, горе да слезы сливаются в омут.

Эх, горы и скалы, долины и кручи,
Во веки веков нерушимый Чимган!
Вы в сердце моем не залечите ран
И боли моей не избудете жгучей.

2

Стоит нерушимо Чимган белогривый,
Как витязь, расправивши плечи.
По склонам кочуют лучей переливы,
На землю струясь издадалече.

Внизу же Чимганка шумит, не стихая,
Зажатая в каменном ложе,
Звонит однотонно, и песня глухая
Гудит и уняться не может.

По скатам пологим желтеющих взгорий
Таинственно шепчут арыки,
Цикады звенят и в немолкнущем хоре
Чимган прославляют великий.

Когда ж среди гор в облачении черном
Ночь гостьей нежданною ляжет
И каждый утес неусыпным дозором
В безмолвии встанет на страже, —

Тогда небосвод, необъятный, как море,
Гирляндами звезд загорится,
И небо предстанет в расшитом уборе,
Как будто готовясь молиться.

Великий покой, приглушенные звуки,
А небо всё — жизнь, трепетанье.
И голос томящий вседневной доуки
В торжественном тонет сиянье.

А скатится звездочка с синего луга,
Листочком кленовым пылая, —
И вспомню тогда я далекого друга,
По ком я так часто вздыхаю.

29 августа — 4 сентября 1943

151. УЗБЕКИСТАНУ

Пришел мой час. Я покидаю
Тебя, Узбекский край,
И тяжело ласковому краю
Сказать: прости-прощай!

Иное небо надо мною
Шатер раскинет свой.
Огнями ярких зорь весною
Ты вспыхнешь предо мной.

Я всей душой своей почую
Твоих степей простор.
Я отблеск солнца поцелую
С узбекских дальних гор.

Припомню город, шумный, звонкий,
И парки, и сады,
Салар, узор арыков тонкий
И тополей ряды.

Я вспомню храм тиши, покоя —
Заснеженный Чимган,
И по тебе душа заноеет,
Край гор, Узбекистан.

В тяжелый час войны суровой
Ты дал приют и мне,
С узбеком мы слагали слово
И песни о войне.

И меч один мы с ним ковали
На злобный вражий стан.
Ты обогрел меня в печали,
Мой брат, Узбекистан.

Повеял снова ветер вешний
Над нашею землей.
Прими же, друг, ты с этой песней
Привет прощальный мой.

23 октября 1943

152. ЖИВЕТ СРЕДЬ НАС ГЕНИЙ

Пришел он, как утро, как зори восхода, —
Из глуби народной живой,
Подслушал он правду и мудрость народа,
Чтоб выполнить волю его.

Увидел он светлые дали, просторы,
Что новью теперь зацвели.
Нам Ленин пути указал, по которым
Идти к новой правде земли.

И в сердце людском, и на солнечных нивах
Лежит его правды печать.
Словам его мудрым, простым и правдивым,
Как песням, вовеки звучать.

Звучать им повсюду, где жизнь молодая
Бурлит во всю гордую мощь.
И в песнях, и в думах родимого края
Бессмертен, как солнце, наш вождь.

Живет он в громовом дыханье заводов,
В кремлевских пурпурных огнях,
И в нашем единстве, и в дружбе народов,
И в партии зорких очах.

Живет он в делах нашей Армии Красной,
В отваге и силе бойца.
Ведет его имя на подвиг опасный
Бесстрашных героев сердца.

Живет средь нас Ленин — как солнце восхода,
Как мудрость великой земли,
И светит лучами, огнями свободы,
Чтоб счастьем народы цвели!

1939, 1943

153. ЖИВИ, НАРОД!

Под гром боев наш флаг соревнованья
В раскатах бурь несли мы в наши дни.
Минула ночь. Рассветное сиянье
Зажгло над нами ясные огни.

Живи, цветы, народ освобожденный,
Родная белорусская земля!
Нам Ленин путь наметил, озаренный
Немеркнущими звездами Кремля.

Просторен путь полетам быстрокрылым,
Разбег наш дружный сотрясает даль.
И дать отпор сумеем вражьиим силам,
Своих рядов мы закаляем сталь.

Не одиноки в битве мы сегодня,
Многоязычной родины сыны,
И братства щит над нами гордо поднят,
Мы нерушимой дружбою сильны!

Живи, цветы, народ освобожденный,
Родная белорусская земля!
Нам Ленин путь наметил, озаренный
Немеркнущими звездами Кремля.

2 марта 1944

154. С. ГОРОДЕЦКОМУ ПРИ ВРУЧЕНИИ ДУБОВОГО КИЯ

Я ходил по лесу, друже,
Меж дубов могучих.
Паучки наткали кружев
На дубовых сучьях.

В ноябре листвою желтой
Дол устлала стужа.
Кабы разик тут прошел ты,
Счастлив был бы, друже!

Лес, блуждая, озирал я,
Лесника не хуже,
Кий дубовый выбирал я
Для тебя, мой друже!

Кий — опора и подмога,
Надо — и оружие.
Не суди его ты строго,
Хоть красив не дюже.

Пусть тебе киек мой в жизни
Верой-правдой служит:
Сто дорог, по всей отчизне,
Ты пройди с ним, друже!

25 ноября 1944

155. ТОПОЛЬ

Памяти друга

Перед Купаловой усадьбой
Разросся тополь возле тына.
И было Янке наплевать бы,
Когда б не возраст исполина.

Там, под навесом тополевым,
Благодаря трудам поэта,
Росли в порядке образцовом
Цветы — считай, что с полусвета.

«А тополь грузный и дуплястый,
И жить ему, как видно, мало:
Ему годков, наверно, за сто», —
Так рассуждал с собой Купала.

И страх порою брал поэта,
Что рухнет дерево на грядки,
А значит — песня будет спета:
Цветы погибнут в смертной схватке.

Но вот напасть на нас напала:
В безлюдье площади застыли,

Сгорели дом и сад Купалы,
И сам — родимый — он в могиле.

И Минск как труп, одни руины,
И в мертвых стенах ветер свищет.
И только тополь, сиротина,
Стоит на страже пепелища.

Мы город из руин поднимем,
С годами радость возвратится,
И песняра святое имя
Навеки в сердце сохранится.

14—15 апреля 1945

156. НА ПРОЩАНИЕ

Мне написать о многом надо,
Душа же — только об одном:
Лежит в земле моя отрада,
В могиле тихой, под крестом.

Не передать слова кручины,
Тоску не высказать мою!
Души не стало половины,
Я слезы в сердце затаю.

И буду думать, не рыдая,
Уныло глядячи вокруг,
Что не увижу никогда я
Тебя, мой лучший в мире друг!

Всё б легче, если бы я верил,
Что боль моя к тебе дойдет,
Но никогда сквозь эти двери
Она дороги не найдет!

Прощальный миг. Свежа могила.
Холодный дождь полил сильней.
А средь листвы, как ты любила,
Выводит песню соловей.

17 июня 1945

157. В РОДНЫХ МЕСТАХ

Пять лет прошло. Я снова в милом Устье,
В том уголке, что облюбован мной,
Где я когда-то отдыхал душой,
Где каждый кустик помню наизусть я.

На холмик устьинский я медленно шагаю...
Гвоздика белая, чебрец на нем...
Как старый дуб, что опален огнем,
Я никну головой, бывшее вспоминая.

Стою и молча вглядываюсь в дали,
Места родные нелегко узнать —
Здесь и деревьев поредела рать,
Как тех людей, что край мой украшали.

Безлюдье, тишь. Высокою травой
Знакомые усадьбы заросли,
И средь руин, меняя лик земли,
Шумит кустарник молодой листвою.

Тропинки той, что к речке Балачанке
Сбегала вниз, теперь в помине нет,
Лишь в памяти моей оставив след,
Она исчезла с солнечной полянки.

И тех, с кем жил я дружною семьею,
Здесь не найдешь: кто выселился сам
К безрадостным, последним рубежам,
Где крест стоит над насыпью сырою;

Других война по свету разбросала,
Не все из них воротятся назад;
А скольких в рабстве мучил ворог-кат, —
Могилой им земля чужая стала.

И, ужасы войны напоминая,
На всем видны отметины ее,
Но с новой силой славит бытие
В лесах сожженных поросль молодая.

Растущих сил победное движенье
Не гитлерам унять, остановить.
Вновь жизнь снует за ниточкою нить
И миру ткёт основу обновленья.

И знаю я: мы раны все залечим,
Из пепла край мой встанет, расцветет,
К высотам счастья вновь придет народ, —
Наш светел путь, он солнцем правды мечен.

8—9 июля 1945

158

В дороге, дома ли, когда я
Один, как волк теперь седой, —
Упорных дум воронья стая
Всё время кружит надо мной.

Встают видения былого,
Картины прошлого плывут,
И так мне горестно, что снова
Они уже не оживут.

Тоска на сердце плещет ныне,
Как дождь на вырубке глухой:
Мой верный друг, моя святыня
Лежит одна в земле сырой.

Уже недолго остается, —
Я рассуждаю, — примиришь!
А сердце рвется, сердце рвется
В неомрачаемую высь.

8 августа 1945

159. НА МОГИЛАХ ГЕРОЕВ

Детскому дому № 6 в Минске

На старом кладбище, где сосны
Торжественный сомкнули строй,
Герои битв, походов грозных
Нашли приют последний свой.

Повсюду зелень на могилах:
Венками из цветов живых
Кружок детей, сироток милых,
Заботливо украсил их.

Те дети — жертва злой неволи —
Узнали горе страшных лет,
На них печаль недетской боли
Оставила свой тайный след.

Теперь в былом все их напасти,
Они узнали ласку вновь,
Вернула радость им и счастье
Бойцами пролитая кровь.

И так волнуют, тешат око
Любовь детей и нежность их
К тем, кто погиб в боях жестоких,
Кто жизнь свою отдал за них.

Родные, я забыть не в силах
Всё, что увидел здесь в тиши.
Хочу я вам, сердечным, милым,
Сказать спасибо от души.

Растите, горестей не зная,
Согреты Родины теплом, —
Вовек отныне сила злая
Не осквернит ваш светлый дом.

29 августа 1945

160. В ПУТИ

Ты утомлен,
Не близкая дорога. . .
Ну что ж, сядь, отдохни
И путь свой огляни —
От первых дней
До старости порога.

Ты всё узнал
В скитаньях неустанных:
Огни и грохот бурь
И светлых дней лазурь,
Свершений торжество
И радость встреч неожиданных.

И много ты
Богатств неисчислимых
Собрал в сердцах людских,
В напевах, мыслях их,
В глуши дремучих пуш,
В полях родимых.

Из тех богатств,
Как ткач неугомонный,
Узор чудесный ткал,
Что красками сверкал
В родном краю,
В лесах, среди нив стозвонных.

И пусть не всё,
Что собирал годами,
Что накопил в пути,
Сумел ты донести,
Пусть многое
Развеяно ветрами,

И меньше сил,
И времени пусть мало,
И страшен след утрат, —
Что ж? Мужеством богат,
Вновь собирай,
Что бурей умчало.

Навстречу дням,
Шагая с жизнью в ногу,
Неси свой дар святой
В мир светлый, дорогой,
Благословляя юность
В путь-дорогу.

8 октября 1945

161. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шагает к дому победитель —
Бывалый, стреляный солдат.
И отчий край едва увидел,
Как думы все — на мирный лад.

Блестят на нем медали чинно,
Нашивки — список многих ран.
На приступ Кюстрина, Берлина
Ходил наш воин-ветеран.

Сквозь бури он прошел полсвета,
От вечной тьмы народы спас
И в очи смерти, всё изведав,
В боях лихих глядел не раз.

Идет он вольною дорогой,
Гудят, гремят грузовики.
Хозяйским глазом смотрит строго:
Что натворили чужаки!

Кругом завалы, пепелища,
Сады изрублены войной,
И в них безродный ветер свищет,
Тоскуя о красе былой.

Но победитель уж гадает,
Как всё поправить, подровнять.
Краина наша молодая,
Дай срок, поднимется опять!

Недолго ждать! И старый воин
Светлеет, глядя на поля.
В бескрайний сад, счастливый, вольный,
Мы обратим тебя, земля!

Я подхожу к бойцу с приветом
И говорю ему, как брат:
«Как много сил в тебе и света,
Страны великой сын, солдат!»

31 октября 1945

162. ЛЕСАМ БЕЛОРУССИИ

Мне смолоду любы леса —
Таинственный шорох в зеленых хоромах,
Косматые дебри, а в них буреломы,
Где вихри кружились и рушились громы,
Где ливнем хлестала гроза.

Учил меня лес понимать
Великие песни и думы природы,
Весенних пернатых пиры, хороводы,
Криниц потаенных прозрачные воды,
Рожденных, чтоб край умыть.

Ой, лес, белорусский наш лес!
Я песен сложил о красе твоей много,
И в мир сквозь тебя мне лежала дорога,
Ты нянчил меня, но и в старости строгой
Даруешь не меньше чудес.

Тебя я от сердца пою.
Прими же спасибо за добрые встречи,
За тихие думы, за ясные речи,
Что ты напевал мне, прекрасен и вечен, —
Спасибо за ласку твою!

Хвалу тебе все воздают:
И в мирные годы, и в годы лихие
Кормили, хранили нас чащи лесные,
Давали нам щедро стволы смоляные
И мед вересковый, и трут.

Гляжу на отеческий край —
Промчались здесь смерчи, кровавые грозы,
Ломая дубы, как иссохшие лозы,
Пошли под топор и ольха, и березы.
Что сникло в огне — не пытай.

Изранена тяжко земля,
Война, как косарь, намахалась косою,
Омыла дороги смертельной росой,
На нивах раскинулась тенью ночью,
Леса потрясла до комля.

Родимые пуши мои!
Как вы поредели от битвы тяжелой.
Ах, сколько полян обожженных и голых,
Где свищет лишь ветер, бродяга веселый,
Шальные напевы свои.

Пора уж и вам отдохнуть,
Покрыться одеждой сияющей, свежей, —
Пусть гром топоров пробуждает вас реже
И пилы стальные напрасно не режут,
Чтоб вновь вы расправили грудь!

Я грежу теперь об одном:
Немало сокровищ землю хранится,
Даст глины она на кирпич, черепицы,
Из камня мы выстроим школы, больницы,
Из камня дома возведем.

А вас, наши други-леса,
Мы будем отныне беречь неустанно,
Засадим овраги, пески и поляны,
Заботливо вылечим все ваши раны,
Где смерти гуляла коса.

Пускай осенит вас покой,
Чтоб вновь вы простерли зеленые крылья,
Могучей и гордой набрались силы
И снова над нашим отечеством милым
Блистали бессмертной красой.

11 ноября 1945

163

Я наглухо закрою в сердце двери
И хода мелкому тщеславию не дам —
Пускай затянется хоть тот глубокий шрам,
Оставшийся от горестной потери.

И взглядам обольстительным и льстивым,
И славословиям, сладким, как медок,
Не верь, мой друг, не верь ты им, браток, —
Рассчитаны все чары и порывы.

200

Спадает жар. Прохладно вечеренье.
И что бы ни было, запомни лишь одно:
Ты вереск выцветший, потертое руно,
И бескорыстного не встретишь восхищенья.

20 ноября 1945

164. НАШ ПУТЬ

Еще видны,
Куда ни кину взоры,
Следы годины злой.
Вот старый клен
Чернеет у забора,
Поникнув головой.

Он обгорелые
Раскинул ветви,
Как пальцы тонких рук,
Но по-иному
Ласков и приветлив
Его напевов звук.

Еще видны
Руины и могилы
Средь почернелых пней,
Но снова веет
Ветер легкокрылый
Дыханьем вешних дней.

Пусть что ни шаг —
Картины разрушенья,
Былых боев следы, —
Идет пора весны
И обновленья,
Вновь зацвели сады.

К счастливым дням
Сумели мы пробиться,
Нам светит солнце вновь.
Горит в лучах
Живой воды криница
Там, где дымилась кровь.

Народ-герой
Свои расправил крылья,
Он в битвах возмужал.
Таких побед,
Такой могучей силы
Еще никто не знал.

Свой славный путь
Сегодня вспоминая,
Мы гордостью полны, —
Такой, как ты,
Отчизна дорогая,
На свете нет страны!

28 февраля 1946

165. ПЕСНЯ НА СОН В БЕССОННИЦУ

В чаще бора ветер сник,
Спи, Якубе, спи, старик!
Ни живой души тут нет,
Сам себя баюкай, дед.
По-над речкой дремлет дуб,
Задремли и ты, Якуб!

Зайчик скок из-под дуба,
Люли, люли Якуба!
Стежки стихли, уснули,
Люли старого, люли!

Выплыл месяц-чаровник,
Вырос черный боровик,
Спи, Якубе, лысый дед,
Завтра в лес пойдешь чуть свет
И, конечно, как придешь,
Боровик тотчас найдешь.

Зайчик скок из-под дуба,
Люли, люли Якуба!
Грозит пальцем дедуле,
Люли старого, люли!

Ляг на правый бок, зевни,
Прочь заботы — и засни!
Пусть тебе приснится сон,
Где ты будешь соблазнен.
Хоть в мечтах ты, хоть во сне
Покручинься о весне.

Зайчик скок из-под дуба,
Люли, люли Якуба!
Спи, бедняга, покуле,
Люли старого, люли!

Сам себе пою, пою,
Где ты, сон, в каком краю?
Сам себя баюкаю,
Сам себе аукаю.
Поздно, больше не могу.
Тихо, спи и ни гу-гу.

Зайчик скок из-под дуба,
Люли, люли Якуба!
Хоть к утру задремлю ли?
Люли старого, люли!

9 апреля 1946

166. МЕЧТЫ О ВЕСНЕ

И холодно, и день нам служит мало,
В полдневный сумрак я гляжу,
По солнцу и весне душа затосковала,
И выйти захотелось к рубежу —

На неизведанные те пороги,
Где вдруг потянет ветерком весны
И выплывут далекие дороги,
Что ласково наводят думы-сны.

Ох, желтый тот песок на косогоре
И тайны перелесков на пути! . .
Зимою так мечтается о боре!
Прими ты нас! Укрой и приюти!

15 января 1947

167. ЗИМОЙ В БАЛАЧАНКЕ

Под белую крышей поселок в дремоте
Среди молчаливых лесов.
И радуг холодных кругом не сочтете
На скатертях пышных снегов.

Снежинки, снежинки блистают, искрятся
В просторе морозном, сухом.
Так тихо! Так сил хорошо набираться
В лесу и в поселке глухом!

И в памяти долго потом берегли мы
Покой непривычный и глушь,
И, вдаль улетаая, лучились незримо
И мир и согласие двух душ.

К труду, отдохнув, возвратились мы снова,
Его не смолкает родник. . .
О друг мой! Как светлый мотив из былого,
На память нам будут те дни.

27 января 1947

168. МИНСК

Сутулые ветлы, подобно старухам,
Над Свислочью стали рядком,
Беседу ведут шепотком,
Чтоб ветер не слышал, по-старчески глухо.

О чем они шепчут? Какая же старух
Поныне забота гнетет?
Иль, может, и нынешний год
Им всё еще снятся пальба да пожары?

Дома на горе выставляют, калеки,
Увечья свои напоказ:
Блеск окон, очей их, погас,
Огнем опалило им брови и веки.

Стою на пригорке. Отсюда мне в дали
Окрест открывается вид.
Не всё тут в руинах лежит,
И пустоши-плеши не все задремали.

Мне радостно видеть, что жив он, что дышит
Израненный Минск-исполин,
Из пепла встает, из руин
И голову, гордый, возносит всё выше!

Здесь вывели зданье под крышу. Вдогонку
Второе растет — по лесам
Строители ходят. А там
Катают каток, засыпают воронку.

Продуманно строится город. И, право,
Немало нехваток, невзгод,
А всё — что ни день, что ни год —
В строительстве шире размах величавый.

Наш Минск! Ты подымешься прежнего краше
В бесчисленных башнях, в садах,
В дуброве колонн и в мостах,
Родная столица, любимица наша!

23 мая 1947

169. ИЗ ДНЕВНИКА

Стоит моя хата меж сосен кудрявых,
На клумбе под окнами — жито волной.
Свой луг у меня, и деревья, и травы,
И двор, да и сам я, кажись, не чужой!

Как выйду во двор, по привычке по старой
Глазами обшарю кругом небосвод:
Быть может, собрал уже ветер отару,
Косматые, в молниях, тучи несет?

Но небо не радует, словно не наше,
Вновь тучки курчавой не видно нигде,

Ветвями сосна не в ту сторону машет —
Сегодня напрасно гадать о дожде!

Тревожусь. И злоба меня охватила:
Что ж ветер не хочет нагнать облака?
Березонька голову клонит уныло,
Как пылью лицо ей покрыла тоска.

Пройдусь от дубков и до яблонек квелых,
Что в прошлом году посадил я с весны.
Хиреют, сердешные! И, невеселый,
Припомню я давние думы и сны.

Вот так же, бывало, я с болью горючей
В дни засухи маялся мукой земли
И всех благодетелей — небо и тучи —
Молил, чтобы милостью не обошли;

Чтоб дождь застучал хлеборобу в утеху,
Чтоб в жите тонул по плечо человек,
Чтоб гумна пшеницей забить под застреху,
Чтоб ярым зерном распирало сусек,

Чтоб лес аж загнил бы под осень грибами,
Чтоб сами просились в лукошко грибки,
Чтоб люди их просто возили возами. . .
Эх, боровики мои! . . боровики! . .

Деревья да гряды направо, налево, —
Где сил наберешься, чтоб их поливать?
А ветер бесплодные будит напевы. . .
Ну как же мне с ветром, скажи, воевать?

Иду я к барометру — может, шепнет мне
Про дождь долгожданный, про радость мою!
А он, окаянный, застыл, точно мертвый. . .
Со злости прибору щелчка я даю!

И, помню, однажды озлился я крепко, —
Как идол, стоит! Поработай, лентяй,
Мне дождь наколдуй, или я тебя в щепки
Да в речке еще утоплю, негодяй!

Теперь я не тот — поумерили годы
Мое нетерпенье, горячность мою;
Я стар и не жду благодатной погоды,
Философом в синие дали смотрю. . .

Но ветер подует с желанного боку,
На нас облака дождевые гоня, —
И вновь отдаюсь я тому же потоку,
Как будто по-прежнему полон огня.

Унынья как не было. Бодрый, веселый,
Хожу, точно юноша, право! Я — друг
И небу, и ветру, и туче тяжелой,
Что с громом к полудню нагрнула вдруг.

Глядишь, и барометр на радость землице
Склоняется книзу под говор ветров.
Я ж, грешный, к бутылке готов приложиться:
«За дождик, Якубе! Будь, друже, здоров!»

28 мая 1947

170. СТАРИКОВСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Один я, один, словно крест обомшелый
У края дороги большой.
Трухляв он, покрыт он паршой,
И тянет земля к себе дряхлое тело.

Кончается путь мой, устал я, недужу,
А разве мне скажут: присядь,
Засмейся, морщины разгладь,
Что стоит тебе поднатужиться, друже?!

Вокруг погляжу — всюду зелень густая,
А я только порчу красу, —
Так дерево сохнет в лесу,
Безлистые ветки свои поднимая.

В рабочем кипенье потоком единым
Народ мой стремится вперед.
То молодость свой начинает поход
К сияющим далям, к далеким вершинам.

Я ж только вослед помолюсь, как умею,
Об этой прекрасной судьбе
И сам погрущу о себе,
И молча себя самого пожалею.

18 сентября 1947

**171. РОДНОМУ КРАЮ И ПАРОДУ
К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ВССР**

Для тебя я когда-то слагал
Много песен, отчизна родная!
О судьбе твоей злой горевал,
Лишь во сне твое счастье видал,
Наяву повстречать не мечтая.

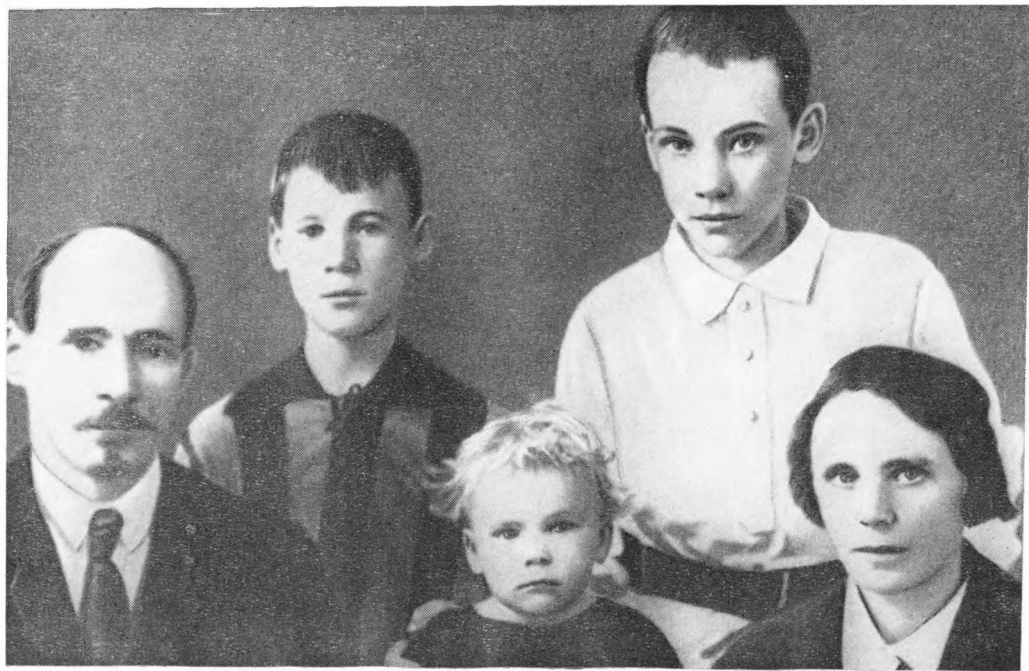
Я в одном был уверен тогда,
Жил, одно лишь уверенно зная:
Не придет бог на помощь сюда,
При царе не отхлынет беда,
Жизнь при нем не начнется иная.

Дни, как волны, катились во мгле,
Жизнь давила нас черною стынью.
Пановали паны на земле,
Над полосками наших полей
Только пырник шептался с полынью.

Ой, ходило по свету, брело,
Всё в лохмотьях, сермяжное горе
И сквозь мутное в окнах стекло
Людам горькие вести несло,
Разливалось горе, как море.

Но терпенье исчерпал народ,
Зрела гнева могучая сила,
Зрела дума про грозный поход,
Чтобы буря свалила господ,
Злую царскую свору спалила.

И теперь, через тридцать годов,
Боль ношу я, те дни вспоминая.
Ты прости мне печаль тех ладов,
Горечь горькую песенных слов,
Край мой новый, отчизна родная!

14 ноября 1948

172. МАКСИМУ ТАНКУ

Экспромт

Максима, по прозвищу — Танка,
Забуть я никак не могу;
Стихи — светлый луг спозаранку:
Любую он травку-медвянку
Собрал на покосном лугу.

Покос! Да такой только снится!
И шелк в нем блескучий, и лен,
И вечная наша криница
Живою водою струится
С прадедовых давних времен.

Неси ж ты, мой друже, народу
Живучесть, певучесть земли
И песни слагай про свободу,
Чтоб с ними, бодрей год от году,
Мы к праздникам нашим пришли.

26 декабря 1948

173

Кому сказать спасибо мне на свете,
Что, вот, встречаю новую весну?
Пусть я без гаку семьдесят их встретил, —
Еще бы встретить, господи, одну!

Июнь 1950

174. САМЫЙ ДОРОГОЙ ПОДАРОК

От внуков деда Талаша
Чудесный дар получен мною. . .
О Беларусь! . . Ты — сердце и душа
Богатств, что скрыты глубиною.

Не знал я, столько лет прожив,
Что край у нас такой богатый!
И золото возьмем мы с нив,
И нефть согреет наши хаты!

14 декабря 1953

175. САМОМУ СЕБЕ

Обманешься едва ли,
Подумавав невзначай:
Твои цветы увяли,
Последний сев кончай!

Щадить меня не станет
Всесильный тот закон,
Который в землю тянет,
К безмолвию в полон.

Я побродил немало
И в пуще, и в степи.
Что ж, брат, пора настала:
В сырой земле поспи.

Погаснет поневоле
Огонь мой без меня.
Поплакать с горя, что ли,
Теперь на склоне дня?

Уйти придется вскоре
В ночную темноту,
Оставив людям зори,
И песню, и мечту.

26 июля 1955

ПОЭМЫ

176. НОВАЯ ЗЕМЛЯ

1. УСАДЬБА ЛЕСНИКА

О детства уголок мой милый!
С тобой расстаться я не в силах.
Как часто, утомлен дорогой,
Годами юности убогой,
К тебе я в думах улетаю
И там душою отдыхаю.
Не раз душа моя мечтала
Дорогу жизни всю сначала
Пройти еще раз, оглянуться,
Убрать с пути камень злые,
Что губят силы молодые,
И вновь к весне моей вернуться.

Весна, весна моя! О, где ты?
Не я, твоим теплом согретый,
Приход твой радостный встречаю, —
Тебя я только провожаю.
Навеки скрылась та волна,
Что вдаль рекой унесена.
Не раз она в парах летучих
Дойдет на крыльях солнца к тучам,
Чтоб вновь на дол упасть туманом
Иль частым дождиком пролиться:
Никто не выйдет из границы
Седых законов, жизнью данных.

И ты, и ты, моя весна,
Вновь не придешь, как та волна!

Вот и теперь передо мною
Встает мой уголок пригожий,
Криницы узенькое ложе,
И елка с тихою сосною,
Обнявшиеся над водою,
Как молодые в час разлуки,
В час клятвы и любовной муки.
И вижу лес я возле хаты,
Где, взявшись за руки, девчата
Играли песни дружным хором,
Идя с работы шагом скорым.
Напевы песен их раздольных
По лесу звонко разливались,
Им все пригорки откликались,
И радость пела в звуках вольных.
А сосны, ели вековые
Под эти песни молодые
Стояли в молчаливой думе,
И в их неуловимом шуме,
В печально-сумрачном смиренье
Как будто чудилось моленье.

Вблизи сторожки лесниковой
Лес выгибался, как подкова, —
Высокий, старый и тенистый.
Шатер осины круглолистой
Сплетался с соснами, дубами,
А елки хмурыми крестами
На небе четко выделялись
И словно с тучами шептались.
Они стояли, точно вдовы,
Поодаль, хмуро-одинокю,
Поднявши к облакам высоко
Своих вершин наряд суровый.
Лес наступал и расступался,
Лужком зеленым разрывался
И обнимал двумя крылами

Приветно хату, и ветвями
Шумел над речкой, колыхался.
А снизу этот лес косматый
Подбит был выпушкой богатой:
Лозой, черемухой, крушиной,
Ольхой кудрявой и рябиной.
Глядишь, бывало, и сдается,
Что через эту ткань живую,
Сквозь эту поросль молодую
Ни мышь, ни птица не пробьется.
Из глуби леса мирно тек
Травой заросший ручеек.
К его струям неторопливым
Склонялись трепетные ивы,
Он из-под сени их густой
Едва заметной бороздой
Шел через луг, в траве скрываясь,
И, своенравно извиваясь,
Вливался в Неман голубой.

А луг — насколько хватит ока —
Свободно, пышно и широко
Простерся скатертью богатой
Вдоль Немана от самой хаты,
Сверкая яркими цветами,
Всех красок жаркими тонами,
В неуловимых переливах
Оттенков нежных. Как на нивах
Колосья, наливаясь, гнутся
И людям радостно смеются
Таким приятным тихим смехом
Под легким ветерка пробегом —
Так травы буйные, без края,
Шумят, ликуя и играя,
И ходят волны луговые
Веселой, светлой чередой,
Цветы кивают головой,
Ну как девчата молодые.
Эх, луг широкий! Луг цветущий!
Ты как живой в лучах поющих
Стоишь всегда перед очами.

Прекрасен ты, но и печален,
Как наша тихая сторонка,
Где пеленой тумана тонкой,
Синея, летний зной дрожит
И даль задумчиво глядит.
И хоть измучен я тюрьмою,
Разлукой с милой стороною, —
Душой воспрянув, оживаю,
Когда в мечтаньях озираю
Тебя, мой берег, луг искристый,
Где льется Неман серебристый
И дружной высятся толпою
Дубы, как башни, над водою.
И только тут, под их ветвями,
На солнце утомлен трудами,
Косарь спокойно отдохнет
От дум тяжелых и забот,
Овеян сладостными снами.
Здесь так привольно, так прохладно.
И птицы резвые отрадно
Поют, кружатся в ясном небе,
Везде веселый слышен щебет.
А на дубах, воздеты к звездам,
Темнеют аистовы гнезда.
Клекочут аисты, и звонко
Им жалуются аистенки
И клювы тянут из гнезда —
Птенцам давно нужна еда.
А там, где птицы возмужали,
Манить их начинают дали;
Им сладко первое усилье,
Они уже разводят крылья,
Глядишь — на локоть подлетают,
Крылами ветер загребают
И неуклюжими ногами
Смешно танцуют над дубами.
В соседстве с ними, под суками,
Скворцы и воробьи гнездятся,
Пищат, щебечут, ворошатся
И молкнут поздно вечерами.
В дупле кричат сизоворонки,
И свист над лугом резкий, громкий

Роняет коршун осторожный,
Томя простор тоской тревожной.
Эх, луг широкий! Как живой,
Покрытый свежею травой,
Ты зеленеешь предо мною,
Сияя светлою красою.
Как женщины, к которым старость
Тайком, исподтишка подкралась,
Чтоб незаметно отобрать
Их силу, красоту и стать, —
Так рядом с хатой, в садочке,
Пригнувшись тихо в уголочке,
Дремали старые две ивы.
А тут же, стройны и красивы,
Деревья юные стояли
И весело на свет взирали.
Раскинув ветви над бурьяном,
Росла здесь груша с тонким станом,
И над забором валом пышным
Кудряво зеленели вишни.
Был невелик, конечно, сад —
Рябина, три дичка подряд,
Меж ними липка молодая,
Как будто внучка дорогая.
Но как же радостно и мило
Пчела тут в ульях гомонила!
И как приятно пахло медом!
Плодились пчелы с каждым годом,
Что лето — ульев прибывало,
Хоть было их уже немало.
И гул стоял и днем и ночью.
Бывало, летом, в час рабочий,
Вдруг разнесется крик веселый:
«Эй, тятя! Дядя! Вышли пчелы! ..»
За хатой, прямо возле сада,
Навес стоял с гуменцем рядом,
А под навесом снасть простая:
Возок, телега запасная,
Колеса, хомуты и сани
И ульев несколько, заране
Уж приготовленных; ушат,
Кадушка, старый понаряд

И прочий запыленный хлам
Ютился здесь по всем углам.
Всё — вещи, нужные для дома!
Гуменце, крытое соломой,
От долгой жизни поседело,
Солома клочьями висела,
Ее и ветры потрепали,
Да и мальцы поободрали,
На крышу лазая, бывало, —
Их это дело забавляло.
А под щитом на паутине
Засохший колос-сиротина
Один в тиши слегка качался;
С каких он пор тут обретался —
Никто не мог бы дать ответа!
Еще старей постройки этой
Был хлев замшелый и гнилой;
Стоял он там, с годами споря,
Едва держась, как на заборе
Горшок, разбитый кочергой.
Давно подъеденный червями
И набок сдвинутый ветрами,
Тот хлев казался старичиной,
Согбенным тяжкою кручиной.
А сбоку, в поле, недалеко
Виднелся погреб одиноко, —
Припав к сырой земле стрехою,
Он зарастал густой травкою.
Среди запущенных строений
В глуби двора стояла хата;
Она была щеголевата,
Как та шляхтянка из селенья,
Что в праздник около костела,
Чуть-чуть поднявши край подола,
Преважно ходит под зонтом
И юбкой вертит, как хвостом,
С дорожек пыль, песок сметая
И в хлопцев глазками стреляя.

За хатой поле начиналось,
Где рожь густая колыхалась,

Росли овес, ячмень, гречиха. . .
Привольно было там и тихо!

Мой уголок, мой кров родной!
Теперь я для тебя чужой.
И лес и поле всё такие,
Но люди здесь живут другие.
Печаль мне в душу западает,
Что в вечность канули годочки,
Мои счастливые денечки, —
Весна промчалась молодая!

Теперь завесу лет раздвинем
И оком пристальным окинем
Житье Михася и Антося,
Посмотрим, как там всё велося.

2. ВОСКРЕСНОЕ УТРО

В воскресный день, лишь рассветало,
Мать у печи уж хлопотала
Со сковородкой, с чепелюю —
Пекла блины. А под рукою
Мальцы толкались и галдели,
На пламя яркое глядели.
Услон свое уж занял место,
На нем квашня стояла с тестом,
И уполовник то и дело
Нырял в нее легко, умело
И тесто лил на сковородки.
Оно с шипеньем растекалось
И в печку тотчас устремлялось,
А там, у всех перед глазами,
Спекалось гладкими кружками.
Из печи мать их доставала
И быстро на услон кидала,
Мальцы ж во все глаза следили
И на лету блины ловили,
Намазывая салом впрок.
Поодаль чистый чугунок
Поставлен был для верещаки, —
Мать припасла снадобий всяких:

Лучку, и перчику, и сала,
Всё с квасом и мукой смешала,
Заправила листом лавровым —
И блюдо славное готово!
Тогда и праздник для ребят,
Когда едою день богат.
Звон сковородок на рассвете
Был так всегда приятен детям
И в этой хате, тусклой, тесной,
Казался музыкой чудесной.
Недаром дядя, спозаранок
Послать желая мальчуганов
На пастбище коров стеречь,
Бил сковородкою о печь.
Теперь же, усладясь едою,
Ребята тешились игрою:
Носились с криком возле хаты,
Гоняя кур; как поросята,
В песке барахтались сестрички.
Алесь бродил вблизи кринички,
Что из чашобы вытекала
И дужкой хату огибала.
Бродил, подсвистывая птицам,
И ягоды собирал в кошницу.
Безлюдно становилось в хате —
Свое у каждого занятие:
С ружьишком в лес шагал Михась,
В обход привычный торопясь.
Антось, поднявшийся с зарею,
Забрав червей и котелок,
Уже спешил, не чуя ног,
На Неман тропкою лесною
И там блаженствовал с удой, —
Рыбак был дядя удалой,
Как и работник — всем на диво.
А Владя гнал коров лениво,
Травил украдкой сеножать,
В дому же оставалась мать.
Ох, эта женская работа!
Тревоги, вечная забота,
То ты у печки, то на поле —
Минуты нет покоя, воли.

Одно еще не кончишь — следом
Другое, — хоть ты разорвись!
Такая уж у бабы жизнь,
Удел тот всем хозяйкам ведом.
Вот и сегодня: печь закрыла,
Посуду наспех перемыла —
Иди на гряды, для свиной
Ботвы нарви, да поскорей!
А этот Юзик, шалунишка,
Совсем глупыш еще мальчишка,
Кутенком под ногами вьется,
Пыхтя, за мамкою плетется,
Знай от работы отбивает
И только сердце надрывает.

Всё выше солнце поднималось,
Листва росую умывалась,
И в небе облачка живые
Неслись, как гуси молодые,
Цепочкой белой над лугами,
Над свежим лесом и полями.
А ветерок шальной, игривый
Чесал зеленым травам гривы,
В саду балясничал с рябиной,
Как хлопец озорной с девчиной.
А там осины простодушно
О ком-то сплетничали дружно
И так болтали, так смеялись,
Что аж до корня сотрясались, —
Такая, видно, их порода!

Вернулась мамка с огорода.
«Алесь, сынок, встречай коров!
Беги скорей, сними засов! . .
Ох, горе с вами, нет покою,
Стой, лучше я сама открою.
Куда ты, Юзик? В хату живо! . .»

Загнавши в хлев скотину, Владя
Тотчас же ринулся к оладьям,
Оставив лапти и онучи
Среди двора в песке сыпучем.

Их мать немедля подобрала,
Ни слова сыну не сказала,
Пошла к ручью, прополоснула,
На кольях сохнуть растянула.
«Вон дядя!» — закричали дети
И, позабывши всё на свете,
Вперегонки к нему спешат,
Галдят, смеются, тормозят:
«Ну, дядя! Дядечка! Родной!
Дай хоть по ягодке одной!»
— «Дай, дядя, удочку!» — «Мне — прут!»
Как мошкара, зудят, снуют,
А дядя медленно и строго
Идет себе своей дорогой,
Без картуза, нахмутив очи,
Молитвы про себя бормочет,
Настроясь на священный лад, —
Мол, не до вас мне, поросят!
Смолкают тотчас непоседы
И молча ждут конца беседы
Антося с богом и святыми —
Потом поговорит и с ними.
Покуда ж кончит он молиться,
Успеешь в Свержне очутиться:
Псалмов отхватит с полдесятка
Так выразительно и гладко,
Что и дьячок не каждый сможет,
Как репу грыз, — прости мне, боже!
Ну, ловко языком работал!
Молился ж он с таким расчетом,
Чтоб кончить точно возле хаты, —
Ведь дома так шумят ребята!
Молитва любит тишь, покой,
А тут кругом галдеж такой —
От бога думы отвлекает,
Душой возвыситься мешает.
Так лишь грехов себе прибавишь
Да черта в пекле позабавишь.
И дядя, как во двор входил,
В грудь кулаком себя лупил,
Крестился три раза, вздыхал,

Потом картуз уж надевал
И ставил снасти в зауголье.
«Ну, как? Блинов поели вволю?»
У хлопцев был ответ простой:
По пузу хлопали рукой.
«Эх, брат Алесь! — промолвит дядька. —
Вот был щупак! Всем щукам батька!
Вовек такого не видал.
Он мне, злодей, лесу порвал.
Я подцепил его исправно,
Ну, думаю, подарок славный!
Тяну — он удочку сгибает,
Чуть-чуть из рук не вырывает.
А толстый — впору кабану,
И, верно, с добрый цеп в длину.
Тяжелый, идол! На полпуда!
Да жалко, вырвался, паскуда!
Я помотал его немало,
И пасть уж из воды торчала,
И он, как змей, вертел глазами,
Ну, вот он, вот! Хватай руками!
Но вдруг, проклятый, как рванулся —
Всё к бесу — удочка, крючок,
Пошел гулять мой щупачок!
А я, брат, только облизнулся!»
— «Ах, вот беда! Ушел с крючком?
Так он же сдохнет?» — «Нипочем!
Щупак живучий, всё снесет!
Хоть он и пять крючков сглотнет, —
Такая у него натура.
Порасспроси о нем Янчура.
Янчур их, как орехи, лущит,
Он их повадки знает лучше.
Вот, подождите, выйдет случай
И снова попадет такой,
Тогда уж дудки — будет мой!»

Пора уж снедать, полдень скоро,
Да с этим батькой просто горе!
Чуть свет, а он уж в лес шагает,
Как сахар в кипятке растает —
И нет его! Загинул будто!

Какого выходишь там шута?
Уж как ни будешь ты стараться,
Всё пан найдет, к чему придраться.
Как ни тянись, ни угождай —
А не проскочишь в панский рай
С своим мужицким интересом.
А лес, как был, так будет лесом.
Ну, значит, ни к чему старанье.
С Михалом просто наказанье!
А есть ли в этом рвенье прок?
Жена и дядя на Михала
За то сердилися немало.
Одно им было невдомек —
Как хлеб Михалу достается!
И он, бывало, огрызнется,
Не вытерпев пустых нападок:
«Какой бы толк был и порядок,
Когда б служил я нерадиво?
Свои ж друзья подрежут живо,
Так подведут и обесславят,
Тянуться выше сил заставят!
Болтать легко, а вот попробуй
Служить без ревности особой,
Кой-как, спустивши рукава,
Чтоб дело шло едва-едва, —
Такое станется кругом:
Пожар, порубки — всё вверх дном!
И не отвяжешься от лиха.
А хочешь жить спокойно, тихо —
Гляди, как надо, — отвечал
Родным рассерженный Михал. —
Есть что жевать, ну и молчите,
Да меньше жить меня учите!»

Михась шагал уже домой
С ружьишком старым за спиной,
Средь сосен тихо пробирался,
Порой, нахмурясь, озирался
И вслушивался в песни бора,
В его немолчный гул и шорох,
Да нюхал воздух, полный жара:
Не дай господь теперь пожара!

Сквозь лапы сосен еинью жгучей
Пылает небо. Стая тучек
Спокойно на востоке бродит,
И мирно, мирно всё в природе.
Вверху, над сосняком зеленым,
Хлопочут пчелы с тихим звоном,
Букашки весело летают, —
Должно быть, праздник свой справляют
И так тонюсенько жужжат,
Как будто то лучи дрожат.
А на прогалинках на голых
Стада кузнечиков веселых,
И только ступишь там ногой,
Они заскачут пред тобой, —
Вот так и прыснут все проворно,
Как на ветру с ладони зерна.
А бабочки и мотыльки,
Быстры, нарядны и легки,
Порхают плавно, как танцуют, —
Кого угодно зачаруют.
И как тропинки хороши
В шелках травы, в лесной тиши!
Сквозь сумрак золотом лучатся! . .
Эх, благодать на воле, братцы!

Неторопливо размышляя
И мерно меж деревьев шагая,
Михал из лесу вышел к дому;
Заслышав батьки шаг знакомый,
К воротам во весь дух из хаты
Все разом кинулись ребята.
Схватив ружье и шапку с бляхой
(Уйдя тотчас в нее с ушами),
Алесь порхнул счастливой птахой.
А Костусь сумку взял с кистями
И лесника значок блестящий.
«Скорей вы там, народ пропащий! —
Кричит им дядя с ноткой злости. —
Идут, как будто шляхта в гости!»

3. ЗА СТОЛОМ

«Ну, завтракать давайте будем, —
Обедают уж, верно, люди.
Ставь верещаку, мать, живей.
И стар, и мал — за стол дружней!» —
Наш дядя громко возглашает
И стол скатеркой застилает.
Стол был в углу под образами.
Мать принесла кружок с блинами
И хлеба черного коврижку
Размером с доброго зайчишку.
По старшинству Антось с Михалом,
Как это и всегда бывало,
В конце стола места заняли,
Чтобы не лазать в угол тесный, —
Бог с ним, с почетным этим местом!
Обычно ж гостя там сажали,
Блюда порядок вековой.
Теперь же угол был пустой,
И в нем Алесь расположился —
Присев на корточки, возился,
Шушукаясь тихонько с братом.
Костусь сидел с Михалом рядом,
На стол глядел совсем не жадно,
Успев набить живот изрядно,
Но всё же блин, балуясь, мял
И батьку, ерзая, толкал.
Близ дяди — Владик, с уголочка.
Детей — как на току снопочков!
Семья не малая, сказать:
Отец во-первых, дядя, мать,
Четыре хлопца, три девчины;
Все сели на места по чину,
Лишь мать у печки хлопотала,
Горячий чугунок достала
(Запахло вкусно луком, салом!),
А за столом на верещаку
Уже готовили атаку,
На это хлопцы были хваты!
Блины кроили на квадраты
(Хоть геометрии не знали!),

На вилки ловко надевали,
Как на тычки сажают вешки, —
Тут некогда глядеть и мешкать,
Когда уж на столе еда.
Чуть миска сунулась сюда —
Со всех сторон, как по приказу,
В нее все вилки лезут сразу.
Умолкнул шум, возня стихает.
Момент серьезный наступает!
Пофукивают все и студят,
Из верещаки шкварки удят.

Меньшие — Юзик, Ганка, Геля, —
Как и всегда, отдельно ели,
Они порядка не держали,
И их с большими не сажали.
Мальчишка в миску пальцем лазал
И верещакой лавку мазал.
Сестренки злиться начинали
И за вихры его хватали.
Согласье сразу пропадало,
Война не в шутку закипала.
Но не сдавал позиций Юзик
И лихо ложкою валтузил
Сестренок — Гелю и Ганулю.
Они же с двух сторон тянули
Братишку за уши и били.
Потом их старшие мирили,
Кладя конец слезам и спорам
Таким всеобщим приговором:
«Ну, поцелуйтесь же с братишкой!»
И тотчас угасала вспышка.

А за столом молчком сидели.
Там хлопцы ссориться не смели, —
Чуть что, рога подпилят сразу,
Щелчка получишь за проказы
Иль подзатыльника такого,
Что ерзать не захочешь снова.
Коль забывался кто из малых,
Отец на хлопчиков, бывало,

Так выразительно глядел,
Что, забывая о еде,
Они чуть в лавку не врастали,
Тот взгляд мальцы отлично знали.
Как в деревнях велось повсюду,
Все ели из одной посуды,
Макали дружно, не зевали
И шкварки смачные жевали.
Когда же в миске снедь кончалась,
На дне чуток лишь оставалось, —
Хозяйка молча поднималась
И в сени шла, а там у ней
Была еда еще вкусней.
Из заповедного чулана
Творог, заправленный сметаной,
Для завершения стола
Она торжественно несла.
Ребята мигом курс меняли
И батьку с дядей оставляли
Потеть одних над верешакой.
Антось старательно, со вкусом,
Блином румяным, как лопаткой,
Со дна вычерпывал остатки.
Михал же ел теперь помалу,
Чтоб дяде больше перепало, —
Антось работал за двоих
И на плечах тащил своих
Весь труд тяжелый хлебороба —
Ну, и почет ему особый.
И если попадалась шкварка,
Тут начинали спорить жарко:
«Бери, Антось!»
— «Уж нет охоты».
— «Бери. Ты больше поработал».
И спор на том они кончали,
Что шкварку эту разрезали.
Над творогом и над сметаной
Усердствовали так же рьяно
И быстро миску опростали.
Ребята от больших отстали,
Лишь баловались, а не ели,

Жевали вяло, еле-еле,
Тараща сонные глаза.
Но вот и батька отвалился
И набожно перекрестился,
Взор возведя на образа.
Всё со стола убрала мать,
Посуду стала полоскать.

Свернув сигарку молчаливо,
Антось курил неторопливо.
Не двигаясь, сидел Михась,
В большие думы углубясь.
И Ганна и Антоний знали,
Где мысли Михася витали,
Что их ласкало, что томило,
В какие дали их манило.
Давно уж батька жил мечтою
Разжиться собственной землею,
Чтоб никому не подчиняться,
С начальством никаким не знаться, —
Кого б Михал ни повстречал,
Он случая не упускал
Порасспросить насчет землицы:
Где продается, чем богата,
Какие выгоды и плата,
И есть ли речка иль криница.
Чем больше служба докучала,
Тем больше батьку волновала
Мысль о земле — ведь так немного
Он просит для себя у бога!
Свой дом, к чему он так стремился,
Ему вершиной счастья мнился,
И наш Михал там жил душою,
Другой не видя пред собою
Судьбы прекрасней и раздольней!
Ах, как бы он воспрянул, вольный,
Забыв панов и гнет их лютый,
Их крепко стянутые путы!

Нередко дома в тихий час
Любил рассказывать Михась,
Где о земле он что проведал.

И нынче, только отобедал,
Предался вновь мечтам чудесным.
И говорил так интересно,
И так был радостен и светел,
Что все затихли, даже дети,
Как музыке, словам внимая.
О, это был рассказ о рае!
«Узнал я всё, как на ладони,
Насчет земельки у Заблонья, —
Повествовал семье Михась,
Улыбкой доброй озарясь. —
Не знаю уж, с чего начать.
Там огороды — слышишь, мать? —
Так урожайны, так богаты,
И близко, тут же возле хаты!
Земля жирна без удобрения,
Капуста — просто загляденье!
С ведро кочны там вырастают,
Штук двадцать кадку наполняют!
А репа! А морковь! А мак!
Петрушка, огурцы, бурак!
Всего, всего — ну просто страх!
Растет там всё, как на дрожжах.
И речка есть. А рыбы, рыбы!
Вот где, Антось, брат, пожил ты бы! —
Подвел Михась под дядю мину. —
Лови линей и ешь сомину,
Сомы же ростом как телята!»
Антось обнять готов был брата,
Рыбак заядлый в нем сказался,
Он смачно крякнул и поднялся,
А от улыбки ус мохнатый
Полез аж за ухо куда-то.
«Ну, словом, всё лежит под боком.
Земли же той как раз волока,
Слой чернозему — в пол-аршина!
Не то, что тут — песок да глина.
А рожь берется там на диво:
Поедешь меж хлебов весной —
В них конь скрывается с дугою!
И ячменя — вари хоть пиво!
Овес, гречиха — словно лозы.

А что у нас? Одни занозы
Под ногти только загоняешь,
Пока две горсти нажинаешь!
Усадьба — с добрым старым садом.
И лес, к примеру, тоже рядом, —
Дубы до неба, ясень, клены.
Там не придется бить поклоны —
Просить весной у пана жита.
Там ты свободным станешь, сытым,
Соседи все живут как братья.
А здесь зажат, затиснут всяк,
Грызут друг друга за пустяк,
Суды да вечные проклятья.
К тому же волость там под боком,
А значит, школа недалеко.
Давно пора детей учить,
Не век же им без света жить,
Расти, на бор лишь дикий глядя.
Смотри, вон дуб какой уж Владя!
Алесь на лавке встрепенулся
И быстро к батьке обернулся:
«А я-то вырос разве мало?» —
Спросил он, фыркнув, у Михала.
«Ты? — рассмеялся вдруг отец. —
Один порок имеешь важный —
Уж больно свищешь носом страшно,
А так ты тоже молодец!»
Алесь не рад был, что вмешался,
И в угол поскорей убрался.

Михал умолкнул, ожидает,
Что скажут дядя или мать.
И стало явственно слышать,
Как муха в хате пролетает.
«Коль вправду там земля богата —
И лес и речка рядом с хатой, —
Чего ж ее не покупают?
Иль нас с тобою поджидают? —
Спросила мать. — Кабы на свете
Такая где-нибудь лежала,
Она давно б не пустовала,
Один ты, что ль, ее приметил?»

Иль те, кто без земли сидят,
Уж разжились все и спят?
Была бы доброй в самом деле,
Давно бы ею завладели».
— «И завладеют, может, днями,
Пока ты возишься с горшками
Да над своим дрожишь корытом, —
Ответил ей Михал сердито. —
Ждешь, поднесут тебе на блюде?
За ней годами ходят люди.
А так сидеть да размышлять —
Вовек не будет толку, мать!»
— «То правда», — дядя отозвался:
Он в мыслях с братом соглашался.
«Да пусть пойдет не всё там споро, —
Сказал Михал, — а под забором
Уж не помрем, коль есть земляца.
Эх, поскорей бы распроститься
И с лаской панскою, и с криком,
Стать самому себе владыкой.
Какое счастье тут имеем?
И что покинуть мы жалеем?
Иль крыша застлана блинами?
Углы подперты пирогами?
Иль здесь растет особый гриб?
А, чтоб с панами он погиб!
Служить, конечно, было б можно,
Когда б лесничий так безбожно
Не прижимал своих людей.
Не человек он — лютый змей!
Кого он только не обидел!
Таких панов и свет не видел.
Да хоть бы пан, а то зараза,
Так, прихвостень, байструк, пролаза,
Рога приставить — чистый бес!
А гонору-то — до небес.
И жить уж не стает охоты,
Напрасны все твои заботы.
Как на колу сидишь, страдаешь
И только долю проклинаешь!
А чуть покрепче ветер грянет —
И прахом всё твоё старанье.

Куда ж деваться. Закукуешь!
У пана век не провекуешь».
Замолкли в хате все угрюмо.
Но всех одна томила дума:
Идут года за часом час,
Живешь так-сяк, пока живется,
А всё ж когда-нибудь придется
Свой хлеб искать, искать свой квас.

4. ПЕРВОЕ ХОЗЯЙСТВО

«Так как же быть? — спросил Антон. —
Давай уже со всех сторон
Обсудим и рассмотрим дело,
Чтоб за него приняться смело
И дальше действовать как должно!
Любая служба ненадежна,
А в этом пекле и тем боле —
Не сладко жить под панской волей.
Но с чем мы двинемся в дорогу?
Добра у нас не так уж много.
А коль твои карманы тощи,
То сесть на мель простого прощел!»
— «Ну, ты вперед уж забегаешь,
Да только плохо всё считаешь.
Ведь, ежели пошло на то,
Есть и у нас, брат, кое-что:
Двор, часть отцовского надела —
Вот уж не меньше тыщи целой;
А там земельный банк поможет,
Быка, корову продадим,
Ни перед чем не постоим:
В таких делах робеть негоже.
Коль есть желанье и охота,
Не страшен и сам черт с болота!» —
Сказал Михась с усмешкой гордой,
Сказал решительно и твердо.

А мать сидела молчаливо,
О чем-то думая тоскливо,

Сказать хотела и не смела
О том, что в сердце накипело.
«Вот как раздумаешься только,
Уж так на сердце станет горько, —
Не удержалась, всё ж сказала. —
Нет одного, другого мало.
А коль живешь, не размышляешь,
То и беды не замечаешь.
Земли у нас хоть и немного,
А всё же есть, и слава богу.
Лишись ее — поймешь утрату:
Где ты тогда поставишь хату,
Коль вдруг несчастье разразится?
На службе может всё случиться.
И на чужбине, в белом свете
Никто тебя, ой, не приветит.
А землю ту — бог с ней, с землею! —
Возьмешь ли голою рукою?
Там всё так смутно, незнакомо,
Так лучше уж держаться дома!»
— «Вот тоже разговор чудной! —
Сказал Михась, махнув рукой. —
Иль землю мы уже сбываем?
Мы лишь к примеру рассуждаем.
К чему нам двор такой у хаты?
Иль строить думаешь палаты?
Тогда, что ль, и решать начнем,
Когда внезапно грянет гром?»
— «Конечно, жаль бросать свой двор, —
Сказал Антось, чтоб кончить спор, —
Но надо же дотолковаться
И одного уж всем держаться.
Заблонье то должны мы сами
Своими осмотреть глазами,
Не полагаясь на людей, —
Язык людской ведь без костей!
Тут дело нужно, а не слово,
Не то что ляпнул — и готово!
Я так смекаю: выбрать час
И осмотреть уж всё зараз,
Чтоб разобраться, кто тут правый.

Достойна ль шуму вся облава.
Быть может, там волков и нет!»
На том закончен был совет.
Я здесь прерву повествованье,
Чтоб возвратиться к прошлым дням
И показать истоки вам
Надежд Михала и старанья
На новой почве укрепиться —
Обзавестись своей землицей.
А заодно и мир забытый
Хочу еще раз помянуть,
В тот темный угол заглянуть,
Где, ледяным покровом скрыты,
По руслам, в глубине пробитым,
Криницы свежие текут.

Михал... Спросите лучше сами
Про полесовщика Михала.
Его вся волость наша знала.
Он был известен меж панами!
Да что паны! Князь Радзивилл
Порой с Михалом ласков был,
Ему свое дарил он слово:
Ценил, зная, службу лесникову.
В округе всех крестьян Михал
От мала до велика знал.
Потрава ль где или покража —
Разыщет мигом и докажет,
И уж дойдет до голубочка,
Ну как по нитке до клубочка.
Так и не диво, что Михала
В селе любили очень мало.
И наш Михась про это ведал.
Да что поделывать? Так уж с дедов
Велось от века и ведется:
Народ простой в оковах бьется.

Михал, как только оженился,
Тогда ж от батьки отделился,
Жить в тесноте не пожелав.
Ушел на баржи он, на сплав,

До пруссов дважды доходил, —
Где белорус наш не бродил?!
Но вскоре бросил это дело,
Жить по-бродяжьи надоело,
Решил на службу он толкнуться —
Ведь дома негде развернуться.
И у лесничего в каморе
Нашел Михал работу вскоре.
Лесничий — плут каких немало —
Ценил по-своему Михала:
Как бессловесную скотину,
И день и ночь гонял детину.
В ответ на жалобы Михала
Он говорил ему, бывало:
«Что ж! Добрый конь и тянет дюже!» —
И стягивал хомут потуже.
Михал рабочих нанимал,
За панским стадом наблюдал,
На нем лежал и сенокос,
Всю службу он исправно нес.
Что тут поделаешь? Старался! ..
В другое место перебрался —
Ему лесничий «удружил».
И вот засел Михал в глуши,
Где только лес, кусты да поле,
Да ветра посвисты на воле.
Земельки было там — волока.
Тут корни наконец глубоко
Пустить он мог бы и обжиться,
С душой, усердно потрудиться;
Да не везло никак Михалу —
Земля тяжелая попала,
Вся под пыреем и сивцом.
Спокойно заяц под кустом
Мог отдыхать здесь на приволье:
Соха вовек здесь не ходила.
Тоскливо, неприятно было
В пустом и одичалом поле.
Не с лошадьми и не с волами,
А так вот, с голыми руками
Пришел сюда Михал весною.

Тяни соху хоть сам с семьею,
С женой, со всеми малышами!
Но всё же твердыми ногами
Ступил он на пустырь бесплодный.
«Не плачь, не будешь здесь голодной;
Бог даст, помалу разживемся
И, может быть, добра дождемся, —
Так утешал Михал жену, —
Живыми не пойдем ко дну!
Земли же — глянь! Не схватишь глазом!..»
И за свое хозяйство сразу
Он взялся, не жалея сил,
Коня, коровку раздобыл,
Завел свиней, две-три овечки.
А из деревни той порою
Антось с сохой и бороною
Приехал к брату и под гречку
Вспахал у леса клин немалый.
И оживать та пустошь стала.
Запахло взрытой целиною,
Как бы сам бог над той землею
Прошел и ласково взглянул.
Антось упорно спину гнул
И в землю вкладывал все силы.
И вот, как будто из могилы,
На белый свет травинкой чистой,
Густою щеткой бархатистой
Ростки выходят из земельки.
И как ребенок в колыбельке,
Что крепнет, быстро подрастает
И уж головку поднимает,
Мир озирая удивленно, —
Так малый стебелек зеленый
Стремится к солнцу лепестками,
Как к матери дитя руками.
Меж тем ребята подрастали,
В работе старшим помогали.
Хозяйство крепло постепенно:
В косьбу луга запахло сеном,
На поле важно, сановито
Рядами встали копны жита,
Украшив золотом поляны,

А в огороде мак багряный,
Раскрыв нарядные листочки,
Сплетал из них свои веночки
Вокруг головки чуть склоненной,
Такой пригожей и зеленой.

И часто в добрую погоду
Михась, идя домой с обхода,
Хоть чувствовал, что ноют ноги,
А всё ж сворачивал с дороги
И делал круг, — как утерпеть,
Чтоб не зайти, не поглядеть
На рожь хозяйскими глазами?
Идет, а ветер с колосками
Ведет приятный разговор.
Всё леснику ласкает взор.
Пройдет он, обогнув лесок,
Весь клин и в пальцы осторожно,
Еще зеленый и порожний,
Возьмет усатый колосок.
Осмотрит с ласкою во взгляде
И нежно так рукой погладит,
Как бы сыночка своего,
И прояснится взор его.

Тот уголок глухой и дикий
Старанье дяди, труд великий
В короткий срок преобразили,
Красой, богатством наделили.
Всё зацвело, загомонило,
Как будто бы живая сила
От сна природу пробудила.
Гумно полнело с каждым годом,
И богател сарай приплодом,
И начал лишний грош водиться,
Был хлеб, и было чем прикрыться, —
Всё в дом пришло, где жил Михась.
Давно уже и мать сжилась
С тем уголком, забыв про горе,
А ряд кувшинов на заборе
Гласил открыто, что дела

Хозяйка хорошо вела,
Что молока в хозяйстве вволю.

В сарайчике, при самом поле,
Свинья, как хвора, стонала,
Хотя болезней знать не знала.
Уж так велит ее натура:
Стонать и нос держать понуро —
Мол, тяжело ей жить на свете.
А поросятки, ее дети,
Всему, казалось, удивлялись
И, весело визжа, толкались.
А вот семья другой породы —
Десяток кур, петух дородный —
Перед крыльцом червей искала:
Цыплят наседка призывала,
Сбиваясь в кучку поплотней,
Они послушно шли за ней.
Росло хозяйство молодое,
Трудом тяжелым нажитое.

Подчас ненастной весною
Теплом повеет, тишиною,
И облаков густых завеса
Вдруг разорвется, опадет,
И солнце ласково блеснет
Над нивами, над шумным лесом, —
На землю яркий свет прольется,
И всё кругом повеселеет,
На миг притихнет, присмирееет,
Глядишь — и вот уже сдается:
Навеки сгнуло ненастье,
А в мире лишь покой и счастье.

Но так ли это? Вдруг неожиданный
Завоев ветер ураганный,
И даль полей печальной станет,
Покой недолгий в вечность канет,
На всем угрюмости следы,
Всё с замираньем ждет беды.
Вот так и в жизни: мчатся волны,

То радости, то горя полны,
Одна сменяется другою.
И не успел Михал с семьею
Пяти годков прожить в покое,
Как слухи стали появляться,
И сам лесничий намекал,
Чтоб в скором времени Михал
Готовился переселяться,
С углом обжитым расставаться.
И эта весть семью смутила,
К труду охоту всю отбила:
Опять клади здоровье, силы
В чужую землю, в дол постылый,
Соленым потом обливайся,
Навел порядок — собирайся
И вновь иди отсюда в гости...
Эх вы, паны! Эх, егомости!

5. ПЕРЕСЕЛЕНЬЕ

Весенних дней Михал с семьею
Тревожно ждал: всегда весною
В лесничестве перетасовка
Объездчиков и лесников —
Уж тут порядок был таков.
Как ни вывертывайся ловко,
Лесничий к просьбам глух и нем,
Его не прошибешь ничем,
Ну словно бык какой упрется.
«А может, даст бог, перетрется
И тут годок иль два пробудем?» —
Не веря ни себе, ни людям,
Всё ж, хоть и робко, наш Михал
Жену и брата утешал.

Но вот на «сессии» Михала
К себе лесничий вызывает.
«Ну, это что-то означает,
И уж добра тут, верно, мало».
Он в канцелярию приходит
И глаз с лесничего не сводит.

«Ага, ты тут! Ну, человек,
Вяжи пожитки и в Поречье —
Подсохнет чуть — перебирайся,
Да перед пасхой постарайся
На новом месте основаться.
Ну, с богом, нечего бояться!»
— «За что ж немилость мне такая? —
Спросил, растерянно моргая,
Михась. — Иль в чем я провинился?
Иль пан вельможный рассердился?
Ведь я не крал, трудился честно,
Моя работа всем известна,
За что ж нас пан перемещает?»
Лесничий строгий взгляд бросает:
«Мне человек там нужен верный,
Известный службою примерной,
Такой, как ты, лесник ретивый,
А не гуляка нерадивый.
Поречье — место неплохое,
Хоть поле там и небольшое,
Зато лугов богатых много.
И хлеб, и каша будет. С богом!
Пока я жив — не пропадешь,
Где лучше службу ты найдешь?
Держись за место и старайся,
Стеснять не буду — разживайся».
Михал пошел домой в раздумье,
А по дороге к тетке Фруме
Решил свернуть и выпить малость,
Чтоб голова бодрей держалась.
И стало впрямь светлей от хмеля:
«Чего боюсь я, в самом деле?
Меня лесничий уважает,
По службе вроде повышает.
А место, правда, неплохое».

«И-эх! Житье ты наше зло-о-ое!» —
Запел Михал в тиши лесной,
Знакомой тропкою шагая
И песне в такт ружьем махая.
Скорей бы уж прийти домой
Да новостями поделиться.

Идет он смело, не боится
Проборки дома за горелку, —
Ну, выпил сущую безделку,
Ведь с горя чарку опрокинул.
Вновь на Михася мрак нахлынул,
В душе тревогою разлился.
И он внезапно разозлился.
А на кого? За что? Не знал.
Иль, может, злость он напускал,
Чтоб дома женка не ругалась,
Тем боле что уж показалась
Его усадьба за пригорком, —
Ох, будет все-таки проборка!

Михал вошел не сразу в хату,
Он к стенке хлева привалился
И так в свинью глазами впился,
Как будто в цирке где, за плату.
Потом, кренясь, в гумно зашел,
С Антосем разговор завел.
И после уж ровней как можно
Побрел к крылечку осторожно.
Но как Михась наш ни старался,
Чуть-чуть, а все-таки качался.
Антось давно заметил это:
«Плывет, как панская карета!»
Михал, чтоб отвратить атаку:
«Ей-богу, хмеля в рот не брал!»
Зашел на пчельник, постоял,
В сенях же изругал собаку,
Что худо хату охраняет,
Чужих не чует и не лаает,
За зайцем в поле не бежит
И всякий раз лишь норовит
Скорее затесаться в хату.
«Ах, лодырь ты, дурак лохматый!
Беги, бреши, чтоб слышно было!
Горшечник! Чертово ты рыло!»
Пса на все корки разбранив,
Михась ружье с плеча снимает,
На ржавый гвоздь его цепляет
И в хату входит, приуныв.

Молчит, глаза отвел в сторонку,
Чтоб сразу не узнала женка:
Ведь если только скажешь слово,
Дохнешь — и влип уже, готово!
«И где ты этак налупился?
А, чтоб ты, сыч, смолы напился! —
Жена накинулась сердито. —
Пропьешь ведь разум, волокита!
Хоть в пост бы, ирод, воздержался,
Не зря свиньей, зная, любовался!»
— «А в пост, скажи, ругаться можно?
Ведь это, мать моя, безбожно! —
Смеясь, ответил ей Михал. —
Я ж под забором не лежал.
Ну, перестань кричать, не лайся.
В дорогу лучше собирайся!»
— «Да ты совсем сдурел. Хорош!
Куда в дорогу? Что плетешь?» —
Жена к Михасю подступила,
Но сразу тон переменяла,
Почуяв правду. Как иглою,
Пронзило сердце ей тоскою.
К отцу придвинулись ребята.
Как раз вошел и дядя в хату.
«Так вот, Антось, переезжаем.
Последний час тут доживаем».
— «Куда?» — «В Поречье, брат, в болото!»
— «Чтоб треснуть пану! Вот забота!
В какую глушь он загоняет!» —
Антось Поречье проклинаят.
А мать вздохнула: «Трудно, трудно!»
И сразу в хате стало смутно,
Как будто из углов и щелей,
Где пятна, мох, суки чернели,
Все беды вдруг повыползали
И так сурово озирали
Больших и малых, скарб их нищий,
Их неприглядное жилище,
Что люди руки опустили
И разом речи прекратили.
Почти без сил сидела мать, —
Сказать легко — переезжать!

Ведь как-никак тут обжились,
На ноги было поднялись.
Пожить еще б годочек тихо!
Так нет, опять такое лихо —
Пожитки собирай, трясись
По колеям, с добром, с семьею,
Как раз в распутицу, весною.
«Где наше, брат, не пропадало! —
Сказал Михал. — Трудней бывало!
Иль только света, что в окошке?
Ну что ж! Помаемся немножко,
А там приладимся за лето.
Не сыщешь ямы горше этой.
Где здесь покос? Идти устанешь!
А там ведь близко, возле дома.
Поречье мне насквозь знакомо.
Луга что море — не оглянешь.
И как в венке стоит там хата.
Грибов и ягод — страх богато!
И детям будет веселее. . .»
— «Поедем, тятенька, скорее!
Грибы я быстро собираю
И, где какой, заране знаю!» —
Костусь в ладоши бьет и скачет.
А мать от горя чуть не плачет.
«С одних грибов, брат, не запляшешь.
Вот что про хлеб ты нам расскажешь? —
Спросил Антось уже сердито. —
Где там посеять можно жито?
Земли — лишь бабке старой сесть!
Ведь это вроде в петлю лезть!»
— «И ничего, брат, не попишешь,
Живем не под своею крышей. . .»
— «Ему, как выпил, горя мало!» —
На батьку снова мать напала.
«Мне, думаешь ты, очень сладко?
Тут ясно сказано и кратко,
А с паном не затеешь спора,
Ступай — и всё, без разговора!
А нет — так вон! С куста ворона,
А семь — на куст. . . Все люди стонут,
Хлеб не легко теперь дается!

Пустым быть месту не придется.
Не будет нас — другой там сядет,
Не разбирая и не глядя,
Какой надел лесничий дал».
— «Так оно так, да жаль труда,
Ведь сколько сил здесь положили
И землю славно угноили.
А вышло, что напрасно бились
И столько тяжких лет трудились
На черта лысого с болота!
Придет на наше место кто-то
Плоды чужие пожинать
И никаких забот не знать.
Спасибо он за то не скажет,
А фигу лишь тебе покажет».
— «Ну что ж поделать, коль такая
Нам доля выпала лихая».

На третий день пришли подводы,
Все свояки поприезжали —
Делить и радость и печали,
Как будто ехали всем родом
На ярмарку под рождество
Иль на иное торжество.
И суета пошла большая:
Была открыта кладовая
И сени настезь. Как попало
Добро крестьянское лежало,
Всё громоздилось без разбора.
Кадушки, ведра у забора
В траве на время приютились,
А возле них горшки толпились,
Ушаты старые дремали
И кротко очереди ждали.
И тут же сбоку, словно пьяный,
Навой приткнулся деревянный.
Верстак разобранный валялся,
А на веревке мех болтался.
Пустела хата. Стены в ней
Как будто сделались темней.
Всё поразметано кругом,

Всё не на месте, всё вверх дном, —
Совсем чужой казалась хата.
Ухваты, вилы и лопата
Теперь в одном углу стояли.
А гвозди тут и там торчали
По стенам голым, как щетина.
Сновали дети и мужчины,
На двор пожитки каждый нес
И там укладывал на воз.
А мать сундук свой паковала
И мелочь всякую сбирала.
Все суетились деловито,
Как в муравейнике разрытом,
До нитки всё с собою брали —
Подводы на глазах вспухали.

Когда же кончили грузиться,
Зашли все в хату подкрепиться.
Меж стен понурых, невеселых,
Таких обобранных и голых,
Остался стол один на месте,
Чтобы в последний раз накрыться,
Дать людям посидеть, проститься,
Побыть еще минутку вместе
И выпить чарочку-другую
За жизнь, за долю молодую.

Сошлись: Базыль, Антось Татьянин,
Карусь Дивак (он скрыл в бурьяне
Рогач, и вилы, и две оси,
Снеся их тайно от Антося),
Еще Антось, Павлюк Куртатый,
Стецок, Казюк Скоробогатый
Да брат Михася и Антося, —
Мужчин немало набралось.
И вот пошла по кругу чарка,
Беседа разгорелась жарко.
Один Антось уже смеется,
Свой мелкий хохот рассыпая,
Аж голова его седая,
С широкой плешинной, трясется.

«Да ты, брат Ганка, зря томишься,
Вот выпей — враз развеселишься.
Поможет бог вам в жизни новой!»
— «Ну, будьте ж крепеньки, здоровы!»
— «Э, выпей чисто! Что за баба!»
— «Нет, не годится! Пьешь ты слабо!» —
Мужчины дружно загудели
И так со всех сторон насели,
Что Ганна всё же покорилась
И трижды к чарке приложилась.
«Вот это дело! Молодчина!
Пусть будет доброй к вам судьбина!»
— «Ой, буду пьяной! Зашатает!»
— «Костей горелка не ломает! —
Кричит Базыль: — Здоров будь, Павел!» —
И, голову свою закинув,
Он ловко чарку опрокинул,
За ней кус хлеба в рот отправил,
Такой, что и двоим бы в пору.
Не тратя слов, мужчины споро
За чаркой чарку осушают,
Хозяевам добра желают.

Карусь Дивак же той порой
С осями бегал как шальной,
В своем возу их глубже прятал.
Потом туда же воровато
Рогач и вилы запихал,
Чтоб не увидел их Михал,
И воз поставил чуть не в садик,
Решив заране ехать сзади.

Теперь уж вышли все из хаты.
«Ну, шевелись, Скоробогатый! —
Взяв кнут, Базыль сказал соседу. —
Я за тобою, брат, поеду».
И ряд повозок понемногу
Со скрипом тронулся в дорогу
И в лес чуть видною тропюю
Поплелся длинной чередою.
И тяжело, тяжело Ганне стало,
В груди как будто что упало.

Тоскою сердце защемило,
Всё разом сделалось немилло,
И ей уж больше не терпелось —
Бежать отсюда вон хотелось,
Лишь бы углов не видеть голых
И стен пустых и невеселых.
Уж конь запряжен, поджидает,
Копытом бьет нетерпеливо.
Мать напоследок торопливо
Обычай старый исполняет:
Кладет кусочек хлеба с солью
На видном месте в зауголье.
Еще раз глянула устало
На хату, где от быстрых сборов
Кой-что из мелочи осталось.
«Ну, мать, мы трогаем! Ты скоро?» —
Михал кричит ей со двора.
И вправду уж давно пора!
Вновь сердце, холодея, сжалось;
Крестясь и плача, мать забралась
На воз, где малые сидели,
Приладясь на домашней клади.
А старшие, Алесь и Владя,
Коров погнали за возами;
Последний раз между ветвями
Пустая хата показалась
И за пригорком потерялась.
Одна труба лишь сиротливо
Торчала меж кустов тоскливо,
А шест колодца в вышине
Как бы дивился тишине.
Гумно печально вслед смотрело
И, думалось, спросить хотело:
Куда они все уезжают?
Зачем одних нас оставляют?

6. ОКОЛО ЗЕМЛЯНКИ

Как для меня отрадно будет,
Коль эти близкие мне люди
В душе у вас хоть на часок
Занять сумеют уголок.

Конечно, жизнь их не ярка,
От шумной славы далека.
Про них сказаний не слагают,
И в песнях их не величают.
Вот только ветры, что к заборам,
Среди завьюженных просторов,
Холодный снег несут-сгребают
И бедным людям напевают
О доле горькой их, постылой,
И плачут, стонут над могилой,
Где селянина кости тлеют, —
Одни лишь ветры их жалеют.
Но ведь не каждый разберет,
Что ветер между хат поет,
О ком так жалостно рыдает
И песни для кого слагает.
Отцов не долго помнят дети,
А уж простые люди эти
Уходят без следа. Такая
У бедняка судьба лихая:
Намучиться, нагореваться
И в неизвестности остаться.
Забвенье — общий жребий их
И у своих и у чужих.
И всякий раз мне горько станет,
Когда увижу на кургане
Приют последний селянина.
Стоит там крестик-сиротина,
Весь убран мохом седовласым,
Холстиной белой опоясан.
Кого зарыли здесь, рыдая?
Девчина, может, молодая
В расцвете красоты и силы
Сошла без времени в могилу?
Иль славный хлопец-молодчина?
Молчит могила селянина.
Никто не скажет, кто в ней спит.
И душу мне тоска теснит:
Ведь тут закопаны навеки
Надежды, радость человека,
И горе, и беда глухая,
Жизнь беспросветная людская.

Мои друзья не имениты,
Они ничем не знамениты,
На вид невзрачны, захудалы
И хоть по-своему удалы,
Но удалцами не сльвут.
Живут, мужичий крест несут
И злую долю терпят тихо,
Добра не видя из-за лиха.

Что делать? Я и сам бы рад
Не знать тех мук и тех неправд,
Что на своем горбу, как камень,
Несет народ простой веками.
Но горькой правды не схоронишь,
Ее лукавством не отгонишь.
Да и зачем? Спаси нас боже!
А правда мне всего дороже!
Обучен правде я отцом,
Так с ней и дальше мы пойдём.

День добрый, новая сторонка!
Встречай ты нас, как мать ребенка
В час после длительной разлуки,
И распахни с приветом руки
Тем, кто, измучившись в неволе,
Пришел к тебе за светлой долей.
Взгляни ты взором, полным ласки,
Овей крылом чудесной сказки,
Чтоб людям эта жизнь-дорога
Дала часов счастливых много;
Надеждой распрями нам груди —
Ведь мы твои, землячка, люди!

Сперва убогим, запустелым
Поречье это показалось,
И грусть в душе заколыхалась
От вида тех берез замшелых,
Что на болоте меж кустами
Шумели голыми ветвями.
Двор, хата были в беспорядке,
Жердины изгороди шаткой

Перекосились, разъезжались,
А щепки кучками валялись
И во дворе, и на задворках;
Хлев чуть держался на подпорках;
Гумно под крышей поседелой
Тряслось от ветра и скрипело;
Повети, погреб — всё кругом
Тут говорило об одном:
О непорядке, запустенье
И о хозяйском нераденье.
Слезами Ганна заливалась —
Такою ямой ей казалась
Гнилая хата в три оконца!
Порог она переступила —
О, как здесь бедно, боже милый!
Да светит ли когда тут солнце!
Так сыро, тесно, нелюдимо,
И всё в грязи непроходимой:
Печь, скамьи, стол, окошки, стены!
Из всех углов пахнуло тленом
И словно неприязнью скрытой.
Земля, как оспою, изрыта.
Видать, задерживаться тут
Надолго люди не желали,
Из хаты грязь не убирали:
Придут другие — уберут.

Уже растаяли снега,
И дружно в поле рокотали
Ручьи и под водой скрывали
Овраги, рвы и берега,
От зимних снов леса будили
И людям душу веселили. . .
Всё понемногу оживлялось:
На ветке почка наливалась,
Она листочек потаенный,
Пахучий, клейкий и зеленый,
Под солнцем развернуть старалась
А сосны старые и ели
Любовно, ласково глядели,
Далеко простирая ветки,
Как их потомки-малолетки

Стояли ровной чередой,
Склоняясь к солнцу головой.
В лесах дрозды уже свистали,
В болотах кулики кричали,
А высоко под небесами
И поутру и вечерами
Был слышен гомон журавлиный,
И омертвелые долины
Будил их вольный, звонкий клик,
Как будто птичий тот язык
Приветствовал издалика
Родные чащи тростника. . .
Хотелось жить, и ввысь подняться,
И лучшей доли добиваться.
Грудь раздавалась, крепили силы,
И белый свет казался милым.

Помалу день за днем в Поречье
(Таков характер человеческий!)
Сживались с местом, привыкали,
Гнездо бывшее забывали,
И через две иль три недели
Уж веселей вокруг глядели.
Постройки, что недавно гнили,
Как будто сразу подменили.
Их осмотрел Антось, подправил
И новые столбы поставил
В гнилой забор; весь хлам убрали;
В оконцах стекла засверкали;
Отмыли скамьи добела,
И жизнь по-новому пошла.

Но через год беда: пожар!
Сгорели хата и амбар,
И утварь вся, и вся одежда
Внезапно, как от кары божьей.
Мужчин же не было — с утра
Поразбредились со двора:
Один на службу, а другой
Пахал поляну у болота,
С каймой зеленой очерета;
Ушел и Владик за травой.

И что ж с малютками своими
Тут сделать женщина могла?
Сгорело всё у них дотла,
Растаяло в огне и дыме.
С добром, накопленным годами,
Сундук и тот пожрало пламя.
Там были Ганнины пожитки,
Платки, полотна, ленты, свитки.
Сгорела полочка с богами
И сорок семь рублей деньгами.
Костуська, правда, не боялся,
С пожаром яростно сражался:
Солому скидывал с постели,
Когда овчины уж горели,
И долго с нею он носился,
Покуда сруб не повалился.
Беда, беда! Куда деваться?
Куда от холода спастись?
И мать в несчастные те дни
С детьми ютилась у родни.
А на горелом месте бойко
Вставала новая постройка —
Землянка, будочка простая,
В одно окошечко, кривая, —
До лучших дней сойдет и это...
А солнце шло уже на лето.
Кой-как, терпя, перебивались,
С недолей горькою спознались.
Вблизи землянки чуть заметно
Мерцал очаг огнем заветным,
Но всё ж не гас он. Вечерами
Тут хлопотала мать с горшками,
Семейству ужин собирала.
Тогда местечко оживало:
Смеялись дети, суетились,
Как рыба в сетке, ворошились,
Поленца, щепки подбирали
И ловко их в огонь кидали,
И пламя прыгало проворно,
Оно как будто бы смеялось,
То своевольно кверху рвалось,
То расстилалось вниз покорно.

И ветер хитрый не зевал,
Он из-за хатки налетал,
Внезапно на костер кидался,
Огонь туда-сюда метался.
А на дворе уж вечереет,
И ночь близка, и мрак густеет,
Огонь цвета свои меняет,
Блеск желто-красный принимает.
Смолкают птицы в темном лесе,
Баранчик божий в поднебесье
Печально блеет над болотом,
Как будто ищет там кого-то.
И смутный звук в тиши болот,
Когда вечерний мрак встает,
На сердце грустью отдается,
Уныньем тихим в душу льется
И думы смутные наводит,
Они приходят и уходят,
Как облака в часы заката.
Природа тишиной объята...
Работу кончив, почивают
Все старшие — кто в хатке спит,
Кто на дворе вовсю храпит, —
Покой их звезды охраняют.
Бывало, часто вечерами,
Чуть-чуть поддерживая пламя,
Алесь и Костусь засидятся.
Когда ж совсем начнет смеркаться
И в небе искры замигают,
Томить их страхи начинают.
Тогда они друг к дружке жмутся,
Но все-таки не признаются,
Что страшно им во мраке ночи.
«Алесь, ты чуешь, как хохочет
В березняке баранчик божий?
А знаешь, брат, с чем это схоже?
Послушай-ка, мне всё сдается:
Антось Татьянин так смеется!» —
И хлопцы вдруг захохотали,
Но сразу смех свой оборвали.
И вновь покой. Костер пылает.
Кругом густая тьма свисает

И хочет пламя золотое,
Что, словно сердце молодое,
В тенетах тьмы огонь рождает,
Скорей задуть. Оно серчает,
Порою брызнет и прорвется,
И тьма в испуге отшатнется
На шаг, как будто обожглась.
Огонь блестит, волной струясь.
Поленья тихо догорают,
Спокойно искры улетают
И быстро гаснут без следочка.
Уж поздний час. Глухая ночь.
Сидят ребята молчаливо
И озираются пугливо.
А в их фантазии ребячьей
(Ой, кто-то стонет, кто-то плачет!)
Ночные призраки летят:
Вон змей крылатый тяжело дышит,
В бору же страшный голос слышен —
То, верно, колдуны кричат.
А каждый куст в себе таит
Того, кто всюду норовит
Пройти, пролезть с мешком, с клюкою,
С седою длинной бородою,
Кто ребятишек забирает,
След бородою замечает.
Из-под нахмуренных небес
Глядит недвижный, смутный лес,
Беду во мраке укрывая.
Блуждает нечисть там ночная.
Мертвец пригнулся под ветвями,
В ребят уставился очами.
А вдруг он черною рукою
Положит крест перед собою,
Скакнет на них, отнимет силу
И унесет с собой в могилу?
Там волк блуждает в чаще темной;
Разбойник яростный, бездомный,
Грозясь, трясет над головой
Окровавленной булавой;
Безумный бегаёт, рыдает,
Кого ни встретит, всех кусает. . .

«Ну, что, брат Костусь, ты дрожишь?
Куда так пристально глядишь? —
Алесь тихонько вопрошает,
Но рук его не выпускает. —
Иль видишь что?» — «Нет, ничего!
Всё тихо». А у самого
Тревога к сердцу подползает. . .
«Пойдем-ка лучше, брат, домой?»
Алесь кивает головой.
И братья за руки берутся,
В землянку со всех ног несутся.

7. ДЯДЯ-ПОВАР

Частенько у детей в полоне
Бывал наш дядя, наш Антоний, —
Обступят мигом, увлекут
И от работы оторвут.
Веди на речку их иль в лицах
Представь им сказку-небылицу,
То на плечах своих таскай,
То на вопросы отвечай:
Как травка каждая зовется,
Куда волна речная льется,
Откуда всё пошло на свете?
Души не чаял дядя в детях,
Он был их другом и судьбою.
Когда, случалось, меж собою
Поспорят иль передерутся —
К кому на суд они сойдутся?
Один судья у них — Антось!
Ох, славно с дядей им жилось!
Еще заметим: дядя с ними
Вел разговоры, как с большими.
С детьми он спорил, совещался —
Как равный с равными держался!
Когда же с ним кто не поладит,
Антоний только ус погладит,
Но не промолвит даже слова, —
Без слов парнишку озорного
Умел задеть наш дядя больно:

«Ах, он такой! Ну что ж? .. Довольно. —
Минутку подождет молчком,
Кисет достанет и закурит,
Чуть-чуть глаза свои прищурит,
Как будто уж забыл о том,
Что на кого-то рассердился. —
А как овес наш уродился?
Сходить бы в Липово взглянуть!»
Ох и заманчив этот путь!
Отлично дети понимают,
Куда он удочку бросает!
Пойти с ним в Липово! Ах, боже!
Кто устоять пред этим может?
Ведь это ж праздник! Да какой!
И всё упрямство вмиг долой,
Упрямец сразу мягким станет,
Прикладывай его хоть к ране.
А чем же Липово так мило?
Чем так детей оно манило?
И что за Липово такое?
А это — поле молодое
Среди лесов глухих, далеко;
Там на просторе синеоком
Роскошно нивы колыхались,
Цветы, как звезды, красовались!
Дорожки, холмики, полянки,
Малинник, елочки-смуглянки,
Где бабочек кружились стаи,
На солнце крыльями блистая,
Жучки, кузнечики трещали
И в гимн житью свой звон сливали.
И каждый раз туда весною
Шли люди шумною толпою,
Делянки леса корчевали —
За третий сноп их засевали:
Один — панам, а два — себе...
Ну как тут усидеть в избе?
Есть чем буяну соблазниться!
Спешит он с дядей помириться.

А коль пойдешь туда лясами,
Наверно встретишься с лосями,

На зайцев, белок нагладишься,
На волчью нору подивишься.
Там Озерко и «чертов камень»,
Он на холме лежит веками,
Обросший густо серым мхом,
А сам — размером с добрый дом.
Чудес иных еще немало
Дорога в Липово скрывала,
Но цель иная всех сильнее
Влекла в тот путь сердца детей:
Чуть вбок свернуть и в гости к тетке
Зайти хотя б на миг короткий, —
Терезой тетку эту звали.
Как ласково их там встречали,
Какой глазуньей угощали, —
Шипит, поет на сковородке!
Всех заглянуть тянуло к тетке.
Так угостятся карапузы,
Что хоть волчком вертись на пузе.

О, дядя много знал уловок
Смирить озорника любого!
Сидеть ли с удочкой над речкой,
Бродить ли по грибным местечкам,
Скворцам веселым ладить дом
Иль ехать к мельнице с зерном —
Детей всё это так пленяло,
И, словно ветром, злость сдувало.
Был дядя мастер на все руки
И славный выдумщик на штуки —
И лук, и дудку смастерит,
А чтоб придать им лучший вид,
Узор нарежет со стараньем.
А в Свержень сходит — купит пряник.
И дети так его любили,
Что по пятам за ним ходили.
А здесь, в глуши, живя в землянке,
Средь чащи леса, на полянке,
Они еще сильнее сдружились,
Душой друг к другу прилепились.
«Э, брат, чего же мы зеваем,
Березы сок не испытаем?

Какой он здесь, на месте новом, —
Быть может, слаще, чем медовый?»
— «Ой, дядечка! Мой золотой!
Добудь нам соку, дорогой!»
— «Возьми, возьми меня с собою!» —
И вот веселою гурьбою
Вкруг дяди дети суетятся.
А он уж начал собираться:
Достал топор и буравок,
Доски обрубок приволок
Для желобов и на подставки
И два горшка взял из-под лавки.
«Ну, хлопцы, кто ж со мной идет?»
— «Я!»
— «Я!»
— «И я!» — не отстаёт
От всех малютка Михалинка.
«Куда тебе? Ты погоди —
Залезь на печку и сиди», —
Напали братья на девчинку.
Та — в слезы, вся дрожит, рыдает.
«Ну что ты? Брось! Не плачь, родная! —
Антось малютку утешает,
Ей нос подолом вытирает. —
Пускай идет. А вам, друзья,
Сестренку обижать нельзя».
А те уже в лесу мелькают,
Шумят, друг друга окликают,
Как школьники, что в час веселый
На волю вырвались из школы.
Возглавив этот рой шумливый,
Антось идет неторопливо,
Отыскивая зорким оком
Березу с добрым сладким соком.
Под легким взмахом топора
Раздалась хрупкая кора.
Антось лоток к стволу приправил
И кринку под лоток поставил.
И капли полились, как слезы,
По розовой коре березы;
Они так жалобно звенели,
Что дети смолкли, присмирели,

Как будто им неловко стало
Смотреть на рану, что зияла,
На капли, что текли, сверкая,
Родимый ствол свой покидая.

Я помню день тот. Вечерело.
Зашло уж солнышко. Темнело.
Костер ребята разложили,
Поленьев, сучьев наташили,
И дядя тут же, свитку сняв,
Сидел со всеми у огня
На корточках, склонившись низко.
Пред ним стояли кринка, миска,
Корзина с бульбой, жбан пузатый.
«Алесь! А ну-ка мчись до хаты,
Возьми там терку поновее!
Ну, шевелись, старик, живее!»
Вкруг дяди хлопчики сидели,
Разинув рты на всё глядели,
А он картошку перемыл
И ну тереть, что было сил.
Хозяйкам всем на посрамленье
И поварам на удивленье
Он клецок наварить решил
На свой манер, от всех отличный, —
Не так, как варят их обычно
Хозяйки чванные в дому.
Нет, нос утрет он кой-кому!
Что женщины? Ловки лишь в споре,
Язык не держат на запоре,
Над нами любят верховодить,
Чтоб было всё по ихней моде, —
Такой порядок завели,
А ты хоть морщись, но хвали.
Но пусть увидит хоть одна,
Что их зазнайству грош цена.
Он клецок сам таких наварит,
Каких не только мы, а баре
Не ели на своем веку, —
В густом березовом соку!
А сок такой отменно чистый,
На редкость сладкий, сахаристый,

И он виновником был главным,
Что поздней ночью у костра
Гурьбой сидела детвора,
О кушанье мечтая славном.
«Ну, братцы, ужин будет чудо,
Сготовлю царское вам блюдо!»
На дядю вновь мальцы взглянули
И жадно так слюну глотнули.
«Чего же руки вы сложили?
В огонь бы сучьев подвалили,
Не то сейчас потухнет! Живо!»
Смотрели дети, как на диво,
На то, как, тесто разминая
И клецки в миску опуская,
Кухарил дядя наш завзято.
А чугунок, как пан пузатый,
Шумел, пыхтел пред детворою, —
Ведь с соком он, а не с водою!
Вот дядя миску поднимает,
Покрышку с чугунок снимает
И клецки, забирая ложкой,
В него кидает понемножку.
Опустит ложку, помешает
И вновь другую набирает.
Ребята даже с мест вскочили,
Волнуясь, дядю обступили.
«Слышь, дядя, может быть, готово?» —
Терзаясь, Костусь вставил слово.
«Уж больно быстры вы, парнишки,
А ну-ка снова по дровишки! —
Входя в азарт, вскричал Антось. —
Пускай проварятся насквозь!
Ох, блюдо будет — объеденье!»
И снова все от нетерпенья
Томятся и слюну глотают,
Очей с Антося не спускают.
Но вот желанная минута
Пришла. «Теперь сварились будто!» —
Промолвил дядя, все вздохнули
Так, словно гору с плеч столкнули,
И ложки в тот же миг схватили.

«А вдруг мы их переварили?» —
Алесь заметил боязливо.
«Ну вот еще, то было б диво, —
Алесью Костусь возражает, —
Не бойся, дядя лучше знает. . .
Гляди, вон знатная галушка,
Как тот волдырь, что у Павлушки!»
И — ха-ха-ха! — захохотали.
«А чтоб вас лешие побрали, —
Сказал Антось, и сам смеется,
Аж ложка с клецками трясется. —
Вот языки пораспускали,
Не дам вам клецок и нюхнуть!» —
И дядя стал на ложку дуть,
Ко рту подносит осторожно. . .
Нет! Описать мне невозможно
Момент ответственный и важный.
Все замерли, молчат, и каждый
Глядит на дядю не дыша,
Ну вся в живот ушла душа:
«Что? Сладко? Вкусно?» Как клещами,
Антось галушку сжал зубами,
Посмаковал он, улыбнулся,
Взглянул на хлопцев, отвернулся
И вдруг, ни слова не сказав,
Как плюнет, сморщась и привстав,
По чугунку — шарах ногою!
И губы стал тереть рукою
Так, что усы аж затрещали,
А нос и щеки запылали.
Все вскрикнули от изумленья.
Смешон был дядя в то мгновенье —
Над опустевшим чугунком
Стоял он с ложкой, с батожком,
Которым уголья ворочал.
Алесь, присев, как захохочет,
И Костусь с ним, — пошла потеха!
Здесь столько шуток было, смеха,
Что всё трясло и колотило
И дядю даже захватило.
«Ну, дядя, вкусно, а? Признайся!»
— «Тьфу, в рот их взять и не пытайся!»

8. СМЕРТЬ ЛЕСНИЧЕГО

«Михал! Михал! — внезапный крик
В рассветной тишине возник
У хатки темной за стеною —
И частый стук в окно рукою. —
Михал, вставай же, одевайся!»
— «А, кто там?» — «Я! Скорей собирайся!
Лесничий помер!» — «Быть не может!» —
Михал вскочил. «Ох, боже, боже!
Да как могло всё это случиться?
Ведь он уж начал поправляться!
Другой сказал бы — не поверил!»
Но тут объездчик, пан Ксаверий,
С печальной вестью прибыл сам.
«Пусть добрый пан заглянет к нам», —
Михал открыл пред гостем двери.
Через порог шагнул Ксаверий,
Вошел и словно оступился,
Растерянно остановился:
Ведь тут и шагу не шагнешь,
Да и спины не разогнешь!
Как можно жить в таком закутке?
Кажись, просторней в песьей будке.
«Садитесь, пане, отдохните.
Вот наша хата, поглядите», —
Михал с колоды пыль смахнул,
Ксаверий молча сел, вздохнул.
Он был мужчина пожилой.
«Ах, как же это, боже мой!
С чего так скоро пан собрался?
Позавчера я с ним видался,
Доволен, весел был, шутил,
Подробно обо всем спросил», —
Михал промолвил, одеваясь.
«Да, смерть крушит, не разбираясь,
И никому не смотрит в зубы.
Гадюкой черной из-под сруба
Вдруг подползет и всадит жало.
А много прожил ты иль мало,
Богатый иль бобыль с сумою,
С душою доброй или злою —

Ей всё равно. А мы-то бьемся,
Хлопочем да куда-то рвемся.
А для чего, спроси, — не знаем,
Так, не узнав, и помираем».
— «Так это, верно, пан Ксаверий,
Нам от рожденья путь измерен,
Давно для каждого на небе
Особый уготован жребий,
И ходит смерть, как тень, за нами!» —
Сказала Ганна со слезами. . .
«Ну, я готов! Пора идти!
Поговорим о нем в пути. . .»

Ксаверий и Михал выходят.
Уж посветлело на восходе.
Над гатью в сумраке дрожащем
Был слышен клик гусей звенящий, —
Они призывно гоготали;
Со свистом утки пролетали;
В туманных лозняках реки
Стонали скорбно кулики.
Михал с Ксаверием шагали
Сквозь чащу леса молчаливо
Да изредка лишь сиротливо
Друг другу горе поверяли.
«Нет у нас пана. . . Потеряли. . .» —
Сказал Михась. «Да, был глава, —
Теперь одна живи вдова», —
Вздыхнул опять Ксаверий тяжело.
«Ну, пане, будет перетряска.
Порядков новых жди сейчас!» —
Угрюмо произнес Михась.
«А, верно! Кутерьма начнется,
Без этого не обойдется.
Эх, пан! . . А был такой здоровый,
Не человек, а кряж дубовый!
Раненько дом покинул свой,
Дай, господи, ему покой!» —
С такими шли они речами
То через луг, то хвойниками,
А всей дороги-то — полмили.

Шли и покойника хвалили,
Как это и всегда бывает,
Коль человек вдруг помирает.
«Не злой хозяин был, терпимый
(Пусть поживает со святыми!),
Всегда расспросит, если встретит,
Как ты живешь... Как женка, дети,
Не завелось ли горе в хате...
Что принесешь ему — заплатит,
Рублем одарит иль полтиной, —
Не гнался он за даровщиной».
— «Да, человек был справедливый,
Непривередливый, правдивый!» —
Ксаверий поддержал соседа.
На том и кончилась беседа.
«Начнется свара меж панами,
Местечко это многих манит,
Пустым не будет долгий срок;
Они, как рыбы на горох,
Сюда попрут, и каждый пан
Отдаст последний свой жупан,
Любую службу бросит, дом,
Скажи — придет хоть босиком, —
Так сам с собою рассуждал,
Шагая меж дерев, Михал. —
Но кто же это место схватит?
Кого лесничим князь посадит?
Панов ведь словно зайцев в чаще,
Да горе в том: один — ледащий,
Другой — дурак, а третий — ирод,
Несправедливый и придира,
Как, например, вот Табартковский,
Или подловчий, пан Бяловский.
Назначат этакого ката —
Ох, как своя запахнет хата!
Добра добиться тяжело,
Оно как хрупкое стекло:
Не так дотронешься рукою —
И, глядь, осколки пред тобою!
А зло приходит без подмоги,
Ему открыты все дороги
И все на свете стежки вольны —

То ровно гладки, то окольны, —
Никто его не минет ока».

Так смерть лесничего глубоко
Михалу сердце всколыхнула
И всё вверх дном перевернула.
Тогда-то в первый раз Михала
Мечта заветная объяла:
Купить землицы где-нибудь,
Чтоб панской лямки не тянуть,
Зажить свободно жизнью новой!
Своя земля — вот где основа!

Вставало солнце из-за леса,
Сквозь легких облачков завесу
Лучи, как стрелы, разметало.
А всё живущее встречало
Восход его на ясном небе
И думой о насущном хлебе
Денечек новый начинало,
Когда Михал и пан Ксаверий
Дом увидали с крышей серой.

На горке тихой, невысокой,
От деревеньки недалеко,
Окрай дороги, перед садом
Тянулась панская ограда.
А двор просторный и веселый
Был живностью галдящей полон:
Ходили куры с петухами,
Гордись знакомством с индюками,
И, распуская хвост на славу,
Гулял павлин с своею павой,
Как пан вельможный, родовитый;
А в уголочке у корыта
Шныряли утки-плескотухи.
Кабан дородный, лопаухий
Бродил свободно меж плетнями,
Смешно тряся окороками,
И сам с собой вел разговор,
Похрюкивая на весь двор.

У самой кухни, под оконцем
Собаки грелися на солнце —
Как видно, тоже панской крови!
Им всё тут было наготове.
Саран, гумна, будки, клетки,
Конюшни, закрома, повети, —
Куда ни поглядишь, кругом
Всё было здесь полно добром.
Но вдруг в хозяйстве этом прочном,
Как в механизме хитром, точном,
Сломался винтик — стоп машина!
Нежданно выпала пружина.
Григорий, кучер, был без дела,
Сперва побуркивал несмело,
Потом вдруг храбрости набрался,
Ходил багровый и качался:
Хлебнул — не с горя ли? — немного.
«А ну-ка, выйди, недотрога! —
Кухарке крикнул он. — Живее!
Не то вот дам тебе по шее!»
— «Отстань. Еще нашлась забота!
Припер, как лысый черт с болота!»
— «Эх, Настя, спляшем! Сердцу жарко!» —
И, подбоченясь пред кухаркой,
Присел и встал, расшевелился,
Ногою топнул, закрутился
И заплясал пред ней вприсядку,
Вперед выкидывая пятки.
«А чтоб распух ты, забулдыга,
Ишь петухом каким запрыгал,
Ведь ты ума совсем лишился!
В такой бы день хоть постыдился!
Греха бы, ирод, убоялся!»
Но наш Григор не унимался:
«Пляши валяй и ты, Настуля!
Что ж? Если гули, брат, так гули!
Пан в рай пойдет, а мы с тобою...
Мы — к бесу в омут с головою».
— «Да перестань, покойник в доме!
Пойди просппись-ка на соломе!
Вот пани смотрит на тебя».
— «А я-то кто? Пан кучер я!

Иль ты того не понимаешь?
Зачем Григором называешь?
Зови меня... вельможный пан!»
— «Ох, провались! Совсем ты пьян,
Такого пьяницу подстать
Вельможным паном величать.
Смотрите, люди! Нализался!
Как пес на бойне. Вот несчастье!»
— «Но, но! Пойдешь без юбки, Настя!»
— «Отстань! Как муха, привязался».

«Там, на полке, солонина,
Пани петуха смолила,
А в кастрюльке жир густой,
Да не твой! Нет, не твой!»

А дом молчал в тоске суровой.
Еще вчера живой, здоровый,
Сегодня пан был недвижим,
Глух ко всему, чужой живым.
С поселка шляхтичи сходились
И в тихой комнате толпились,
Где гроб с покойником стоял.
«Дай бог ему, чтоб в рай попал! —
Крестились старики, вздыхая,
Седые головы склоняя,
И поминали добрым словом:
— Не скажешь про него дурного!»
Простившись, кучками стояли.
Потом паны съезжаться стали. . .

Все лесники уж были в сборе,
В парадном стражницком уборе:
В суконных куртках со шнурами,
С большими на груди значками,
В воротниках глухих, зеленых,
На шапках было «R» с короной.
Они теснились у забора
И тихо дожидались, скоро ль
Идти им к пану будет нужно.
Они ему желали дружно

Блаженства вечного и мира,
Крестились, сокрушаясь сиром.
Со стороны глядеть — сдавалось,
Что впрямь они осиротели,
А что на сердце все имели,
То так на сердце и осталось.
Тут только должен я признаться:
Когда уж начало смеркаться
И пана с плачем схоронили,
Все лесники у Фрумы пили.
Амброжик Кубел разгулялся,
Со всеми нежно целовался,
Уже он третью квартиру ставил
И по-хозяйски пиром правил.
«Гуляем! Раз поминки, значит,
Должны мы выпить побогаче, —
Кричал Амброжик. — Ну, держись!» —
Перемигнулся он с Михалом
И чарку осушил удало.
«Эй, тетка Фрума, появись!»
В чепце своем вошла она.
«Ну, как живешь ты? Не больна?»
— «Ну, вот, гляди!» — смеется тетка
И смотрит так приятно, кротко,
Что наш Амброжик прямо тает
И Фруму кралей называет.
«Ах, что за шутки, пан Амброжик!»
— «Две квартиры для друзей хороших!»
Все оживились, зашумели
И от горелки осмелели,
Пошли плести и вкривь и вкось.
«Подать мне Тэша! — крикнул Лось. —
Распотрошу ему утробу!
Житья не стало от хворобы!
Усы ему сорву под носом
За все придирки и доносы! . . .»
Абрыцкий Тэш, объятый страхом,
Исчез с их глаз единым махом.

Был поздний час, как тетку Фруму
С веселым хохотом и шумом
Лесная стража покидала.

У всех в глазах земля скакала
И месяц, смехом заливаясь,
По небу прыгал, словно заяц.
Спустя немного разошлись,
И песни сразу полились
То тут, то там, и лес будили,
Как будто это волки выли.

«Ой, домой я приду —
Никого не найду.
Я зарежу кота,
Он, как я, сирота!»

Так пел Амброжик за болотом,
А Пальчик сыпал без заботы:

«Будет меня женка бить,
Некому оборонить!»

Михал же басом распевал,
Как будто молотом ковал:

«Пусть в кармане ни гроша,
Веселилась бы душа!»

9. НОВЫЙ ЛЕСНИЧИЙ

Когда заря уж занялась,
Вернулся с похорон Михась.
Вошел в землянку, расстегнулся,
Зевнул и с хрустом потянулся, —
Ведь целый день толкался он
И, ночь не спав, был утомлен.
Так сладко-сладко ныло тело —
Скорее отдохнуть хотело.
Жена его не теребила,
Про похороны лишь спросила
И, раз-другой вздохнув по пану,
Сказала: «Спи! А я уж встану», —

И тотчас стала одеваться,
Чтоб за работу приниматься.
Пошла корову подоила,
Картофель свиньям перемила.

Лучи восхода золотые
Дерев макушки зажигали,
Сияньем, блеском выстилали
Небес пучины потайные.
«Эй, хлопцы, хлопчики, вставайте!
Скотину в поле выгоняйте!
Давно пора уж! Хватит спать!» —
Алеся, Владю будит мать.
А хлопцы только потянулись
И с боку на бок повернулись.
Тут мать немного постояла
И головою покачала:
«Будить-то жаль! Ох, сны их сладки!
Пускай поспят еще ребятки».

А дядя уж на поле росном
Сохою ткал борозды-кросна.
Но в поле так пырей разросся,
Что руки вспухли у Антося,
Ежеминутно поднимая
Сошник и корни очищая.
«Ну и болото! Нет терпенья!
Не пахота — одно мученье.
Два шага сделаешь и стой,
Воюй тут с нечистью такой.
Да как же раньше-то здесь жили?
С сохой, что ль, вовсе не ходили?
Что можно было тут взрастить,
Коль в землю сошника не вбить?
Конь с борозды одной устал.
Ну и народ, чтоб он пропал!
Так расплодить сорняк на ниве!
Видать, тут жил лайдак ленивый!» —
Антось стоит и размышляет
И поле хмуро озирает.

Но вдруг на солнце кинул взор
И побежал к себе во двор.
«Никак еще коровы дома? —
Спросил он Ганну. — Вот напасты!»
И на гумно к ребятам — шась.
«Вы что зашились тут в солому?
Вставайте мигом, лоботрясы!
Прошло уже не меньше часа,
Как солнце в небе засветило,
Они же. . . Хоть воткни им шило!
Эй, хлопцы, говорю кому?
Не то прутом вас подниму!»
Мальчишки заспанные сели,
Бросают нехотя постели
И лапти обувают хмуρο.
Потом во двор идут понуро,
А мать вослед бежит из хаты
И торбу подает ребятам.
В ней хлеб, а может быть, и сало.
И хлопцам веселее стало.

Когда уж солнышко пригрело,
Антось, на поле кончив дело,
Распряг коняку своего,
Подмогу жизни трудовой.
Довольный Сивка за гумном
Прошелся медленно, шажком,
Понюхал землю деловито —
А может, где колючка скрыта —
И с превеликою охотой
Валяться начал у заплота.
Антось глядел и потешался
И тихо, ласково смеялся.

На месте ж погоревшей хаты
Теперь работа шла завзято.
Там плотники уж сруб вершили
И плахи ровненько пилили.
Антось, довольный мастерами,
Улыбку прячет под усами,
Шагает к будочке своей
И видит брата у дверей.

Михась уж малость отоспался,
В обход он нынче собирайся,
Заботой занятый другою:
Под чьею же теперь рукою
Служить в лесничестве придется?
Откуда, кто сюда припрется
И место сытное займет?
Кого из замка князь пришлет?
За завтраком Антось с Михалом
Об этом думали немало
И кандидатов обсуждали —
Одних хвалили, тех ругали.
«Галонского бы нам сюда!
Вот стали б на ноги тогда, —
Простой, спокойный, не надменный,
Лесничим был бы он отменным!»
— «Да, это так, — Михал вздыхает, —
Но князь его почти не знает,
Поддержки в замке он не встретит,
Там есть другие на примете.
Такого выищут кощея,
Такого гада-лиходея,
Что проклянешь с ним всё кругом —
И землю панскую, и дом».
— «То правда, — поддержала Ганна, —
Житья не будет нам от пана,
Коль сунут дурня или ката,
Немилрой станет эта хата.
Так допекут, хоть волком вой
Иль по миру иди с сумой!»
— «Эх, брат! — махнул Михась рукою. —
Мы власть видали над собою,
А будем жить — еще увидим!
Но так мы из беды не выйдем
И не добьемся ничего,
Покуда не устроим сами
Горбом, вот этими руками
Угла на свете своего!»
— «Свой угол! Вымолвить-то просто,
Да, видно, мы не вышли ростом:
Тут денег надобно мешок,
А не пустой наш кошелек;

Считай — за землю заплатить
Да лесу на избу купить...
А в Миколавщину вернуться —
Так лучше тут терпеть и гнуться.
Там теснота, галдеж и споры,
Из-за травинки — драки, ссоры,
И вновь туда — страдать и жаться?
Давайте службы уж держаться,
Пока еще держаться можно», —
Антось заметил осторожно.
И Ганна с дядей согласилась:
«Еще беды ведь не случилось!
Вот скоро кончим строить хату.
Лугами здесь места богаты.
Никто пока не притесняет
И глаз в горшок не запускает.
Свой хлеб — за всё тебе награда,
А потерпеть, известно, надо».
— «Да! Потерпеть! Одно терпенье
Вот так и даст тебе спасенье! —
Хозяин усмехнулся криво. —
Век гнись, сноси всё молчаливо
И думать даже позабудь
Сорвать ярмо когда-нибудь.
А над мечтой про землю, хату
Закаркай вороном проклятым,
Тяжелый крест поставь над нею,
Как и над всей судьбой своею.
Терпенье — всё! Ему нет края!
Чего же мы тогда страдаем?
Зачем все наши устремленья
Пустить поглубже в грунт коренья?
Вот если б вам в глаза плевали
(Вы этого не испытали!)
И унижали, как скотину,
Ежеминутно, без причины,
А вы б моргали лишь глазами
Пред полупанками, панками
И перед всяким панским чирьем,
Тогда б терпению не учили! —
Глаза Михала засверкали,
А губы яростно дрожали. —

Терпи безмолвно, непрестанно,
А каждая свинья у пана,
Свистун и выродок гнилой,
Лакей последний, грошевой,
Тебя «премудро» вразумляет!
Терпи! Пусть он честит и лает
И за нос как захочет водит! . . .»
Антось и Ганна не находят,
Что им ответить, как тут быть,
Как узел этот разрубить.

Так, день за днем, не ожидая,
Прошла неделя и другая.
Готова новая изба,
Над белой крышею труба
Сверкает красною короной,
И двор расчищен захламленный.
В окошках зайчики играют
И солнце в гости закликают.
Ну, хата добрая на вид
И жизнь хорошую сулит.
Когда семейство перебралось,
Всем эта хата показалась
После землянки раем божьим.
«Хоть поживем в дому хорошем, —
Довольная сказала мать. —
Берлоге прежней не под стать! . . .»
Но вдруг Ксаверий к ним пришел.
«Эх, брат, попали мы в засол!
Приехал пан, да уж такой,
Что лучше в речку с головой!»
— «Откуда, кто?» — спросил Михал.
«Да ты его, наверно, знал:
То пан Раковский из Татарки.
Паскуда, слышал, высшей марки!»
— «Стой, пан! Я это имя знаю!
Слыхал о нем, припоминаю.
Так пан Раковский? Злей собаки!
Покажет, где зимуют раки! —
Михась, поднявшись, отозвался
И вдруг недобро рассмеялся, —
Тот смех был над самим собою,

Над глупой, детской мечтою
О некоем справедливом пане. . .
Теперь мытье пойдет без бани. —
Слышал, слышал про эту пташку!
Всем от него придется тяжко!
Поганый пан, чуть осерчает,
Уж с кулаками налетает!»
Еще лесничий не явился,
А уж о нем все разузнали
И так подробно расписали,
Как будто с ними он родился:
И с виду он каков собою,
И что имеет за душою,
И чем известен, сколь богат,
И одинок он иль женат,
И где, когда, чем отличался,
Как к подчиненным придирался, —
Ну, одним словом, «изучили»,
Все кости пану перемыли.
И правда, пан попался злой,
На редкость въедливый, крутой,
Всех ненавидел, презирал
И нос надменно задира.

Однажды возвратясь из бора,
Подавленный, с угрюмым взором,
Михал в семье повел рассказ,
Как встретил пана в первый раз.
«Иду, а он навстречу, значит.
За ним верхом Абыцкий скачет.
Подъехал пан, остановился.
«День добрый пану!» — Поклонился.
А он как столб! Не отвечает!
Потом сквозь зубы начинает:
«А где ты служишь, человек?»
— «Служу, паночек, я в Поречье».
— «Так это ваше благородье
Со всей округой дружбу водит?
Чужих телят на луг пускаешь!
Ты этак службу исполняешь?
Зачем в лесу так стежек много? . .

Сидишь у своего порога!
Такой я службы не люблю,
Лентяям хлеба не даю!
Забыл ты, для чего нанялся?» —
Сказал и далее помчался.
— «С телятами уж влезли в уши!
Ох, ну и люди! Что за души!» —
Проговорила, вспыхнув, мать.
«Чего ж еще могла ты ждать?
Тот самый Тэш, чтоб подлизаться,
Готов хоть в черти записаться.
Брехать умеет чисто, гладко —
Такая у него повадка».
От грустной повести Михала
Тоска в избе на всех напала.
«Ну что ж, терпи, молчи, таись,
Выходит так, друзья мой?
Нанялся, говорят — продался!» —
Михал с усмешкой отозвался.

10. НА ПАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Едва умолкли разговоры,
Мартин явился из каморы.
Таким же самым лесником,
Как все, служил он, но притом
Между делами был обязан
От пана разносить приказы.
Издаека, почти у Клина
Антоний разглядел Мартина.
«Ну, прется уж сюда с приказом!
Сгорел бы ты, панок, с ним разом!» —
Так пану пожелав «удачи»,
Все ждали, что несет Мартин.
«С какой вы ныне к нам задачей?»
— «Приказ принес я для васпана,
Чтобы Антоний утром рано
Шел рубку намечать в бору.
Михал же должен поутру
К поселку лыжи наострить
И рыбки малость наловить. . .

Бери там невод с рыбаками,
Панов порадуй окуньками.
Им голодать, сам знаешь, вредно.
А может, им приелись, бедным,
Колбасы разные, котлеты,
От них и сохнут, как скелеты,
Их ветер с ног чуть не сбивает», —
Мартин тут перцу подсыпает.
«Ну, вот навесил пан мне грыжу!»
— «Ты недоволен этим, вижу?»
Постой, брат, до конца дослушай,
Потом уж отведешь ты душу.
Еще тебе урок приятный:
Крупнее рыбу отберешь
И в замок сам ее свезешь
Друзьям лесничего... Понятно?»
— «Приказ хороший для начала!
Вот, брат, какая жизнь настала!
Пан разве жалость к людям знает?
Двоих на службу запрягает:
Меня — на рыбу, брата — в бор!
Когда же их прихватит мор,
Всех этих иродов пузатых,
Вельможных прихвостней проклятых!
Нет, видно, присказки вернее:
«Кляни ты пана — пан толстеет», —
Михась, озлобясь, бушевал
И пана «Рака» проклинал. —
По горло дела, сеять время,
А на тебя тут валят бремя —
Гони коня за столько верст
И всё бросай коту под хвост!
Беда тебе, коль ты бедняк!
А жил бы сам, всё шло б не так!»
— «Вот тут-то, брат, и горе наше,
И тем удел служебный страшен,
Что не за что нам зацепиться
И мы со злом должны мириться,
Под дудку панскую плясать,
Любую дурь их исполнять.
Тебя ж стригут, ну, как барана! —
Доставши трубку из кармана,

Мартин продул чубук сердито
И развернул кисет расшитый. —
Тьфу, всех подряд костит и лаает,
Себя ж царем воображает,
Так нос дерет пред нашим братом,
Что не достанешь и ухватом!
Всегда косится вроде волка!
И придирается без толка!
Дождались пана мы, Михась!
Что делать, коль пришла напасть,
Жить надо, как там ни гляди!
На свете не впервой, поди,
Имеем дело мы с панами!
Пусть лучше сдохнут они сами,
Пусть прах их ветер разметет!
Сироты, что ли, мы без роду?
И пан, коль повезет народу,
Под нашу дудку запоеет!
Придет, придет такое время!
Навеки сгинет злое племя!»
Они еще потолковали
И малость злость свою согнали.
Но от проклятий этих толку
Не прибыло и на иголку.

С тех пор, как белка в колесе,
Михал замучился совсем:
С рассвета дотемна обходы,
И что ни шаг — везде невзгоды:
Там срубят дуб, березу свалят,
А там и лес, глядишь, подпалят
(Чтоб навредить панам проклятым),
Траву сожнут на корм телятам.
Народ голодный, стиснут очень,
Готов золой засыпать очи.
И свой же брат лесник кусает,
Пред паном выслужиться хочет,
В глаза тебе одно лопочет,
А в мыслях петли расставляет
И случая не упускает
Хоть чем-нибудь тебя донять
И этот горький хлеб отнять!

А сколько беспокойства летом!
Гляди, чтоб бабы без билета
Грибов и ягод не собирали
И хворост даром не таскали.
Не видишь света от забот,
А пан лесничий жмет да жмет:
Уж должен сам ходить с корзиной,
Носить ему грибы, малину.
Хоть разорвись, ему плевать,
Одно он знает — шкуру драть.
То пастуха ему найди,
А то служанку приведи!
А как нагрянет косовица,
Вставай, чуть небо прояснится,
Ищи и косарей, и жней, —
Ни в чем отказывать не смей!
Всё делай быстро, гладко, чисто,
А ведь погода норовиста!
Бывает, в самую страду
Обложит небо на беду,
И невода за неводами
Растянут тучи над лугами,
И дождиком, летящим косо,
Зальют и копны, и прокосы.
А за дела Ильи-пророка
Пан на тебя прищурит око.
Служи, трудись на пана-ката,
Сам не управишься, так брата
Бери себе ты на подмогу,
В одном ярме шагай с ним в ногу,
Трать заодно с ним сил остаток.
Где ж справедливость? Где порядок?
И как ни гнись, ни лезь из кожи —
Ничем ты угодить не сможешь:
Найдет придирку, обругает
И кулаками намахает.

Друзья мои! Кто ж катам этим
Дал силу всю и власть на свете?
На что земля их только носит?
Ой, кто от них не заголосит?
И где на них искать управы?

Ведь суд наш «скорый», суд наш «правый»
Панов за подлости не судит!
А кто же нам защитой будет?
Кто выручит народ в беде?
Кому пожаловаться, где,
Чтоб хоть маленько полегчало?
А миру между нами мало —
Один другого не покроет,
Один другому яму роет,
Готовы лиха прикупить,
Чтоб побольнее укусить!
А пан лишь этого и ждет —
Он нас по очереди жрет.

«Ну и «Рачок»! Ведь всех мордует!
Чего он так, злодей, лютует? —
Не раз говаривал Антось. —
И как тут быть? Хоть службу брось!
Ну, может, стоило б смириться,
Будь урожайная земляца,
А что у нас? Тоска-забота:
Шесть десятин! Чего? Болота!
Вон Лихтаровичу в Затоках
Земли отпущено — волока.
Отдельно и живет и служит,
Как пташка вольная, не тужит.
А ты трясись, как хвост овечий,
Да подставляй невздам плечи!
Нет, хуже службы не найдется,
Здесь каждый бес к тебе суется». —
«А вы и сами виноваты,
Покорно катитесь из хаты,
Как только пан куда пошлет.
Какой за это вам почет?
Так что ж на вас и не налечь,
В телегу почему не впречь!
А надо часом огрызнуться,
Иначе будешь вечно гнуться
И вечно отдыха не знать!» —
Решительно сказала мать.
«Ого! Смела ты возле печи,
И мудры все твои здесь речи,

А вот сама бы послужила,
Тогда б не то заговорила, —
Ответил ей Михал сердито, —
Губа к губе была б пришита!
Где правду ты на свете сыщешь?
Кому пожалуешься? Нищим?
Судиться будешь с ним? За что же?
И кто тебе в суде поможет?
Иль пан тебя не отпускает?
Служить насильно заставляет?
Не хочешь службы? Поругайся!
Сбирай монатки, убирайся!
Кому ты мил, когда в беде!
Эх, не приклонишься нигде!
Дроздом запрыгаешь, блохою,
Коль нет угла с своей землею.
А как узнают это люди,
Отбою тут от них не будет.
Чего ж ему не козырять, —
Не побоятся и прогнать».
— «А зря ты трусишь! Ты ведь нужен,
И уж хомут не стянешь туже.
И кто же так, как ты, радеет?
О каждом пустяке болеет,
Не спит, не ест и ног не чует,
В лесу и днюет и ночует?
Кому-кому, а уж Антосю
Сказать бы можно, коль пришлось,
Ведь он служить не нанимался».
— «А думаешь, я испугался? —
Ответил дядя, в хате храбрый. —
Чуть что — так я его за жабры!»
— «Послушать вас — смелы и хватки,
А при лесничем — сердце в пятки.
Весь пыл ваш мигом пан остудит.
А крик — как был, так криком будет!»
— «Пусть он кричит, и ты кричи!»
— «Как жаба у пенька в ночи?
С таким же толком и успехом?» —
Спросил Михал жену со смехом.
И так не раз вот говорили,
Над горькой долею тужили,

А прок один — растрaviшь раны
Да гуще свет заткут туманы!

«Рачок» за службу прытко брался,
По лесу целый день метался,
Чтоб отыскать, где непорядок, —
На это был лесничий падох.
Когда ж проигрывал он в карты,
Бывал в особенном азарте.
Тогда его остерегайся,
Как от заразы злой, скрывайся.
Однажды рыскал пан весь день
И, не найдя грехов нигде,
В Поречье прискакал, как черт,
Михала требует, орет.
«Откуда там следы скота?» —
Кричит он с пеною у рта,
Скривив лицо, насупив брови.
«Ходили панские коровы! . . .»
Ох, как лесничий тут озлился!
Волчком на месте закрутился!
Кричит и топает ногами,
От злости машет кулаками,
Глаза сверкают, как у змея,
От гнева став еще чернее.
Последними словами лаает,
Из хаты выгнать угрожает.
Михал молчал, да вдруг нежданно
И сам накинулся на пана! . . .
(Лесничий сразу испугался.)
«Чего пан этак раскричался?
За что меня хулит, ругает?
Пусть эта служба пропадает!
Пускай сгорят и двор и дом
С неправдой панской и ярмом,
Со всею долей распроклятой!
Замучили, загрызли, каты!» —
Михал тут плюнул, отвернулся, —
Хоть раз, да славно огрызнулся!

11. ДЕДОВ ЧЕЛН

Михал от злости сам не свой.
Вошел в избу. «Ах, пес шальной!
За что ты лаешь, унижаешь,
Живьем в могилу загоняешь!
Чего прилип ко мне смолою?
Не знать бы век тебе покою!
Чтоб запропал ты, подлый гад! —
Проклятья сыпались, как град,
Пока Михал свой гнев не вылил. —
Всё ж хвост и я ему намылил!»
— «И молодец, такого гада
Еще не так поддеть бы надо,
Чтоб за губу припрятал жало, —
Жена Михала поддержала. —
Прогнать! За что? Иль ты воруюшь?
И княжеским добром торгуешь?
Иль сапоги за лес купил?
Иль сосны панские пропил?
Нельзя же гнать тебя за слово!
Нет дела за тобой худого.
А если уступать всегда,
Так лучше и не жить тогда!»
— «Огреть бы изверга долбней
Иль прямо в воду головой.
Ведь без души он, как блоха,
Не будет за него греха!» —
Так дядя, потеряв терпенье,
Бранясь, пустился в рассужденье:
За грех сочтется или нет —
Отправить пана на тот свет?

Михал робел теперь, признаться,
И с паном не хотел встречаться.
А что, как скажет — выбирайся,
Со службой, с хатой прощайся!
Ведь нет тебе нигде приюта,
Куда уйдешь от доли лютой?
Но к вечеру был дан приказ:
Михалу в лес идти тотчас
Волков выслеживать. «Ну, квиты!

Знать, ругань паном позабыта».
И правда, всё сошло, и слова
Лесничий не сказал худого,
С Михалом в первый раз при встрече
Он говорил по-человечьи.
Гроза как будто пролетела.
И вновь семья повеселела,
Обычным занялась трудом
В дому, на поле, со скотом.

Теперь вы разрешите мне
Сказать о дедовом челне.
А раз про челн пойдет беседа,
То вкратце надобно поведать
Про деда Юрку вам сначала.
Во-первых, Юрка — тесть Михала,
Ближайший родич, как-никак;
Затем — дед Юрка был рыбак.
Но с рыбаком рыбак не сходен,
Всяк по своей рыбачит моде,
И хоть у всех одина страсть,
Да не одни повадка, снасть.
Сетям давал он предпочтенье,
А удить не имел терпенья:
Удой балуются паны
И, извините, свистуны.
Вот невод — это не забава,
Тут, брат, не шутки, тут облава!
И волок можно похвалить:
Им тоже хорошо ловить.
Всего ж милей, мои братки. . .
Сказать вам? Вентерь, неретки!
Но надобно приноровиться,
Чтоб по-пустому не возиться.
Знать надо точно — где поставить,
И снасть уметь добротню справить.
Был мастер ловкий дед на это,
Немало он ловил за лето,
Тут были и лини, и щуки, —
Плыла монета деду в руки,
И в лавку мог старик зайти,
И чарку выпить по пути.

И любят деда Юрку внуки,
Они ему целуют руки,
И он им лаской отвечает,
Баранкой белой угощает.
Конфеты деду, нет, не любви,
А, ну их к ляду: портят зубы,
Пусть ими тешатся девицы,
А хлопцам это не годится.
Обычно дед был очень тихий,
Не поднимал нигде шумихи,
Держался чинно, молчаливо,
О всем судил неторопливо.
Но там, где кривда и коварство,
Дед Юрка знал одно лекарство:
Плевать ему на чин и власть,
Он спуску никому не даст,
Один на всех пойти готов
Немедленно, без лишних слов!
А если Юрка подгуляет —
Он в новом виде выступает,
Тогда он даже побушует
И малость сына помуштрует.
Но и в минуты буйства, шума
Хранит он добродушный юмор
И больше шутит, чем воюет.
«Язэп, вставай! — кричит он сыну. —
Вставай!» — И ну честить детину,
«Чего ты к хлопцу привязался?
Дурак ты сивый! Нализался!» —
Христина-бабка негодует,
А дед и в ус себе не дует.
«Вставай, лайдак, молился богу!»
Тот на полатях, как в берлоге,
Сопит, вздыхает, чуть не плачет:
Ну что за долюшка собачья!
Что он, распутник? Иль грабитель?
«Ну, кайся!.. Пусть простит спаситель!..»

Язэпа дед с часок поучит,
И поругает, и помучит, —

Ведь надо ж в страхе их держать
И к послушанью приучать.
Еще тут следует отметить,
Как дед гуляет на банкете.
У деда щеки розовеют,
У деда очи веселеют,
Он смех горохом рассыпает,
А в сердце удаль закипает:
«Эх, ешча-шчышча! Ешча-шчышча!» —
Старик причмокивает, свищет
Чижом, дроздом, сизоворонкой,
Да как зальется песней звонкой!
Нет, деду надобно движенье,
Сидеть на месте нет терпенья.
Кожух на лавку он бросает
И с полки решето хватает,
В него, как в бубен, бьет рукой
И в пляс пускается лихой!
Тут вам и полька, и мазурка...
Таков был дед, покойный Юрка!

И дядя был рыбак умелый.
Хоть и урывками, меж делом,
А всё ж и он ловил немало,
И дядю счастье навещало.
Бывало, жерлицы приправит,
На шук с приманкой их поставит,
Глядишь — о, добрая минута! —
Размотан шнур, и трость пригнута,
Схватил живца щупак и свищет!
Достал — в два локтя щупачище!
Знал, видно, дядя, что к чему, —
Везло и с удочкой ему:
Бывало, встанет спозаранку,
Захватит лески и приманку,
Осмотрит заводи хитро
И ну язей таскать в ведро.

Ловил наш дядя неретками,
И вентерями, и сачками,

Одно лишь дядю угнетало:
Челна ему не доставало.

Возле сарая, под стрехою
У деда Юрки сиротою
Челнок заброшенный валялся,
И с виду целым он казался,
Покрытый пылью, слоем грязи.
Рыбачил Юрка-дед на князя,
Казенной лодкой пробавлялся,
А челн забытый рассыхался,
Смирившись с участью такой,
Ну, как сенатор отставной.
Дед Юрка дядю уважает,
В душе любовь к нему питает, —
Антось не знает моды той,
Чтоб ловле помешать чужой,
Он делать глупостей не станет
И в вентерь деда не заглянет.
«Бери, Антось, челнишко этот,
Рассохся он слегка за лето,
С кормы маленько расколосся,
И шашель, может, где завелся,
Но приведешь его в порядок —
Послужит он годов десяток».
Антось, как солнце, заснял:
Давно он о челне мечтал.
Удаче радуясь большой,
Вез дедов челн к себе домой
И всю дорогу улыбался
Так, словно клад ему достался.
На речку он челнок спускает —
Мол, пусть покуда замокает!
А там, управившись с косью,
Зальет Антось его смолою,
Осмотрит и законопатит,
И жостью кое-где прихватит.
«Помчится мой челнок стрелою!» —
Так рассуждал он сам с собою.
Пока Антось трудился в поле,
Челнок хлебнул несчастья вволю.

Как только солнышко пригреет,
Костусь уж над челном потеет.
Порты долой, в одной рубашке,
Хоть комары впивались в ляжки,
Он заходил бесстрашно в воду
И начинал работу с ходу:
Шестом челнок гоняет, крутит,
Нещадно воду баламутит.
От стука, треска ходит эхо —
Вот хлопцу выпала потеха!
Антось на свой челнок как глянет,
На сердце сразу легче станет:
Какой бы ни был, а челнок,
И щелей меньше, как замок!
Антоний выбрал день свободный,
Идет к речушке мелководной
С улыбкой радостной, довольный,
С ним детвора ватагой вольной.
На берег челн, как бурлаки,
Втащили дружно из реки.
«Валите на бок, кверху днищем!
Сейчас болезнь мы в нем отыщем!» —
К ребятам дядя обратился
И вокруг челна засуетился.
«Берите, хлопцы, паклю, спицы!
Помчится челн быстрее птицы!
Плотнее щели затыкайте,
Покрепче паклю забивайте!
Вишь, в дырках он, как решето,
Ему годов, наверно, сто...»
Был дядя мастер в час работы
Себе, другим поддать охоты.
Струится речь за словом слово, —
Законопатили, готово!
Смолою днище засмолили
И на воду челнок пустили.
Но тесно здесь ему в затоне,
Он днищем тину задевает
И лягушат в траве пугает, —
Эх, выйти б на простор широкий!
И вот Антось в челнок садится,
Чтоб на речной простор пробиться.

А хлопцы в воду залезают,
Челнок толкая, припевают:

«Плыве човен, воды повен,
Да всё хлюп! хлюп! хлюп!..»

От счастья дядя прямо тает,
В нем важности всё прибывает, —
Не протекает челн, ни-ни,
Куда его ни поверни!
Скажу не с тем, чтоб вас обидеть, —
Картины вам такой не видеть:
Алесь и Костусь челн толкают,
Концы рубах в зубах сжимают,
А дядя — солнце в колесе —
Сидит с шестом во всей красе.
Тем временем из мелководья
На путь раздольный челн выходит,
Тут глубина, вода играет,
Пупы ребятам закрывает.
«Ну, будет, хлопцы, хватит вам:
Теперь попробую я сам!»
Лишь челн от мели отдалился,
Антоний весь преобразился.
И, как орел, он полон пыла,
Какой огонь, какая сила,
В движеньях быстрота и хватка,
Помолодел на два десятка!
На шест налег он, изогнулся
И что есть силы оттолкнулся.
Челнок тут, как стрела из лука
Иль как испуганная щука,
Вдруг как рванется!.. Боже мой!
Рыбак наш милый, наш герой
Нежданно в две беды попал:
На локоть в тину шест загнал,
Челнок же носом — трах в колоду.
Качнулся дядя наш — и в воду,
Лишь ноги в новеньких лаптях,
В портках, для ловли припасенных,
Еще не ношенных, посконных,
Мелькнули у детей в глазах.

Вскочил наш дядя мокрый, злой.
Винovníк же беды такой,
Челнок тот, не челнок — корыто,
И нос, и днища часть отбита.
А сам Антось — царь без короны,
Похож на мокрую ворону.
Мальцы же корчатся от смеха —
Кому беда, а им потеха.

12. «СЕССИЯ»

Михась поел и нарядился —
На ярмарку он торопился.
Не то чтоб там какое дело
Иль что купить ему хотелось,
А просто так — в денек воскресный
В шинке у Залмана чудесно.
Михал — чего уж тут гаиться? —
Любил подчас повеселиться,
Забыть нужду, удел свой жалкий
В харчевне Лейбы или Малки.
А может, он при встречах этих
Имел другое на примете:
За доброй чаркою горелки
Спросить людей насчет земельки —
Ведь так на службе допекли,
Что дума о клочке земли
Лучом свободы в нем горела
И сердцем день и ночь владела.
Но, прежде чем в корчму забраться,
В конторе нужно отчитаться.
В воскресный день, чуть зорька глянет,
Покуда пан еще не встанет,
Охрана, лесники заране
Во двор конторы собирались,
Часами без толку слонялись,
Чесали языками рьяно,
Снося с округи сплетен ворох,
Пока не кликали в контору.

Вот и теперь, в денечек этот,
Как надо прибранный, одетый,

И даже несколько форсисто,
Побритый тщательно и чисто,
Михал крутил колечко уса.
«Остерегайся ты искуса,
Вернись хоть раз, как люди, в пору», —
Жена промолвила с укором.
Ох, эти бабьи причитанья,
Заботы, нудные ворчанья,
А ты терпи всю жизнь, не сетуй,
Уж сколько раз он слышал это!
Вот так без отдыха и точит!
Темнеют у Михала очи
И на жену глядят сурово.
«Ох, надоело, право слово,
Ведь нет такой причины малой,
Чтоб ты не злилась, не шпыняла.
Ну как тебе трещать не лень
Одно и то же целый день.
Сказала сорок раз — и квиты!» —
Ответил ей Михась сердито,
Взглянул недобрыми глазами
И даже зло повел плечами.
«Не любишь правды — вот и злишься,
А сам небось в корчму стремишься!
Гуляка ты — скажу одно я,
Что дом тебе, тепло родное?
Горелка только на примете —
Ты всё готов забыть на свете!»
Михась стоит, обиды полный,
В глазах его укор безмолвный.
Да разве это справедливо!
А ты всё слушай терпеливо,
Ответишь — пуще крик, тревога.
Он только плюнул у порога.
Идет, разгневанный, как буря,
Широкий лоб его нахмурен,
А губы крепко-крепко сжаты.
Ударил дверью, прочь из хаты!
И злость свою, тоску, заботы
Поспешно вынес за ворота.
Шагая по полю сторонкой,
Он злится на себя, на женку, —

В словах ее, коль глянуть прямо,
Немало истины упрямой.
Но для чего ж колоть ей очи?
Тьфу! И нигде ни днем, ни ночью
Минуты не найдешь покою!
Черт каждый вяжется смолою,
А тут она — ну, как шарманка! —
Всю душу вывернет изнанкой.

Михась лелеет мести планы:
Вот выпьет он, вернется пьяным,
Чтоб и язык не шевелился
(Уж раз таким плохим родился!),
Пускай вопит тогда, кляня!
А то не будет есть два дня
Назло сердитой половине,
Покуда гнев ее не схлынет.

Так миновал он Клин, вздыхая;
Направо — тропочка слепая
Болотцем напрямик ведет,
Михал пока босой бредет.
Но вот пред ним тропа другая,
И он сверженскими лугами
Шагает, грязь меся ногами.
За время, что он шел низиной,
На лбу разгладились морщины
И в сердце буря улеглася.
Теперь уж мысли у Михася
Роились в голове другие,
И лишь свидетели немые
Им были травы, лес угрюмый,
Своею заняты думой.
Болотце пройдено помалу,
Густою чащей по завалу
Михась на старый шлях пробился,
И сразу в мыслях пан явился.
Вот с кем бы не хотелось знаться
И никогда с ним не встречаться
(Ведь каждый день — ругня, угрозы),
Но ни тоска твоя, ни слезы,

Ни сжатый до крови кулак
Не переменят жизнь никак!
Терпи! Но хватит ли терпенья?
Когда же кончится мученье?
Неужто так не видеть воли?
Быть век у пана в рабской доле?
Служить хозяину, стараться
И в три погибели сгибаться?
Ответ один — нет, братец, ходу,
Хоть с моста ты кидайся в воду!
Где у тебя земля и хата?
Тяни ярмо, как скот проклятый!
Ведь ты — ни рыба и ни мясо. . .

Идет. . . Усадьба пред Михасем.
Она давно ему знакома.
И хоть не пышные хоромы
Себе тут шляхта схлопотала,
А вот живет, и горя мало!
Хоть шляхтич темный, как таган,
Но всё же сам себе он пан:
Лесничих никаких не знает,
Пред ними шапки не ломает.
И огород, и пашня рядом,
Живут привольно, добрым ладом.
Михал, завидуя, глядит, —
За что он богом позабыт?
Сегодня праздник — люди вольны:
Куда решил, туда пошел,
Кто — на базар, а кто — в костел,
Как этот Людвиг богомольный,
А кто в своем дому гуляет.
Лишь ты, недолю проклиная,
Терпи и гнев, и поношенье,
Не смейдохнуть без разрешенья!

Тут на холме невдалеке,
В саду зеленом, как в венке,
Обнесена забором строгим,
Открылась сбоку от дороги
Усадьба пана: двор, ворота —
Всё было видным и добротным.

Ему, однако, не хотелось
Глядеть на это — всё приелось,
И панский дом с лосиным рогом
Михасю чудился острогом.
Ведь, кроме подлости, обмана,
От прихвостней последних пана
За годы службы здесь Михал
Добра иного не видал.

А эта «сессия» и встречи,
Смешки, подвохи, злые речи —
Как горько это всё и нудно,
Постыло до смерти, паскудно!
Михал ступил на двор конторы
С душою злой, с тяжелым взором,
Но, встретившись с толпой обычной,
Он в воротах уже привычно
Улыбкой тень с лица сгоняет
И бодро плечи распрямляет,
Кивает всем, такой довольный,
Ну, будто службы нет привольней!
(Ведь люди мастера цепляться
И над невзгодами смеяться!)

Тут был Скворчевский, Лихтарович,
Амброжик, Судник, Астахнович,
Памдей —объездчик, он же ловчий,
До угощений страсть охочий.
«Памдей» — пошло от «пана дзея».
Не поп наш дядя, но умеет
Раскинуть собственные «святцы»
И острым словом отозваться:
Исправит имя кличкой меткой,
И коль уж даст — прилипнет крепко.
Памдей объездчик был незлобный,
Сказать по правде, старомодный,
Не то что Ворцюх, черт глазастый,
И тормозил людей не часто,
Подвохи строить не умел —
Зато и веса не имел.
Вот Артюшок — о, это хам!
Вредил он много лесникам.

В паны пролез недаром сразу,
Ценил Раковский в нем пролазу,
Вот так и вился возле пана
С своей улыбочкой поганой.
И щедро был за то оплачен:
Обер-объездчиком назначен.
Брехал налево и направо,
И шла за ним собачья слава.
И, если пахло где доносом,
Тогда, крутнувши только носом,
Одно все повторяли слово:
«Ну, это штучка Артюшкова!»
А вот и он. Шагает гордо,
С высоко задранною мордой,
А глянуть людям прямо в очи
Он что-то не особо хочет.
С Памдеем поравнявшись боком,
Толкнул, как будто ненароком,
В ребро объездчика седого,
Но не промолвил, бес, ни слова.
Памдей, склонясь, шепнул Михалу:
«Ишь, знает кот, чье слопал сало!» —
И вслед доносчику кивает,
А сам невесело вздыхает,
Скривив лицо в усмешке горькой:
Не миновать теперь проборки.
Сбрехнул чего-нибудь уж пану, —
Вот человек с душой поганой!
Эх, морду б кто ему набил! . .

Тут и Абрьцкий тоже был —
Объездчик старый и служака,
Курильщик, лютый выпивака,
Любил и он исподтишка
Куснуть как следует дружка.
Обычно он играл три роли:
Смешил усердно всех до боли,
Когда в веселом настроенье
Вел речь о разных приключениях
И передразнивал других;
Или сидел суров и тих
И люлькою, как печь, дымил;

Или горелку мрачно пил,
И хоть изрядно спотыкался,
Но под забором не валялся.

Во время этих «сессий»-сборов
Немало было оговоров,
Издевок, сплетен несуразных,
Вранья, воспоминаний разных.
И то со смехом, то со злостью
Панам перемывали кости;
О чем тут только не болтали,
И о знакомых рассуждали,
Кто вниз пошел, кто в гору ходко,
Нередко спорили на водку,
И думать позабыв о лесе.
Но главным смыслом этих «сессий»,
Основой их с давнишних пор
Был в кабинете разговор,
Когда всеильный пан лесничий
К себе на «исповедь» покличет.
Тогда смолкал в тревоге сход.
Обычно в первый шли черед,
Шурша бумагами-делами,
Как псы с поджатыми хвостами,
Объездчики, чтоб глазу пана
Открыть картину без обмана:
Какие были преступленья
Иль неполадки, упущенья,
Как лесники — его опора —
Справляют службу — худо, споро ль;
И есть ли у кого порубки,
Чтоб «грешник» не ушел от лупки.
Когда ж он, после каверз всех,
Не находил в делах прорех
(Лесник считал себя счастливым!),
Раковский усмехался криво:
«Плутуешь с кем-то и скрываешь!
В одну с ним чарку ус макаешь!»

Пан утвердил порядок новый:
Один доносит на другого,

И, кто кусать умеет злее,
Тот и наверх идет вернее.
На этот раз для всех неожиданно
За стариком пришли от пана.
Памдей испуганно метнулся,
С улыбкой жалкой оглянулся.
«Ну, будет баня «пане дзею»!
А вот за что — не разумею. —
И, сгорбив старческие плечи,
Он затрусил беде навстречу. —
А чтоб ты курице приснился!» —
Вбежал и низко поклонился.
И встал у двери истуканом,
Готов на крест идти за пана,
По слову косточки сложить
И верой-правдою служить.
Так унижаться! Так неметь!
Людского вида не иметь!
Ни даже тени человека!
Стать, как на паперти калека
Иль будто пес ничтожный Лыска...
Эх, можно ли упасть так низко?
Зато уж пан! Как на портрете!
Кто с ним сравняется на свете?
Такой он важный, именитый,
Такой надменный, сановитый!
А как несет себя высоко,
Ну, есть ли где такой же сокол?
Взгляните-ка на эту мину:
Он — царь, он — бог наполовину,
В венке, как будто в озаренье,
Сгибай пред ним свои колени!
И пред такой вот образиной
Не смей дохнуть и ползай псиной!
Памдей, как мертвый, не моргнет,
Стоит навытяжку и ждет.
Пан старика не замечает,
Талоны синие листает.
«Ну, вот что, друг, ответь-ка: часто
Ты проверяешь свой участок?»
Задав объездчику вопрос,
«Рачок» глядит, как злой барбос,

Надутый и зловеще хмурый,
Вот-вот сожрет с костями и шкурой!
Каков его злодейский план?
Где он расставил свой капкан,
На чем его, Памдея, ловит?
Ох, надо не сорваться в слове
И отразить лихие стрелы:
«Ну, ну, Памдеинька, будь смелым,
Бог даст, и выскочишь сухой!» —
Несутся мысли чередой.
«Как должно, пане, проверяю,
Иль службу я свою не знаю!»
— «А сколько раз ты был на месте?»
— «С позавчера — пять раз, по чести».
— «Где Астахнович? Ну-ка мигом!»
Мартин во двор метнулся лихо
И вот уже назад идет
И Астахновича ведет.
То был едва живой старик,
Из Давидовичей лесник,
Как леший, древний и глухой.
Эх, плохо дело, боже мой! . . .
Окинув пана хитрым глазом,
«Глухарь» заговорил не сразу:
Учуять надо — что и как.
«Был этот у тебя дурак?
Да не болтай мне только сказки.
Давно ли был он на участке?»
Дух захватило у Памдея,
Попался в лапы лиходея!
Теперь уж цапнет пан, так цапнет,
Коль невпопад свидетель ляпнет.
Но как глухому подсказать,
Чтоб он ответил пану: «пять»?
Памдей секунду улучшает,
Пять пальцев молча поднимает.
Лесник увидел тайный знак.
«Пять ден, как был там, точно так!» —
Ответил, радуясь немало,
Что спас Памдея от скандала.
«А чтоб ты окошел, мой милый!
Не знать бы век тебя, дурилы,

Испортил всё глухой старик, —
«Пять ден!» Пять чирьев на язык!»
— «Лайдак! — вдруг рывкнул на Памдея
«Рачок», от ярости шалея,
Вскочил — ну, прямо дьявол лютый: —
Пся крэв! Собачий ты ублюдок!
Ты так на деле служишь пану!
Вон прогоню тебя, болвана!
Не будешь княжий хлеб задаром
Ты больше жрать, бездельник старый!»
Памдей, трясущийся, прибитый,
Безмолвно сносит все обиды,
Стоит, потупив в землю очи,
И только изредка бормочет:
«Прости, панок! Пусть пан простит!»
А тот — с ума сошел — вопит
И наседает на Памдея,
Всё больше злясь и свирепея.
Чего еще тут ждать от зверя?
Памдей задком, задком — и к двери
Отходит, ноги волоча,
И задает вдруг стрекача.
Бежит во двор, весь раскраснелся.
«Ох ты, холера! Ишь как взъелся!
Вот наскочил, намял мне шею!
Чтоб разорваться тебе, змею! —
Он озирается и стонет,
Ему мерещится погоня.
— А ты, глухарь, чурбан ольховый!
Помог, ввернул по дружбе слово.
«Пять раз» — показываю ясно,
А он — «пять ден!» Глухарь несчастный!»

13. ВЫБОРКА МЕДУ

Поречье — славный уголок,
Пригожий летом и веселый.
Как море — лес, как небо — доли,
Цветами светится лужок.
А сколько по реке смороды!
А как гречиха пахнет медом,
Когда начнет она цвести!..

Ну как тут пчел не завести!
Им столько выгод здесь и места!

Весной, во время переезда,
С собою взяли пчел колоду,
На всякий случай, для разводу,
И пчелы начали роиться.
Нашлись охотники — сложиться:
Кто ульем вскладчину ссужал,
А кто под мед и денег дал.
Ну как же тут откажешь людям?
Не примешь — меду не прибудет.
Накличут всяческого зла:
Не любит зависти пчела.
Антоний-дядя главным чином
Был в предприятии пчелином,
Хоть эта новая наука
Далась ему с немалой мукой
И первой вылазки своей
Не позабудет он, ей-ей!

То было время солнцепека,
Выходит рой, гудит высоко,
Летит на вербу и садится.
Никак к нему не приступиться!
Антось берет дымарь и сито,
Глядит на этот рой сердито,
Вот, на тебе, еще беда!
Загнал же черт его куда!
Антось по лестнице добрался
К ветвям и там обосновался,
Скатерку приоткрыл над ситом,
За ложку взялся деловито.
Но только чуть затронул рой —
Гудит пчела над головой,
Другая — в ухо жалит метко.
Качнулся дядя наш на ветках,
Невольно хватъ за толстый сук!
А сито выпало из рук.
Пошла у пчел тревога тут,
Звенят, как ангелы, поют,
Но жалят дядю, словно черти.

«Чтоб вам сгореть! Язвят до смерти!»
Пригнулся дядя — вот напасть!
На землю вся свалилась снасть.
За ней Антоний наш, как сноп,
Туда ж с вершины вербы — хлоп!
Поднялся дядя, побежал,
Как будто разум потерял,
В шалаш укрылся под застреху.
И горя было тут и смеху!
Потом Антоний научился,
К повадкам пчел приноровился,
Стал скоро бортником завзятым,
Хоть не сравнить его с Кондратом.

Прошел и Спас. Кончалось лето.
Пылает лес, в багрец одетый,
Трепещут в золоте осины,
Свисают гроздья у рябины.
Пчела уж меньше занята,
Пожива ей теперь не та,
К тому ж и ульи не пустые,
Рои окрепли молодые
И малость меду наносили.
Вот кумовьев и пригласили
На выбор меда в добрый срок.
Веселый, тихий был денек.
Мужчины на заре поднялись,
Подмолодить себя старались:
В корытах головы помыли,
Усы повыше закрутили
Да мылом их понатирали,
Чтоб крепче были, не свисали.
А для гостей, на праздник этот,
Надели новые жилеты
И сапоги так наложили,
Что просто шляхтичей затмили.
«Ты, дядя, в зеркало взгляни:
Ну, хоть в бумажку заверни!
Такой красавец, что держись!» —
Дразнить мальчишки принялись,
«А ты не смейся, дуралей,
Утри-ка лучше нос живей,

Сопля уж губы запирает», —
Алеську дядя подсекает.
Алесь затих, потупил очи:
На шутки что-то неохочий
Сегодня дядя, смотрит вбок;
Алесь — смышленный паренек!
Он молча Костусю кивает,
Из хаты выйти приглашает, —
Договориться им пора
О том, что мучит их с утра:
Кому и где пасти скотину?
«Я вот, брат Костусь, как прикинул:
Коров мы выгоним вдвоем,
Под старым вязом попасем.
Когда ж они чуть пополнеют,
Бока их малость округлеют,
Мы их запустим на болото,
И закипит у нас работа!
То ты, то я — на перемену!
Куда вот только мед я дену?
Живот здесь надобно, браток,
Как у Баландихи мешок».
И хлопцы, кончив договор,
За речку устремляют взор,
Туда, где пролегла дорога, —
Гостей сегодня будет много:
Родных, знакомых и соседей.
Быть может, кто-нибудь уж едет?
А малыши в дому резвились,
Близ мамки, как всегда, крутились,
По временам ей помогали,
Но больше все-таки мешали.
Одна всех дума занимает —
Что день сегодня необычный:
От всех он праздников отличный,
Такой лишь раз в году бывает.

На этот день молодцевато
Принарядилась и хата:
Всё выскоблено добела,
А стены красного угла

Увиты зеленью кленовой,
И стол накрыт скатеркой новой;
Святых украсить не забыли,
Цветной бумагой обложили —
Они взглянули веселее,
Их лики сделались добрее.
Алесь и Костусь в этот час
Гостей под дубом поджидали
И меж собой шутя гадали:
«Узнай, Костусь, кто из гостей
Приедет первым? Ну, скорей!»
— «Ну кто? Конечно, Юрка, дружже».
— «А почему?» — «Мед любит дюже.
А там, гляди, Язэп припрется
И Фабиан из Королины.
Подвыпьют, знаешь сам, мужчины,
Вот разговор у них начнется!
А после выступит Кондрат,
Шутить, плясать всегда он рад,
Его Ялевка подстрекнет.
А Ухин песню запоет:
„Пей горелку! Эй, соседи!..”»
— «Смотри, смотри, уж кто-то едет! —
Алесь вскочил и вдаль взглянул
И локтем Костуса толкнул. —
То Ухин едет! Видишь, вот он!» —
И хлопцы кинулись в ворота,
Несутся что есть духу к хате:
«Там Ухин едет! Ухин, тятя!»
— «Цыц, вы! Не смей его так звать,
Не то ремня не миновать!»
Отец на сыновей серчает.
Пиджак свой чистый надевает
И из избы спешит скорей
С почетом принимать гостей.
Андроцкий-Ухин в воротах
Остановил конягу так,
Как будто тот — лихой рысак,
Хоть конь, как вол, неповоротлив
И бегать сроду неохотлив.
Кадушка-Зося вся сияет.
Михал сойти ей помогает:

Она ж как глина, — даже тяжко
Под нею стонет колымажка.
«Привет, кума! Войти вас просим!»
А в узелке бутылъ у Зоси.
Кума, как утица, качаясь,
Идет к крылечку, улыбаясь.
Тут и хозяйка выбегает,
Ей двери в сени отворяет.
Они сердечно засмеялись
И крепко там поцеловались,
Как будто бы слились две речки;
Горохом сыплются словечки.
«А где же крестница Алена?» —
Спросила Зося удивленно.
Глядит Аленушка волчонком,
Но Зося обняла ребенка,
Спешит гостинец передать
И понежнее приласкать,
В глаза заглядывает ей:
Ведь у самой-то нет детей!
Алесь успел тут под шумок
Распотрошить весь узелок
И Костусю бормочет в ухо:
«Там, брат, горелка-веселуха,
И каравай, и сыр, как плаха!
Эх, коли не было бы страха,
Вот можно было б поживиться.
Но этот дар не залежится!
Я каравай не упущу,
Тебя как надо угощу».
Так пошутили, посмеялись
И весело за дверь помчались.

Якимов воз уже прибрали,
Коня вожжами привязали
В кустах ольховых возле дуба,
Где погулять так было любо.
Затем к избе подъехал чинно
Язэп с фольварка Королина.

А там Кондрат коня стегает.
«Гей, смерть турецкая!» — ругает.

И лишь заметили Кондрата —
Загомонила сразу хата:
«Ну, вот и бортник наш спешит,
Всех распотешит, насмешит!»
— «Ноль! Смерть турецкая! Мьякина! .,»
Кондрат веселый был мужчина.
Он прибыл с матерью седою
(Ее Алесь прозвал совою).
Высокий, сухощавый, статный,
Всегда желанный, всем приятный,
Кондрат с приветом в дом вступил
И о здоровье всех спросил.
И бабка, Пальчиха Дорота,
Хлеб-соль внесла, еще чего-то —
Таков обычай белорусский,
В узле ж — горелка и закуски,
Но вот гостей полна уж хата.
Перекрестясь, Антось с Кондратом
Берут корыто и дымарь:
«Ну, помогай, небесный царь!»
«Куда ты лезешь? Вот дурная!» —
Кондрат пчелу угомоняет,
А пчелка, словно в паутине,
В его запуталась щетине, —
Поймал тихонько, отпускает,
Неспешно соты вынимает.
«Ах вы, лентяйки, соты голы,
А ведь не молодые пчелы!
Дай дыму им! Дымку им дай!
Вот так! Довольно! Принимай!»
Кондрат пласты ножом срезает,
Кряхтит, бедняга, и потеет;
Пчела в дыму как бы пьянеет,
В колоду выше уползает.
«Таскали, бедные, таскали,
А мы в минуту всё забрали!» —
Так пожалеют, повздыхают
И к улью новому шагают.

Внесли корыто с медом в хату,
На долю выпало Кондрату
Делить его меж кумовьями.

Подходят женщины с жбанами,
Тут шутки, толкотня и смех,
Веселье захватило всех.

А в это время стол накрыли,
Гостей шумливых пригласили.
Они садятся, но без спешки,
Так полагается — помешкать
(Мол, вежливость нам не чужда!).
Идут тут споры, как всегда,
Все начинают прибедняться.
«Садись, Язэп!» — «Пускай садятся!
А я тут с краешку приткнусь!»
— «Садись, чудак!» — «Ну, ну, сажусь!»
— «Пан Фабиан, и ты, Кондрат,
Яким, и Ян, и Юрка, брат!
Прошу, прошу вас!» Усадили.
Таким же чином упросили
И женщин. Дядя же Антоний
Немедля в ход пустил ладони:
Так ловко пробки вышибает,
Что удивленья вызывает.

Криницы радостного хмеля,
Непринужденного веселья —
Бутылки чарок ожидали
И, как епископы, стояли.
Горой лежит у их подножья
Закуска, эта милость божья:
Как снег, белеют ломти сыра,
Колбасы же в слезинках жира,
А в рот возьмешь — блаженства вкусишь,
Их только встретишь в Беларуси.

Мой милый Янка, мой Купала!
Судьба в одном нас вихре мчала,
Но почему же той порою
Не повстречались мы с тобою,
Чтоб стол селянского банкета
Развеселил твой дух поэта? . .

Михал тут чарку поднимает.
«Ну, за кого же? — вопрошает.

Глазами всех гостей обвел. —
Начнем с конца кропить наш стол!
Ну, кум Яким, мой старый друг!
Пусть горе не войдет в наш круг,
Дай бог нам доброго приплоду,
Да чтоб побольше было меду,
Чтоб пили мы, еще просили,
Чтоб мы на головах ходили,
Справляя праздник наш пчелиный,
За ваше, гости, пью здоровье!» —
И после этого присловья
Он ловко чарку опрокинул,
Глотнул и губы утирает,
Затем Якиму наливает.
И вот пошла по кругу чарка,
Хмель в головы ударил жарко,
Всё больше гости веселеют,
Всё больше лица их краснеют,
А голоса звучат сильней,
От смеха разговор живей.
Склоняясь с лаской и приветом,
Как нива светлая под ветром,
Хозяйка потчует гостей,
И каждый мил и дорог ей.
«Ну, будьте ласковы, возьмите,
Вот мясо, сыром закусите,
Колбаски иль окорочка,
Ну, хоть кусочек пирожка!
Побольше масла положите!»

И вот бутылъ уже пустая!
На смену ей спешит другая,
И гости шумным удивленьем
Приветствуют ее явленье.
А женщины свой пир ведут
И от мужчин не отстают,
Хотя от них отмежевались,
Своей горелкой угощались
(Тем отличалась она,
Что чуть была подслащена).
Подслушать любопытно было,
Как их собранье гомонило

И как они, подвыпив малость,
От новой чарки отрекались:
«Прошу вас, пани Юзэфова!»
— «Нет, нет, кума! Даю вам слово,
Совсем пьяна, побойтесь бога!»
— «Не любит бог, коль пьют немного!»
Кума на просьбу поддается,
За чарку в третий раз берется
И только губы омочила,
Как чарку снова опустила,
К бутылке тянется рукой.
«Не дам, Анелька! Нет, постой!
(Обычай так повелевает:
Кто чарку пьет, тот наливает.)
Ты выпей чистенько-чистенько!»
— «Ох, я пьяна уже маленько!
Язеп мой лысый, вишь, серчает!» —
Куму Анелька обнимает
И завершает спор на том,
Что чарку пьет одним глотком.
И вот не выдержали женки
И песню затянули звонко,
Чтоб осмеять всех неженатых —
Антося, Яську и Кондрата.

«Сидит в хате, чешет темя,
Не с кем молвить слова!
Ой, женись! Ускачет время,
Старость тебя словит!
Поседеешь, сядешь маком,
Девки отрекутся,
Будешь стынуть, как собака,
Под забором гнуться
Да лизать горшки и мисы —
Не свои — чужие!
Ты женись, Кондратка лысый!
Дурни — холостые!»

«Ох, уж умеют бабы выты!
Одно им дело, чтоб женить!
Эх, эх, турецкие вы сватьи!
Когда вас нет, спокойней в хате!»

Кондрат очами заблестел,
А Яська, брат его, запел:

«Я один, все пути
Мне теперь открыты.
А женился — взаперти
С бабою сиди ты.
Я один, я казак,
Для чего мне женка!
Не женись, холостяк,
Изведет бабенка!
Бог мужчину создал,
После с толку сбился:
Драл чуприну Адам,
Что с Евой скрутился!»

«Вот так! Вот так их! Молодчина! —
Смеясь, воскликнули мужчины.
— Ну, поддадим же, хлопцы, жару!
Яким, бери-ка свою чару!»
— «Нет, брат Михал, ей-богу, будет!»
— «Да не задерживай! Ждут люди!»
Яким дошел уже до точки:
Нет, он не выпьет ни глоточка!
Мужчины нрав Якима знали
И лишь дружнее наседали.
И наш Яким хоть и с божбой,
Но выпил весь стаканчик свой.
А дальше вновь таким же чином
Клялся, выискивал причины,
Но чарка в чарку пил с друзьями
И вот уж заморгал глазами,
Потом ладони вдруг развел
И песню старую завел:

«Ой, летел полем шмель,
А навстречу мушка.
Пододвинься, кума,
Пошепчу на ушко!»

На круг тут Ганна выступает,
В ладоши плещет, подпевает:

«Заиграйте, музыканты,
Чтоб я заплясала.
Купил батька черевички,
Чтоб я их стоптала».

На голос тот мужчины рьяно
Выталкивают Фабиана.
И хоть он был изрядно пьян,
Пустился в пляску Фабиан.

«Полюбуйся, Гапка,
Как трясется шапка!»

И вместо шапки волосами
Трясет, как ветер колосками,
Да разминает свои кости.
И разошлись наши гости.
Тут гребень Пальчик Ян хватает,
К нему бумажку приставляет
И начинает так играть,
Что просто ног не удержать.

«Без музыки, без дуды
Ходят ноги не туды.
Играй, дудочка моя,
Куда дудка, туда я!»

И сам хозяин, ловкий, статный,
Согнувши руку деликатно,
С кумой Анелькой стал плясать,
Всех панским вальсом удивлять.
За ним Язэп из Королины
Вступил с торжественною миной
И так с хозяйкой закружился,
Что потом лоб его покрылся.
Андроцкий перестал божиться,
Сидит, не может шевелиться,
Беседу Юрка с ним ведет,
Яким же тоненько поет:

«Мой сосед горелку пьет,
Пока пьется.

Конь сам до дому дойдет,
Не собьется».

«Плясать хочу! Кто мне сыграет?» —
Ян Пальчик громко восклицает,
Но, не дождавшись дударей,
Пустился с музыкой своей.

«Там-там! Тара-там!
Там-та-тита, ти-та-там!
Ходи, хата, ходи, печь!
Не жалея своих плеч!
Я найму дударя,
Дударика-комара.
Ты, комар, играй, играй,
А ты, муха, подпевай!
Слепень, скрипкой будь у нас!
Возьми, овод, контрабас!
Шмель, ты в бубен бубни,
Шершень, песню затяни!
Я хочу поплясать,
Всех на бал покликать.
Развернись же, душа!
Берегись Тамаша!
Я тогда только пан,
Когда здорово пьян,
Тогда весел и рад,
И сам черт мне не брат!
Там-там! Тара-там!
Там-та-тита, ти-та-там!
Лысый черт бежит с болота,
Одному жить неохота.
Хоть хитер, а оступился —
Взял жену и утопился.
Эх, не будь, чертяка, слаб!
Не люби ты, дурень, баб!
У нее коса растет!
Кого хочешь оплетет!
И Язэпа, и Михала,
А меня вот не поймала!
Разве что ума лишусь,
Да и то остерегусь!

Держи шире карман!
Не поддамся на обман!»

Тут гости с места повскакали,
В ладоши били, подпевали.
«Ах, чтоб он скис! Вот разыгрался!»
А Пальчик лишь сильней старался:
Взлетают руки, плечи ходят,
Бровями лихо так поводит. . .
Но стало тут уже смеркаться.
«Пора домой нам собираться!»
— «Да посидите, погуляйте!
Останьтесь! Песни поиграйте!»
— «Ну, песню! Песню! Начинайте!»

«Ой, пора вечерять, а отца нет дома.
Иль ему дорожка эта незнакома?
Иль он заблудился, со следа конь сбился?
Иль среди дороги он остановился?
Хоть трудна путина, да конь ее знает.
Но не конь дорогу себе выбирает.
Ой, кто по дороге коня погоняет,
Коня погоняет, песню запеваёт?
То везет сосед наш подарок великий:
Сапоги для сына, дочке — черевики.
А нашего татки нету — всё гуляет,
Про детей, про хату и не вспоминает.
Пора спать ложиться, а татки нет дома, —
А дорога бита, хорошо знакома.
Вот и полночь скоро, а всё нету татки. . .
Ой, пора нам, гости, пора к своей хатке!»

Тоской неясной песня веет. . .
На свете всё конец имеет.
И гости свой банкет кончают,
Одни другим добра желают.
Минута настает прощанья,
Слышны приветы, пожеланья:
«Не забывают же! Простите!
Коль что не так, не осудите!»

14. «ДИРЕКТОР»

Всему свой срок. Уходит лето.
То — дни раздумий для поэта,
То — грустный образ расставанья,
То — струн дрожащих замиранье,
То — горесть песни вдохновенной,
Спор смерти с жизнью неизменный,
И люб и грустен час прекрасный,
Когда душа природы всей
С душой сливается твоей
В один и тот же строй согласный,
На золотых порогах полдня,
Где белорунный полог поднят,
В пучинах неба ясно-синих
Проходит солнце, как богиня,
И косы-стрелы рассыпает,
Как чаровница молодая.
Под лаской этого сиянья,
Под добрым взором созерцанья
Всё успокоилось: и небо,
И поле убранного хлеба,
И эта даль, и луговины. . .
На нитках белой паутины
Привозят осень пауки.
И замелькали челноки,
По морю леса засновали
И листья багрецом заткали. . .
И каждый лист несет в лесу
Свекрови-осени красу.
Повеет ветер, тронет травы,
Но нет в нем ласки и забавы.
Нет, то не шорох колосков,
Не смех лазурных васильков
Во ржи, средь чуткой тишины.
Нет, то не музыка весны,
А тихая печаль и мука,
И с жизнью, и с теплом разлука.
Помчались гуси в край далекий,
И журавли в тот самый край.
Прощай же, летечко, прощай!
Прощайте, милые волокни!

«Ну, как, — сказал Михал, — как будет?
Детей по школам учат люди,
Пора б и нашим за науку.
Но в школу отдавать не в руку:
Что будут есть, где жить, бедняги... —
И батька тут, как на бумаге,
Стал вычислять, насупясь, траты
И сделал вывод: лучше в хату —
Чтобы не кланяться Якиму —
Нанять «директора» на зиму,
Ну, хоть бы Яську Базылева.
— Дам три рубля — и всё готово!
А хлопец прыткий до науки.
— «Ну, Яська — мастер на все руки:
Что до серпа, то и до книги.
Лишь бы ребята стали слушать,
Чтоб не пришлось ему откушать
Своих воспитанников фиги», —
Антось заметил. — «Что за фиги?
Пускай посмеют, прощелыги! —
Вскипел Михал. — А это что?
Как отхлещу разов по сто,
Любой лентяй три дня не сядет!»
Глаза тут опускает Владя,
Но слово все-таки вставляет:
«Забыл я больше, чем он знает!»
— «Ой, как умен! Всё понимаешь!
А пять да два не сосчитаешь.
Ты у меня учись без дури,
Не то ученье будет шкуре!
Должны понять — не шутка! — сами», —
И батька всех обвел глазами,
А после глянул на веревку,
На том закончив перемолвку.
Еще «директор» не явился, .
А Владик хлопцам побожился,
Что уши драть не даст повадки,
Пускай он сгинет в лихорадке!

В лаптях добротных Базылев
Явился, лишь прошел Покров.

Два сапога без каблуков
Привез с собой: ему от брата
В наследство перешли когда-то.
«Ну, вот «директор» вам, смотрите! —
Михал кивнул сынам на Яську. —
— С утра за книги, за указку!
Отцовы деньги — не шутите!
Учиться мне не как-нибудь!
Не потакай ты им ничуть! —
Михал «директору» сказал. —
А чтоб никто не отставал,
Тяни за ухо, на колени.
Найду лекарство я от лени!
И коль пойдет наука туго,
Помогут им ремень и угол!»
Стояли хлопцы и сопели,
На Яську изредка глядели.
А сам «директор», низкий ростом,
Одетый по-бедняцки, просто,
На вид совсем невзрачен был
И ничего не говорил.
Спустя немного он очнулся,
Пришел в себя и оглянулся.
Он знает всех и всем знаком,
А Владик был его дружкой.
Но ведь теперь не то уж время!
Тяжелое он принял бремя,
Превыше дружбы и потех —
В науке должен быть успех!
Он школу кончил прошлым летом,
Немудрый клад унес при этом
И растерял уж половину,
Гоня по полям скотину.
И хлопцы так же рассуждали
И, как держаться с ним, не знали:
Считать его за своего
Иль быть подальше от него?
А Владик сразу — шмыг за двери
(К такой уж он привык манере!) —
Я по хозяйству, мол, иду!
С наукой был он не в ладу.

Алесь за печкой притаился,
На Яську пристально воззрился.
Ну, хлопец — птичка-невеличка!
Ему тут скучно с непривычки:
Леса, кусты, одна лишь хата, —
Ох, жить здесь, верно, страшновато!
А ям и рвов, оврагов сколько!
Гляди, напорешься на волка!
А может, хуже — вурдалак! . .
Попался, хлопец, ты впросак!
Эх, тяжело жить тут будет, тяжело!
Готов уж каяться бедняжка, —
Поехал, не узнавши броду,
Каб знать, не согласился б сроду!
И одичаешь здесь, как сыч!
Но уж распили магарыч,
И сам он честь горелке отдал.
«Директор» сел за стол несмело, —
Что ж, братья надобно за дело,
Иначе славу всю погубишь.
«Ну, Костусь, как?
Читать ты любишь?» —
Спросил «директор», чтоб начать
С чего-нибудь и не молчать.
«Люблю, да только не умею,
Складов никак не одолею».
— «Ну, это, брат ты мой, полгоря!
Склады читать начнешь ты вскоре!
Вот буквы — твердо надо знать,
А на склады уж наплевать,
Старанье — главная подмога,
Ума не надобно тут много!
А как Алесь?» — «Алесь учился,
Писать уже приоровился», —
Ответил Костусь тут за братца.
«Зачем же надо мной смеяться, —
Алесь вдруг отозвался с печки, —
Пишу я, как веслом по речке.
Коль что и знал, так позабыл.
Когда я буквы-то учил?»
— «Он буквы проходил с Лопатой, —
Вступился Костусь вновь за брата. —

Полгода был, не меньше, в школе,
Писал уж бойко «лес» и «поле»,
Потом «земля» и «ветер веет».
Нет, наш Алесь писать умеет!»
— «Ну, что писал, я это знаю,
Хоть сам подчас не прочитаю.
Коль речь зашла уж про науку, —
Алесь за балку сунул руку
И вынул старую тетрадь:
— Вот как умею малевать,
Каких я тут наставил птушек,
Каракуль разных, завитушек.
Вот это — «поле», это — «лес»,
А тут я в буквы кляксой влез.
А вот записывал Антось, —
Красиво пишет он небось!
Гляди-ка, можно подивиться!
Наверно, это летом было,
И он отметил про кобылу,
Когда ей надо жеребиться».
Втроем тетрадь они читали
И всё до строчки разобрали,
На этом хлопцы подружились
И с Яською разговорились,
Забыв о горестях своих.
И речь теперь пошла у них
О том, какой здесь угол славный
И кто тут меж зверями главный, —
Мальцам «директору» пришлось
Подробно рассказать про лося,
Какой большой он и рогатый!
Но сзади вроде худоватый,
И нет в нем ничего такого.
А впрямь — громада, право слово!
За ним шли волки и лисицы,
Потом и зайцы, и куницы,
И много всякой мелкоты —
Хорьки, и векши, и кроты.

Дивясь лесному населенью,
«Директор» слушал с изумленьем,
Как хлопцы барсука ловили,

Как с дядей на лисиц ходили,
Какой характер у зверей,
Кто злее всех и кто хитрей.
«Директор» ахал поневоле,
Хоть был четыре года в школе,
Потом, как бы даря гостинец,
Сказали Яське про зверинец,
И это был рассказ последний.

Зверинец — это заповедник,
В нем козы жили без помехи.
(То всё, брат, панские потехи!)
Он обнесен был частоколом
Из бревен толстых и тяжелых,
Чтоб к козам волк не мог пробраться,
Ни прыгнуть вверх, ни подкопаться,
Да там не пролезал и крот!
Одним крылом зверинец тот
К дороге прямо прилегал,
Он много места занимал:
И луг, и лес, и часть русла.
(Ох, земляника ж там росла!
Ну, шапками таскали летом!)
Подальше из еловых веток
Шалаш стоял, что твоя хата.
Паслось тут диких коз богато
В былое — до Михала — время,
Да только вывелось их племя,
Все передохли, и сейчас
Одна лишь серна там паслась.
Да был козел еще при ней,
С рогами вроде двух ветвей. . .
И о козле бодливом этом
Ребята рассказали Яське
Историю занятней сказки,
Случившуюся прошлым летом.

Вот как беда произошла:
Коня в компанию козла
Пускали на ночь в тот зверинец,
И вот какой козел злочинец:

С конем он сразу подружился,
С ним даже рядом спать ложился.
И ходят вместе, и гуляют,
И вместе ночи коротают.
Ну, словом, сделались друзьями,
Играть друг с другом научились,
Но вот чем игры завершились:
Козел коня боднул рогами —
Ударил во всю мочь неожиданно,
И в животе коня две раны! . .

Течет беседа их живая,
И Яська вдруг словцо вставляет,
Про то расспросит и про это,
Готовый слушать до рассвета.
Порой такие льются сказки,
Что всё нутро дрожит у Яськи.
Когда же сумрак погустел,
За двери выйти он не смел,
А перед тем, как спать ложиться,
Пришлось к ребятам подольститься,
Чтоб постояли у ворот,
Пока сведет с натурой счет.
Но вот пошли за печку спать,
Пришлось с собой и Яську брать.
Он лег меж ними, в середине,
Как мышь замолк, рукой не двинет,
Чтоб только с местом не расстаться.
«Ведь если с краю я засну,
С вас одеяло утяну», —
Он в оправданье молвил братцам.

15. «НАЧАТКИ»

Минула ночка. День сквозь окна
Уж тянет алые волокна,
Углы, запечье озирает
И ночь из хаты выгоняет.
Дрова в печи пылают ярко,
Всё громче разговор их жаркий,

Стреляют, удали полны,
Ну, как охотники-паны.
Кой-как умывшись торопливо,
Ребята встали молчаливо
С «директором» пред образами.
«Молитесь же! . . . Да со слезами,
Чтоб дал господь любовь, охоту
На эту новую работу,
Понятье доброе и память,
Чтоб не трясли, как дурни, лбами,
Чтоб вас тянуло к книжкам этим!» —
Сказал Михал сурово детям.
Ребята, словно в исступленье,
Упали разом на колени
И так старательно молились,
Что в половицы лбами бились.
«А поедите — за ученье,
Да веселей, без принужденья!
Порядок сами знать должны,
На книги чтоб, как на блины,
С такой же прытью налетали!»
«Директор» и сыны молчали,
Предавшись горьким размышленьям,
Покуда длилось наставленье.
«А ты, «директор», помни дело:
Прижми их крепко, как ужей,
Коли заплачут — не жалей,
Чтоб в головах у них кипело!
А кто в усердье ослабеет
И непокорствовать посмеет
Иль памятью вдруг станет плох,
Тех — на колени, на горох!»
«Ого! — подумали ребята. —
Придется, видно, туговато.
Неужто так он будет править
И на колени часто ставить?
Ну что ж! Прикинем, поглядим,
А измываться не дадим!
Пускай подумает заране,
Как выйдет он один без нас
На двор «до ветру» в поздний час?
Что запоешь тогда, Иване?»

Но всё на деле оказалось
Не столь уж страшным, как сдавалось,
«Директор» выдался не злой,
Еще добрей, чем кровный свой.
Умей с ним только сговориться,
Ушком ременным поделиться
Или веревку свить на лапоть —
И за вихор не будет цапать.
Наоборот: тогда ты дока,
В учении пойдешь далеко!
Лишь Владя упирался часто:
Не понимал задач — и баста,
И как «директор» ни потел —
Ни с места, коль на чем засел.
А то назло начнет болтать,
Нарочно спорить, возражать
Иль просто дразниться, смеется,
А за ухо взять не дается.
Тогда «директор» отступался
И за другого принимался.
Да только вот что было плохо:
Михал знал грамоте немного
И подловил разок Алесья:
В «законе божьем» он, как в лесе,
Плутал, не ведая путей;
Адам и Ева... Грешный Каин
Им раз пятнадцать был облаян,
Но дальше — точка, хоть убей!
Два слова скажет и запнется,
Как будто пробкою заткнется,
Не голова — а медный звон!
Ругают парня за «закон»:
«Ох ты, беспамятный, тупица,
Так путать всё и не стыдиться!»
Смеются, дразнят всей семьею,
Минутки не дают покою.
Алесь от горя чуть не плачет:
Вот наказанье, вот задача!
И, спрятавшись за печь, унылый,
Клянет в душе «закон» постылый.
«Ой, господи, ну как с ним сладить?
Куда бы с глаз его спровадить?»

Сгорели б вы совсем, «начатки»!
Порву к чертям, и всё в порядке!
А что? На клочья их — и квиты!
Лишь надо сделать шито-крыто!»
Алесь, по зрелом размышленье,
Пришел к такому убежденью,
Что станет веселей учиться,
Коль с книжкой этой распротиться.
И вот средь ночи наш герой
Встает, крадется, сам не свой,
Неслышно книги вынимает
И под столом их растрясает,
А ненавистные «начатки»
Дерет до корня без оглядки.
«Вот вам, Адам, Исак и Яков,
Поплачьте вы, как я поплакал! . . .»
Чтоб не было о них помину,
Клочки под лавку он закинул,
Как будто здесь коты гуляли
И это всё навывтворяли
Возней своей и диким скоком;
А сундучок поставил боком.
Послушал — спят? Ну, слава богу!
И вновь в запечье, как в берлогу!
Наутро, раненько, чуть свет,
Работа Ганну поднимает;
Она встает, слегка вздыхает.
Ох, сколько дела ожидает,
И всюду надобно поспеть!
Дымок в печи уже струится,
За пряжу мать скорей садится,
Пока дрова не занялись,
Хлопот тогда уж — знай держись!

И дядя тут глаза продрал,
В окошко глянул — ох, проспал!
Скорее надо обуваться
Да с молотью управлять,
Чтоб жита мыши не поели, —
И, торопясь, встает с постели.
Алесь не спит в тревоге жаркой:
Каким таким его «подарком»

Сегодня утро наградит —
Пройдет гроза иль будет бит?
И только вспомнит про «начатки»,
Душа от страха лезет в пятки.
Обулся дядя, что-то ищет,
И вдруг Алесь притихший слышит:
«Кто ж это книги изувечил?»
Алесь плотнее жметя к печи,
Глаза прикрыл, совсем не дышит,
Ни жив ни мертв — что дальше будет?
«Скажите, миленькие люди!
Чудные на земле порядки,
Эх, как изодраны «начатки»! —
Под лавкой следствие вершится.
— Что здесь, родимые, творится!»
И Ганна из-за прялки встала,
Дивится случаю немало.
«Коты, должно, кому ж другому?
Ведь этак шастают по дому —
Чуть нет людей — всё вверх ногами!»
Алесь наш благодарен маме,
Что хорошо так угодила
И на котов вину свалила.
Встает и батька торопливо
Взглянуть на редкостное диво.
«Всё, может, гладко обойдется,
Коль батька круто не возьметя», —
Алесь под свиткой рассуждает,
А страх всё пуще забирает.

Тут все над книгами сошлись
И разговоры начались.
«Начатки» долго созерцали,
Как их «коты» раскатовали!
Алесь за печкой веселеет,
Но встать пока еще не смеет,
Чтоб лишнего не напести
И суд на след не навести.
«Нет, лучше встать мне — дело ясно!
Ведь и лежать небезопасно».
Алеся колет под лопатки.
Поднялся, глянул на «начатки»

И тут же в слезы! Горько плачет:
«Ах ты, холерина кошачья!» —
И, распален обидой дикой,
В негодовании великом
Котов он бедных бьет, гоняет,
Пинками в сени вышибает,
Как будто впрямь ему «начатки»
Милей и матери и татки.
«Что ж, Каину туда дорога!
Зачем в обман он вводит бога?
Зачем он братьев убивает? —
Обрывки дядя разбирает,
Кивая хитро на Алесья. —
Нет, брат, ни Сима и ни Хама,
Остались клочья от Адама,
И Евы, брат, удел невесел.
Нигде не сыщешь Соломона,
Кот на хвосте унес Самсона.
Тут лишь Исайя и Аггей,
Пророк Илья да Елисей.
Поставь теперь Николе свечку,
За цеп берися — да на гречку.
«Начатки» ж сунь иди за стреху!» —
Трясется дядя весь от смеху.
«А чтоб они поиздыхали!
Зачем задачник не порвали? —
Промолвил Владя с огорченьем. —
Дает другим бог облегченье,
А мне ничем не помогает,
Всегда мне хуже всех бывает!»
Тут и отец не удержался
И тоже громко рассмеялся.

Алесь смекнул — беда слетела,
Ну, значит, сделано умело.
На сердце сразу прояснилось,
Как будто с плеч гора свалилась,
И он уж втайне утешался,
Что со святыми распрощался.
Весь день свистал, забот не зная,
Как на крылах в раю летая.
Но счастьем скоро был конец.

Приходит вечером отец,
Сердито сына с печки кличет
И новые «начатки» тычет:
«Теперь их береги, что око.
Ремень не так уже далеко,
Коли опять коты порвут,
Быть волдырям здоровым тут», —
И показал Алесю место,
Какое с детства всем известно.

Алесю вновь житье немило,
Опять полез на печь уныло.
И долго он заснуть не может:
Опять Абрам и Лот... ах, боже!
В глазах «начатки» митусятся,
Никак от них не отвязаться!
Какой придумал их злодей?
Сиди, зубри да слезы лей!
Одно Алеся утешало:
И Костуся беда прижала,
Застрял на «Верую» парнишка,
И он горюет, и братишка.
И молвит раз Алесик брату:
«Закинем книги в снег за хату,
Ты — «Верую», а я — «начатки»,
И снова будет всё в порядке».
— «А будут бить?» — «Так что? Поплачем,
Зато потом уж мы поскачем!»
— «А батька книги вновь достанет?»
— «И тем мы не дадим пощады!
Глядишь, и подойдут коляды,
А там, бог даст, весна настанет,
Эх, брат, какой ты боязливый!
Не бойся, Костусь! Будем живы!
Давай вот отойдем в сторонку,
Засыплем их снежком легонько.
Но ты молчи! Ни-ни, ни звука!
И станет нам легка наука!»
— «Нет, брат Алеська, не дури ты,
Ведь батька наш такой сердитый!»
— «Так ты не хочешь?» — «Нет, боюсь».
— «Один и я, брат, отступлюсь», —

Сказал Алесь и огорчился
И в думы мрачно углубился.
Но как-то поутру в тревоге
Он появился на пороге
И стал бурчать, перечить маме,
Греть, ворочать сундучками.
«А чтоб они в огне сгорели,
Куда их только черти дели?!»
— «Чего ты крутишься, как шальный», —
Серdito мать ему сказала.
«„Начаток“ нет!» — «Опять „начатки“?»
Когда уж будут им кончатки!»
Пересмотрел тряпье на печке
И все укрomные местечки,
Под лавки лазал, на полати,
Такою поднял бурю в хате,
Что хоть из дому выбирайся
И от «начаток» отрекайся!
Алесь поникнул головою:
«Не взял ли их Мартин с собою?»
(Мартин с бумагами от пана
Сегодня был здесь утром рано.)
Алесь хоть в нем спасенье ищет,
А сам в слезах по хате рыщет,
Чтоб оправдать верней потерю.
Вдруг батька раскрывает двери
И — к сыну, слова не сказав.
Ну, вот теперь пришла гроза,
Михал дрожит, перекоcился,
В момент ремень над парнем взвился
И по спине Алеся — хватъ!
И ну без передышки драть.
Алесь завыл, заголосил,
Упал и снова подскочил.
Костусъ и Владя тоже в слезы
И разбежались, словно козы.
А батька, красный от досады,
Алеся лупит без пощады,
И мать помочь сынку не может —
Так сильно батька рассердился.
Дал бог, Ксаверий тут случился:
«Оставь, Михал! Ведь спустишь кожу!

Опамятуйся! Ты, брат, слишком,
Убьешь несчастного парнишку!»
На помощь дядя прибежал,
Едва Алесь отобрал.
Михал же словно опьянел:
«Куда «начатки», дьявол, дел?»
Алесь раздетый и босой
Из хаты вылетел стрелой,
К сугробу чешет без оглядки:
«Вот здесь они! Вот здесь «начатки»!»

И должен я одно заметить
(Бывало так не раз на свете!),
Что этот горестный урок
Пошел-таки Алесю впрок.

16. ПО ВЕЧЕРАМ

Картины родины живые!
Как вы мне любы, дорогие!
Как часто милой чередою
Встаете вы передо мною!
И улыбаетесь мне вновь
Багряным трепетом лесов,
Лучей блестящими снопами,
Сверкающими над полями,
И бриллиантовой росой,
Когда горячей полосой
Сквозь сеть листвы, как сквозь оконце,
Над ней сияет тихо солнце,
Баюкает ее, ласкает
И радугами зажигает!
Я вижу даль родных полей
За Неманом, и бег теней,
Овсов полоски, лаву жита,
Что морем золотым разлита,
И скатерть белую гречихи,
И лес, раскрывший крылья, тихий,
И темный ров, водой пробитый,
Такой глубокий и сердитый,
И пустошь серую обрыва,
Где мхи, белея сиротливо,

На желтые пески ползут,
Где зайцы ищут свой приют.
Я слышу шум разноголосый
Лесов, лугов, где блещут косы,
Когда косьба идет кругом,
Налет грозы я слышу, гром,
И шум глухой ночных дождей,
И песни звонкие полей,
И плач печальный у могилы. . .
Давно затих их голос милый,
Давно ушло всё и молчит,
И только память всё хранит.

Но нитью крепкой, хоть незримой,
Я связан с родиной любимой
И с вами, милые картины!
Эх, заросли вы, все путины
В тот дорогой мне уголок,
Где желтый стелется песок
Под знойным солнцем, жарким летом
Сияя золотистым светом,
Над самым Неманом седым,
Столь близким сердцу и родным.
И заросли вы не крапивой,
Не чернобыльником тоскливым,
Не горьким мхом, не лебедою,
А белорусскою бедою!
Пока в нас сердце будет биться,
Оно не сможет примириться
Ни с этим гнетом, ни с нуждой,
Нависшей над родной землей. . .

Эх, милый край беды извечной!
Проклятье людям бессердечным,
Что цепи для тебя ковали
И в очи, злобствуя, плевали!
Пускай страданья, гнев наш лютый
Сожгут неволи черной путы,
Развеют прахом вражьи силы,
Что полонили край наш милый.
Благословен тот, кто душою
С народом слит, с его судьбою!

Живи ж, наш край! Пусть всё сильней
В сердцах людских надежда светит!
И пусть тебя хоть наши дети
Увидят в цельности твоей! . .

Алесь на деле распознал,
Что он напрасно бунтовал:
Не будет выхода иного,
Как за науку взяться снова,
За труд медлительный и нудный.
И что ж? «Закон» не так был трудный!
Уж тем понятен он вполне,
Что был записан на спине.

Так пролетали дни, недели,
И хлопчики досуг имели —
Учились только до обеда,
И шло ученье не без следа:
Костуська, надобно признаться,
Уж на доске мог расписаться,
Что очень тешило Михала
И гордостью переполняло.

Как только свой урок кончали,
Мальцы на речку выбегали
По льду немного покататься
И на свободе поразмяться;
В снег забирались по колено,
А то носили козам сено
(Они в зверинце зимовали)
Иль прорубь в речке расчищали.
И сам «директор» кривоногий
Сигал не раз в сугроб с дороги,
По снегу лазал, спотыкался
И с головой в нем окунался,
А иногда в лесу, случалось,
Коза «директору» встречалась.
Тогда он, как шальной, кричал,
За нею по кустам бежал, —
Так радость в Яське бушевала,
Так в сердце буйно клекотала,

Что в тот счастливый, редкий миг
По лесу несся дикий крик:
«А-я-я-яй! А-я-я-яй!» —
Хоть просто уши затыкай.
В другой раз хлопцы вечером
В гумно к Антосю шли гуськом.
Уютен дядин уголок,
Коптилки тихий огонек
Колеблется и вдруг взлетает,
Как бабочка, дрожит, порхает.
Отменный дядя вел порядок,
Всё было пригнано, как надо:
Тут грабли, там цепи и вилы,
Посмотришь — глазу, сердцу мило,
И словно просятся в работу —
Возьми, почувешь сам охоту!
Антось трудом захвачен весь,
Священнодействует он здесь.

Вот, как живого, дядю вижу!
Портрет его я к вам приближу:
Он не высок и не дороден,
Зато уж коренаст и плотен.
Чуб темно-русый, а усы —
Образчик ухарской красы:
Не очень длинные, густые,
Концами кверху завитые.
Глаза же голубого цвета
Глядят, как ягоды, с приветом.
Но сразу, с первого мгновенья,
Не разберешь их выраженья:
То смех, то хитрость в них сверкает,
То доброта — но уж какая!
А нос... Тут надо задержаться,
Подумать, с мыслями собраться,
С чем лучше дядин нос сравнить,
Чтобы вполне правдивым быть.
Ну... Нос короткий, толстоватый,
А попросту сказать — кирпатый.

Антось внимателен, заботлив,
К работе всяческой охотлив,

Что ни замыслит, всё обладит,
И так пригонит, так пригладит,
Что и для глаза будет мило.
Любое дело говорило
Само за мастера без слов!
Таких на свете мастеров —
На все лады — не так-то много.
И за него молили бога
Все те, кому он помогал,
Кого в несчастье выручал.

У дяди целый склад запасов,
Антось не любит пустоплясов.
Вот, скажем, ложку сделать, грабли —
Тут нужно дерево как звон,
В его ж чулане дуб и клен,
И чурки ясеней и яблонь
Уж заготовлены заране,
Коль надо что — искать не станет.
Хранились здесь же у Антося
Оглобли, сошники и оси.
И люди дядю уважали,
С почетом чаркой угощали.
Коль у кого коса не косит,
Пусть только дядю он попросит, —
Косу, как бритву, наострит:
Идет легохонько, свистит
И бреет сорняки густые!
У дяди руки золотые!

Чтоб дописать портрет Антося,
Скажу: на свете не нашлось
Такой вдовицы иль девчины,
Чтоб сердце слить с ним воедино,
Чтоб вместе счастье добывать
И все невзгоды разделять.
Я свой рассказ нарушу снова,
Чтоб в даль прошедшего взглянуть
И о весне его вздохнуть,
И благодарным, добрым словом
Его еще раз помянуть.

Была весна. И сердце билось
В тревоге смутной и томилось,
И сладко-сладко замирало,
И страстно отклика искало.
Но доля счастья не дала:
Хоть Настя так была мила,
И так клялась, и целовала,
И к сердцу жарко прижимала,
И верной быть по гроб сулила, —
С другим Антосю изменила.
Антось! . . Да что! Теперь забыто,
Давно уж то пожали жито,
Давно те межи запахали,
Что горе дядино видали.

«Ну, поддадим, ребята, жару!
Еще собьем посадов пару!»
Снопы рядами положили,
Как прадеды еще учили,
Друг к другу тесно головами,
К перилам — грузными комлями.
«Ну, грохнем, хлопцы, чтоб звенело!»
И пять цепов вступили в дело.
Не молотьба, а бубнов хор,
Громов небесных разговор.
Снопы подпрыгивают сами
И сыплют жито под бичами.
Антось работой управляет
И криком хлопцам помогает:
«Дай, дай ему, брат! Размахнись!
Скачи, скачи, снопок, трясись!»
Цепы вздымаются проворно,
И каждый трудится упорно,
Всех раззадорила работа,
И отличиться всем охота!

Вот так одно другим сменялось
И потому не приедалось,
Что было в меру всё и в пору.
Шла жизнь помалу всё же в гору,
По вечерам в хатенке мирной

Иных забав был круг обширный,
Особенно в канун воскресный;
Послушать было интересно,
Когда Антось и мать с Михалом
Начнут рассказывать, бывало,
В тревожно-смутной тишине
О том, о сем, о старине,
О случаях неизъяснимых,
Бывавших иногда и с ними.
Хоть в очаге огонь мерцает
И лампа хату освещает,
Но как-то призрачно всё, зыбко,
А тени то взметнутся шибко,
Ловя косматыми руками
Кого-то и тряся рогами,
А то застынут по углам,
Зловеще притаившись там.
И кажется, что тени эти
Не просто призраки немые,
А силы грозные, живые. . .
И к взрослым жмутся в страхе дети.
«Директор» к печке притулился,
Глазами в дядю прямо впился.
«Мне говорил Петрусь Грипинин,
И врать он не имел причины:
Домой он ехал из Княжова,
Кругом — нет никого живого!
Туман поднялся беловатый,
Уж было, правда, поздновато.
Он на волах своих плетется,
И странным всё ему сдается.
Вот он мосточек проезжает,
Вдруг кто-то снизу вылетает,
Весь как огонь, такой вертлявый,
Хвостом колотит влево, вправо —
И по волам, и по Петру:
«Вот шею я тебе натру,
Чтоб поздно так не возвращался!»
За ним до Немана он гнался!»
«Директор» бедный побледнел,
От страха на скамью присел.
«Бывает всякое на свете! . . —

Теперь на мать взглянули дети.
— Свекровь, покойница Анета,
Сама мне сказывала это:
Она и тетка — вот не лгу! —
Щавель собирали на лугу
И шли над Неманом домой
Еще не темною порой,
Лишь солнце начало садиться,
За холм Демьянов хорониться, —
И никогошеньки нигде!
Вдруг видят: кто-то на воде
Сидит молчком, расправив ноги,
Сам неподвижный, с виду строгий,
В каком-то черном облаченье
И трубку курит в размышленье.
Помчались бабы от него.
Назад взглянули — никого».
— «А кто ж то был, чтоб он пропал!» —
Дрожа, «директор» прошептал,
От страха Яська чуть не плачет.
«Янчур, наверно, там рыбачил!» —
С усмешкою Антось ответил,
Чтоб разогнать тревогу в детях.
Но Яська к дяде ближе жметя:
Ему черт знает что сдается.

Все молкнут. В окна, как живая,
Глядит угрюмо ночь седая,
Она как будто что-то знает,
Но тайну от людей скрывает.
Вдруг на дворе пустом близ будки
Пугливо пес залаял чуткий
И стих, — должно быть, страшно стало
Иль ночь ему не позволяла?
У Яски все ослабли гайки. . .
«Всё это глупость! Сказки! Байки! —
Михал промолвил. — Кто боится,
С тем блажь такая и творится.
Вот случай вам. Тут жил Пшавара.
Однажды ночью слышит стуки,
В окно молотят чьи-то руки,
Молотят так, как в час пожара.

«Кто там?» — «Да я, Семен! Пусти!
Избили черти по пути.
Не верил я, так дали веры!
Один на горб мне сел, холера,
Лишь я заехал на плотину —
Насыпал мне орехов в спину!
Я — по коню, он — мне по шее,
Сквозь воротник до крови греет!
Вот только тут и отступился,
Когда мой конь остановился! . . .»
На двор Пшавара вышел босый,
Взглянул на Семкины колеса —
И что ж! Еловый сук случайно
Завязнул в спицах. Вот вся тайна!»
Еще про страхи толковали,
Их подоплеку обсуждали —
Что, отчего и как случалось,
Над Яською трунили малость.

А как-то спор был о науках
Старинных, о нечистых штуках:
О книгах с черною печатью,
О чародействах и заклятьях
И всяких тайнах и обманах.

«Напустят вам в глаза тумана,
И человек, не мертвый вроде,
Без головы спокойно ходит», —
Сказал Антось, чуть усмехаясь.
Мальцы ж внимают, содрогаясь.
«А вот я тоже штуку знаю:
Без промаха вам отгадаю,
Кто как стоит за дверью, скажем,
Пусть сядет он, пусть даже ляжет,
Как душенька ему велит!
Вот штука!» — батька говорит.
«Неужто вправду отгадает! —
У Яськи сердце замирает,
И он, рассказчику не веря,
Бросает быстрый взгляд на двери,
Решившись предложить на пробу
Немедля же свою особу.

— Пойдем-ка, Костусь, мы с тобою!..»
В сенях ребята меж собою
Советуются, как им стать,
Чтоб трудно было угадать.
В конце концов нашли решение,
Самим себе на удивленье:
«Директор» стал на четвереньки,
А Костусь рядом на коленки.
«Ну, как мы за дверьми стоим?»
— «Как надлежит щенкам дурным!» —
Из хаты батька отозвался,
И разом дружный смех раздался.

17. ВОЛК

По будням все вставали рано:
Безделье, лень — хворобы пана,
А тут не надо подгонять,
Когда хлопот — не занимать!
Вновь запрягайся на неделю!..
Склонялась Ганна над куделью,
Мужчины, обрядясь теплее,
Шли поутру в гумно скорее, —
Михал Антосю помогал,
Покуда день не наступал:
Ведь нужно кончить с молотьбою,
Чтоб не висела над душою.
«Директор» Яська доброхотом
Здесь тоже по утрам работал.
Он был парнишка деловитый
И до работы страх сердитый,
Хоть и казался с виду квелым;
Душевный хлопец и веселый!
Порожняком не ходит в хату —
Ну что за тяжесть парню-хвату
Взять на дворе охапку дров.
Всё сделать Яська наш готов
Для дорогих своих хозяев —
Нет, Яська, брат, не из лентяев!
Раз каблуком он зацепился,
С дровами навзничь повалился
На шаг — не дальше — от порога.

Ну, почесался лишь немного
Да поглядел на каблуки:
Эх, миновали те деньки,
Когда, проворны и крепки,
Они на игрищах плясали,
А тут ходить не пожелали.

Своим порядком шло ученье.
Но всё же Владя с бóльшим рвением
За цеп и за метелку брался
Иль по лесу с ружьем шатался,
Охотясь на рыжух-лисиц
И на пронырливых куниц.
И батька с этим примирился.
Что ж! Для науки не родился.
Вот из меньших что, может, будет?
Пускай они уж выйдут в люди!

Алесь сидит, «закон» читает
И сам с собою рассуждает,
Чему-то тихо засмеется
И носом в книгу вновь уткнется.
У Костуся — «Родное слово»,
Он за склады берется снова,
Да что-то худо всё выходит
И только злость одну наводит!

Из чащи темной и суровой
Заря денек выносит новый,
Денек короткий, чуть заметный,
Но всё ж веселый и приветный.
Мороз берется, поджигает,
По лесу белому гуляет
И ткет холсты на бережку, —
За ночь подкинуло снежку.

Михал с утра идет в обходы.
От звонкой солнечной погоды
Помолодел как будто весь.
Какой уж раз он ходит здесь!
Тут все тропинки и дороги

Ему давным-давно знакомы,
В любом конце Михал как дома:
Где не ступали его ноги!
Каких он уголков не знает!
Михал идет, следы читает.
Вот тут тонюсенькой цепочкой
Прочерчен путь по снежным кочкам,
Лежат следки друг к дружке близко, —
Видать, мышиная расписка.
Другой рисунок — след тройной
Оставил заяц озорной.
А лис-хитрец, чтоб с толку сбить,
По снегу ровно тянет нить
И следом в след свой попадает,
Ну, как одной ногой ступает.
В лесу мертво и глухо-глухо.
Напрасно звуки ловит ухо:
Кругом сугробы, всё застыло,
Всё сковано железной силой,
И только где-то на суке
Вдруг свистнет сойка вдалеке
Да дятел простучит уныло.
Не оттого ль и на Михала
Тоска внезапная напала, —
Глядит вокруг он хмуро, вчуже,
Как этот лес, объятый стужей.
Но всё же бор, хоть онемелый,
Ведет невнятно сказ несмелый,
И сквозь холодный белый сон
Беседует с Михалом он.
Ведь каждое местечко бора —
Полянка, чаша, ров, пригорок —
Особый лик имеет свой
И воскрешает пред тобой
Всё то, что память сохранила.
Да, много всякого тут было!
Ведь тут полжизни лесниковой!
Ну, хоть бы эта вот дуброва!
Грибов под осень здесь тьма-тьмуша,
И люд приходит гуща-гущей, —
Смех, песни, выкрики несутся,
Далеко в чаще раздаются.

И вот, бывало, пан прикажет
Сойтись сюда тихонько страже —
С боков, и спереди, и сзади,
Чтоб очутился люд в засаде.
И это всё на голых, бедных,
И всё из-за панов зловредных!
Лови! А у иного нет
Рубля, быть может, на билет.
Но должен драть и с бедноты, —
И виноват не пан, а ты:
Зол не хозяин, скажет всякий,
А злы хозяйские собаки. . .
А этот хвойник обгорелый?
Да тут рассказ бы вышел целый,
Когда б поведать всё сначала,
Что в память остро так запало.
Но горько вспоминать об этом:
Здесь пан ругал Михася летом,
А он стоял, моргал глазами
Перед людьми и лесниками.

Вновь, как всегда, к одной тропинке
Сошлись все стежки-паутинки:
Своей земли бы раздобыть
И эту каторгу забыть. . .
Да только вот в чем заковыка:
Купить земли — купить не лыко, —
Откуда, из чего заплатишь?
Эх, руки коротки, не схватишь!
И только грусть гнетет сильнее!
Но думку всё ж Михась лелеет,
Ее под самым сердцем носит, —
Земли свободной думка просит!
Она с ним дома и в обходах,
Она и боль его и отдых.
И, коль признаться, наш Михал
Давно уж угол свой создал.
И хатка эта вот такая:
Удобная, хоть небольшая,
Стоит над речкой иль криницей,
И две трубы, как две сестрицы,
На крыше высятся форсисто:

В дому покойчик светлый, чистый,
Всё солнцем залито, а бревна
Лежат одно к другому ровно,
Широкие и без приточек
И желтые, что твой желточек.
Гумно, сарай и ограда —
Всё новое, всё сбито ладом.
При доме садик молодой,
Но уж развесистый, густой.
И тут же рядом луг и поле,
Простор душе твоей и воля!
Из хаты вышел — и работай,
Без пана, собственной охотой!
Но это лишь мечты одни.
Исполнятся ль когда они?

В лесу еще угрюмей стало.
Заныло сердце у Михала,
Тоскою давит этот бор,
Душа же хочет на простор,
И очи просят света, воли.
Михал идет туда, на поле,
Где Неман, быстрый и суровый,
Охватывает бор подковой.
Теперь же глух он и молчит,
Под ледяной укрывшись щит.

Кругом всё тихо, тихо... Дали
Повиты дымкою печали,
А там над Неманом, на круче,
Село синеем темной тучей, —
Понуро, горько никнут хаты,
Снегами грузными прижаты.
Михась на голый холм взобрался
И тут немного задержался.
И, как во сне, так зримо, живо
Его бывшее окружило.
Вот тут, в струях водоворота,
Девчина славная, Дорота,
Давно когда-то утонула,
Ее волною захлестнуло.
А после случай был другой:

Уж года три назад, весной
Якима к берегу прибило;
Родные выбились из силы,
Недели две пред тем искали
И, не найдя следов, отстали.
И тут же призрак появлялся
(Народ потом ходить боялся) —
Недвижный кто-то на воде,
Еще не виданный нигде.
Сидел и трубочку сосал
И вдруг распался, с глаз пропал...
Загадочны молвы скрижали!
Каких легенд вы не знавали!

Михал внезапно содрогнулся,
Взглянул еще раз и пригнулся,
Сорвал с плеча ружье-двустволку
И взял его на изготовку.
За камень спрятался, глядит:
Ему навстречу волк бежит,
Ну, просто валит на Михала!
Душа от радости взыграла:
«Постой же, брат, постой, волчуга!
Уж я сумею встретить друга!»
А волк несется, снег взрывает,
И только хвост его мелькает, —
Видать, задали где-то страху.
«Ну, брат Михась, не дай же маху!»
Патроны в сумке у руки,
Вот взведены уже курки.
«Не удерешь, башка дурная!» —
Михал смеется, поднимая
Ружье, а волк уже на речке...
Вот он за горкой... Не видать...
Ну, скоро выбежит опять...
«Держись же, брат, не дай осечки!» —
Михась притихнул, не моргнет. —
Сейчас, сейчас он подойдет.
Ну, шевелись, скачи, зверюга!»
А время движется так туго!
Пора уж, был он недалеко,
Тьфу, что за чёртова морока!

Вокруг себя глядит Михал.
Неужто так и потерял!
А руки всё еще дрожат:
Не мог же волк уйти назад!
Куда ж он, дьявол, провалился?
Михал бегом с холма спустился,
Туда, сюда — и всё не впрок,
И ринулся наискосок
Чуть вправо — там, быть может, встретит
Иль хоть следы его заметит.
Но понапрасну снег он топчет:
Нигде следов не видно волчьих.
Опять назад — всё нет! Пропал!
Аж пот охотника пробрал.
Тогда на Неман он рванулся,
Взглянул Михал и содрогнулся,
Внезапно всё в нем задрожало
И сердце громко застучало:
В широкой полынье пред ним
Метался зверь, водой гоним,
И, увидав Михася рядом,
Метнул в него звериным взглядом.
Михал схватился за двустволку,
Чтоб тотчас выстрелить по волку,
Но вдруг ружье само собою
Поникло тихо над водою, —
Вот он, бери его руками,
Висит на лапах, словно в яме.
Провал глубокий, лед покатый,
И бедный волк, водой прижатый,
Скребет по краю льда когтями,
Хрипит и ляскает зубами,
И весь пружинится, и рвется,
Но выбраться не удастся!
Слабеет волк, иссякла сила, —
Страшна, видать, для всех могила!
Но он опять судьбу пытается,
На лапы крепче налегает,
Да не за что им зацепиться,
Из них уж кровь на лед сочится,
Они царапают, скользят,
Край полыньи перебирают, —

И тень надежды уплывает,
Мутнеет острый волчий взгляд.
Да, нет тебе уже спасенья,
Напрасны все твои стремленья,
Уже недолго остается
Тебе с погибелью бороться.
Изнеможен борьбой с бедою,
Волк поднял морду над водою
И вскинул взор свой на Михала,
Но злобы нет в его очах,
В них лишь мольба и мутный страх...
ТЬфу! Жалко даже зверя стало,
Так очи горестно глядят,
Ну как в него пустить заряд?

Еще раз бедный волк рванулся,
Вверх животом перевернулся
И, взыв отрывисто, тоскливо,
Исчез под белой снежной гривой.
Михал стоит и размышляет,
Сосняк, сугробы озирает,
Как будто хочет он узнать,
Хоть никого там не видать:
«Ну, как, брат, это понимать?»

18. ЗИМА В ПОРЕЧЬЕ

О, годы детства золотого!
Вас нет, вы не вернетесь снова.
Но вы всё ярче, всё полней
Встаете в памяти моей.
Я далеко от нив родимых!
Среди холодных, нелюдимых
И черствых сердцем я живу.
И край родной, как наяву,
Я вижу вновь перед собою
Всей кровью сердца, всей душою.
Как тот невольник жаждет воли,
Так я хочу в родное поле,
Хочу ступить на те дороги,
Что сами стелются под ноги

Среди полей, среди лесов,
Среди некошенных лугов.
Передо мною, как живые,
Картины, сердцу дорогие,
Они всю душу разрывают:
«Ты наш! Мы ждём!» — ко мне взывают.
Да будет благостен всегда
Тот день, когда вернусь туда
И поклонюсь родному краю,
И радость жизни вновь познаю.

Мой край отцовский! Край мой скорбный,
Придавленный невзгодой черной!
Когда ж ты с плеч то горе сбросишь,
Что столько долгих лет выносишь,
Что гнет тебя, изничтожает
И думы горькие рождает?
От тяжкой муки, от печали
Там даже камни закричали
В твоих полях, в твоих дубравах,
Где в дыме, в заревах кровавых,
С земли сметая всё живое,
Пришла война, куда теперь
Не человек ворвался — зверь,
И лихо он творит лихое.
Мой край любимый! Всё душою
Хочу я свидетелься с тобою,
Сыскать в твоих просторах силу,
В твоей земле сойти в могилу. . .
О, годы детства! Вновь встает
Передо мной зимы приход.
Плывет над лесом шум дремотный,
По небу тучи, как полотна,
Холодный ветер расстилат
И белым дали укрывает.
И тихо-тихо возле дома.
И темный лес — такой знакомый —
Осенний гомон свой кончает,
И молча зиму он встречает.
А в небесах всё ниже тучи,
А снегопад — всё ближе, гуще.

Уже над хатой, над овином
Снежинки весело играют
И сад и дворик устилают,
Ну словно белою холстиной.
И тут тебя как подмывает —
Кожух на плечи сам взлетает,
Бежишь из хаты, как шальной,
И ног не чуешь под собой.
Кричишь, чего — и сам не знаешь,
И белый пух рукой хватаешь.
А глянешь вверх — пчелиным роем
Снуют снежинки над землею,
То разлетятся, то столкнутся
И будто в пары соберутся.
«О-го-го-го, брат! — дядя скажет. —
Видать, зима совсем уж ляжет.
За санки, Костусь, время браться,
Теперь уж есть где разгуляться!»

И Костусь слушает, довольный,
Пред ним открылся мир привольный
Для новых игр, забав и дел.
Наш Костусь словно опьянел:
Он весь горит, он весь смеется,
В снег упадет, перевернется. . .
А снег идет, а снег летит,
И лес молитвенно стоит,
Стоит, молчит и всё светлеет,
Под чистым снегом веселеет.
Наутро встанешь — всё так любо!
Березы, клены — в новых шубах,
Бело, так чисто всё вокруг,
Что больно глазу станет вдруг.
Столбы заборов, как солдаты,
Повстали в ряд молодцевато —
Башлык высокий, шапки новы,
«Ура!» кричать тебе готовы.

А дядя выбрался из хаты
И разгребает снег лопатой,
Ведет к гумну и хлеву стежки,
Чтоб днем уж не было задержки:

Сегодня ж хочет наш Антонию
Пойти на речку и на тони.
Рыбак, каких теперь уж мало,
Он всё о рыбе знал, бывало:
И как живет, и где плодится,
Что на приманку ей годится.
О жизни рыб, о рыбьих нравах
Он мог трактат прочесть бы, право,
Да так, что ты, развесив уши,
Его весь вечер будешь слушать.
И это не из книг прочтенных,
Не от панов полуученых,
Каких достаточно кругом, —
Он всё познал своим умом.

Михал готовится тем часом —
Берет ружье, берет припасы:
Гуляют зайцы по дубравам —
Охота может быть на славу,
Тем боле гончий пес хороший, —
Есть смысл пройтись по пороше.

Едва лишь утро наступило,
Как мать еду уже сварила.
Но все хозяйку подгоняют,
Скорей на улицу желают
Ударить — кто во что горазд.
А день такой, что в самый раз.
«Михась, оставь ты Таксу дома!
Быть может, хорь сидит средь лома,
Тут, видно, близко их дорога —
Следов я нынче видел много. . .»
И на хорей был дядя падок,
А хорь теперь и сыт, и гладок,
И в Свержне, в лавке, в пять минут
С руками шкурку оторвут.
А Такса нюх такой имела,
Что, чуя хоря, так и млела.
«Ну что ж, оставь ее на счастье», —
Отец дает свое согласие.
И Таксу тут же вводят в дом, —
Сивалка в лес пойдет с отцом.

Отец выходит в путь знакомый —
Месить снега по бурелому.

И дядя тоже не зевает
И молча Костусю кивает,
А Костусь ждет, давно готовый, —
Меж ними раньше был уж сговор
Сходить в луга на озерины
И потревожить род хориный,
На речке загородь поправить
И новый нерет там поставить.
За пояс дядя затыкает
Топорик свой и Таксу кличет,
Кусок олады в нос ей тычет
И вон из хаты выпускает.
А Костусь с торбой и лопатой
Их ждет давно уже за хатой.
Заметив Владю у сарая,
Антось корит его, ругая,
Что он лишь до блинов охочий,
За домом же следить не хочет.
Но ведь его не переспоришь,
Хоть мал парнишка, да задорист.
Порою дядя разгорится,
В вихор готов ему вцепиться
И проучить его как нужно, —
Что будешь делать с непослушным?
Пошел он, сплюнувши сердито,
И зацепился за корыто, —
Смеется звонко Владя вслед.
«Поскаль мне зубы, пистолет!
Вот как вернусь — задам уж трепку,
Утру тебе, лентяю, кнопку. . .
Что ни скажи — он всё напротив.
Наестся б только, а к работе
Охоты нет в тебе, бесенок!
Всё в лес глядишь, как тот волчонок.
Теперь не бублик, не конфету,
А шиш получишь ты вот этот», —
Бубнит Антось уж сам с собою,
Шагая снежную тропюю.

И долго Владю он ругает,
А Костусь это понимает,
Он сам сердит на брата Владю:
За что, негодный, злит он дядю?
А дядя — поле только минет,
Глядишь — и гнев его остынет.
Задрала Такса хвост трубою,
Бежит, довольная собою.
То по кустам она промчится,
То станет вдруг, насторожится,
Поднимет уши, ожидает —
Свой нос ушами проверяет,
И будто вся в тот миг застынет,
И даже лапу приподнимет.
А дядя Таксу подгоняет:
«Ищи хоря! Ищи, лихая!»
И Такса кинется стрелою
Туда, где тесной чередою
Стоят олешины кривые,
Под их коряги потайные.
Под ними — много раз бывало —
Зверька собака открывала.
Тут всё в движение приходит,
И Такса места не находит:
Визжит, царапает и лает,
Мол, есть добыча, объявляет.
А дядя словно на винтах,
Ну так и носится в кустах.
Туда взглянет, сюда метнется —
На части прямо дядя рвется!
«Ты тут, брат, стой! Гляди по чести,
Он тут, голубчик, в этом месте!
Не пропусти, не дай, брат, маху —
Вали лопатую без страху!.. —
И кончить он не успевает,
В одно мгновенье кол хватает:
— Хорь! Хорь! Держи!» — И весь дрожит,
В горячке за зверьком бежит,
И вот уж хоря догоняет,
И кол высоко поднимает.
За дядькой Костусь — что есть духу:
«Держи его! Держи зверюгу!»

И бедный хорь в кусты забился,
Ощерил зубы, разозлился.
Он сам на Таксу нападает,
Ей нос царапает, кусает,
Пищит, дерется, смрад пускает,
Но ничего не помогает.
«Пришла, брат, к нам удача наша!» —
И дядя рад, он чуть не пляшет,
И с нежным словом гладит ушки
Собачке славной, как дочушке.
Она ж за то простое слово
На смерть, на всё пойти готова.
Она хвостом виляет, водит
И с дяди глаз своих не сводит.

Хоть не охотник дядя был,
Но всё ж на дичь порой ходил.
Я дни отлично помню эти,
Когда, бывало, на рассвете
Он в лес задумает пойти —
Немного зайцев потрясти.
А зайцев этих было вволю.
И вот в какой-то праздник, что ли,
Антось готовится в поход,
Приказы хлопцам отдает,
Хоть и без всяких приказаний
Они готовы все заране,
А наш «директор» особливо,
И в лес собираются шумливо!
«Трещоток нету — вот досадно! —
Заметит дядя. — Впрочем, ладно:
Мы шум да гвалт и без трещоток
На весь поднимем околоток,
Уж зададим мы зайцам гонку! —
И дал «директору» заслонку:
— Сади по ней, что хватит силы,
Чтобы она заголосила
Всем косоглазым на беду! —
Алесю дал сковороду, —
Она давно уж прогорела,
Но очень здорово гремела.

— Бери-ка рашпиль с рукояткой
И бей по ней во все лопатки!
А Костусю я дам звонок,
А ты, большун, труби в рожок!
Такое справим мы игрище,
Что лес застонет и засвищет,
Мертвец и тот проснется, право,
Когда пойдет у нас облава».

И вот идут путем недлинным,
Антось заране всё прикинул:
В каких местах начать работу,
Как повести ему охоту,
Куда косых ловчей сгонять
И где он будет сам стоять.
И дядя место занимает,
Минут счастливых ожидает.

Лесные тихие хоромы
Проснулись вдруг от шума, грома,
Всё заходило ходуном —
Такая музыка кругом!
«Директор» так в заслонку бил,
Что два дрючка переломил,
И всё же снова бьет, как может,
И гвалт такой — спаси нас боже!
За пень он лаптем зацепился
И смолк тогда лишь, как свалился.
Алесь гремит сковородой
И, словно бы артист какой,
На ней выделявает штучки,
Но рашпиль выскочил из ручки
И где-то запропал в снегу.

А зайцы, черти, — ни гугу!
Стрелять Антосю не пришлось,
И всё же весел наш Антось:
«Забили зайца не забили,
Однако ж шуму натворили!»

Никто в родном дому не знает,
Чем речка Костуся прельщает,
Какая их связала сила
И чем река его пленила.
Лишь день, бывало, тьму развеет
И лес немного посветлеет,
А он, глядишь, уже идет
И пробует ногами лед.
То побежит, то поскользнется,
То без причины засмеется,
То остановится он вдруг —
И всё так радостно вокруг!
Ледок трещит, ворчит и гнется —
Вот-вот надломится, сдаётся.
Но хлопцу это всё знакомо,
И не страшны ему надломы,
Полоски эти лучевые, —
Крепки устои ледяные.
Всё толще лед. Мороз крепчает,
Река надолго замирает.
До дна промерзла вся вода,
И нет ей ходу никуда.
Однако ж нет! Живую силу
Не можешь ты загнать в могилу,
Мороз безжалостный и лютый!
Пусть крепко ты накинул путы,
Пусть под твоим теперь надзором
Ручьи, и реки, и озера,
Пусть ты рассыпался снегами
Над чистым полем, над лугами,
Но как ни злишься, ни шалеешь,
А жизни всё ж не одолеешь!
Глянь, сквозь оковы ледяные
Пробились капельки живые,
Они сдаваться не желают
И лед всё больше заливают.
И правда: малая река,
Хоть неказиста и мелка,
Однако ж сила в ней такая,

Что кверху лед приподнимает
И порет с треском, как холстину.
«Нет, врешь, морозко, я не сгину!
Мы и под крышей ледяною
Еще поборемся с тобою!» —
Как бы бросает смело, звонко
Морозу вызов свой речонка.
И на речушке той зимою
Между морозом и водою
Дела большие возникают,
И это хлопца привлекает.
Когда на речку он придет,
Всегда здесь новости найдет:
То лед, поднявшись горбами,
Гудит, как бубен, под ногами,
То опадет, то изогнется,
На дно провалится, зальется,
А по кустам прибрежным споро,
Сломав тиски и все запоры,
Вода, играя, устремится,
И снег весь в кашу превратится.
И как ни гнет мороз, ни гладит,
С водой никак не может сладить.
И чуть он только ослабеет,
Чуть передышкою повеет,
Глядишь, водица лед слизала,
Во рву песочек показала.
Волна стремится за волною
Всё дальше, дальше, как весною,
Пока мороз не взбеленится
И, сил набравшись, не решится
Вновь заковать ручей проворный
За нрав упрямый, непокорный.

А иногда придет с угрозой
Мороз, владыка всех морозов,
Сердитый, злой идет, шагает,
Ворчит, скрипит, трещит, стреляет;
И словно облако над ним —
Весь в завитушках белый дым.
Мороз порою вдруг рванется —
Как ухарь-писарь расчеркнется.

А как он окна разрисует,
Каких чудес он там запустит!
В таких делах любой искусник
Не устоит пред ним, спасует.
Мороз — шутник. Он шутки любит,
Играючи, нередко губит
Того, кто в руки попадется,
Еще над ним и насмеется:
«Приляг, приляг, бедняк усталый,
Тебе идти еще немало, —
Он шепчет в уши, напевая, —
Постель готова пуховая,
Вся белотканная такая!
Забудь о доле о постылой,
Засни — и вновь придут силы.
Я сладкий сон тебе навею.
Чудесной сказкою согрею».
И кто поверит уговорам,
Заснет навеки очень скоро
Под сенью звезд в снегу глубоко,
На той тропинке одинокой.
Мороз — мастак. Он всюду ходит.
На небе ровный столб возводит.
И этот столб горит и блещет —
Высокий, огненный, зловещий.
Мороз на небе ставит троны,
Он мастерит венцы-короны
И ими месяц украшает;
По снегу звезды рассыпает;
Красиво, тонко и умело
Он тклет убор березе белой,
Как той невесте для венчанья.
И лишь над лесом солнце встанет
И на березу эту глянет,
На ней засветятся лучи
Светлей алмазов и парчи.

Мороз надменен, как вельможа,
Терпеть он вольностей не может:
В тот час, когда он сам гуляет,
По небу тучка не блуждает,

Живое всё вокруг немеет
И даже ветер дуть не смеет.
Всё тихо, мертво, неподвижно,
Зверей не видно и не слышно,
Ворона клюв не раскрывает,
Земля таится, выжидает —
Когда же кончится напасть,
Мороза-сумасброда власть?
И воробей со всей роднею
Сидит, укрывшись под стрехою.
Мороз в кулак берет округу,
Как царь, идет по полю, лугу.
И лес под тяжестью такой
Застыл, стоит, как омертвелый,
Башлык надевши чистый, белый,
Поникнув буйной головой.
И лишь мороз, собой довольный,
Хозяин строгий, своевольный,
Гремит по лесу по всему,
Что нет владык под стать ему!
Зазнался, ой, мороз, зазнался!
Да день еще не начинался,
Постой, постой, старик, хвалиться!
Кой-кто тебя не побоится. . .
Лишь только звезды потускнели,
Как в хате двери заскрипели,
Потом колодцы и ворота, —
Начался день, пошла работа.
Идут к колодцу молодницы,
Как маков цвет, горят их лица,
С куделью девушка бежит,
За нею хлопец вслед спешит,
И смех, и говор раздается —
Откуда только всё берется!
Вот погреб дверью хлопнул глухо —
Идет с корзиною старуха,
Лучину ею прикрывает
И жаром холод выгоняет.
А там мужчины уж проснулись,
В сарай за сеном потянулись.
Идут да щеки потирают,
Мороз и хвалят и ругают

И, дома справившись с делами,
В лес отправляются с санями:
Рубить, пилить, возить колоды —
Лежать на печке нету моды.
И хоть мороз стоит трескучий,
Хватает ноги сквозь онучи,
Скрипит, грозится, негодует —
Мужик живет и в ус не дует.
С саней соскочит, щелкнет пугой
И, обругав коня «дерюгой»,
Бежит, о плечи бьет руками,
О землю топаёт ногами.
Так до тех пор себя он греет,
Покуда лоб его вспотеет. . .

Слезал уж с печки Костусь мой,
Слезал он раз, потом другой,
В окно глядел и сам дивился:
Особый мир ему открылся.
На стеклах всё снопы ржаные,
Цветы и травы полевые,
И всё горит, и всё сверкает,
Как будто лето наступает.
А с ним видения другие
Вставали, сердцу дорогие.
Вот тут лесок, вот крест унылый
Стоит, как сторож над могилой.
Он почернел и наклонился,
Как будто бы о ком молился.
А там речушка тихо льется,
А над водою верба гнется.
Всё так знакомо, так пригоже
И так на правду не похоже,
Что хлопец сразу забывает,
Где он и что тут наблюдает. . .
«Довольно там тебе стоять,
Не то простудишься опять!» —
Мать беспокоится о нем,
А хлопцу уж наскучил дом,
Сидеть на печке надоело.
Теперь на речку б — то ли дело!
А тут еще — ну как на грех —

Лишь дядя вышел вон, на снег,
Мороз тотчас же примостился,
И белым пухом ус покрылся.
И всяк, кто в хату ни заходит,
Всё о морозе речь заводит:
«Ну и мороз! Аж нос срывает!
А на восходе всё играет!
Столбы на небе повставали,
Как бы пожары запылали!
Дела такие в свете божьем!»
Нет, тут сдержаться невозможно.
На печке Костусь притаился,
Обуться в лапти умудрился.
А лапти старенькие были —
Дорог немало исходили.
Тишком оделся он, собрался
И в лес с топориком помчался.
А лес задумался, молчит,
Весь белый, тихо он стоит,
Над речкой ветви простирая,
Ее, как крышей, закрывая.
А тут же елочки-малышки,
Как на картинке в некой книжке,
Под белым пухом чуть заметны.
Но как милы они, приветны!
У старой ели стали в ряд
Семьею маленьких внучат.
А вот сосенки молодые
Стоят, как сироты какие:
От снега выгнулись дугою,
К земле склонились головою.
«Знать, тяжело вам — согнул вас снег,
Как будто вы несчастней всех», —
Над ними Костусь размышляет,
И сердце жалость обжигает.
И Костусь тут же к ним бежит,
Тяжелый снег стряхнуть спешит.
Сосенки сразу оживают
И вверх макушки поднимают.
Сперва чуть-чуть, боятся словно,
Потом встают легко и ровно.
А хлопец, радуясь, смеется,

Стоит, глядит — не шелохнется,
В ребячьи думы погружен,
Как будто видит сказку-сон!

Однако ж время и за дело!
И он идет на речку смело.
Она застыла меж кустами;
Березы голыми ветвями
Сплелись с олешником над нею,
И ели рослые, темнея,
Нависли густо шалашами.
Вот и упавшая сосна,
Давно свалилася она,
Знать, буря бедную сломила
И через речку положила.
А лед тяжелый, мутно-синий,
Приподнятый посередине,
Всё придавил и так налег,
Чтоб даже малый ручеек
Из-под него не просочился.
Тут Костусь наш остановился.
Глядит на лед, соображает
И свой топорик в ход пускает.
Ледок подался, покорился,
Он на кусочки развалился;
Летят крупинки ледяные,
Как будто блески дождевые.
По льду бегут речные воды,
Шумят, почуявши свободу.
Река течет, река живет. . .
Однако что же там поет?
Что там за музыка несется,
Чья песня прямо в душу льется?
Откуда, право, звуки эти?
Никто не сможет в целом свете
Сложить подобного мотива.
Быть может, лес сложил то диво?
Или проснулася даль немая,
Молчанье песней нарушая?
Иль небо вдруг себя раскрыло
И что-то тихо говорило
Земле, полям ее, лесам?

Иль то весна подходит к нам?
А песня длится, звон плывет, —
Не жаворонок ли поет?
И по бескрайнему простору
Той песне вторят птичьи хоры,
И в море этих звуков дивных
Волной чудесной, переливной
Песнь соловьиная несется. . .
Огнем горит душа у хлопца.
В минуты радостные эти
Он забывает всё на свете.
И хоть давно уже он знает,
Откуда песня возникает,
Но лишь прислушается к пению,
Опять берут его сомненья:
Ужели иней так с водою
Свой разговор ведут зимою?
Так вот в чем речки этой сила,
Вот чем она его пленила!

20. КОЛЯДЫ

Пришли Филипповки, Никола;
Хоть далеко до дней веселых,
Хоть в снеговой своей постели
Лежит земля, шумят метели,
Как ведьмы на своем игрище,
Хоть ветер плачет, стонет, свищет,
Как на дуде иль на кларнете,
А всё же легче жить на свете:
Светлеют дали, и просторы,
И леса пышные уборы.
Есть красота и в днях суровых,
И в мертво-белых тех покровах,
Что над лесами, над полями
Сверкают, будто хрусталими,
Когда мороз, как царь на троне,
В кроваво-огненной короне,
Над всей землею руки взнимет,
Всё зачарует, всё обнимет;
А как метель вдруг разразится,
Как снег и ветер взбеленится

И всё потонет в вихре белом —
Эх, сколько сил в полете смелом!
«Гуляй, зима! Твоя година,
Да скоро будет половина,
А там теплом уже повеет,
И солнце ясное пригреет» —
Так дядя вымолвит, бывало,
Заслышав вьюгу-запевалу.
От слов таких душе отрадно:
Ведь как-никак, а всё ж изрядно
Зима лихая надоела.
Весна — совсем иное дело!
И вновь душа весны желает,
Вновь в сердце радость расцветает
От думы той, что час придет —
Зима пожитки соберет,
Исчезнет, сгинет на полгода
И оживится вся природа.

Приелось хлопцам и ученье,
Все ждут колядок с нетерпеньем.
И сколько разных разговоров,
Что, дескать, праздник будет скоро,
И как приятно хлопцам это!
Знак приближающихся святок —
Горит солома возле хаток,
Огонь веселый в час рассвета.
«А что там светится, прохожий?
Уж не пожар ли, не дай боже! . . .»
— «Да нет! Откуда ему быть?
Свинью задумали палить;
Бедняга пожила свое, —
Уж такова судьба ее!»

Кому ж не хочется из нас —
Ну, скажем, сала иль колбас?
Иной еще до коляды
Не посчитает за труды
Тайком кусочек съесть приличный.
На праздниках же — как обычно:
Нажмет он так, что в ночь раз восемь
Его на улицу выносит.

Всё это — жадность человечья.
Теперь мы взглянем на Поречье:
Как люди в стороне лесной
Готовят зимний праздник свой,
Колядки чем они встречают. . .
Науку хлопцы прекращают —
Теперь до самого Крещенья
Не надо думать об ученье.
Довольный Яська распевает,
Домой на отдых отбывает.
Хлеб на гумне обмолотили,
Солому же в стога сложили,
В амбар засыпали зерно,
Цепы молчат уже давно.

И дядя нынче тоже вольный,
Ему как праздничек престольный
Денечки эти, — сыт ли, нет —
На речку он спешит чуть свет.
Его туда как будто тянет,
И он раздумывать не станет,
Засунет за пояс топор —
И всё готово. Кончен сбор.
С Антосем Костусь, как известно,
Прогулка эта интересна,
Его удержишь разве дома?
И вот идут путем знакомым,
Спешат — морозец подгоняет. . .

И любо ж, братцы! Снег порхает,
Да так спокойно, так светло!
И всё кругом белым-бело.
Снежинки вьются без конца,
Как маленькие кружевца;
Сухой осоки чуть коснутся —
Как будто тихо засмеются,
Начнут шушукаться, звонить
И еле слышно говорить.

Антось на речке шагом легким
Подходит к первой загородке.

Он смастерил перед зимой
Ее с уменьем и охотой
И у единственного входа
Поставил ловко нерет свой.
И хоть река покрыта льдом,
Идет работа чередом:
Антось наш прорубь просекает,
А Костусь смотрит, ожидает
И сам себе не хочет верить,
Пока Антось не вынет нерет.
А дядя — он работник ладный,
Всё у него выходит складно,
И он во всем порядок любит,
Минуты даром не загубит:
Тихонько льдину отодвинул,
На нерет взгляд свой зоркий кинул,
За палку взялся, подтянул
И сразу на берег швырнул.
Лицо его светлее стало,
Видать, надеялся он мало,
А поглядел — там бьется что-то!
Нет, не пропала зря работа.
И вот уж нерет поднимают,
На берегу опорожняют.
Пошел тут говор, звонкий смех,
И рыбу вытряхнули в снег.
Запрыгал окунь, встрепенулся,
За ним налим перевернулся,
Еще налим и две плотицы, —
Ну что ж, и это пригодится.
А там — другие загородки,
Другие, стало быть, находки.

Не уставая говорить
О том, что к празднику купить,
Они доходят до жилья.
А завтра между тем кутья.
А так велось уже — Михал
В Несвиж под праздник доставлял
Для разных тамошних панов
Запасы дичи и грибов.

Кутья. Морозно. Хмуровато.
Снежок сыпал, как с лопаты.
Снег на кутью — грибы на лето, —
Такая матери примета.
Черны дорожки — ягод много,
Ну, и за это слава богу.
Обегал Владя наш чин чином
Поля, и ров, и луговину;
Пучки овса он в снег втыкает
И этим зайцев привлекает,
Чтоб из чулана сквозь окошко,
Когда по этим вот дорожкам
Они повадятся гулять,
Их можно было пострелять.
Тут зайцев тьма на вольной воле. . .
И дров на праздник накололи,
Скоту мешанки намешали
И в хату сена натаскали:
Кутьи горшочек непременно,
На лавке стоя, ждал уж сена.
И словно царь былой порою
Всходил, сажился на престол,
Так водружался здесь на стол
Горшочек с праздничной кутьею —
На сено перед образами,
Чтоб править хлебом и блинами.
Да, в этот день он здесь персона,
На нем из скатерти корона,
Ему поют сегодня оды,
Хоть он и глиняной породы.
Ох, интересно детям знать:
Чем нынче их накормит мать,
В каком всё это будет виде?
Она, конечно, не обидит,
Но всё ж мальцы не раз гадали,
Что им дадут в конце, в начале.
А мать обдумала давно,
Всё было ею решено.
Там, высоко, за печкой где-то,
Был мак подвешен еще с лета,
И мать его сегодня трет.

А в потайном углу каморы,
Как смерть кашея, под запором,
Был очень хитро спрятан мед.
И он сегодня нужен тоже,
И он на свет родился божий:
Какой Сочельнику почет,
Когда к столу не подан мед?

Антоний в сумерки, тишком,
Подался в ельник с топором:
Греха в том нет и не бывало,
Коль он детей потешит малых
И в хате елку им поставит,
Хоть раз за зиму позабавит.
И сколько детям в ней утехи!
Висят волошские орехи,
В бумажках золотой расцветки
Видны на веточках конфетки.
И всё. И в этом вся отрада.
Да разве ж детям много надо?
Их дома балуют не больно,
Для них и этого довольно.

Всё в хате ладно, мирно, дружно,
Как в этот день святой и нужно.
Все подобрели, стали тише,
Худого слова не услышишь.
И все помылись, нарядились,
Михал с Антосем и побрились,
И причесались, всё чин чином. . .
«Ну, застилайте стол, мужчины!» —
И стол гурьбою убирают,
Настольник белый подымают,
Сенцо на стол кладут вразброс —
Лежал на сене сам Христос.
По сену скатерть стелют снова,
И всё теперь уже готово.
За стол садятся по порядку,
И всяк кладет себе оладку,
Спокойно ложки разбирают
И все начала ожидают.

«Ты, брат, смотри, не промахнись,
Наешься враз не торопись,
Не то — с набитым животом —
Ты будешь сам жалеть о том:
Что будет дальше — то вкуснее,
А ты и есть-то не сумеешь!
Я знаю тут порядок весь», —
Так учит Костуся Алесь.

Михал бутылку открывает —
Уже закуска ожидает:
На сковородке перед ним
Плотва, и окунь, и налим.
Всё пахнет вкусно, пахнет так,
Что не удержишься никак!
А водка — радость-веселуха,
Приятно бульканье для уха,
И как ее в стакан нальешь,
Так прямо глаз не отведешь.
«Ну что ж, Антось, здоров будь, брате!
За мир, за счастье в нашей хате!»
— «Дай боже, — отозвался дядя,
В лицо хозяйки дома глядя, —
Во всем удачи и согласья,
И всякого добра и счастья!»

Так вот вечера началась.
Тут должен я сказать о квасе:
По цвету был он красноватый,
И плавал в нем налим пузатый,
И линь, и окунь, и карась,
Пескарь, плотица, щука, язь,
Еще засушенные летом,
Но смак тут был не только в этом:
Был квас заправлен и грибами —
Одними сплошь боровиками;
Лук, перец и лавровый лист.
А вкусно так, что берегись!
Не то себя так разохотишь,
Что и язык, гляди, проглотишь.
Потом поели верещаки,
За ней пошли блины на маке.

А там — ломанцы-пресноки
Из белой купленной муки.
А как же сладок сок из мака!
В нем так лепешки набухают,
Что в рот положишь — сами тают.
Но пир не кончился, однако.
Шли за лепешками компоты,
Кисель с медовой сытою,
А завершалось всё — кутьею.
Но тут уж ели без охоты —
Лишь для того, что все должны
Почтить обычай старины.
И после трапезы такой
Живот у каждого — горой.
А как из-за стола вставали,
То даже малость и стонали.

А в первый день святых колядок —
Таков старинный был порядок —
Снимали сено со стола,
Кормили им коня, вола
И всю скотину непременно.
А на столе в остатках сена —
Давным-давно велось это —
Зернят внимательно искали
Да по зерням тем гадали,
Как уродится хлеб на лето.

21. ТАИНСТВЕННЫЕ ЗВУКИ

В ином году, в мороз суровый,
Когда весь мир, сдается, скован
И всё под снегом коченеет,
Нежданно вдруг теплом повеет.
Погонит тучи ветер южный,
Польется дождик крупный, дружный,
Идет он, с крыш ручьем стекает
И снег, как говорят, съедает.
Лес, сбросив зимний свой убор,
Другой заводит разговор
Под помутневшим небосклоном,
И хорохорятся вороны:

«Грязь! Грязь! Весна!» — кричат, зывают,
Как будто впрямь весну встречают.
В кустах ольховых, под горою,
Ручей волнистой полосой
На свет явился, лед пробил
И зашумел, заговорил.
И косогоры облысели,
И рвы водою заблестели.
Вода поет во всех лощинах,
И вздулся лед на озеринах.
Дороги почернели сразу,
И всюду, сколько видно глазу,
Луга затоплены водою,
Как может только быть весною.
Но это всё игра, забава:
Зима тепла не любит, право,
Она свое всегда возьмет —
Так забушует, запоет,
Так ветер круто заиграет,
Что прямо с ног тебя сбивает.
И воют в поле завирuhi,
Как перед гробом молодухи,
Лес белым снегом покрывают,
Вокруг сугробы наматают.
Вороны сразу станут тише,
Они летят поближе к крыше,
Дрожат, голодные, и стынут,
И даже клюва не разинут.
Опять деревья запушились
И снегом «лысины» покрылись.
Ручьи и речки смолкли снова
Под гнетом зимнего покрова.
Лед на лугах стеклом сверкает,
И редко солнышко гуляет.

Настанет ночь. Повсюду тихо,
Завоет разве где волчиха
Да гонт на крыше затрещит,
И всё опять кругом молчит. . .
Но что же это? Что за звуки?
Откуда это? Чьи там руки

Бьют тяжким молотом во мгле,
Как конь копытом по земле?
Какой там трудится кузнец,
И что кует он, наконец?
Стоишь, поводишь головою,
А луг гудит, гремит и воет;
То треск послышится среди ночи
Такой, что, кажется, хохочет
Сам черт рогатый среди болота;
То завизжит, застонет кто-то,
То вдруг закашляет, залает, —
Стоишь, и сердце замирает.
«Гу-гу!» — и воздух содрогнется,
«Бах-бах!» — над лугом пронесется
И по лесу заходит эхом;
То засмеется диким смехом,
То загрохочет, то засвищет —
Ночное чертово игрище!
Вдоль всей реки, по самый Неман,
И впрямь какой-то ходит демон
Всю ночь до самого рассвета!
И жутко, и занятно это.

А ночь тиха. И в бездне темной,
В пустыне страшной и безмолвной,
Сверкают звезды молодые,
Как будто бусы дорогие.
То в одиночку, то гурьбою
Плывут они над головою,
То станут в ряд, сойдутся в круг,
Бросая лепестки вокруг.
Они горят, живут, играют,
Как будто чьи глаза мигают.
Порой же с неба в тьму ночную,
Чертя дорожку огневую,
Слетит падучая звезда
И вмиг исчезнет навсегда.
Когда шатер ночной богатый
Раскинет небо над землею,
Веселой шумною гурьбою
Выходят хлопцы вон из хаты.
«Стой! Тише там! Шуметь не смейте!..

Ой, что же деется на свете?»
И хлопцы сразу затихают
И на Алеся взгляд бросают;
Но наш Алесь стоит безмолвный
И, сам он удивленья полный,
Мгновенно руку поднимает:
«Вот! Вот! Вы слышите? Стреляет! . . .»
— «Что ж это, хлопцы? Вот так диво! —
«Директор» шепчет боязливо. —
Ужель Несвиж из пушек бьет?»
И Яська в дом бежит, орет:
«Сюда, сюда, эй, дядя, тетя!
Да что ж вы, право, не идете?
Идите быстренько, идите!
Что тут творится, поглядите!»
И так он охал, так он звал,
Что в хате всех перепугал.
«Нет у меня к тебе, брат, веры,
Хватаешь часто выше меры», —
Антось на это отозвался,
Но всё же со скамьи поднялся
И натянул кожух на плечи;
И мать тотчас же прялку к печи,
Работу бросив, прислонила
И за Антошем поспешила.
Стоят и смотрят молчаливо
И ухом ловят — что за диво?
Как будто выпь бубнит в болоте
Иль по кадушке черт колотит.
«Ну что, услышали? Что это?» —
«Директор» тихо вопрошает,
И страх беднягу пробирает.
«Эх, Яська, брат, идет комета, —
Пропали мы, кончина света! —
Сказал Антось, шутливо плача. —
Ох, Яська, Ясь, погиб ты, значит.
Не повстречаешься с родными,
Навек теперь прощайся с ними,
Их видеть больше не надейся. . .»
— «Нет, дядя, что это? Не смейся!» —
Антося хлопцы обступили
И разом все заговорили.

«Идемте в хату! — молвит мать. —
Уж лучше в хате помирать».
И хлопцы видят — промахнулись,
Ошиблись в чем-то, обманулись,
Но в чем — узнать им интересно,
Пока же это неизвестно.
Антось идет и лишь хохочет,
Он сразу объяснить не хочет:
Порой любил Антось, признаться,
Над Яськой малость посмеяться.
А хлопцы думали, гадали
И в ход все способы пускали,
Чтоб разузнать, что там за сила,
Но ничего не выходило.
«Ну, дядя, хватит насмехаться:
Самим нам трудно догадаться,
Скажи, откуда эти звуки?»
— «А ты же знаешь все науки,
Напихан ими до отказа,
И знать про всё ты сам обязан.
Какой же ты «директор», друже,
Выходит, что мудрец не дюжий,
Тем боле что предмет несложен. . .
Ну, кто «директору» поможет? —
С улыбкой дядя продолжает. —
Быть может, Костусь отгадает. . .
А ну-ка, постарайся, Костусь,
Тут дело очень-очень просто. —
И все взглянули на того,
Но он мотнул лишь головой. —
Да ты смелей! Чего стесняться?
Ведь ты ж охоч по льду кататься. . .»
— «А чтоб вы, дурни, все сгорели! —
Тут батька вдруг сказал с постели.
Он там дремал, теперь поднялся
И в общий разговор вмешался,
У теплой печки ставши сбоку: —
Ох, вижу, в вас не много проку,
Такую глупость не понять!
Вам по затылку б надавать,
Тогда бы поняли небось,
Что и откудова взялось!»

Носы ребята опустили,
Сидит «директор», как на шиле, —
Вот уж заноза, так заноза!
«Да это ж лед трещит с мороза!» —
Алесь и Костусь вдруг вскричали
И тайну звуков разгадали.
У батьки гнев сошел на милость,
Лицо мгновенно прояснилось.
«Вот молодцы! . . А вы-то. . . эх!
Меньшие вас побили. . . Смех!
Один — большун, другой — учитель,
«Директор», всех наук рачитель.
Эх, срам какой!» — журит их дядя,
И только хмурит брови Владя.
«По пустякам какая ж статья
Была мне голову ломать?»
— «Ну, ты — великий Соломон,
Во всех науках, брат, силен!
А если так, скажи-ка вот:
С чего трещит надземный лед?»
Другая выплыла задача,
Потеет Яська, чуть не плачет,
Ответить хочет и боится
При всех позорно провалиться.
И Владя очи опускает.
«А штука, видите, такая, —
Сам дядя начал вдруг рассказ, —
Был, значит, паводок у нас,
Вода повсюду разлилася
И крепким льдом потом взялася.
Мороз ударил, и тогда
Вода ушла из-подо льда,
И над землею лед повис,
Теперь и падает он вниз,
И только глыба упадет —
Такой тут шум и гром пойдет,
Ну словно пушки, в самом деле. . .
А что, теперь уразумели?»
— «Я это знал, — Ясь отозвался, —
Да только высказать боялся».
— «Я тоже», — Владя отвечал.

«А ты бы лучше помолчал, —
Отец на Владю напустился, —
Совсем ты, хлопец, обленился!
С тебя не будет, видно, проку,
Уйдешь ты в жизни недалеко:
С твоей наукой — видно сразу —
Всю жизнь ты будешь коломазом».
— «Что ж, и колеса мажут люди,
За это тоже плата будет!» —
Спокойно Владя отвечает
И смех всеобщий вызывает. . .
«А у меня вопрос есть тоже,
Кто на него ответить может? —
Внезапно Костусь речь заводит
И тем отцовский гнев отводит. —
Бывает, с неба иногда
Слетит падучая звезда,
Мелькнет на миг — светла, ясна, —
Куда ж девается она?
И до земли не долетает,
Над нею где-то пропадает».
Отец и дядя замолчали,
Что отвечать ему, не знали.
«Ага! — тут хлопцы подхватили. —
И мы вас тоже прищемили!»
— «Да что сказать на твой вопрос?
Какой нам толк от этих звезд?
Звезда мелькнула и пропала,
Но нам с того корысти мало, —
Таким ответил батька словом. —
Явление это, брат, не ново,
Частенько звездочки мелькают,
А где, сгорая, пропадают —
То, несомненно, тайна божья,
И знать ее никто не может:
Ведь выше головы не прыгнешь
И той науки не постигнешь».
— «Нет, почему ж? Постигнуть можно, —
Вмешался дядя осторожно, —
Всё может объяснить наука,
Что астрономией зовется, —
Что, как, откудова берется.

Замысловатая то штука.
А вы, коль будете учиться,
Ответа можете добиться.
Когда ходил я в школу сам,
То, помню, на уроках там
О звездах много говорилось,
Но всё теперь перезабылось. . .»
— «И я, — в беседу мать вмешалась, —
Сказать хотела, да боялась:
С тех давних пор, с тех самых лет,
Когда был создан белый свет,
Дал человеку на роду
Небесный бог свою звезду.
Она житьем руководит
И за судьбой людской следит,
Когда же душу бог возьмет,
Звезда тотчас и упадет.
И небо слух к земле приклонит,
И ангел вдруг слезу уронит.
Когда годов мне было мало,
То вечерами дед, бывало,
Об этих звездочках не раз
Среди детишек вел рассказ.
Он говорил: „Коли кто сможет,
Пока не сгибла служка божья,
В момент падения ее
Сказать желание свое,
То бог исполнит то желанье!“»
И хлопцам это толкованье
Всех больше по сердцу пришлось
И в их душе отозвалось.
Их мир увлек необычайный
И глубиной своей, и тайной.

22. НА ГЛУХАРИНЫХ ТОКАХ

Отбыл свой срок февраль суровый:
Денек помалу прибывает,
Смелее солнышко сияет,
И уж речушка рвет оковы.
Пора, зима, тебе в дорогу:

Прошел твой час, и слава богу!
Гляди: в полях под снегом влажным
Чернеют летошние пашни.
И взгорки, видно, поумнели,
Что так заметно полысели.
А лес, смотри, какой веселый!
И дуб смеется, хоть и голый.
Прислушайся, какие песни
Кругом звенят весельем вешним!
Уже лучи с небес летят,
Готовят свадебный наряд,
Венец сплетают золотой
Земле-невесте молодой.
Прошли, зима, твои метели,
Прочь уходи с своей куделью!

И вот однажды с буйной силой
Всё на заре загомонило —
И шум, и гул, и пенье всюду.
В цимбалы будто бы и в дуды
Вдруг музыканты заиграли,
На бал, казалось, всех скликали.
Весна! И пчелы полетели
На нежный зов ее свирели.
И жизнь повсюду возникает,
И пташка песню начинает.
«Быть лету нынче урожайным,
Вода шумит необычайно,
Как гром далекий: густо, глухо
И так заманчиво для слуха», —
Домой из леса возвратясь,
Приметил с радостью Михась.
А Костусь в хате не сидит,
Послушать этот шум бежит.
И правда, гул на удивленье, —
Как хорошо весны явление!

О чем гудит вода так важно,
О чем поет она протяжно?
Наверно, вешняя вода
Была волшебницей всегда,

Коль наперед всё чует, знает
И урожай нам обещает,
И даже сам отец ей верит.
Проходит день. Стучатся в двери:
Приказ конторы, чтоб Михал
В Комлищи нынче же шагал —
Ведь уж токуют глухари,
А их до праздника бери!
Но перед тем как быть охоте,
В час сумерек и на восходе
Туда подслушивать ходили
И токи глухарей следили,
Пока паны не приезжали.

Два шалаша в лесу стояли:
Один — из ельника простого,
Другой — из досточек еловых.
Вот в нем паны и ночевали.
Лесник в своей конурке гнулся
И хоть к огню костра тянулся,
Но отдохнуть трудненько было:
Один бок жгло, другой — знобило.
С ружьишком за плечом Михась
Шел по лесу не торопясь.
В бору снега еще лежали,
Но от пригорков отступали
И больше прятались в низинах,
В овражках темных и лощинах;
Зима и здесь уж умирала.
В пути вставали пред Михалом
Картины жизни лесниковой,
И в сердце закипало снова
Глухое, мрачное волнение,
Рождая бурю возмущенья.
Панам охота ведь в забаву,
Потеха эта им по нраву,
А ты, как Каин, волочись
И в шалаше ночами гнишь.
Пан, если что-нибудь не так,
Кричит: «Пся крэв! Болван! Дурак!» —
Последним словом обзывает,
А то и кулаком махает.

Кабы своя земля и хата!
Да будь ты трижды распроклята
И служба панская, и ласка,
И доля вечная подпаска!

Меж шалашей костер пылает,
Михала Пальчик поджидает,
Туда ж подходит и Гавака,
Объездчик старый и служака.
Сидит Абрьцкий на колоде
И, грея ноги, трубку курит,
Завел рассказ и балагурит
О мелочах и о погоде;
Чего он только не вспомянет,
Кому он в душу не заглянет, —
Оговорит и насмеется,
Да и панам тут достается.
Ведь пан Абрьцкий, скажем смело,
Меж ними век свой терся целый:
Был на Полесье, на Воляни, —
Куда судьбина не закинет!
Сидит с ним рядом Демидович,
С другого боку — Астахнович,
Всё лесники немолодые,
Виды выдавшие такие,
С кем можно выпить, погулять
И кошелька не открывать,
Чего Абрьцкий не чурался,
Хоть и начальством их считался.
По службе ль выйдет упущенье
Иль просто недоразуменье,
Абрьцкий уж свинью подложит
И пану тотчас же доложит,
Да от себя еще прибавит
И человека обесславит.
За это на него косились
И незаметно сторонились:
Он ябедник, насмешник злой.
Но раз был случай и такой,
Когда Абрьцкий промахнулся —
На зуб Пшаваре подвернулся.

Пшавара был лесник сердитый,
Да и к тому ж не лыком шитый:
Широк, плечист, как дуб-крепыш,
Не много с ним поговоришь!
Силач и на расправу скорый.
И вот с Абрьцким у конторы
Он повстречался как-то раз.
Пшавары лошадь в этот час
Стояла и жевала сено,
Сенцо мурожное, как пена.
Вдруг пан Абрьцкий прискакал
И лошадь рядом привязал.
Пшавару это обозлило:
«А чтоб его гроза спалила!
Какой-то гад, какой-то пес —
Откуда черт его принес! —
У моего притерся воза!»
— «Какая страшная угроза!
И что за тон такой мужицкий! —
Ответил с гонором Абрьцкий. —
Ну, я тут стал, так что же будет?
И много ль у тебя убудет?»
Вскипел лесник в мгновенье ока,
Дуга была тут недалеко,
Она лежала под рукою, —
Он за Абрьцким с той дугою!
Абрьцкий прочь во все лопатки,
Бежит, как шалый, без оглядки,
Но всё ж Пшавара догоняет
И в ход дугу свою пускает.
Абрьцкий — некуда деваться —
Схватился с ним и ну кусаться.
Пшавара смело в бой идет,
Схватил Абрьцкого, трясет
И сам дает зубами сдачи
И даже гавкнул по-собачьи:
«Коли кусаться, так кусаться!»
Ох, можно было посмеяться! . .
На всех позициях побитый,
Абрьцкий сбавил тон сердитый
И просит грозного Пшавару:
«Пусти, браток, я принял кару!»

Знакомым руки жмет Михась,
С друзьями весело смеясь,
Он шутку шуткой отбивает,
Еще веселья подбавляет.
«А что, Михал, любезный брате, —
Сказал Абрьцкий, — верно, в хате
Приятней жить, чем в этой чаше?»
— «А пусть их в пекло черт утащит —
И всех панов, и глухарей.
Нам легче было бы, ей-ей! —
Сказал Михал ему с досадой. —
Вот взять бы ружья и с усладой,
Панам в отместку, пострелять,
Чтоб глухарей поразогнать».
— «А ты забыл, любезный мой,
Что случай был у нас такой,
Когда знакомый наш Вярыга
С лесничим по болотам прыгал,
Ведя его на ток весной.
Три шага сделает — и стой!
Аж бедный пан покрылся потом,
Но глухаря не слышно что-то.
Кой-как до сосен доскакали
И там ни беса не застали.
Стоят Вярыга и лесничий.
«А где глухарь, пан полевничий?»
— «Вот здесь, панок, он пел на зорях,
Да перестал вдруг нам на горе!» —
Вярыга опустил глаза.
Лесничий глянул, как гроза,
И бац в лицо ему неожиданно!
Вот как подвел Вярыга пана!»
— «Ну что ж! Такой ему попался,
А на другого бы нарвался,
Сказать к примеру, на Пшавару,
Уж он бы пану задал жару!» —
Гавака важно отозвался.
Абрьцкий только облизался,
А лесники захохотали
И тем Гаваку поддержали.
«Ну что ж, любезные паны!
Сниматься с места мы должны! —

Абрыцкий взгляд на всех бросает
И трубку щедро набивает. —
Пора уж трогаться, темнеет,
Как раз слетаются, злодеи!»
— «Эх, брат! Нанялся — как проданся!» —
Сказал Михал и сам поднялся.
Тут все немного повозились
И в дебри леса углубились.
Михал во мгле свернул с пути —
Куда ж теперь ему пройти?
Задумчиво остановился,
Прислушался и притаился.
Еще немного в глушь проходит
И зорким оком лес обводит.
Стоят деревья в темной хвое,
Как слуги в княжеском покое,
Застыли молчаливо ели,
И птицы песни все пропели,
Лишь дрозд с умением привычным
Свистит свирелью мелодичной.
Но смолк и он, всё онемело,
На небе звездочка несмело
Зажглась над сумраком лесным
Огнем таинственным своим.
А лес молчит, глухой, бесстрастный.
Михал — весь слух. Но всё напрасно,
Лишь мерный шум какой-то странный —
Как будто гулкие органы —
В ушах без умолку стоит,
Невнятно что-то гомонит.
«Чусь-сю! Чуг-ги!» — вдруг свист раздался,
Михал как будто испугался,
Сильней забилося сердце в нем
И радость вспыхнула огнем.
Глухарь же на суку высоком
(Он ясно виден — недалеко!)
Сидит так важно и бормочет.
Как запоет, закроет очи,
Не слышит ничего, не чувствует,
Зато когда он не токует,
Тогда уж чуток, бес, на диво, —
Замри на месте терпеливо.

Михал стоит и размышляет,
Он, видно, место примечает.
А кашель подлый давит грудь.
Пора назад уж повернуть.
Но только шаг ступил Михал —
Другой глухарь затоковал.
Еще тут постояв немного,
Михал из чащи осторожно
Шагнул тихонечко, как можно,
И скоро вышел на дорогу.
Спешит веселый к шалашам,
А лесники давно уж там,
Слышны и хохот и насмешки;
Огонь не хочет тоже мешкать —
Бушует пламя и стреляет.
Отчет Абрьцкий принимает:
Кто слышал глухаревы токи
И место близко иль далеко.
А Демидович знай дымит
Да глухарей своих бранит:
«Ну нет нигде! Все запропали!
Или зимой поиздыхали,
Иль не токуют, кто их знает! . . .»
Михал ему напоминает,
Как всех зимой он удивил —
Живого зайца изловил,
Когда тот сдуру разбежался
И в яму на пути сорвался.
Все лесники расхохотались
И долго зайцем «угощались».
«Зачем из сил нам выбиваться,
Из-за чего уж так стараться?
Бреши всю ночь, как пес цепной, —
Не жди награды никакой.
Михал лесник немолодой,
А вот медаль не нацепили,
За малость в луже б утопили».
— «Сказал ты правду, пан Амброжик.
Но иначе Михась не может,
Во все дела с душой вникает!» —
Здесь Астахнович замечает.

Веселый смех и шутки, споры —
Не умолкают разговоры.
Шалаш шумит, шалаш гуторит,
Покуда сон друзей не сморит.

23. ПАНСКАЯ ПОТЕХА

Как раз под вербную субботу,
Дорогой грязной, по болоту
Михал с Алесем в бор тащился.
Конь Ножик оступался, бился,
Колеса хлюпали, скрипели.
«А чтоб вы все тут околели!
Вози с гумна для них солому,
Последний стол тащи из дому,
Чтоб жрать им слаще! Нет вам смерти,
Не нашего вы бога черти! —
Михал ругательств сыплет ворох, —
Приказ дала ему контора:
Доставь панам в шалаш сюда
(Удобства им нужны всегда!)
Скамейку, стол, для сна — солому. —
Повсюду строй ты им хоромы!
За что ж панам такой почет?
Зачем их бог так бережет?
Затем, чтоб вечно пановали
И нашим братом помыкали?
Эх, братец, это всё обман.
Когда-нибудь да сгинет пан!»
И чувствовал Михал душой,
Что нету почвы никакой
Под тем порядком, что несет
Одним беду, другим — почет.

Тут к шалашу он подъезжает,
Остановил коня, снимает
С повозки скарб домашний свой,
С конем Алеся шлет домой.
Костер разводит на поляне.
Прибрать всё надобно заране —
С утра охота! А паны
Преважные припрутся вскоре

На место встречи их — к конторе
И здесь быть в сумерки должны.

Под вечер небо прояснилось,
И всё вокруг развеселилось.
«Панов обходит, знать, невзгода,
И служит им сама погода,
Вон солнце как горит, блистает!
Богатым черт детей качает, —
В шалаш забравшись тесный свой,
Так рассуждал Михал с собой. —
Ох, эта барская охота!
Лишь рассветет, уже забота:
Вести на токи надо пана.
А ну глухарь слетит неожиданно
Или замолкнет, притаится?
Коль это горе приключится —
Тогда похлопаешь глазами
Перед лесничим и панами».

«А, ты уж здесь? И стол достал!
Здорово! Как живешь, Михал?»
— «Живу, сушу да грею кости», —
То ли с усмешкой, то ль со злостью
Михал из будки отозвался,
А Пальчик громко засмеялся:
«Ты, брат, как пан в своем поместье!»
— «А что ж? Коль поглядеть по чести,
Чем я не пан? — Михась сказал,
По-пански руки в боки взял,
С преважной миной походил,
По-польски Пальчика спросил: —
Цо повеш, галган? Цо потшэба?
Я далэм тебе, дурню, хлеба!
И идзь до дьябла!» — «Пан живой!
Ей-богу!» — Пальчик отвечает,
И смех обоих разбирает
От этой шутки озорной.

Все лесники уже сошлись,
И разговоры полились —
Промыли косточки панам!

«Ох и задаст Раковский нам,
Коль вдруг гостям не повезет
Иль сам он птицы не убьет!
Весь покраснеет пуще рака,
Того гляди, полезет в драку.
Сам виноват — тебя облает
И с грязью ни за что смешает.
Ох и поганая порода!
Пришибла бы его колода! . . .»
Абрыцкий молча дым пускает
И трубку пальцем прижимает.
Куда-то мысль его бежит!
Усмешка скрытая дрожит
И на лице, и под усами,
Он вскидывает лишь глазами
То на того, то на другого,
А сам не говорит ни слова.

«Вставайте, едут! . . .» Все вскочили,
Засуетились, заспешили.
Значок нагрудный поправляют,
Встречать вельможных выбегают
И застывают не дыша:
Паны уже у шалаша.
Как их коляска хороша!
Натягивает кучер вожжи,
Коней сдержать едва он может,
А пан Абрыцкий с лесниками
Склонились низко пред панами.
Паны чуть головой кивнули,
На лесников и не взглянули,
Как бы не люди здесь стояли,
И в свой шалашик зашагали.
А лесники помчались к бричке —
Уж знают панские привычки!
Несут их ружья, патронташи,
Пакеты, сумки, саквояжи
И по местам всё расставляют,
Панам, как могут, угождают.
Паны не видят их, не слышат,
Для них здесь всё весельем дышит.

Здесь всё их тешит, забавляет,
Отрадой сердце наполняет.
Костер, шалаш, деревьев гомон,
Простецкий стол, скамья, солома,
Ночлег, охоты ожиданье —
Всё возбуждает их вниманье,
Всё, кроме этих вот людей,
Прислужников их всех затей.
Тут был Раковский — пан лесничий.
Затем несвижский кировничий
Имений княжеских — пан Свида,
А третий, тощий, желчный с виду,
Был пан Крживицкий — ревизор,
Здесь не бывавший до сих пор.

В лесу темнеет. Ночь близка,
И подморозило слегка,
И грустно так сквозь облака
На небе месяц выплывает,
Лес молчаливый озирает.
Горит, дрожит огонь шумливый,
А радужные переливы
Углей, их трепет и сиянье
Ткут лесу чудо-одеянье:
Щиты огнёвые, короны,
То с желтым блеском, то с червонным.
Всё жарче угля стреляют,
А искры радостно взлетают
И мчатся стаей звездоносной
В густую тень к могучим соснам.
Светло здесь, весело и живо,
А тьма лесная молчаливо
Глядит без ласки и без смеха —
Не в свой тут час идет потеха!
Но зыбкий блеск кругом гуляет
И мрак суровый отгоняет.

Паны сидят, как привиденья,
Надменно лиц их выраженье,
Вид неприступный, важный, гордый,
А взгляд решительный и твердый,

И в каждом жесте, в каждом слове
Презренье видно к «песьей крови».
А «песья кровь» не прекословит,
Для ужина им стол готовит,
Костру погаснуть не дает
И пред панами спины гнет.
И вот за ужин панство село,
На воле выпить захотело,
Степенно «вудку» разливает
И чарки, сдвинув, осушает,
Закусывает ветчиной
Да хвалит добрый час ночной.
Друг перед другом — уж пьяны —
Кичатся важные паны:
Свой ум и гонор выставляют,
Свое оружие восхваляют.
Раковский, строгий с лесниками,
Совсем, совсем не тот с панами.
Паны в хвальбе не знали меры,
Друг друга слушали без веры,
Но ловко это всё скрывали
И без конца плели и врали.
«А я, — тут Свида выступает
И ус победно подымает, —
Одним зарядом, будь здоров,
Убил однажды семь волков!»
Паны на миг остолбенели
И двинуть челюстью не смели.
Вот это номер, это гвоздь!
Загнал им Свида в горло кость.
«Ей-богу, славно! Спору нет! —
Заметил ревизор в ответ. —
Гм! Как же это, проше пана?»
Всех Свида превзошел нежданно,
Ужель молчать они должны?
Пыхтят завистливо паны.
«Пан пошутил, как это можно?» —
Паны решают осторожно.
Сказать: солгал — не подобает,
Поверить — духу не хватает.
А пан взирает, как герой,
Усы что пики, грудь — горой.

И словно бы друзей не видит.
«Пусть пан расскажет, не обидит!»
— «Да, да, один заряд пустил! . . .»
Потом уж Свида разъяснил:
Волчица щенная была
И шесть волчат в себе несла!
Паны тут хлоп себя по лбам,
Как и положено панам:
«Так как же мы не догадались!»
И долго все они смеялись.
Наутро, чуть заря зардела
И на востоке посветлело,
Как разойтись им, порешили,
Кому вести какого пана.
«Хотя бы этого шайтана
На грех мне нынче не всучили!» —
Михал подумал о Раковском.
«Лишь бы не с этим псом чертовским!» —
Так и другие рассуждали
И, переглядываясь, ждали.
Но так как Свида был тут главный,
А лесником же самым славным
Михал давно уже считался,
То пан ему и поручался.
Крживицкий Пальчику достался,
А в третьей паре оказался
Не кто иной, как наш Гавака.
Вздыхнул, бедняга, тут, однако
Пошел на токи провожатым.
Михал идет в бору мохнатом,
Он план имеет, тропку знает
И пана Свида поучает
Тихонечко, как только может,
Чтоб глухарей не потревожить:
«Вот здесь вчера он токовал,
Его я в двух шагах видал.
Пускай уж пан идет потише,
Не то глухарь тотчас услышит.
Не остерегся — всё пропало!»
И Свида слушает Михала,
Как ученик смиренный в школе,

Теперь над ним Михася воля,
Теперь он пан хоть на минутку.
«Поскачешь под мою, брат, дудку!
Покорным сразу оказался!» —
Михал беззвучно засмеялся.
«Скакну — и пан за мной пусть скачет,
Замру — пускай и пан замрет,
А то глухарь в момент уйдет
И будет пану неудача».
В лесу заметно посветлело,
И вот вблизи, сперва несмело,
Запел глухарь, вот оборвал
И снова начал, заболтал.
Михал дал знак. Скок-скок! И стал.
С ним рядом Свида шаг сдержал.
«Что, видишь, пан? Вон, вон чернеет...
Ой, нет! Пусть пан терпеть умеет!»
А Свида стал пороть горячку
И взвел уж у ружья собачку.
«Не тронь, не тронь же! Спаси боже!
Испортить пан всё дело может!..»
Еще минуту улучили,
Шагов на двадцать подступили.
Теперь как на ладони птица, —
Сидит глухарь, не шевелится
В сосновых ветках, хвост метлою,
Как бы любит себя собою,
Кряхтит, и свищет, и бормочет,
Подруг на праздник скликать хочет
Иль гимн поет всему живому
И славу бору вековому!
Михал и Свида той минутой
Стоят под елкою согнутой,
Ружье пан Свида подымает
И долго целится... Стреляет.
Бух! — грянул выстрел, лес проснулся.
Взвился дымок наверх струею
И обволок густую хвою,
С которой так глухарь сроднился
И так внезапно разлучился.
Он в тот же миг поник бессильно
И, не успев раздвинуть крылья,

На мягкий дол, на мох зеленый
Сорвался, кровью обогранный,
Головка поднялась, упала,
Два раза лапка задрожала,
Потом навек ооченела.
А Свида был доволен делом:
Он рубль Михалу подарил
И папирсой угостил.

24. ПАСХА

Не усидеть ребятам в хате,
Весной ли день на книжки тратить?
«Директор» сам теперь вздыхает,
На Миколавщину кивает
И часто в странной грусти ходит,
О доме разговор заводит;
И к шуткам сердце Яськи глухо,
Его не тешит солодуха,
Что Ганне знатно удавалась
И часто парню подавалась.
«Живется хлопцу хоть куда!» —
Хозяйка скажет иногда.
Но дом родной и в яви снится,
Ведь каждый к матери стремится!
Пришлось парнишке уступить —
Домой на отдых проводить.
Ребята в ожиданье Пасхи
Все книжки прячут без опаски.
Пришла великая суббота,
Давно оставлена работа,
Всё в хате прибрано, готово
Для встречи праздника большого.
Друг к другу доброе вниманье,
Во всем согласие, послушанье
На этот день тут воцарились, —
Уважить Пасху все стремились:
Не спорили, не суетились
И старые и молодые,
Как то бывает в дни простые.
Алеська, Костусь, Михалина —
Припала им охота ныне —

Поднялись с самых ранних пор
И подмели примерно двор.
Потом пошли песку нарыли
И им дорожки все покрыли.
И дворик сразу изменился,
Так мило травкой засветился.
Мужчины загодя побрились,
Водю теплою помылись,
Чтоб было всё по форме, ладом:
На исповедь сегодня надо.
Хоть говорил Антось не раз:
«Какой тут грех в лесу у нас?
А согрешишь, бывает случай,
Забудешь враз, вина не мучит,
Для бога нет обиды в том,
Но всё ж веди расчет с попом».
Чуть солнце спряталось за бор,
Тележку вывезли во двор,
Далеко скрип веселый слышен:
Ведь зиму провела под крышей!
Антось ее окинул взглядом,
Колесам щедро дал «помады» —
Пахучим дегтем смазал вволю,
Чтобы не плакались на долю;
Когда ж и спереди и сзади
Всё оглядел и всё приладил, —
Подкинул под сиденье сена.
Веселый час — повозок смена!
Теперь же дяде оставалось
Испробовать тележку малость.
Легко колеса закрутились
И с бодрым стуком покатались,
Идут так ровненько и гладко,
Как с маслом первая оладка.
А в хате всё давно готово,
И за Михалом только слово.
Но он в лесу позадержался
И вот теперь лишь возвращался.
Ребята сами обсудили
И всё заранее решили —
Кому стеречь остаться дом,
А кто поедет в храм с отцом.

«Пора! Успели все собраться?
Ну, так счастливо оставаться!» —
Михал домашним поклонился
И, шапку сняв, перекрестился.
Ему в ответ добра желают,
Грехи охотно отпускают.

Над тихой, талою землею
Нависла ночка той порою.
Умолкло всё, покоем веет,
Шатер небес от звезд яснее,
Безмолвен сосен темный строй,
И лес не шелохнет листвою —
В раздумье эту ночь встречает
И, видно, Пасху ожидает.
«Где ж все опасности лесные
И привидения ночные? —
Так Костусь думает без страха. —
День Пасхи чуют зверь и птаха,
И сосны старые, и ели.
Лихие люди подобрели,
Иль, может, бог следит сильнее,
И потому никто не смеет
Залечь с ножом среди дороги?
В такие дни порядок строгий
На небесах, чтоб люди знали
И праздник свято почитали!»
И Костусь это настроенье
Во всем, казалось, видит, слышит:
Оно в словах отцовских дышит,
И в тихом дядином сужденье,
И в неподвижных темных соснах,
И в мерном говоре колесном.
И даже, кажется, дорога
Ровнее сделалась немного.
А колеи вперед бегут,
Колесам вести подают.
Из леса вышел путь на поле,
Колеса катятся на воле,
Шуршит сырой песок приветно.
В селе на церкви чуть заметно

Блестит фонарик и мигает,
Приезжих взоры привлекает.
Лощину миновали скоро,
Проехали за ней и гору,
Погост с поникшими крестами,
Где клены, голыми ветвями
Склоняясь тихо над землею,
Навстречу мерной шли стопою.
Из мрака хаты выплывают,
Везде в окошках свет сияет
И через рамы на песок
Бросает яркий свой следок.
С обычаем отцов знакомы,
Степенные мужчины дома
Уже молитвы отправляли,
Христовы страсти распевали.
У Гончаров, у Ратуевых,
Якима-дяди, Базылевых,
У Стася в хате и у Датки,
Старинным следуя порядкам,
Все чинно, набожно сидели
И голосили, как умели,
В молитвенник уставив взоры.
Но иногда бывали споры,
Коль к новым песням приступали
И в нужный тон не попадали.
«Не так, Андрей, ты начинаешь!»
— «Нет, это ты, Сальвесь, сбиваешь!»
— «Постойте! Покажу сейчас!» —
И тут гремел Язэпа бас.
К нему другие примыкали
И громом хату потрясали,
Стараясь не отстать от баса.
А у ворот во мгле тем часом
Антось уже сдержал коня,
И к шурина идет родня.
Карусь Дивак под кожухом
На печке тешился теплом,
Покуривал себе, лежал
Да на пол иногда плевал
Из-за трубы. Со всеми вместе
Он рад был празднику по чести,

Но все-таки не мог сдержаться,
Чтоб шуткою не отозваться
Насчет Иисуса и святых,
И хохотал за пятерых.
А тетка Магда упрекала
Его в безбожье и ругала:
— «Чего, чурбан, там завалился?
Пошел бы в церковь, помолился,
Совсем ты к богу охладел,
Пятнадцать лет как не говел!»
— «Да что попу сказать, не знаю!
Я печь на рай не променяю!»
— «Ишь, мельница пустая, мелет!
В тебя уж черт рогами целит!» —
Серчает Магда, а Карусь
Смеется только: «Ой, боюсь!»
— «Мы в церковь, дядечка, с тобой?»
— «А что же, ходим, голубь мой!»
Антось, Костусь идут из хаты;
Спешат по улице девчата —
Нарядны, весело щебечут
И в хлопцев знай глазами мечут.
А церковь уж полна народу,
Забита так, что нет проходу.
В зеленых елках плащаница,
Дрожащий свет свечой струится;
Старухи, девки, молодницы
Усердно крестятся, вздыхают
И лбами к полу припадают.
Направо чинные мужчины
Стоят, расправивши морщины.
А Чилинов Алесь надулся,
В «деяния святых» уткнулся
И там, где слова не прочтет,
Распев на сажень поведет.
«Вот молодчина, как хватает!» —
Народ Алесь одобряет.
А подождавши сколько нужно,
Все скопом — женщины, мужчины —
Дары пасхальные в корзинах
На паперть потащили дружно.

Моленье поп свое кончает,
Кропилом, идучи, махает.
Сыры и бабки замелькали, —
Минуты этой долго ждали.
Пошли чрез поле русаковцы,
Бегут к повозкам свереновцы,
Перекликаются, зовут,
Одни других не слышат тут, —
Домой торопится народ
Набить едой скоромной рот.
Готовы и Антось с Михалом.
«Ну, разговляйтесь помалу!» —
Так всем добра они желают
И за ворота выезжают.
А люди в хатах не дремали —
Уж «аллилуйю» петь кончали.
Коня никто не понукает,
Бежит он, рыси прибавляет,
Как будто понимает тоже,
Что зря томить людей негоже.

А новый день, давно желанный,
Уж сыплет пурпур на курганы,
И солнца стрелы огневые
На взгорки падают крутые.
И тучки легкие в нарядах —
В шелках и бархатах богатых —
То в одиночку, то гурьбою,
Плывут цепочкой золотою.
«Вон едут!» — И Алесь из хатки
Бежит на двор во все лопатки.
И дети кинулись к порогу.
«Ну, вот и дома, слава богу!»
Умылись наскоро, садятся,
Давно пора уж разговляться.
Стол белой скатертью накрыт,
И всё имеет добрый вид.
Отец к божнице вскинул очи,
Берет молитвенник, листает,
«Веселый день» найти желает.
Хоть слушать дети не охочи,

Но терпеливо каждый ждет —
Ведь так бывает всякий год.
Вот братья наконец вдвоем
Нашли «Веселый день» с трудом
И сразу дружно затянули,
Как будто их кнутом стегнули.
И мамкин голос тут вступает
И тонко-тонко выпекает;
Михал же снизу гулким басом
Вдруг даст такого выкрутаса,
Что на себя аж сам дивится
(Вот, мол, учитесь, как молиться!).
Антось хоть тянет жидковато,
Но всё ж не отстаёт от брата.
А дети только усмехнутся,
Однако ждут, не шевельнутся.
К концу подходит «аллилуйя»,
И мать несет бутылку хмельную.
Все вилки дружно разбирают,
Яички лупят, нарезают
И по кусочку их берут
И, посолив чуть-чуть, жуют.
Вот батька рюмку наливает,
Глаза к иконам подымает:
«Дай бог нам этот год прожить,
Здоровым и веселым быть,
Не знаться ни с нуждой, ни с горем!»
— «Дай бог!» — ответили все хором.
И чарка добрая пошла
Без понуканий вокруг стола.
Детишек тоже не забыли,
И им по маленькой налили.
«Ну, будьте, хлопцы, молодцами!
Растите вольными орлами!»

25. ЛЕТНЕЙ ПОРОЙ

Прошла пасхальная неделя,
Пора подумать и о деле.
За борону, соху, за кнут
Берется помаленьку люд.

Вновь пахотой запахло поле;
Воронам и грачам раздолье —
Кормись личинками, жуками!
Веселый шум и понуканье
Слышны до вечера. А в небе
Под голубым его простором
Звонящих жаворонков хоры
Как будто песнь поют о хлебе
И умолкают по-над бором.
У бора же своя потеха:
Он чутко вторит чистым эхом
Напеву-посвисту дроздов,
И громким трубам пастухов,
И тихой дудке за горою.

Одна работа за другою
Плывет привычной чередою,
То на полях, то в огороде,
И вечно ты в круговороте!
Вот так, в заботах и в труде,
По доброй воле иль нужде,
Пройдет весна, настанет лето.
Тогда, что день, — вставай до света!
И огнеокая денница,
Как молодая чаровница,
Тебя обдаст лучистым смехом,
Овеет воздухом лугов,
Небес широких и лесов
И брызнет радостью по стрехам.
Но тот ее достоин встретить,
Того дарит она красою,
Кто сам умоется росой,
Кто в поле выйдет на рассвете.

За сколько дней до косовицы
Хозяин уж не спит, томится!
Достал он бабку, молоток,
Идет с косою в холодок.
Проверьте, братцы, ладом косы,
Чтоб вам не портить зря прокосы,
Чтоб не вводить людей во грех,
Косьбою вызывая смех.

Коль у кого промашка выйдет,
Наш дядя раньше всех увидит
И пальцем ткнет — мол, эх, тетеря!
Беда лентяям и растерям!
А кто не косит, а «жует» —
Того насмешками доймет,
Заденет прямо за живое,
Хоть сердце дядино не злое.
Антось великий хват и дока,
За век набил на косах око,
И коль уж купит он какую,
Считай, что выбрал золотую:
Идет легко, проворно, звонко.
Другой скорей отыщет женку,
Свою судьбу, свою красу,
Чем дядя по сердцу косу.

И стоило взглянуть, ей-богу,
Как он и ласково и строго
Косу на рынке выбирает,
Каких ей проб не учиняет!
Сперва осмотрит молчаливо
Со всех боков, не суетливо,
А постепенно, по порядку:
Носок, всё лезвие и пятку,
На марку глянет и на шейку,
Поразмышляет хорошенько.
Но это, братцы, лишь начало!
Он проверяет ногтем жало
И долго бьется над обухом.
Потом идет проверка ухом —
Звонка ли будет коска эта?
У дяди тут своя примета,
Да вот не ведаю, какая, —
Ее он трижды окликает:
«Ко-са!» — и ухом приникает.
Секрет здесь в том был, что она
Особый отзыв дать должна.
А коль она глухонемая,
Еще наш дядя способ знает:
Косу он чисто оботрет
И на рубец ей поплюет,

Потом положит поперек
Тончайший самый стебелек,
И тут коса уж правду скажет:
Добра — так вдоль травинка ляжет!

Купить косу — о, это штука!
Но есть важнейшая наука:
Ее наладить и пригнать
Да ровно-ровно наклепать.
Мастак был дядя и на это,
Он много правил кос за лето
И так наклепывал, так ладил,
Что, на его работу глядя,
Косцы лишь ахали, вздыхали
Иль молча головой кивали.

За день, за два перед косьюбою
Звон начинается с зарею,
Знакомый звон разноголосый —
Пошли клепать и ладить косы.

Настал денечек долгожданный —
Леса, пригорки и курганы
Надели алые короны
И крыши пламень солнца тронул.
Как бы паромы, чередую
Плывут туманы над водою.
А в небе блещут переливы
Всех красок, сказочно красивых,
И радость щедрую потоком
Земле и небу льют с востока.
Как чутки струны тишины!
В них вздохи ветерка слышны
И лепет листика, травинки,
И шорох рос на паутинке.
Но ты послушай, друже милый,
Что за волна великой силы
На этих струнах зазвенела
И с Немана плывет так смело?
Идут косцы, звенят их косы,
Их буйные встречают росы,

Цветы же никнут головой,
Заслышав этот звон стальной.
Косцы проходят то толпою,
То парами, то чередою,
И льется смех их удалой,
Как воды бурною весной.

Шум, ржание коней и гам —
Живой привет родным лугам!
Косцы — солдаты мирной сечи —
Выходят дню труда навстречу,
И на полоски заливные
Ложатся косы их кривые.
Пошли промеры и расчеты,
Чтоб не было потом заботы —
Закосов за межу неожиданных
На чьих-нибудь чужих полянах.

Эх, час косьбы, веселый час!
И я им тешился не раз,
И с той поры и в снах, и в яви
Мне свет Наднеманья сияет!

И вот в сиянии зари
Пошли в атаку косари,
Клинки блеснули золотые,
И травы росные, густые
Ложатся ровными рядами,
А за косцом двумя следами
Ног отпечатки остаются,
Взлетают косы и смеются.

А солнце ввысь выходит скоро,
Из безграничного простора
Струит лучей горячих лаву,
И вянут скошенные травы,
Грустней глядит земля нагая.
На луг волна идет другая:
Девчата с вилами, с граблями,
Пестрея новыми платками, —
И алый цвет, и белый — всякий,
Ну, словно в огороде маки.

Идут, прокосы разбивают,
На взгорки сено выгребают.
В честь косовицы, в честь Петровок,
Средь этих маковых головок —
Девчаток славных, яснооких,
В лугах просторных и широких
Вдруг песня начинает литься,
Светла, как тихая криница,
И грустно тает в знойном поле,
Звуча укором божьей воле.
А день горит, а день пылает.
За тучкой тучка выплывает
На дымном крае небосклона,
И с тихой думой затаенной
Они просторы озирают,
Как бы дорогу выбирают.
В лугах раздолье! Эх, раздолье!
А сколько смеху, своеволья,
Толчков, и шуток, и плесканья
На Немане в часы купанья!
Ну, разве можно удержаться
И в этот миг не искупаться?
Да где на свете есть такая,
Как Неман, реченька другая?
Он светом-серебром залит,
А берега — как аксамит.
На дне песочек желтый, чистый,
Водю сглаженный, зернистый.
Идешь к волне, что к двери рая!
Я счастья большего не знаю,
Иль знать его уж не пришлось,
Как только там, на сенокосе.
А поглядеть на луг под вечер!
Копен неисчислимо вече —
Кругом, куда ни кинешь оком,
И за дорогою далекой.
Как свежи копны луговые,
Ну, кажется, совсем живые.
У каждой облик свой и мета,
И смотрят все с таким приветом!
Возы идут с лугов зеленых
Степенно, важно, как вагоны.

Повеет ветер — дух отменный!
Мед разливают копны сена
С вином и ромом пополам,
Как плату щедрюю косцам.

А ветер чуткий, говорливый
Разносит шум и смех счастливый,
Вливая в души молодые
Желанья жаркие, хмельные.
Закат ласкает небеса,
Ткет огневые пояса
И сыплет вдаль кораллы-бусы;
Уж тучки, сняв свои бурнусы,
Надели легкие сорочки
И спать идут под полог ночки.
День гаснет, тихо замирая,
Заносит крылья тень густая.

Побудь в грозу на луге том,
Когда вдруг молнии крестом
От страха лик свой крестит туча
И силой грозной и тяжелой
Колышет гром холмы и доли!
Такой раскатистый, могучий,
Всё приводящий вдруг в смятенье,
Как страшное предупрежденье.
Взгляни тогда на эту ширь:
Трепещет-ходит луг, как вир
Иль как котел смолы кипящей,
Злорадно плещущий, бурлящий!
Ой, страдный час, горячий, тяжкий!
Бегут косцы, ну как мурашки,
Бегут девчатам на подмогу,
И стар и мал — все бьют тревогу...

А тучи выплыли неожиданно,
Хоть, правда, парить стало рано,
Их сумрачные облаченья
Повисли в небе без движенья.
Удары молний небо рвут,
Но будто бы по волшебству

Кладутся копны всё быстрее,
Всё больше ими луг пестреет.
А там, где стог под старой хвоей,
Кидает сено люд толпою, —
Горячка всех взяла такая,
Что пот аж очи застиляет.
А туча сивою грядою
Висит уж низко над землею,
Ползет сердито, космы стелет,
Блестит, трясет своей куделью
И многоглавыми клубами
Грозит, стрижет, как змей, глазами,
В бечевки вьет уже — глядите! —
Дождя серебряные нити.

А дождь шумит, а дождь гудит,
Всё ближе он, сюда спешит,
Туманом дали застилая.
Упала капля, и другая,
За ними целым водопадом
Тугие капли, словно градом,
По листьям дуба стеганули
И дальше сети потянули.
Вот молнии всплеснулось пламя
Криницей алой над лугами.
И гром-перун бичом великим,
Как некий царь косматоликий,
Оря, трясет, колотит тучи,
И луг, и небосвода кручи,
Бушует долго, с дикой злобой,
Несется над лесной чащобой
И гнева тяжкие раскаты
Опять в удар сливает клятый,
Всеоглушающий, железный,
Как будто в огненную бездну
Низвергнуть землю хочет вдруг
И всё спалить, стереть вокруг.
И дождь надвинулся стеною,
Непроницаемой, сплошною,
И хлещет накосо жгутами
Над лугом, бором, над полями.
Кругом посмотришь — вот забота!

Остановилась вся работа.
Мужчины, женщины бегом
Спешат к стогам, зарыться в сене, —
Вот это дождик, нет спасенья!
Кто прикрываясь армяком,
А кто накинувши дерюгу
Сидит, как курица, средь луга.
«Кропи нас, дождичек, стегай!
Сюда, девчата, под стога!
Бог даст от копен да стогов
К весне прибавится косцов!» —
Под дождь, под гром, под ветра гуд
Несутся шутки там и тут,
И жаркий смех, и визг девчат —
Ведь кто ж затронуть их не рад!
Но и они не уступают
И остро хлопцев подсекают —
Находчивы в ответах тоже.

В неделю, если дни погожи,
Проходит, глохнет косовица,
И только кое-где копна,
Поникнув над водой одна,
Глядит забытою вдовицей
И, скорбь какую-то скрывая,
Печалью сердце овекает.
Стога ж — итог трудов богатых —
Стоят, как панские палаты,
А луг, своей красы лишенный,
Такой унылый, оголенный,
Наводит скуку видом жалким.
Вороны, и грачи, и галки
Давно детей повыводили
И вот над лугом закружили,
Слетелися ордой шумливой:
Тут ждет их славная пожива!

Эх, скошен луг, погасли краски
Цветов, как чары милой сказки,
Что в годы грустного скитанья
И одинокого блужданья
Тебе слагают думы сами

И золотыми поясами
Твои дороги обвивают
И в горькой доле утешают.
Глядит-грустит пустая даль,
И на душе растет печаль:
Эх, лето, лето дорогое,
Ты отцветаешь, золотое! ..

Но ведь косьба — начало лета.
А сколько в нем еще привета!
Оно так щедро и богато —
Тужить о лете рановато!
Еще не раз над спелой нивой
Заря с улыбкою счастливой
Пройдет царицей по росе,
Пройдет во всей своей красе.
Еще немало дней у лета,
Немало ласковых рассветов,
Когда туманы бор скрывают,
Его вершины обнимают,
А в море жита нежно-мглистом
Вдруг заблестает свет лучистый —
Жемчужно-алый тихий свет,
Зари ласкающей привет.

Луга молчат, не видно люда,
Пошла коса дремать покуда,
Висеть под крышей на покое,
Чтобы всегда быть под рукою —
На всякий случай и потребу.
Теперь почет давайте хлебу!
Серпок кривой уж просит дела,
Подходит жито, побелело.
Свой стебель выгнувши дугою,
Свисает колос над землею,
А зернышки во все сторонки
Глядят, как шустрые глазенки,
Как будто хочется скорей им
Попасть в снопы к веселым жнеям.

И вот настал желанный час:
Зарей пригожей даль зажглась,

В лучах растаяла роса,
Свежи и ясны небеса,
Как взоры чистые детей.
Недвижна тишина полей.
Дымочек тонкий, розоватый
Уж развеивается над хатой —
Ведь надо ж печку истопить
Да и на ниву поспешить.

Пригрело солнце. Вереницей,
Как лебеди, проходят жнищцы
В платочках легких, в кофтах белых;
Их руки, ноги загорелы.
Идут девчата, молодицы,
Весельем, силой пышут лица,
Вдруг кто-то песню запеваает,
И поле сразу оживает.
И женки медленно идут,
Детишек за спиной несут —
Такая уж ты бабья доля!
Идут усталые на поле.
Пришли на узкие загоны,
Где колосочки шумы-звоны
В напев таинственный сплели,
Челом склоняясь до земли.

Горячий день. На поле душно.
Притих и ветер непослушный,
Как бы отдавшись думам-чарам;
Земля, что пекло, дышит жаром,
И пот струит лицо парное,
И губы высохли от зноя.
А жнищцы жнут и в хлебном море
Везде мелькают на просторе —
То встанет тут одна над рожью
В платочке, как цветок, пригожем,
Оглянет поле, усмехнется
И вновь с серпом своим согнется;
Другая ж там — над головою
Взмахнет проворною рукою,
Пучок колосьев колыхнется,
Дугу, как радугу, опишет,

Как след погасшей в небе искры,
И в перевясло ляжет быстро.
Посмотришь, красотою дышат
Все эти взмахи, все движенья.
По правде — просто загляденье!

Горячий день! Зной льет потоком.
Прохлада вечера далеко.
Земля сомлела от жары,
Нагрелись камни и бугры.
Кругом всё тихо, немо, глухо.
И только мушка возле уха
Гудит и вьется надоедно,
Не хуже доли нашей бедной,
Да в колыбельке лубяной
Ребенок плач заводит свой.
А кучерявые снопочки,
Над ним смыкая колосочки,
Стоят и терпеливо ждут
И будто жниц к себе зовут:
«Под нашу тень спасайтесь, жницы!
Для вас мы можем потесниться!»

А жницы жнут. Лицо горит,
Их жажда лютая томит.
Серпок мелькает деловито
И в рожь вгрызается сердито,
Под корень стебли подрезая, —
Недаром вылез из сарая.
Теперь ему быть господином.
Живей, живей сгибайтесь, спины!
И жницы глаз с серпов не сводят,
По струнам-стеблям пальцы ходят,
Горстями рожь кладут на жгут,
Снопочки на глазах растут.

Пойди под вечер ты на поле
И полюбуйся им, соколик, —
Стоят тут копны ровно-ровно,
Ну, по шнуру их клали словно!
И как они пригожи, статны,
Как шапки ладны их, опрятны!

Все, как одна — за рядом ряд,
Но все по-разному глядят,
У каждой облик свой особый.
Посмотришь — важные особы!
И заберет тебя потеха,
Тут не удержишься от смеха.
Они приветливы, скромны,
Но уважения полны
К земле, к тебе, к себе самим —
Лишь приглядишься поближе к ним!

А утро в поле, боже мой!
Начало летнего рассвета!
Эх, выйди в поле, брат, до света —
Навек запомнишь час такой!
В тиши душа твоя услышит,
Как мирно, весело всё дышит,
Как в каждом дереве, листке
И в самом маленьком ростке,
Во всем, что взор твой обнимает,
Надежда светлая играет.
Всё здесь в согласье меж собою
И радостью живет одною,
И воздух столько счастья льет,
Как будто жизни гимн поет,
Хвалу всей прелести земной,
Чтобы исчезнул мрак ночной.

Восток живет, горит, пылает,
Столбы лучей своих вздымает,
Как мать, нежит всё вокруг...
Ну как забудешь это, друг!
Чтоб завершить картины лета,
Чтоб песня уж была допета
Сполна на мой манер и лад,
Чтоб описать мне всё подряд
И под конец родному краю
Спасибо молвить, — я желаю
Вернуться в милый уголок
И хоть еще один разок
Пройтись с кошелкой по лесочку.

Тогда уже поставлю точку
И кончу с летнею порою.

Грибы мне не дают покою,
Боровики — ну просто снятся.
Мне надо с ними расквитаться.
Я чую — грех их обойти,
Привета им не принести,
Черноголовым удальцам,
Боровичкам, моим друзьям!
Какою славною семьею
Встаете вы передо мною!
Я помню летние походы
И бор с грибным его народом!

Чуть свет, нет никого кругом.
В лесу, еще объятom сном,
Своей заветною тропинкой
Спешишь тихонечко с корзинкой
Хозяек обогнать шумливых,
Бессонных, вечно хлопотливых,
И завистью их всех помучить —
Набрать побольше, самых лучших!
Потом пускай кричат они,
Что тут лишь корешки одни.

Настроит струны бор могучий
На лад веселый и певучий.
И только солнца луч червонный
Осыплет золотом короны
Высоких сосен в том бору
И кинет пурпур на кору —
Он весь вдруг вспыхнет звоном алым
И зарокочет, как цимбалы,
И только эхо задрожит,
Переливаясь, побежит.

«Марыля! Чу! Ау, Татьяна!»
— «Ау, Магдуся! Чу! Марьяна!»
— «Антоля! Тетка Михалина!»
Алеся! Зося! Катерина!» —

По лесу переклик пошел
Девчат и женщин ближних сел.
Но вот запел и бас мужской, —
Дрожит от криков бор седой.
А как смешно в лесу бывало
(Давно то, правда, миновало),
Когда сверженские девчины
И бабы шли капеллой чинной.
Глядишь — одна уже отстала
И вот пошла вопить, кричать,
По именам всех называть:
«Каруся, Палуся!
Цацэля, Марцэля!
Алена! Магдалена!
Зося! Антося!
Анэта, Праксэта!
Тетка Югася!
Бабка Кася! Ау!»
Забавно это было, право!
Как будто шла в лесу облава.

Так ходят бабы и девчата,
Приподымают мох мохнатый,
Сгребают хвою, где приник
И прячет шапку боровик.
Иная низенько пригнется,
Не ходит — ползает кругом,
Рукою шарит подо мхом,
Ну, будто клад нашла, сдается!
Искать и лазать не устанет,
То там под елочку заглянет,
То вереск тронет, то пенек,
Осмотрит каждый бугорок
И кучку листьев раздерет —
Ну всё как есть переберет!
И посчастливится порой
Тебе, бродя в глуши лесной,
Найти такое захолустье,
Где ни Авдоля, ни Маруся
Ногой ни разу не ступали,
Где голоса их не звучали.
Остолбенеешь вдруг, как врытый:

Ну прямо не грибы — копыта!
И под раскрытыми зонтами
Такими выглядят панями!
Серьезны, важны, даже хмуры,
Видать, что не простой натуры.
Стоишь безмолвный перед ними
И меришь взглядами своими.
Они ж глаза твои вот-вот
Отнимут! Ну, озноб берет!
Такой собор найдешь не часто:
Приземисты и коренасты,
Черноголовы, полнотелы,
На корешках, что скатерть белых,
Одни сидят особняком,
Иные ж, спарившись, вдвоем.
Что ни особа — свой узор,
Своя усадьба и свой двор.
Глядишь на них, и сердцу мило,
Какая-то исходит сила
От них, чарует, покоряет,
По жилам радость разливает.
Придешь домой, ложишься спать —
Они в глазах стоят опять...
Эх, утро детства, радость лета!
Навек тобой душа согрета.

26. ОСМОТР ЗЕМЛИ

Прошло в Поречье лет немало;
Оно ж не тешило Михала,
Хоть место здесь пригоже было
И привлекало, и манило
К себе лесами и лугами
И старосветскими дубами.
Да что краса без обладанья?
Порыв бесплодный и мечтанье,
Зарница в тьме глухой, суровой:
Ведь всё тут, до куста любого, —
Магната, князя Радзивилла.
А ты, пока имеешь силы,
Служи, хоть тяжко и постыло,

Из-за господского огрызка
И гнись, покорный, низко-низко!
Неужто ж вечно быть слугою,
Угрозу чуя над собою,
Что пан легко найдет причину
Холопа выгнать, как скотину?
И выгонит — ему плевать,
Не станет думать-рассуждать,
Что у тебя семья и дети,
Что негде жить тебе на свете,
Что ты в сетях как рыба бьешься
И из сетей на волю рвешься,
Что для тебя весь свет завязан,
Просторный путь навек заказан.

А где же выход? Где спасенье,
От рабской доли избавленья?
Один лишь выход есть — земля!
Свой угол и свои поля!
Земля поднять на ноги может,
Земля, как друг, тебе поможет,
Земля даст волю, даст и силы,
Земля послужит до могилы,
Земля — опора детям в жизни,
Земля — начало всей отчизны!

Михась, когда один блуждал,
Он с глазу на глаз сам с собою
Горячим сердцем и душою
Вопрос мучительный решал
О собственном клочке землицы;
И, как звезда сквозь щель темницы,
Земля звала его, манила
Своей чарующею силой.
Михал с упорством, неизменно
Шел к этой цели постепенно.
Он поскупел, и даже сильно.
Что ж? Можно есть не так обильно,
Продать запасы хлеба, сала,
Чтобы копейка перепала.
Да, надо жить еще скромнее,
Еще расчетливей, беднее,

Голодный рот замком зажать
И ничего не покупать. . .
Вот так тихонько да помалу
Собрали крохи капитала,
Чтоб хоть начать — не ворожить
И первый камень заложить
На той земле обетованной,
Привольной, где не будет пана —
Приблуды жадного и злого,
Врага, мучителя лихого,
Что людям въелся в кости, в жилы!
Колом земля вам, Радзивиллы!
Ценою долгого исканья,
Советов, споров и старанья,
Всех сил и мыслей напряженья
И неустанного стремленья
С неволей панской распроститься —
Была отыскана земляца.
Ее Михал — припомним это —
Словами пылкого поэта
Перед семьей живописал,
Хоть сам земли той не видал,
Да мало ль что! А кто живой
Входил хоть раз в тот рай святой,
Что так попы в церквах малюют,
Как будто сами в нем ночуют?

Но уж пора, пора в дорогу,
Чтоб к своему пристать порогу,
Пока желанье не остыло,
Пока охота есть и сила.
Земельку ж надо увидеть,
Чтоб не вслепую покупать,
Чтоб ладом вышло всё, толково.
Сама она пусть молвит слово,
Покажет, что таится в ней,
И это будет поважней
Пустых мечтаний, разговоров.
И вот осеннею порою,
Договорившись меж собою,
Михал с Антосем воз прибрали
И запрягли коня. И стали

В каком-то грустном размышленье,
В тревожно-смутном настроенье:
Дорога, даль и день грядущий
В туманах спрятаны гнетущих.
Эх ты, житье, житье людское!
Нет никогда в тебе покоя!
Ты — вихрь, водоворот бурливый,
В тебе погибнет боязливый,
Как щепка, как зерно пустое.
«Ну что ж, поедем?» — «Едем, брате!»
Притихли все на время в хате,
Когда вошедшие мужчины,
Сняв шапки, постояли чинно,
Склонившись перед образами.
«Прощайте! Управляйтесь сами!»
— «Счастливым путь! В дорогу с богом!» —
Сказала мать им за порогом,
Желая счастья и добра.
Мужчины вышли со двора,
На воз уселись и вздохнули
И влево к дубу повернули.
Взмахнул степенный Сивка гривой,
Потом заржал нетерпеливо, —
Видать, далекую дорогу
Почуял он, забил тревогу
И, шею выгнувши дугою,
Привычной побежал рысцою
К туманно-сизым сводам бора.
Алесь и Костусь у забора
Вослед глядели молчаливо,
И думы смутные пугливо
На грустных лицах их блуждали
И очи тенью застилали.
И показалось им, что с ними
Делились мыслями своими
И старый дуб, и этот дом,
И эта речка с лозняком,
И этот лес, и небосвод.
Чего отцу недостает?
Зачем искать земли далеко,
Коль хороша и тут, под боком!
Иль тесно, что ли? Света мало?

Работы в поле не хватало
Для их сохи, серпов и кос?
Иль непригоже в каплях рос
Цветы и травы здесь сияют?
Иль худо птицы распевают?
Зачем искать другую хату?
Леса чем хочешь тут богаты —
И дичью всякой, и зверями,
Орехом, ягодой, грибами!

Эх, простота невинных дней!
Темна тебе судьба людей.

Мужчины тоже той порою
Тревогу в сердце ощущали
И долго думали, молчали,
Поникнув грустно головою.
Но для чего гадать о том,
Что думали они молчком,
И весь их путь живописать?
Путей-дорог не сосчитать!
Они всегда свежи и новы,
И глаз, и ум занять готовы!
Их не пройти, не оглянуть,
Эх, путь далекий, вечный путь!
Но всё ж сказать необходимо
Про путников моих любимых,
Что их дорога утешала:
Пред ними Слутчина лежала, —
Сторонка, глянуть, торовата,
И люд тут, видно, жил богато,
Не зря работал, тратил силу;
Судить об этом можно было
По мельницам, большим и ладным,
По гумнам, крепким и громадным,
Хлевам просторным, сеновалам,
По тыквам, круглым и немалым,
По хатам, что, как бы в венках,
В кудрявых прятались садах,
А эти липы, тополя,
Их не обхватишь у комля!

Шумят зелеными ветвями,
Ведя беседу с небесами.
За много верст заметишь их.
«Не видел я дерев таких.
Вот у земли какая сила —
Такие башни взгромоздила!
А поле! Ровно, как ладони! —
Михалу говорит Антоний. —
Тут не захочешь в рай на небо
С такой земли, с такого хлеба!»

Всё привлекало их вниманье:
В сермягах встречные крестьяне
У хат своих с тенистым садом —
Простые люди с добрым взглядом,
Таким, что в душу проникал
И сердце путников ласкал;
И деревеньки с ветряками
И с придорожными крестами.
В просторах этих полевых
Всё, всё приветствовало их,
Как будто близкая родня.

Они уж ехали три дня,
В пути маленько колесили
(Дорога ж мерялась на мили!)
И утром росным и туманным
Достигли цели столь желанной.
Михал окинул местность оком
И к дому зашагал широко,
Идет, хозяйство озирает:
Всё старовато уж, ветшает!
И на дворе не очень ладно,
Всё пораскидано, нескладно,
Постройки будто меж собою
В раздоре жили, брали с бою
Те закоулки, где стояли,
Друг друга словно отжимали
Или лепились безобразно.
И возле хаты было грязно.
Сама же старенькая хата
Казалась слишком простоватой:

У крыши ветхой, шелудивой
Обрезы шли коряво, криво —
То мох торчит, то плешь видна,
Вся продырявилась она.
Да и труба была щербата,
Ну, одним словом, горе-хата,
Своей красою не манила.
Но ведь не в хате смысл и сила!
В ней можно навести порядок
И перестроить добрым ладом,
И станет светлой и пригожей,
А не такой калеккой божьей.
Была бы хороша земляца,
А с хатой можно помириться.
Михал еще прикинул оком:
«Э, хата — мелочь! Лес под боком».
С такими думами Михал
Кнутом в окошко постучал.
В ответ на эти стуки в хате
Сначала скрипнули полати
(Темно в ней было, как в берлоге!),
А после шлепнули уж ноги.
Хозяин заспанный, помешкав,
К окну приблизился неспешно,
Степенный, с важностью великой.
«Тут ли живет Федос Ходыка?» —
Спросил Михал, напрягши слух.
Ответ дается, но не вдруг,
Ведь человек-то незнакомый.
«Тут, тут! И сам хозяин — дома.
Скажите только, ваша милость,
Зачем, откуда к нам явились?» —
И с гостя не спускает ока.
«Мы к вам, хозяин, издалека,
Четыре мили за Несвижем.
(Михал считал Несвиж Парижем,
Известным всем на белом свете.)
Мы вас имеем на примете.
Наслышались от людей,
Что пан Ходыка, добродей,
Свою усадьбу продает».
— «Да, дело к этому идет.

Так подождите же немного!» —
И враз прошла его тревога
(Не вредно быть и осторожным
Пред незнакомцем подорожным!),
Ходыка вдруг засуетился,
Как будто сразу пробудился,
Кожух накинул, вышел в сени,
Его опаски нет и тени.
Сказал приветливо, как брату:
«Прошу вас, заходите в хату.
Да вы с конем! Так заезжайте,
Там у сарая распрягайте,
Сюда, за этот стог соломы!»
Ведет их, как давно знакомых.
Хозяин рад, и гости рады,
Меж ними нет уже преграды,
И нет ни хитрости, ни фальши,
Легко беседа льется дальше,
Минуты первой пали путы —
Сердца и души разомкнуты.
«Сюда, сюда, прошу вас, брате,
И место есть, и корму хватит:
Там, за овсяными снопами, —
Едят их мухи с комарами! —
И сено свежее, и вика, —
Не оголел еще Ходыка!»

Распряжен конь, и прибран воз.
И тут же дело началось —
Конца не видно разговору.
Всё ново и душе и взору,
Начнешь одно — всплывет другое,
Ведь надо ж про жите чужое
Порасспросить, поразузнать,
О том о сем порассуждать.
Хоть разговор и осторожный,
А выудить кой-что возможно,
Словечко иль обмолвка даже
Иной раз многое расскажет.
И стало ясно из беседы,
Какие горести и беды —
Уж лучше б людям их не знать! —

Велят земельку продавать.
«Не наградил господь сынами,
Едят их мухи с комарами!
А нет сынов — и нет подмоги,
А уж мои слабеют ноги!
Уходит силушка, браточки,
И миновали те годочки,
Когда земле я мял бока
Не хуже доброго быка.
Земля же тут, скажу, такая —
Цены ей нету, золотая!
И надобно ей только, милой,
Старанье доброе и силы!
А сил уж нет, глядите сами, —
Едят их мухи с комарами!
И я, скажу вам без стеснения,
К торговле чувствую стремленье,
И потому-то вот, дружочки,
Мои любезные сыночки,
Продать усадьбу я решил». —
Он всё так складно говорил
И так разумно и правдиво,
Что «купчики» лишь молчаливо
Ему кивали головой
Да усмехались порой.
Но, про себя догадки строя,
Как видно, думали другое:
«Ты, брат, влезаешь прямо в душу,
Не продаешь ли с вербы грушу?»
«Так заходите ж в хату, братцы!
Не грех бы нам побаловаться
Хоть верещакою с блинами,
Едят их мухи с комарами!»
— «А может быть, вы, пан Ходыка,
Коли не будет труд великий,
Сначала б показали поле?» —
Сказал Михал. «Что ж, ваша воля!
Полюбопытствуйте! Земелька,
Как перед маткой колыбелька,
Неподалеку, под руками,
Едят их мухи с комарами!

Вот на ладони вся волока,
Глядит на нас, как божье око.
Вон и лужок мой. Сено — пиво!
Вкус, братцы, у него на диво,
Заправь, так будет есть и поп!
А рожь! Ну, не поднимешь сноп!
Смотрите стебли — тростники,
Нигде не сыщете таких!
Ведь ваши минские песочки
Я знаю хорошо, браточки,
Своими их месил ногами,
Едят их мухи с комарами!
Земля тут — ох как урожайна!
Горох растет необычайно.
А гречка? Ну, кусты как лозы,
Ячмень как лес. И без навоза!
Имей охоту, силу, руки
Да чуть хлебни еще науки —
Богатство уж само придет
К тебе на двор — и хлеб, и скот,
И будешь жить без горя, паном,
Копить деньжата чистоганом.
Живут тут люди богачами,
Едят их мухи с комарами!
И даже на местах скупых,
Коли давно сидят на них».

Ходыка в поле вел гостей,
Хваля (язык ведь без костей!)
Свою усадьбу «золотую»,
Как сват девицу молодую.
Антося ж не проймешь словами,
Своими хочет он глазами
Земли пригодность распознать —
Что, мачеха она иль мать?
Тут выгода иль плутовство?
И светлые глаза его,
Проворные, ну как мышата,
Поблескивали хитровато,
По ниве рыща и лугам,
Всё испытывая тут и там.

Земли работник, а не гость,
Богат был опытом Антось!
Копнул земельку сапогом
И в руки забирает ком,
И между пальцев растирает,
И запахи ее вдыхает.
Земля и впрямь, кажись, что надо,
Но нет хозяйского пригляда.
За нею походить умело —
Она бы скоро подобрела.
«Земля запущена у вас,
Вся коркой дерна убралась
И только сорняки рождает, —
Так цену дядя ей сбивает. —
Чертополох разросся дико,
Глядите сами, пан Ходыка,
А где сорняк уж заведется,
Там урожай с трудом дается —
Земля оправится не скоро».
— «Э, плюнь, Антоний, то — не горе!
Сорняк? Ну год-другой труда —
Его не будет и следа!
Скажу по правде, братец милый:
Нет у меня на землю силы.
Она ж без добрых рук скучает —
Ей дай вниманье и терпенье
И, коль хотите, уваженье,
Зато и хлебом угощает,
И молоком, и пирогами,
Едят их мухи с комарами!»
— «Так, это так! — Михал ответил. —
Средь нас никто еще на свете
Богатства с ветерка не брал
И в будни праздник не справлял.
А всё ж на поле одичалом
Жить надо начинать сначала!
Не просто это! Тут и за год
Не изживешь хлопот и тягот!»
Михал с Антосем, сколь возможно,
Вели беседу осторожно,
Чтоб цену сбить, хоть та цена
Еще была им не ясна.

Земли ж тут было в самый раз.
Михал прикидывал на глаз,
Что может стоять это дело.
И перед ним уж поле рдело
И разливалась рожь рекой,
Ее он собственной рукой
На собственной земле посеет.
Всё видел он, чем завладеет!
Пред ним, на взгорье, чернолесье
Вздымалось гривой в поднебесье,
К себе манило, взор ласкало.
Равнинка за рекой лежала.
Река ж в ольшанике густом
Блестела чистым серебром.

Прошли мужчины по межам,
Ко всем ничтожным мелочам
Приглядываясь зорким оком, —
Решать здесь надо не наскоком,
Чтоб после плакать не пришлось!
Михал остановил Антося:
«Ну, что ты скажешь? Как решаем?
Иль подождем, иль покупаем?» —
Совета просит он, а сам
Решил уж — видно по глазам.
«Земелька эта, брат, жирна.
Как сажа из трубы черна!
Бери, хоть завязавши очи.
Вот сколько денег он захочет?
Под силу ль будет это нам
И нашим тощим кошелькам?»
И после долгих совещаний
К усадьбе подошли в молчанье.
«Прошу вас в хату! Заходите!
Что бог послал — перекусите!» —
Ходыка их в дверях встречает,
К столу любезно приглашает.
Антось к повозке устремился
И тотчас с торбой возвратился.
Вошли Михал и дядя в хату.
Вид у нее подслеповатый:

Свис потолок, перекосясь,
По щелям паутина, грязь.
И печь, и стены — всё неровно,
В углах заплесневели бревна,
Земля несглаженная, в ямах;
На подоконниках, на рамах
След червоточины заметен.
Нет! Неуютно в стенах этих!
«Ну, люди добрые, садитесь,
С дороги малость подкрепитесь!» —
Гостей хозяйка просит чинно,
Сама Федосиха — Аксинья.
А стол уж скатертью накрыт,
Сковорода на нем стоит.
Чтоб завершить достойно дело,
Хозяин, сбив сургуч умело,
Бутыль поставил. «Ну, налью!
И землю окроплю свою!»
Как только чарка раз-другой
Прошла дорогой круговой,
Все языки поразвязали
И убеждать друг друга стали,
Что люди все они простые,
Что ни лукавства, ни обмана
Терпеть в делах своих не станут,
Что мысли их всегда прямые,
Что с первых слов одни в других
Друзей почуяли своих!
А как сводить расчеты стали,
Их поцелуями скрепляли.
«Вы любы мне! — сказал Ходыка. —
Ведь сам я минский горемыка,
Хочу я подружиться с вами,
Едят вас мухи с комарами!
Я только вам, мои браточки
(Вот не дожить до этой ночи!),
Могу продать свою усадьбу.
А самому поторговать бы...
Мои вы родненькие братцы,
Хочу я свиньями заняться».
— «Браток Федос! — сказал Михась. —
О чем тут спорить целый час?

Всё! По рукам! Вот вам моя!»
Начался шумный торг. Друзья
Пошли и клясться и божиться,
Ладонями с размаху биться,
Чтобы потом при встрече новой
Дурным не обменяться словом.
«Ну, соглашайся, брат Федос!»
Федос потрогал пальцем нос,
Минуту тяжко размышляет,
Минута важная, большая.
И тихо-тихо стало в хате.
«Ну, пусть так будет, милый брате!
Согласен я, Михал! Сошлись!» —
И за руки они взялись.
Антось им руки разнимает:
«Пускай же бог нам помогает!»
— «Панами будете, панами,
Едят вас мухи с комарами!»

27. ПО ДОРОГЕ В ВИЛЬНУ

Дороги, вечные дороги!
Во тьме времен, зная, сами боги
Вас заплетали, расплетали,
Когда узоры жизни ткали.
Дороги, вечные дороги!
Вы то задумчивы, то строги,
То солнцем радуете взоры,
То, в мрачные ведя просторы,
Среди болот змеясь тоскливых,
Несчастьем путнику грозите
И ночь небытия таите
В своих запутанных извилах.

Немало я узнал скитаний,
Счастливых встреч и расставаний.
Не раз в грозу и непогоду,
Казалось, не было мне ходу,
И, глядя на свою дорогу,
Я чувствовал порой тревогу,
Печаль и горе испытал
И только зависти не знал

К тому, кто в час людских страданий
Был чужд мучительных исканий;
Кого сомненья не томили,
Тяжелым камнем не давили
И для кого весь белый свет
Есть лишь одной тележки след;
Кто средь пустых погряз забот,
Чей путь к кормушке лишь ведет.
Но тот, в ком дух живой таится,
Покоем этим не прельстится,
Простой, исхоженной, убогой
Не будет соблазнен дорогой.

Покуда круг не замкнут мой,
Я вновь хочу взглянуть назад,
Под крыши дорогих мне хат,
В тот край, навеки дорогой,
Откуда путь я начинал,
Где часто в детстве счастье знал.

Итак, за землю на початок
Три сотни отданы в задаток.
Ужель то правда, не мечты,
Что из-под гнета выйдешь ты,
И панский кнут забудешь скоро,
И дни не кончишь под забором?
Теперь уж нет пути назад.
Всё одолеть ты должен, брат!
Помехи все убрать спеши
И с тем наследством пореши,
Что от отцов тебе досталось, —
Землицы хуdorодной малость.
Крепись, коль всё уж решено,
И в голове держи одно:
Как обернуться тут ловчей,
Чтоб всё закончить побыстрей.
Возьми в дорогу, что посылно,
И в банк скорее, прямо в Вильну —
Там справки надо раздобыть
И разрешенье получить.
Об этом много говорили
И ехать дяде присудили.

Оделся дядя, как на праздник,
Хоть без затей и штук там разных:
Пиджак простого был суконца,
И тот весь порыжел от солнца;
Рубашка из холстины белой;
Шапчонка ж козырем сидела,
Хоть и знавалась часто с горем,
А сапоги он смазал здоровьем;
На посошке же за плечами
Висела торбочка с кистями,
В ней были хлеб, немного сала,
В кармане ж трубка и кресало, —
Товарищей вернее нет,
Коль табаком набит кисет!
Не скажешь, что щеголеват,
Но чист, опрятен весь наряд.
Вот дядя уж Морги проходит
И долгим взором даль обводит,
Идет на луг, на нивы взглянет,
И на душе отрадней станет,
И дальше, время не теряя, —
Дорога впереди большая.

Был занят дядя мыслью сложной:
Как сократить расход дорожный,
Когда в Столбцы прибудет он,
Как за три гривны сесть в вагон.
В Столбцах у дяди — друг служака,
Вокзальный сторож, Донис Драка;
Он машинистов знал коротко,
Кондукторша — родная тетка,
Он с кочегаром жил, как с братом,
Контрщику считался сватом,
Ну, словом, был он чуть не паном!
И с ним из одного стакана
У тетки Гени дядя пил,
И с ним же оси красть ходил.

Своими увлечен мечтами,
Как бы подхваченный волнами,
Антось усталости не знает,
С холма на холм спешит, шагает.

Но всё ж нет-нет и грустно станет,
Как на поля вокруг он взглянет,
На этот лес, во мгле туманный,
На милый Неман, на курганы,
На сосны, груши полевые,
Как будто видит всё впервые,
И дорогими сердцу стали
Своих полей родные дали,
Туман тоски на душу хлынул, —
Навек, сдавалось, их покинул.

Идет он, думами томим,
Уж лес Сустреновки за ним.
Идет по гати, по болоту. . .
Ложится солнца позолота
На край лесов полоской алой,
И ночь крылом своим усталым
В низинах землю укрывает,
Ей сны-виденья навевает.

Вот кончен лес. Столбцы уж близко.
Туман на озеро лег низко.
Вода у мельницы шумит,
Машина издали пыхтит.
А там, за озером, как струнка,
Тянулась ровненько чугушка.
Вот переезд давно знакомый,
Правей — вокзальные хоромы.

Всё там волнуется, кипит,
Служилый люд снует, спешит,
Гудит, как будто в улье пчелы,
И ходят шумно балаголы,
Каменотесы с молотками,
Торговки бегают с мешками.
А в фонарях огни дрожат!
Торговцы спорят и кричат,
В грудь ударяют кулаками,
Как будто бой у них идет.
А дядя трубочку сосет, —
Уже вторая догорает! —
Сидит и друга поджидает.

«А, брат Антоний!» Дядя глядь —
Дружка-то уж не надо ждать:
Он сам к нему шагает чинно,
Пропахший нефтью, керосином.
«Здорово, Донис! . . — Встрече рад,
Антоний шепчет: — Вот что, брат,
Ты подсоби мне, коль возможно! . . —
При этом дядя осторожно
Пригнулся к Донису, замялся.
Но Донис сразу догадался,
Какого ждет Антось ответа. —
Так вот, нельзя ли. . . без билета
Проехать в Вильну на машине?»
— «А вот постой, народ отхлынет,
Пройдет курьерский, и тогда
Скажу я Власу, в чем нужда.
Не беспокойся! Всѐ обладим,
Хоть на товарный, а посадим».
— «Так ты, брат Донис, постарайся!»
— «Уж ты мне верь, не сомневайся!
К базару с козами поспеем!»

И в ту ж минуту лютым змеем
Летит курьерский. Задрожали
Все стекла в окнах на вокзале,
Народ весь к поезду метнулся,
И дядя наш — не оглянулся,
Как и его людской поток,
Ну словно щепку, **поволок**,
Неслись, как будто гнал их ужас!
Тут наш Антоний, весь натужась,
Крутнулся, плечи распрямил,
Чуть с ног извозчика не сбил
Да пана придавил немножко,
Зато в толпе пробил дорожку.
Хоть брани было тут немало,
А всё ж кругом просторней стало.

Звонок, другой и сразу третий,
И дрогнул поезд, будто черти
Ему сердито дали в бок
И, сыпля ярких искр поток,

Со страшным скрежетом заржали
И, дым пуская, вдаль помчали.
Вокзал пустел, люд расплзался.
Один Антось еще слонялся.
Болели ноги, никла сила,
А сядет чуть — ко сну клонило.
«Ну что, Антоний? Рыбу удишь?
Заснешь ведь так, что не разбудишь!
Идем, брат, выпьем, погуторим!»
Друзья выходят шагом скорым,
Сидят за пивом, рассуждают,
О прежних встречах вспоминают.
Исполнил слово Драка Донис,
И скоро дядя сел на поезд.
В Барановичи до рассвета
Приехал мирно без билета.
Знать, начал путь он в добрый час,
Всё гладко шло, как на заказ:
Кондуктор не плохой случился —
Поторговавшись, согласился
Везти до Вильны дядю сходно.
Вздыхнул тут наш Антось свободно,
Но всё ж в вагон шагнул тревожно
И огляделся осторожно.
Кондуктор в угол тыкнул пальцем,
И вот поехал дядя «зайцем».
А солнце между тем всходило,
На взгорбях нивы золотило,
И белою молочной мглою
Туман повиснул над водою.
Вагон битком набит народом.
А поезд мчится полным ходом,
Пылит, Антось чихает так,
Как будто нюхает табак.
Прошел кондуктор и глазами
Скосился на суму с кистями.
Пригнулся дядя в уголке
И крепче торбу сжал в руке.
Совсем не спал он прошлой ночью,
На свет глядеть не в силах очи.
А голова сама гуляет
И такт движенья отбивает:

То вниз сползет, то вверх рванется,
То вправо, влево вдруг крутнется,
То в стенку брякнет, как шальная,
Как только шею не сломает!
Вот так на свадьбе молодуха,
Когда проймет ее сивуха,
Забудет всё и в пляс широкий
Пойдет, лихая, руки в боки,
Земли не слышит под ногами
И плещет в такт себе руками.
От дум очнулся дядя наш:
Вдруг подошел к нему «лягаш»,
Под бок толкнул его рукою
И шепотом позвал с собою.
Антоний подскочил проворно
И за кондуктором покорно
(Одна веревка их вязала!)
Подался, заспанный, усталый.
Пройдя сквозь узкий коридор,
Кондуктор зашипел, как вор:
«А ну, сюда вот, лезь сейчас же!
Я буду сам стоять на страже.
Идет контроль. Ты притаись,
Сиди тишком, не шевелись,
Не кашляй, палкою не стучай!»
Покончив с мудрою наукой,
Кондуктор пломбу отгибает
И тихо дверцу отмыкает:
Засунул гвоздь, ключом крутнул,
А дядю шилом страх кольнул,
Губа аж ходит над губой,
Как у кобылы молодой.
Кондуктор в дверцу «топки» ловко
Загнал Антося чуть не силой
(Ох, господи, совсем могила!)
И запер там, как в клетке волка.

Шагнул Антося, остановился,
Кругом черно, как в ад спустился,
Стоит оторопев, бедняга.
«Куда ты впер меня, бродяга!

Чтоб ты пропал с своей норою
И с этой чертовой ездой! —
Ведь надо ж, в тьму такую сунул! —
И дядя в угол злобно плюнул.
«Куда плюешь, чурбан еловый!
Ведь тут же люди! Безголовый!
Ослеп ты, что ли?» — крикнул кто-то.
Антоний весь покрылся потом,
Но скрыть испуг свой постарался —
На крик спокойно отозвался:
«А кто ж велел тут господину
Свою подставить образину!»
Теперь лишь дяде видно стало,
Что «зайцев» в клетке с ним немало.
Они давно тут, видно, скрылись
И потихоньку шебуршились.
Всё было здесь черно от сажки,
Носилась пыль плотнее пряжи.
Одно оконце небольшое
Глядело тускло, как слепое.
А теснота — ни стать, ни сесть,
С трудом вперед он смог пролезть
И кое-как уж примостился
С своею торбою у печи,
Расправил грудь, раздвинул плечи,
Вздыхнул и закурить решился.
Поставив палку рядом в угол,
Антось из трубки выбил уголь,
Продул и смрад пустил такой,
Что рядом пассажир седой —
Давно уж он на дядю дулся, —
Шмыгнувши носом, отвернулся.
Но дядю это не смущает,
Табак он в трубку насыпает.
Табак был свой, не покупной,
И горло драл, как бороной
(Иль, как говаривал Демьян,
Бил крепко в темя, что чурбан!),
Такой здоровый, аккуратный!
И не один курильщик знатный,
Его дымку хлебнувши рьяно,
Как будто спирту из стакана,

Чихал и кашлял с полчаса
И ошалело тер глаза.
Табак тот дядин знаменитый,
Ну, словно черт какой сердитый!
Достать кремень — одна минута,
Антось размял щепотку трута,
Из камня брызнули искринки,
Как золотистые пылинки;
Антоний трубку в рот берет,
Чубук хрипит, пищит, поет,
И дым большущими клубами
Повис у дяди над усами.
Как только трубка разгорелась —
Курить давно ему хотелось, —
Дал волю он привычке жадной,
Затяжкой наслаждаясь изрядной,
И как из печки дым пускает,
Спасенья нет — носы срывает.
И мух тем дымом проняло,
В тревоге бьются об стекло.
А «зайцы» просто застонали
И дым руками отгоняли.
«Ой! Задыхаемся! Спасите!
Хоть нашу старость пощадите!»
По коридору в этот час
Кондуктор проходил как раз,
В дверь застучал он кулаками:
«Эй, слышишь ты, сума с кистями,
Какого черта там дымишь?
Ты весь вагон мне засмолишь
Проклятым табаком своим!
Уж через дверь пробился дым!
Ну и табак! Аж валит с ног,
С него б и дьявол занемог!»
Контроль прошел. В вагон обратно
Пустили «зайцев». Так приятно
Теперь тут дяде показалось.
Пред ним равнина расстилалась
Полей, засеянных хлебами.
Загоны стройными рядами
Глаза Антосю веселили,

Своим нарядом взор манили
И расступались пред машиной,
Как кавалеры пред девчиной
Иль как пред свекром молодицы.
Машина ж, вольная орлица,
Летит стрелою, грозно дышит
И синим дымом в небо пышет.
И что ни миг — из светлой дали
Картины новые вставали:
Столбы мелькали верстовые,
Дорожки, стежечки кривые,
Что средь полей, покрытых рожью,
Тянулись ленточкой пригожей.
Мелькали села и заборы,
Сады, курганы, косогоры. . .
«Какой разгон и ширь какая! —
Дивится дядя, рассуждая. —
Конца им нет, и нет им края!
Но всей земли простор великий
Принадлежит царю-владыке,
Первейший он богач на свете,
Слывет отцом, но бедны дети, —
Они свой хлеб едят с мякиной
И «зайцем» ездят на машинах.
Дворцы какие, боже милый!
А всюду бедный люд унылый
Кишит в полях и нищих селах».
И вздох придавленный, тяжелый
Готов с мужицких уст сорваться,
На голос мысли отозваться.
«Эх, всюду жмет людей нужда!»
И вспомнил дядя наш, куда
И для чего он в путь пустился,
И грустью взор его затмился.
Что их на новом ждет пути?
Как долю лучшую найти?
Пока почуешь каплю силы,
Банк вымотать успеет жилы
Налогом, гербовым ли сбором,
С ним расквитаешься не скоро, —
Не раньше, как оставит голым. . .

С такую думой невеселой
Антось наш к Вильне подъезжает,
Свою одежду оправляет.

28. дядя в вильне

Вагон еще катился, грохал,
А началась уж суматоха:
Багаж хватают пассажиры,
Шныряют темные проныры,
Паны снимают чемоданы,
Коробки, где духи, румяна
И прочий женский скарб хранится,
Чтоб их паненкам молодиться,
Скрывая хитростями моды
Подвохи матери-природы.
Средь люда разного и панства,
Средь шляп и прочего убранства
И дядя виден в скромном платье —
В сермяге, в шапочке-оладье.
Машина стала. Валит валом
Народ в туннеле под вокзалом,
И дядя тут же трется сбоку,
От армяков неподалеку.
Антось еще не видел сроду
Такого скопища народу —
Панов, чиновников богатых,
Таких толстенных и пузатых,
Что можно булку съесть для спору,
Пока объедешь эту гору.
И выступают все тузами,
Не видят ног под животами.
Под ними даже камни гнутся,
Как студень, шеи их трясутся.
Ну и панов! Ох, боже милый.
Какие гладкие всё рыла.
А что за бороды, усищи, —
Для пугала страшней не сыщешь.
На огород поставь такого —
Вороны сдохнут, право слово.
И нет им ни конца, ни края.
Глазеет дядя, размышляя.

Лоснятся щеки, как под лаком,
Видать, едят и пьют со вкусом.
И панночки на крыльях вроде,
Кажись, летают, а не ходят —
Так деликатно, так красиво,
Как мотылечки, право, диво.
Да что ж и делать им другое,
Как не порхать веселым роем, —
Растут, цветут в довольстве, в холе,
С серпом идти не надо в поле,
Где вся краса твоя линяет,
А ржище ноги пробивает.
Идет наш дядя и боится,
Чтоб как-нибудь не оступиться,
Не отдавить прохожим ноги
И не спихнуть кого с дороги.
А сапожищи, как назло,
Ступают, черти, тяжело,
Гремят, как конские копыта,
На весь вокзал, такой умытый.
Дивился дядя наш немало
Устройству хитрому вокзала:
Как всё прилажено тут славно,
Как чисто прибрано, исправно,
А сколько блеска, полировки,
Ступеней, переходов ловких.
Вверху ж, над самой головою,
Бегут вагоны чередою.
Тут чей-то хитрый ум старался!..

Туннель отсюда разветвлялся,
И вал сермяжного народу
Направо ринулся к проходу.
Паны ж налево важно шли,
Где оскорбить их не могли
Ни запах дегтя, ни корчаги,
Ни вид заплатанной сермяги.
На площади перед вокзалом
Антосю ж прямо тошно стало.
Ну, пекло! Шум неугомонный,
А воздух затхлый и зловонный.
Народ толчется возле конки,

По камню бьют подковы звонко,
Гремят повозки и колеса,
До неба гомон стоголосый.
И эти звоны, грохот, крики,
Сливаясь в общий гул великий,
Терзают с непривычки ухо
И бьют по сердцу тяжко-глухо.
Народ снует, как на пожаре,
Ну, просто гнутся тротуары.

Эх, божий люд! Какая сила
Тебя здесь вихрем закрутила?
Зачем тут бьешься и шумишь?
Какую в сердце боль таишь?
Куда ведет твоя дорога?
И отчего печаль-тревога
На лоб морщины наложила?
Глядишь на божий мир немило,
И нет в твоих глазах привета,
Как будто ты не видишь света! . . .
Течет народ, как волны в море,
Как тучи в небе на просторе, —
И старики и молодые,
Друг другу дальние, чужие,
Идут несметной чередою,
И каждый занят лишь собою.
С толпою дядя наш смешался,
Зерном меж зерен затерялся.

Антось в лесах, в борах бывал
И голос дебрей понимал,
И со столетними дубами
Знавался близко, как с друзьями.
А тут один, для всех чужой;
На камне камень, пыль и зной,
Не видно неба за домами,
Всё загорожено стенами.

Шагает дядя, не спешит,
Один за пятерых гремит.
А где ж тот банк, спросить он хочет:
Тут прошатаешься до ночи,

Задаром время проведешь,
А сам туда не попадешь.
Но к людям страшно подступиться,
Спросить прохожих он боится,
Все смотрят чванно и сурово,
Ни одного лица простого.
Вот мужика бы повстречать,
Да тут нигде их не видать.
И дядя начал озираться,
Чтоб у кого-нибудь дознаться.
Один уж раз он сделал пробу,
Спросил какую-то особу,
Она Анто́сю так сказала,
Что лучше б рта не разевала.
Тут дядя шагу прибавляет,
С кокардой пана нагоняет,
Бочком подъехать норовит,
Но гордый пан и не глядит,
Идет себе и знать не хочет,
Как дядя вокруг него хлопочет.
Антось же чуточку пригнулся,
Рукою к пану прикоснулся:
«Скажи, паночек, как далеко
Земельный банк?» Недобрым оком
На дядю глянул пан суровый:
«Спроси о том городского», —
И шагу, рассердясь, прибавил,
Как будто дядя обесславил
Его мужчицкими словами
Перед вельможными панами.
«Ишь навострил, гляди-ка, лыжи,
Как от причастья черт бесстыжий», —
Антось беззлобно усмехнулся
И на прохожих оглянулся.
Помалу дядя стал свыкаться:
«Да что? Чего мне здесь бояться!»
Пошел вольней, глядит смелей,
На сердце стало веселей.
Глаза он кверху поднимает,
На лавках вывески читает, —
Недаром же когда-то в школе
Учитель дядей был доволен.

Да зачитался он не в меру —
На столб наткнулся, на холеру,
Ударился с разгону лбом,
Аж белый свет пошел кругом.
Слетел с панели, как шальной,
Крутясь на пыльной мостовой.
Чуть-чуть манерку не расквасил
И пылью сам себя украсил.
Но всё ж быстрехонько вскочил,
Глаза таращит — угодил,
Совсем как глупый окунь в нерет, —
Не разберешь, где зад, где перед.
«А чтоб вас дьяволы спалили,
Столбов без счету понабили!» —
Антось бранится сам не свой,
Сбивая с шапки пыль рукой.
Очнувшись, дядя оглянулся
И видит, что в тупик уткнулся.
И спереди и сбоку — стены. . .
И шагу не шагнешь, как пленный.
Пропала улица куда-то,
Толчется дядя наш помятый,
Нет ходу из угла глухого,
Ну, хоть зови городского.
Кой-как всё ж выбрался, бедняк,
Усталый, красный, словно рак.
Бредет и город проклиняет.
Зашибла злость его такая,
Вот взял бы, кажется, соломы
Да подпалил подряд хоромы,
Что все пути загородили
И белый свет ему затмили.

Минуты шли. Из переулка
На свет он выбрался, где гулко
Носился шум, и лязг, и крики,
Где город пел многоязыкий.
Уж дядю чтение не манит,
Он больше под ноги глядит.
Лишь иногда посмотрит вбок —
Не видны ль шашка и свисток.

Как будто бога, ищет дядька
В толпе блюстителя порядка.
А вот и он. Стоит, здоровый,
И смотрит поверху сурово,
Ну, впрямь тебе пастух над стадом,
Следит, чтоб всё вершилось ладом, —
Губернский город как-никак.
На мостовую сделав шаг,
За шапку дядя наш берется.
«День добрый, — молвит, как ведется.
Еще поближе подступает
И шапку вежливо снимает. —
Скажите, где тут банк? Уважьте.
Мне по земельной нужно части».
— «А вот пойдешь ты, человек,
Костелу этому навстречу,
Там будет улица направо, —
Заговорил служака бравый, —
Ты правой улицы держись
Да внозь спроси, а не кружись,
А там и банк совсем уж близко».
Антось опять склонился низко.
«Вот это человек иной, —
Подумал дядя, — как родной!
Коль дело кончится счастливо,
Ему поставлю пару пива,
Есть и закуска — ломоть сала».
И дяде снова легче стало.

Еще протопав три квартала,
Переспросив людей немало,
Антось уперся в двери банка;
Ступени чистые, что склянка,
Широкий шаг его сдержали
И страху на душу нагнали.
Но дядя страх перемогает
И шапку загодя снимает,
По чистой лестнице мурашкой
Ползет наверх, вздыхая тяжко.
Душа, забитая веками,
Уж чует страх перед панами.

В просторной, чистой, светлой зале
Паны туда-сюда сновали,
Цигарки длинные курили,
Развязно, громко говорили.
Коль уходить кто соберется —
Прислужник тут уж бесом вьется,
Одежду мигом подает
И смотрит пану прямо в рот.
А пан, приняв пальто и трость,
Сует ему монету в горсть.
Прислужник чуть ли не присядет,
Аж смех берет, на это глядя.
Но видно сразу — и паны
Не все тут меж собой равны:
Одни пузаты, ходят валко,
Другие ж тощие, что палка;
Одни с горы на всех взирают,
Другие ж глаз не поднимают. . .
Но, кроме панства, в той же зале
Смиренно мужики стояли
В углах с людьми простого званья,
Сюда пришедшими заране.
Они негромко гомонили,
И дядя втиснулся меж ними.
Соседей всех окинув оком,
Антось к стене приперся боком.
«Садись-ка, друг хороший, рядом,
Тут за постой платить не надо», —
Сказал сермяжник добродушно.
Антось на лавку сел послушно,
Взглянув на доброго соседа,
Уж пожилого, чуть не деда.
Пошли вопросы — к слову слово:
Откуда, кто, села какого,
Какой губернии, повета.
«Я вот приехал с краю света,
Из-под Столбцов, слышали, может?»
— «Не привелось. . . Велик свет божий».
— «А вы откуда?» — «Из-под Лиды,
Село Великие Демиды
(Он Гришкой Вересом назвался);
Вчера весь день тут проболтался, —

Пустое дело у меня,
А года два идет возня.
Уж пробовал и так и сяк,
И всё не справлюсь с ним никак.
Эх, милый мой, нам за панами
Не видеть правды. Кто с деньгами
И мажет сбоку — те не ждут.
Уж так, сосед, ведется тут».

Чиновничьи он ведал сети,
Недаром мыкался на свете,
Ища земли себе с друзьями,
Частенько знался с писарями.
«Из банка нужно разрешение,
Пишите, милый мой, прошение.
Я знаю писаря такого,
Он это сделает толково,
Любую грамотку за злотый
Напишет с полною охотой».
— «Ах, пане Верес, вам, как другу,
Сто раз спасибо за услугу,
Ведь тут пока чего добьешься,
Так и от жизни отречешься».
— «Ну что ж, пойдём». Встают, выходят.
По господам глазами водят.
И перед столиком пустым —
Никто не восседал за ним,
Лишь склянка с донышком широким
На нем стояла одиноко —
Друзья остановились тихо.
«Вам что?» — спросил их кто-то лихо.
То был сам писарь. Староватый
И росту малого, косматый,
Перед друзьями он возник,
Как гриб поганый дожdevик
В осенний день из-под земли.
«А мы-то к вам как раз пришли», —
Вперед тут дядя выступает
И просьбу кратко излагает.
«Одну минуту, подождите,
А вот вам кресло, отдохните», —
Он вынул лист бумаги гладкой

И с чисто писарской ухваткой
Перо за ухом ухватил,
Чем дядю сильно удивил.
Потер, нахмурясь, лоб рукою,
Подергал носом и губою,
Так покуражась для прикрасы,
Стал выводить он выкрутасы.
Антось почтительно взирает
И злотый в кулаке сжимает.
«Ну вот, прошеньице готово:
Всё тут как надо, слово в слово.
Вы, может, грамоте учились?»
— «Да уж подпишем, ваша милость», —
И дядя пальцы разгибает,
Берет перо, в бутылъ макает,
Но пальцы-грабли боязливо
Зажали ручку боком, криво.
Покуда наш Антось трудился,
Он весь испариной покрылся,
Ну словно летнею порою
Весь божий день махал косою.
«Отметку надобно теперь,
За ней пройдете в эту дверь», —
Кивает писарь головою.
И дядя, сгорбившись, трускою
Пробрался к двери, заглянул,
Прошенье трубочкой свернул.
А там за длинными столами,
Уткнувшись в груды дел носами,
Сидят писцы, как грязи кучки,
Скрипят их перья, ходят ручки.
Трещат, как шашели в полене
Иль как кузнечики на сене.
И всяк своим завален делом.
Антось вперед ступает смело
К тому столу, что был поближе,
Подходит к бородище рыжей
И перед тою бородою
Опять сгибается дугою.

Чиновник пробурчал сердито,
Как жирный боров у корыта,

Но всё же проглядел листок
И почесал пером висок.
«К тому столу, налево третий, —
Мотнул он рыжею метлой
И вновь в дела зарылся, злой. —
Откуда лезут эти черти!»
А дядя далее шагает
И снова голову склоняет
Уж перед третьим полупанком
И ждет, согнувшись как баранка.
Чиновник только вскинул оком
И, повернувшись к дяде боком,
Пером забегал по бумаге, —
Уж здесь такой почет сермяге!
Стоит Антось наш, не отходит:
«Ну что ж, пускай пером поводит,
Тут крыша есть, не на дождю,
Не пан я, малость подожду».
Вновь глянул писарь, негодуя,
На дядю, как на тещу злую,
И вновь в свои бумаги ткнулся,
А дядя и не шелохнулся.
Чиновник наконец вспылит:
«Тебе что надо тут?» — спросил
Сердитый, полный нетерпенья.
«Насчет землицы, вот прошенье», —
Ответил, не смутясь, наш дядька,
Да так приветливо, так сладко,
Что писарь только морду скорчил.
«Придется ждать, вопрос не срочный,
Приди часа так через три. . .»
Антось вздохнул: «Эх, черт дерит!
Ах, выжига ты, вор проклятый,
На взятку, видно, все вы хваты.
Не жди добра от лиходея,
Три чирея тебе на шею!
Водили бы тебя слепого,
Как водишь за нос ты другого!»
Но как ни клял Антось пиявку,
А всё же отдал рубль за справку.

«Ну что ж! — окликнул дядя Гришку. —
 Пора нам сделать передышку
 Да подкрепиться мало-мало,
 Я захватил из дому сала,
 И хлеба добрый кус со мною —
 Чего он сохнет сиротою?»
 — «Перекусить бы не мешало,
 А то уж в брюхе заурчало,
 Теперь, брат, чарочку пульнуть —
 Что в рай при жизни заглянуть».

Друзья встают и шагом важным
 Выходят на проспект отважно,
 А там панов — хоть пруд пруди,
 Ну, словно в праздник, — не пройти.
 Откуда понабралось их,
 Важнецких, прибранных таких?
 И так одеты, так побриты,
 Что и Раковский знаменитый —
 А чтоб издох он! — просто голь
 В сравненье с ними, чистый ноль,
 Ну прямо пес какой-то Лыска,
 К ним подойти не смеет близко.
 Боишься глянуть — пред тобою
 Вдруг князь с графинею какою!
 Идут с прохладцей, деликатно,
 Воркуют меж собой приятно!
 А то вдруг генерал шагает,
 Его вся Вильна, верно, знает.
 А грудь сияет, как картина,
 А что за взгляд, а что за мина!
 Ну ж и панов! Не дай ты боже!
 Антось едва сдержаться может, —
 Пускай нечистый им приснится! —
 Чтоб тем панам не поклониться.
 Над дядей Верес засмеялся:
 «Ты не гляди, что он прибрался,
 Навесил галстук и манишку,
 А вот раздень его, братишку, —
 На нем рубахи нет худой,
 А на цепочке — вошь с блохой.

По виду пан — осанкой, взором,
А спит, наверно, под забором.
Одним живет: где что урвать...
Их тьма — заваливай хоть гаты!»
Чем больше дядя озирался,
Тем всё сильнее изумлялся:
Бегут, спешат... Ну, мешанина!..
Блистают окна магазинов,
А сколько тут труда чужого,
А сколько горя в нем людского!
Какие брички и кареты!
И для кого вся роскошь эта?
Не по себе Антосю стало...
Иль роскошь ядовитым жалом
Его нечаянно пронзила
И зависть в сердце пробудила?
Иль это бунт был против барства
И власти панской и коварства,
Что делят люд, его судьбины
На две неравных половины —
На голытьбу и богачей:
Одним блуждать во тьме ночей
По грязным улицам, задворкам
В глухой тоске, в раздумье горьком,
Весь век бесправными, слепыми,
Во мраке лжи и в горьком дыме,
Терпеть покорно и молиться
И с этой долею мириться;
И вся надежда на спасенье
И на конец того мученья —
Настанет он когда-нибудь! —
В могиле навсегда уснуть.
А для других — тут вечный рай,
Всю жизнь танцуй себе, гуляй;
А ты — ломай свой горб, служи
И должный страх в душе держи!

«Ну, брат, и город! Вотдомищи!
Так вот куда идут деньжищи:
Какие башни и костелы,
И как их только держат долы!

Смотри, смотри — и глянуть жутко
На гору ту с кирпичной будкой.
Оттуда б посмотреть на город!»
И дядя, позабыв про голод,
Уж подбивает друга Гришку
Взойти на эту гору-вышку.
Как вознеслась она высоко
И как манит, ласкает око!
А скат горы такой зеленый,
Каштаны, липы там и клены
Одним виднеются кустом,
Одним сверкающим шатром!

Проспект, костел друзья минули
И в сквер зеленый повернули,
В тени развесистых деревьев
Дорожки вьются меж цветов
Такие чистые, ну чудо!
И много тут бродило люда,
Но больше, смотришь, молодые,
Все истомленные, худые.
Паны нарядные, девицы,
Со станом тонким, бледнолицы,
Гуляют тихо по дорожкам,
И черевички на их ножках
Скрипят, как будто припевают,
Точь-в-точь копытцами мелькают.
Глаза опущены стыдливо,
Совсем ягнятки, божье диво!
А паничи снуют стрижами,
Стреляют в тех девиц глазами
И льнут, как пчелы к сладкой гречке,
Как мотыльки к зажженной свечке.
На длинных лавках пожилые
Паны расселись, как святые.
Богато все они одеты,
Читают книги и газеты.
Антось глядит с почтеньем строгим
И уж без страха по дороге
Идет, освоился с панами,
Постукивает сапогами!

Друзья из сквера вышли скоро,
Налево своротили — в гору.
Вдруг страж из будки вопрошает:
«Куда? Чего вас бес гоняет?»
— «Мы на гору», — друзья в ответ.
— «А вам известно или нет,
Что здесь бесплатно вход заказан
И, кто идет сюда, обязан
Билет купить — такой порядок?»
Друзья уперлись — жаль денегжато!
В чуприну руки запускают
И так и этак размышляют:
«За что ж платить тут, неизвестно!
А всё же глянуть интересно,
Какой на всё там сверху вид?»
И дядя стражу говорит:
«А за билет возьмешь ты сколько?
Один разор тут в Вильне только!»
— «Всего шесть грошей. Заплатите,
Тогда, пожалуйста, идите».
— «Где наше, брат, не пропадало,
Терпи, лиха беда — начало!»
Друзья, смирясь, билеты взяли
И бодро в гору зашагали.
«Ого, гора, как печь, крутая,
С того и тропка винтовая
По самой кромке кверху вьется,
Полезь-ка прямо — дух займется!»
— «Ну, брат, гора, аж ноги млеют», —
Друзья идут и веселеют.

Они на верх горы забрались,
Едва-едва там отдышались,
Невмочь уж шевельнуть ногами.
Зато и вид перед друзьями
Открылся славный с этой вышки!
Залюбовались дядя с Гришкой!
Огромный город, плотно сбитый,
Полднемным солнышком залитый,
Всё занял; как ни глянь, кругом
Строенья жались к дому дом,
То вдоль, то поперек — рядами,

То закрывались вдруг садами,
А то пригорком крутобоким.
Кой-где надменно, одиноко,
Стеснив лачуги, как овец,
Вельможей высился дворец.
Лачуги толпами стояли,
Как бы друг другу помогали
В несчастье горьком и в трудах, —
Казалось, их тиранил страх.
А меж громад, как между грядок.
Держа особый свой порядок,
Вились проулки так и этак
Густою тканью темных клеток.
С холмов, высоко над домами,
Позолоченными крестами
Блестели церкви и костелы,
И говор звонниц их веселых
Носился в небе ярко-синем
И замирал здесь на вершине.
Налево в берегах высоких,
Среди камней, кустов, осоки,
В русле песчаном, словно змейка,
Бежала шустрая Вилейка
И, закрутившись вдруг петлею,
Терялась сразу за горою.
А справа, ринувшись с размаху,
Вилась другая речка шляхом,
Под солнцем радостно блестя, —
То Вилия, Литвы дитя.
Она катилась меж обрывов,
Чаруя красотой извивов,
Как серебро живое, волны
Играли на просторе вольном.
Так майским днем дрожит листьями,
Облитый знойными лучами,
Зеленый клен, шумя, сверкая,
В огне листву свою купая.
А за рекою, как шнурок,
Деревьев виден был рядок,
Как бы по мерке — ровный, строгий,
Ну, словно на бумаге строки.
Дома — кирпичные громады,

Дворцы и пышные посады,
Крутые горы с желтым скатом,
Песком и глиною богатым,
Весь правый берег обступали,
И в речке тени их дрожали.

А там, за городом далеко,
Приветно, радостно для ока
Холмы желтели в синей дали.
По их отложистым извилам
Гуляли ветерки по нивам
И тихо жито колыхали,
Как мать, склоненная над зыбкой,
Ребенка пестует с улыбкой.
Друзьям слышались живые
Напевы, сердцу дорогие.
Там их душа, и там их думы,
Им дальше хочется от шума
Трескучих улиц, переулков,
От пыли, смрада закоулков.
Но здесь дышалось им спокойно.
Чуть долетал сюда нестройный
Далекий шум чужого мира,
Где было им так смутно, сиро.
Гора спокойная молчала,
Казалось, тайну сохраняла.
«Ну что, Антось, уж надивился? —
От дум вдруг Верес пробудился. —
Пора давно в трактир податься,
А то кишки поют, признаться».
— «Пойдем. Смотри хоть до полночи,
А всё, брат, не насытишь очи!»

Друзья еще чуть постояли
И вниз обратно зашагали.
«Постой! А там что?» — «Пушка это!»
— «А что ж при ней солдата нету? —
Промолвил дядя. — Иль худая?
Или фальшивая какая?
Давай посмотрим, что за диво!»
Друзья свернули торопливо,

У старой пушки важно встали
И долго-долго размышляли.
Глядели сзади и с боков,
Сказали много разных слов.
А дядя глаз не отрывает,
Всё ближе, ближе подступает,
Хотел ее уже погладить.
«Не тронь, не тронь, а то рассадит!
Пускай она уж лучше сгинет,
Зацепишь дуру — так, брат, двинет:
И очи выхлестнет, и кишки,
Забросит к бесу на Лукишки.
Уж я-то знаю эти штуки!»
В испуге, словно от гадюки,
Рванул от пушки дядя руки,
А Гришка ну вовсю смеяться:
«Пойдем, брат, лучше угощаться!»

30. СМЕРТЬ МПХАЛА

Конец! . . Простое это слово!
Но как глубоко, вечно ново!
Как часто мы под гнетом муки,
В тоске воздев глаза и руки,
Зовем освобожденья миг!
Счастливый миг! Уж никаких
Нет на тебе цепей и пут.
Конец — и некий круг замкнут,
В небытии он исчезает,
Другому место уступает.

Конец! . . Как много размышленья
И неизбывного томленья
В простом и страшном этом слове,
Что нашей жизни прекословит,
Когда последнею межою
Ложится грань между тобою
И тем, что дорого и мило,
Что душу грело, веселило
И пело сердца глубиною,
Как гимн в устах ручья весною,
Когда раскованной водой,

Где солнце тешится собой,
Шумит он, вольный и смятенный,
Громкоголосый, белопенный.
И ты, мое повествованье,
Ты, отблеск жизни и страданья,
Ты, след далекой бедной доли,
Ты, отзвук правды, отклик воли,
Ужеходишь к окончанью.
Утихнет лиры звон тоскливый,
Закат твой близок молчаливый,
Последний шаг твоих скитаний.
И грустно мне: я жил с тобою
Одною думою, душою,
Носил тебя, как носит мать,
Пред тем как жизнь ребенку дать.
Рождалось ты на свет бурливый
В срок многотрудный, несчастливый —
Еще далекою весной,
За мрачной каменной стеной,
В остроге, вольных дней не зная,
Когда над нами ночь сплошная
Висела тучею густою
И гнула тяжкою пятою.

Я часто оживлял тобой
В разлуке с милою землей
Свою мечту, ее стремленье
И миг счастливый вдохновенья.
Святым огнем душа пылала
И тайным слухом ощущала
Отчизны звук многоголосый:
И шелест золотых колосьев
На нивах близких и далеких,
И песни жниц голубооких,
И шум на взгорьях крутобоких
Старинных хвой во мхах седых,
Таких приветливых, родных,
Как добродушные бабули.
Они так нежно к сердцу льнули,
В глазах стояли, как живые.
И с ними песни огневые
Дрожать содружно начинали

И на незримые скрижали
Текли, как летопись веков.
Сейчас разлуки час настанет. . .
Последний шаг твоих скитаний!

Хлопот с землею накопилось:
К Ходыке ездить приходилось
Да и раскидывать мозгами,
Как обернуться тут с деньгами.
А деньгиплыли то и дело,
Аж голова от дум лысела.
И надоела так забота,
Что пропадала вся охота —
Волна такая набежит! —
И землю брать, и просто жить.
А сколько этой волокиты!
На деньги рты у всех раскрыты:
Тому дашь рубль, тому — двадцатку,
А не найдешь нигде порядку,
Куда ни кинься и ни ткнись,
Чтоб все они перевелись,
Нотариусы, и конторы,
И писаря, и крючкотворы!

Блуждай, как средь болот чертовских, —
Иль дурни все, иль сам таковский,
Иль все смеются над тобой,
Раз в тех законах ты слепой.
Знай только деньги вымогают,
А ни на грош не помогают.

Но дело всё ж вести пришлось,
И сильно попотел Антось!
Бывало, явится таким,
Что просто смех и горе с ним, —
Как головня, весь грязный, в саже,
И нос его опущен даже,
Ну, словно дядя с чертом бился
И, не осилив, отступился.
Он в первый миг семье своей
Не сообщает новостей:
Не хвалит землю, не бранит,

Конторы же огнем палит
И крепость купчую ругает,
Холеры, смерти ей желает.
Бумаги вынув из кармана,
На стол швыряет зло и рьяно.
Но помаленьку остывает,
Запал начальный иссякает,
В душе стихают ветры-громы,
И вновь он прежний, всем знакомый,
Спокойный, добрый, терпеливый,
Приветливый и хлопотливый.

Ну, вот и всё семейство в сборе.
Чтоб дядино развеять горе,
Мать поскорей идет в чулан
И творогу приносит жбан,
Нальет сметаны пожирней, —
Из дяди тут хоть нитки вей!
Лицо Антония светлеет,
Он за едою веселеет,
Рисует с живостью горячей
Удачи все и неудачи
Поездки виленской своей,
Изображая писарей
И все их хитрые замашки,
Когда они из-за бумажки
Стараются наперебой
Залезть в карман сермяжный твой.
Ох, надо знать их нрав собачий!
А впрочем, как им жить иначе?

Потом рассказ ведет Антоний
О том, что видел он в Заблонье.
Смеясь, Ходыку вспомнит вдруг,
И комаров его, и мух.
И тем кончал повествованье,
Что, мол, тревоги и терзанья
Лишь начались и путь их длинный,
Дай бог дойти до половины!
Да, много мытарства с землею!
Легко ли голою рукою
Такое дело поднимать?

А сколько сплетен — что скрывать? —
Досужей всякой болтовни
Среди завистливой родни,
Средь дядей, теток, свояков, —
Был человек всегда таков!
И крику больше, чем событий.
Ох, трудно, трудно в люди выйти
И стать на собственные ноги!
Легко ли все обить пороги!
Подчас на этом перепутье
Пред темной и слепой судьбою
Антось стоял как под грозою,
Охваченный какой-то жутью.
Что ж, оробеешь поневоле
От этой распроклятой доли, —
Сгореть ты должен, разориться,
Чтоб к воле хоть на шаг пробиться!
Но есть ли, есть тому порука,
Что не напрасна эта мука?
Даст ли земля освобожденье
От панских пут и притесненья?
С одним рассватаешься тут —
И снова лезь в другой хомут!
Паны ж и разные чинуши
И так сумеют выбить души
И вырвать из тебя все жилы, —
Ведь ты без права и без силы!
Сомненья тяжкие нежданно,
Как молот, били в сердце Ганны:
Тут не спасут земля и хата,
Коли вся власть в руках богатых!
Хмурел тогда Михал, смолкая.
«Так что ж, навек им тьма такая?
И все старанья дымом, прахом?» —
Себя он спрашивал со страхом.
Нет, больно вдруг мечту утратить!
Пожить, пожить в своей бы хате.
«Конечно, этот труд не мал, —
Вслух говорил семье Михал, —
Но что же без хлопот дается? —
И тут, бывало, засмеется,
Чтобы развеять грусти тени. —

Сам бог велит ведь крест мучений
Нести, не зная мукам меры.
А вы уж сдались, маловеры!
Коль ты свое наладил дело,
Иди упорно, ровно, смело,
Иди, назад не озирайся
И на других не полагайся!
И вам, сынки, — что тут таиться, —
Не век за батьку хорониться,
Пора подумать молодцам,
Как жить на свете без отца.
Ведь смерть нас спрашивать не станет:
Готов ты в яму или занят?
На грунт вам нужно опираться
И батраками не скитаться.
Какой же грунт? Земля, наука,
А не под панской плеткой мука».

Михал боролся, не сдавался,
Победы жадно добивался
И, наступая, не заметил,
Как лихо уж связало сети,
Чтоб на него накинуть разом.
Оно подкралось тихим часом,
Когда никто его не ждал:
Однажды осенью Михал
В мокроте след увидел крови.
«Эге, брат! Надорвал здоровье!
Пришел твой черный срок, Михась!
Теперь ее, старухи, власть!»
И сердце, занемев, упало.
Настигла, подлая, нагнала!
Впилась! Не сладить с окаянной! . . .
Но нет! О смерти думать рано!
Михала обдал ужас лютый,
Ему казалось в ту минуту,
Что никогда столь одиноким
Он не был на земле широкой,
Как будто чья-то вражья сила
Мир, полный света, разделила
И встала темным грозным валом
Меж всем живым и им, Михалом.

Впервые перед ним возник
Неотвратимый этот миг.
«Неужто всё тут, боже милый?
Сгнию в сыром песке могилы
Ненужной шелухой земли?»
И тени страшные легли
Ему на сердце и на душу,
Всё спутав, разорвав, нарушив.

Чуть затуманенные мглою,
Пред ним поплыли чередою
Томящей, неизбывно длинной
Воспоминанья и картины.
И всё, что было пережито,
Вставало, словно сон забытый.
Глухая, смертная тоска,
Как тьмы незримая рука,
Его пригнула, придушила,
И стало горько всё, немило.
Одно горело в нем стремление —
Упасть пред кем-то на колени
И в чьих-то благостных объятьях
Спасти от страшного проклятья.

Из жизни вспомнил он былой
Свой детский страх перед грозой.
О, как та ночь была страшна,
Навеки памятна она!
Проснулся — стекла дребезжат,
За ними молнии горят
Огнем слепящим, синеватым,
И вербы старые у хаты
Стенают под дождем и гнутся
И во все стороны мнутся.
А буря злая ветви крутит,
Ерошит с воем, баламутит
И рвет их острыми зубами.
А гром тяжелыми клубами
Как будто землю разбивает,
И стонет хатка их, рыдает,
Трясется, словно хворостина.

А он, малец, как лист осины,
Дрожит от страху, плачет, жметя.
«Засни, мой мальчик! Гром уймется.
Не бойся, милый! Ты со мною!» —
И мать горячею рукою
Его за шею обнимает;
И к матери он приникает,
И гром уж больше не пугает.
Он спрятан, не страшна напасть.
Ну, а к кому теперь припасть?
Кого просить? Кому молиться?
От смерти как оборониться? ..
А может, это так, пустое?
Тревоги никакой не стоит?
Ведь он в груди не чувствует боли.
В конце концов, всё в божьей воле!
И в нем надежда снова тлеет,
Отводит страх и сердце греет,
Как солнце землю после бури.
Уж так у всех людей в натуре.
Да лихо это цепким было,
Оно с Михалом не шутило!
Сперва Михал перемогался,
Болезни злой не поддавался,
Потом лечиться начал сам,
Доверясь сельским знахарям,
Пил зелья разные и травы,
Но всё ж здоровья не поправил,
Зимою к доктору Михала
Возили раза два в морозы,
А злая хворь свои занозы
Всё глубже в тело запускала:
Ничто ему не помогало.

Лежит он, сумрачный и смутный,
Глаза бесцветны стали, мутны
И в глубину души глядят.
Печален и суров их взгляд.
И мучит горькое сознание,
Что ты от жизни отрешен
И, может, уж приговорен,
И близок с нею час прощанья.

Житье ж тащилось, как всегда,
В заботах, в тяготах труда,
То медленнее, то быстрее
Тропой пробитою своею.
С порядком этим вечным в ногу
Все в доме шли одной дорогой,
И только он под крышей хаты,
Как будто льдинами зажатый,
Один влачил часы свои,
Уж выбитый из колен.
И то, что ранее, бывало,
Его так сильно волновало,
Теперь душе его недужной
Казалось мелким и ненужным.
Над ним стоит судьба немая,
Своих завес не поднимая.
Но есть ли что-нибудь другое
За этой темнотой немою?
Михалу жутко и тоскливо,
И сердце в нем стучит пугливо.
Ох, страшно смертное томленье!
Что ждет его? Могила, тленье!
Он хочет жить. . . Прочь, мрак и тьма!
Там тяжело, там ночь сама. . .
И он погибнет в той пустыне?
О, нет же, нет! Кровь в жилах стынет!
Как жизнь летуча, скоротечна!
Он разве жил? . . О вечность, вечность!
Кто обоймет тебя, измерит?
Кто даст ответ? Кому поверить?
Волною потрясен угрюмой,
Михал не хочет дальше думать.
«Ну, что ты, мать? А ты б присела, —
Жене он говорит несмело
И ждет сочувствия, надежды. —
Дай руку, милая. Ну, где ж ты?»

И у нее в душе тоска.
Да, песня жизни коротка!
И как не вовремя стихает!
Но Ганна боль перемогает,

А в горле слезы комом, лютятся,
И давят, жгут, на волю рвутся!
«Помру я, Ганна!.. Ой, как жарко!..
До дна свою я выпил чарку!..» —
И удивляется Михал:
Не то сказал он, что желал,
Совсем не то... Ну что ж, пускай!..
«Ты эти думы отгоняй!
Немало люди ведь болели,
Болели годы, не недели,
И сколько случаев таких!
А смерть не уносила их».
Михал с усмешкою кривою
Качает тихо головою,
Устало, тяжело вздыхает,
И вновь душа его блуждает
Вдали от жизни, а глаза
Туманит горькая слеза.

Антоний шумно входит в хату
И, сев на лавку возле брата,
Смеется, шутит разудало,
Чтоб как-нибудь развлечь Михала,
Надежду добрую подать
И думы мрачные прогнать.
«Ну как, Михась? Ты, брат, бодрись!
Не падай духом, не клонись!
А день какой! Эх, день хороший!
Пройтись теперь бы по пороше!»
— «Пойти — пойду, да не вернусь!
Пойду туда же, где Петрусь,
В Теребежи — под крест сосновый...»
— «Ох и чудак ты, право слово!
Так и пошел! Ну, нет, брат, дудки!
Ты брось, Михась, такие шутки!
Еще ходим мы с сохою,
Еще и над своей землею
Ты попотеешь, и немало —
По картам бабка так гадала.
Нет, нет! Пожить придется нам!» —
Антоний говорит, а сам
Душою никнет, холодеет, —

Знать, вправду худо! Смертью веет:
Пред нею не захлопнешь дверь!
И, дело странное, теперь
Любой пустяк, как ни был мал,
Особый смысл приобретает:
То куры в хате задурят,
Кудахчут целый час подряд.
Одна ж из них, взмахнув крылом,
Вдруг кукарекнет петухом
С каким-то бесовским задором;
То где-то в чаще леса ворон
Закаркает зловеще, глухо,
А то в трубе завоюет вьюга,
Затянет жалобно, пугливо,
Иль загугукает тоскливо
По вечерам сова ночная,
В кустах ольховых пролетая,
Застонет так, что сердце ноет.
А то собака вдруг завоюет.
Всё это — вести издадека,
На правду страшную намеки,
Всё это неспроста бывает —
Всё смерть-старуху закликает.
А ночь придет! . . . Эх, ночь-темница,
Каких ты ужасов криница!
Глядит в окно и сердце гложет
Без отступа. . . Ой, милый боже! . . .
В объятых стужи ледяных
Трепещет тонкий серп луны,
На стеклах белит он полотна,
Такой печальный и холодный.

Михал не спит, а боль тупая
Растет, под сердце подступает.
Нет ни надежды, ни желаний.
Его померкшее сознание
Всё беспокоит, всё тревожит.
Ни спать, ни есть уж он не может.
Огонь колышется и пляшет,
Кругом немые тени машут.
Они качаются, трясутся
И смехом пустеньким смеются;

То бегать по стенам начнут,
То снова медленно плывут.
Огонь всё движется, всё скачет. . .
Михал вдруг слышит — кто-то плачет.
Иль то бубенчик под дугой
Звенит печалью и тоской?
А чьи же очи там блеснули? . .
И мысли далеко скакнули
В поток просторов и времен,
Где нет границ и нет препон.

Глядит Михал. Нет, что такое?
Он не один, а их уж двое:
Один Михал — больной и сонный,
Другой — силач неугомонный.
Один лежит, другой идет,
Идет по лесу без забот,
Веселый, песню распевает.
Того ж, дурной, не замечает,
Что за спиной, за шагом шаг,
Крадется страшный, темный вра
В каком-то длинном балахоне
И водит пальцем по ладони,
Кивнет с усмешкой и чертит,
Записывает, ворожит.
Кто он такой? Чего он хочет?
Что он, нагнувшись, там бормочет?
И неприятный запах тленья
Пахнул от черного виденья. . .
И запах ладана исходит. . .
Так это ж смерть за ним там ходит!
Иль это поп? . . И всё пропало.
Михала и следа не стало.
Куда ж он делся? Где он, где?
Эх, быть беде! Ну, быть беде!
Ах, нет! Вот он! Он волком стал:
Бежит — испуг его забрал.
Ой, прорубь! Ой! Он — прыг туда,
И понесла его вода.
Конец. . . В воде он пропадает.
Ушел под лед, а лед сверкает.
Взирают, дрогнув, дебри леса.

И вдруг какая-то завеса
Под чьей-то страшною рукой,
Сближая небеса с землей,
Надвинулась суровой мглой.
Михалу стало тяжело,
В груди дыханья не хватает,
А мрак всё ниже нависает,
И светлый круг немой пустыни
Вот-вот погаснет в тьме-пучине.

Михал кричит и в страхе бьется,
Чуть-чуть завеса раздается.
Глаза он тяжело размыкает.
В его руке — рука другая.
Он изнемог, теснит дыханье.
Ах, сколько скорби и страданья!
Он просит помощи людей,
Жены, и брата, и детей.
Ведь небо черство, небо глухо
И не приклонит к людям уха;
Хоть ты проси, хоть ты моли,
Хоть сердце стонущее вынь, —
Не шевельнешь его твердынь.
Оно далеко от земли,
Оно бесчувственно, немое
И безответное, пустое.
«Ты узнаешь меня, Михал?»
Он веки тяжкие поднял
И на жену уставил взгляд:
«Жена... Спаси меня!.. О, брат...
Спаси, спаси!.. Спасайте, детки!..»
И струи слез полынью едкой
В глазницах впалых выступают.
Михал вздохнул и затихает.
«Ой, свечку, свечку! Умирает!»
Лицо дрожит в последней муке,
На грудь бессильно пали руки.
Михал еще раз содрогнулся,
Еще на миг один очнулся,
Как будто что припоминая...
Он дышит, но дыханья мало,
И вдруг ему всё ясно стало.

«Антось... Родной мой... Жить кончаю!
Я весь сгорел, брат... Умираю.
Веди хозяйство... сам, один,
Как брат родной, как лучший сын...
Бог не судил мне видеть воли,
Свой хлеб посеять не позволил.
Земля... земля... люби родную.
Трудись над ней. И дай красу ей!
На новый лад... Жизнь сделай новой...
Детей не брось... Ох!..» — И готово.
Ни слов живых, ни сердца стука.
И холодеющую руку
Антось целует, и рыдает,
И к телу брата припадает.

В поле, в поле
При дороженьке
Наклонился крест
Над могилою.
Все тропинки шли
В свет широконый,
Привели ж они
К той могилушке.

Ой вы, дороженьки людские,
Тропинки узкие, кривые,
Во тьме свои вы петли вьете,
Как будто по лесу бредете.
Простор вас кличет небывалый,
Где горизонт лазурно-алый,
Где солнца так пригожи взоры,
Где думы ткнут свои узоры,
Чтоб жизнь по-новому начать,
И счастье воли сердцу дать,
И разогнать его тревоги...
Свободный путь!.. Когда ж во мгле
Ты засверкаешь на земле
И все в одну сведешь дороги?

1911 и 1919—1923

177. СЫМОН-МУЗЫКАНТ

*Белорусской молодежи
свою поэму посвящает
автор*

*От матери-земли, от гомона лесов,
От сказок вечеров,
От песен пастухов,
От светлооких необласканных детей,
От шорохов ночей,
От золотых лучей,
Что ткут основу жизни, мощь ее,
Переплетая смерть и бытие, —
Богатства собирал я неустанно;
Мне радужною музыкой звучал
И выхода искал
Воспоминаний вал
В могучих образах, в напевах долгожданных.
И этот клад, из толщ людских, открытый,
И сердцем пережитый,
И росами обмытый,
Ушедших дней моих заветных
Для вас, душою светлых,
Как дар
Всех лет
Дает поэт.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

При долине
На вершине
Липы старой скорбно гинет
Лист зеленый, засыхая.
Скоро липа вековая,
Ой, родного сына кинет.
Под короной
Под зеленой
Липы, солнцем озаренной,
Одинокий колос жита
Рос в густой тени забыто,
От семьи отъединенный.
«Милый брате!
В чужой хате
Не нажить красы и стати, —
Колосочку лист вещает, —
И весна не открывает
Сироте своих объятий».
Отвечал листочку тихо
Колосок: «Не бойся лиха,
Пусть в беде с тобой мы ныне,
Но не сгинем, нет, не сгинем».

«Ну и парень уродился!
И в кого удался он? . .
Ну на что опять воззрился?
Лучше б ты не жил, Симон. . .
Ой, нескладный, никудышный!
Наказал семью всевышний!»
Часто хлопца попрекали
Батька, братья, даже мать.
А за что его ругали?
Наш Симон не мог понять.
Били, мучили малого,
А спроси — из-за чего?
Ну ответьте — что ж плохого
В детских выдумках его? . .

В том, что складывал он сказки
Или песни, — вред кому?
Раз уж эти звуки, краски
Всюду чуялись ему.

«Я насыплю горстку
Желтого песочку,
Проведу полоску
Беленьким пруточком.
Шу-шу-шу песочек
Золотой, зернистый.
Песок — мой дружочек,
Меленький и чистый.
На песочке зайки
Кидают следочки...
Ой, какие байки
Шепчут мне песочки!»

Ну грешно ли петь про это?
Что же злобится родня?
Сердце песенкой согрето,
С ней светлее краски дня.
«Может, я и впрямь убогий?» —
Сам себе сказал Симон.
Но тотчас забыл тревоги,
Услыхав далекий звон,
Доносимый с колокольни, —
Звон таинственный, глухой,
Он катился на приволье,
Угасая за рекой.
Мальчик слушает безмолвно,
Зачарован, как во сне,
В такт кивает звукам вольным,
Что несутся в тишине,
Что вокруг него витают
Дивной музыкой живой
И колышут и ласкают
Сердце теплою волной.
Дух у парня занимало:
Песнь рождалась в нем самом,
Всё сильнее она звучала,
Ударяя в грудь крылом.
Полон образов прекрасных,
Мир пред ним звенел, сверкал

И в глазах мальчонки ясных
Сказкой радостной вставал.
Хлопчик с эхом перекличку
Вел, как в мяч играя с ним...
А еще имел привычку —
Говорить с собой самим,
На смех парня поднимали:
«Дурачина ты, блажной», —
И взашей его толкали,
Будто он щенок худой.
А и вправду наш Сымонка
Непохож был на других,
Особливым рос мальчонкой —
У него в глазах живых
Думка светлая блистала;
Вдруг уставится, глядит,
И на губках смех, бывало,
Заиграет, задрожит.
И во всё малец вникает
И, мечтой заворужен,
Вдруг у мамки вопрошает:
«Отчего печален звон?»
О! тот колокол старинный
Был отменной красоты,
Что за дивные былины
Он вещает с высоты?
Для чего он в час заката
Будит спящие леса?
И Сымон, тоской объятый,
Ловит меди голоса.
Лишь удары разнесутся
В летней ласковой тиши —
Разом вздрогнут, отзовутся
Струны все его души.
Он стоит, не шелохнется;
Сердце часто застучит,
И душа вот-вот, сдается,
Вдаль за звоном полетит.
Так взволнуется парнишка,
Что, как будто бы сквозь сон,
Что-то в нем мелькнет, как вспышка,
Только что, не знает он.

И не мог назвать он словом
То, что слышал в звуках тех,
Уловить их смысл суровый
И далек ли их разбег.
Всё же чуткою душою,
Чистым сердцем и умом
Что-то слышал он такое,
Что жило и в нем самом.
Кто ж мог знать про эти струны,
Что дрожат в душе живой
И сливают гром перунов
С бесконечной тишиной?
Ибо в той тиши заветной
Есть свой голос — дивный дар,
Многозвучный, многоцветный,
Полный музыки и чар.
Презираем, безответный,
Всей семьею не любим,
Так и жил наш хлопец бедный
Лишним в доме и чужим.
Дети все росли как дети,
Он один не знал весны,
Нес вину за всё на свете,
Виноватый без вины.
С ним не знались, не играли:
«Уходи! Тебе чего?»
Одиноко протекали,
Как в пустыне, дни его.
Стал и он людей чураться,
Полюбил один бывать:
В поле некого бояться,
Можно песни петь, играть.
Вот уж летом так раздолье!
Выйдешь в поле иль на луг:
На земле теплынь, приволье,
Солнце, ясно всё вокруг.
Сядет он на камень в поле,
Подопрет щеку, молчит,
Сердцем слушает на воле,
Как всё дышит, гомонит,
Как поют, звенят, сверкают
Мошки, бабочки, жучки

И головками кивают
И смеются васильки.
Звон тот в сердце откликнулся,
Было радостно, светло,
И Сымонка сам смеялся —
Всё смеялось и цвело.
И казалось сиротинке
В заповедном том краю,
Что он знает, как былинки
Думу думают свою;
Что вещает колос тучный
И о чем шумит ячмень;
Что лепечет шмель докучный,
Мушка, бабочка, слепень;
Что вверху над морем жита
Легкий жаворонок поет
Так пригоже-самовито
И зачем в простор открытый
Ветер свой стремится полет,
К тучкам тем, что, лес окутав,
Над землей плетут венки.
Драгоценные минуты!
Незабвенные деньки!
Но совсем шалел мальчонка,
Коль за синий край земли
В день осенний стаей звонкой
Уносились журавли.
В голубом просторе диком
Еле виден шнур живой,
Стаю птиц с победным кликом
Вдаль ведет журавль седой.
Крылья ходят сильно, плавно,
Всё свободней птиц полет. . .
Покидают край свой славный —
Край родных озер, болот.
В дымной бездне шнур растаял,
Снова ясен небосклон,
Сердцем трепетным за стаей
Устремился и Сымон.
Долго хлопещ синеокий,
Шурясь, смотрит ей вослед —
В край неведомый, далекий,

Где тепло, где снега нет,
Где сады полны плодами...
Ну, прощайте ж до весны!..
Поле, небо пред очами,
И уж крики не слышны.
Так и рос он, поднимался —
На обочине горох, —
Сам с собою забавлялся
И играл один, как мог.

2

Вслед зиме весна шумела,
За порою шла пора,
Время мальчику пришло
Выйти в поле со двора.
Он прослушал наставленья,
Как быть добрым пастухом,
Кнутик сплел на удивленья,
Завязав конец узлом;
Торбу взял, собрался ладом
И погнал овечек стадо.
Он теперь не просто малый,
Он — особа, пастушок,
У него права на сало
И на теплый кожушок.
Славно в поле: воли много,
А простор какой — взгляни!
Манят дали и дорога,
Как волшебные огни.
Что вон там, за темным гаем,
Где легли небес венцы?
Новый край, и край за краем,
И края во все концы!
Думка детская ширяет,
Улетая в синь-простор;
Думка землю озирает —
И село, и косогор,
И на тучки кинет око,
Что плывут, лучась вдали.
Спросит их: «А как далеко
Ходит солнце от земли?»

Как глубок простор небесный?
Может, мерил его кто?
Вот узнать бы интересно!
Верст, наверно, будет сто». —
И еще чем было мило
Это поле за леском —
Тем, что старый дед Курила
Там сдружился с пастушком.
Дед стерег мирское стадо.
Славный, добрый дед-душа!
Помнил сказок, песен клады
И любил он малыша!
Не смеялся над Сымонкой,
Не дразнил его — ни-ни!
И охотно с тем мальчонкой
Проводил в беседах дни.
Заберутся в тень под грушу,
Торбы сняв, сидят рядком;
Тут свою Сымонка душу
Открывал пред пастухом,
А то спрашивал, бывало,
Он у друга своего
(Всё Сымона волновало,
Всё к себе влекло его):
«Дедка, слышишь: кто-то тихо
Там поет в траве густой?»
— «Открестись, сынок, от лиха,
Что ты, милый, бог с тобой!»
— «Ты, дедок, нагнись пониже».
Дед склоняется к траве,
Замер, слушает, не дышит,
Шапку смял на голове.
«Нет, не чую!» — «Что ты, право!
Или ты совсем уж глух?
То цветы поют и травы».
Удивленный дед-пастух
Долго смотрит на Сымонку:
«Ой, хитрец из хитрецов!
Ты плетешь уж слишком тонко,
Ишь нашел каких певцов».
— «Нет, они поют пригоже».
— «Ну, какая ж песнь у них?»

Голосов не дал им боже,
А уж если ветер тих,
Поникает всё без силы. . .
Перестань, сынок, чудить!»
— «Ты, дедусь, смеешься, милый,
Чтоб малого подразнить!»
— «Блажь всё это! Не иначе!» —
Дед покрутит головой.
А Сымонка знай судачит,
Глядя вдаль перед собой:
«Дед, на тучки погляди-ко,
Вон вдали, как дым, плывут;
Тут светло, простор великий,
А они бегут, бегут —
То ль от зноя, то ль от хлада,
Иль кто гонит их? Взгляни!
Или ждет их там отрада? . .
Дед, откуда же они
Нарождаются, выходят?»
— «Эх, чудак ты! — скажет дед. —
Что в тебе за мысли бродят?
Так устроен белый свет:
Греет солнце, ходят тучи,
Носят снег, и дождь, и гром,
Ночь падет с небесной кручи,
И глубины бездн могучих
Звезды выстелят ковром,
И дорогой серебристой
Разольется Млечный Путь,
А куда в пустыне мгlistой
Он ведет сквозь холод, жуть?
Веет ветер и стихает,
Сходит и зима-карга,
А затем весна сверкает,
Украшая лес, луга.
И очнется дух растений,
Жизнь в земле бурлить начнет,
И без наших рассуждений
Колос на поле взойдет».
— «Нет, дедусь, я не про это!
Вот что мне скажи, родной:

Почему, веселый летом,
Ветер плачется зимой?»
— «Да очнись ты, бог с тобою!
Вон уже о чем спросил... —
И косматой головую
Сокрушенно дед крутил. —
Закавычный ты парнишка!
Знать, не зря зовут «блажной»,
Или ты разумен слишком,
Или вправду, что дурной.
Из тебя, брат, что-то выйдет...
Брось лишь думок кутерьму,
Всё в своем свершится виде,
Сам узнаешь что к чему.
Если б ты учился смала,
Книжку б в руки дать тебе!»
Тут беседа их смолкала,
Каждый думал о себе.
Раз Сымону довелось
Слышать в поле дударей,
И ему тогда сдалось:
Вот до этих самых дней
Он, глупец, не жил нисколько,
А в потемках лишь блуждал,
И теперь познал он только,
Что тревожно так искал.
И в молитвенном молчанье
Их он слушал, обомлев.
Полный чувств, очарованья,
Лился в грудь его напев.
Музыканты отыграли,
Дальше с дудками пошли,
А в груди его звучали
Песни солнца и влекли
Душу чистую далеко,
К цели светлой и большой.
Мнилось: он летит высоко
Над бескрайнею землей.
Песни сердце наполняли,
И, куда б ни шел Сымон,
Всюду звуки те витали,
И во сне их слышал он.

Той порой его овечки
(Пастушок мечтал один)
Потоптали поле гречки
И овса изрядный клин.
Ну, как водится, попало
От соседей и родных;
Хлопец вытерпел немало
Тумаков, пощечин злых.
Но Симон не чуял боли,
Нет, не тем был занят он:
Песни грусти, песни воли
Слышал он со всех сторон.
И стоит он, как бездомный,
Затаив свою тоску,
Одинокий и никчемный,
Словно негде пареньку
Притулиться и согреться,
И надежд как будто нет,
Пусто в поле, пусто в сердце,
Неприветлив белый свет.
«Эх, Симон... заснул ты, что ли?»
— «Это ты... Ах, мой дедок!»
— «Где ж овечки?.. Эх, недоля!..
Ну, дадут тебе, браток!»
Вздвогнув, наш Симон очнулся,
В поле кинулся бегом.
«Стой! Куда же ты метнулся!
Вон овечки, за овсом!»
«Стал совсем малец нескладный,
Разум в страхе потерял,
Бьет родня его нещадно», —
Дед печально рассуждал.
«Ну, о чем ты думал, милый?»
— «Ах, дедуся, дорогой,
Музыканты шли тут мимо,
Как играли, боже мой!»
— «Дудари? — спросил Курила.
Гм!.. Да вот что... не скучай!
Есть в тебе на песню сила,
Что-то дам тебе — играй!
Да, бесцельно дух твой бродит,
Дудку дам тебе я в дар:

Музыкант ты по природе,
От рождения дударь».
Расстегнул пастух азиям,
Из кармана вынул дудку
И веселую погудку
Заиграл, довольный сам:
 «Свиньи в репе,
 Свиньи в репе,
 Поросята в гречке.
Музыкант же,
Сняв отрепья,
Трется возле печки!..»

Дед еще по дудке тонкой
Быстро пальцами прошел,
А в живых глазах Сымонки
Тихий, светлый смех расцвел.
Протянул свою он ручку,
Не спуская с деда глаз.
«На, Сымон, держи-ка штучку!
Для тебя она как раз!»
Словно дар какой небесный,
Дудку эту взял Сымон.
«Намочить ее полезно:
Много чище будет тон».

3

На мальчика в родимой хате
Все махнули уж рукой.
Не родиться бы дитяти
В нищете с такой душой.
В тесных хатах, где от века
Бедность лютая гнетет,
Где во тьме народ живет,
Слепо тычась, как калека,
И мешает с лебедою
Хлеба скудный свой запас,
Где, всю жизнь борясь с нуждою,
Все клянут рожденья час
И где лишний рот приметен,
Попрекается семьей...

Лучше там не жить на свете
Детям с чуткою душой!
И Сымонка слушал горько
Брань и окрики кругом,
Попрекали черствой коркой
Даже мать с родным отцом:
«Ой, лентяй, гуляка праздный,
Не пригодный ни к чему.
Хоть убейся — всё напрасно!
Все слова не впрок ему».
Тяжко станет сиротине,
Нет ему угла нигде,
Лишь тогда обида схлынет,
Как доверится дуде.
На приволье сядет в поле,
Тихо песню поведет,
Льются, тают звуки боли,
Сердце стонет, слезы льет...
«Ой, как славно он играет,
Будто впрямь дударь какой,
Песней сердце разрывает,
Жалит жгучею тоской».
Жней такая грусть обнимет,
Разогнутся и стоят,
А напев звенит над ними,
Затуманят слезы взгляд,
И рука с серпом нагретым
Вдруг повиснет и замрет,
Песнь простая тихим светом
Душу ласково зальет.
Но жалеяка замирает,
Как девичий легкий вздох,
И на воле затихает,
Улетев за ближний лог.
Слушал дед игру Сымонки,
В такт кивая головой,
И под голос чистый, звонкий
Думал, сгорбленный, седой.
«Да, играешь ты примерно, —
Дед, очнувшись, сказал, —
И талант имеешь верный,
Я, брат, сразу отгадал.

Музыкантом ты родился,
Так держись уж молодцом!
Лишь бы ты не оступился,
Не загинул в мире злом!»
Вздрыгнул хлопчик-сиротинка,
К деду жметса он бочком,
Тихий, щуплый, как былинка,
А глаза горят огнем.
И сказал, не удержался:
«Дед, не будешь ты шутить?
Я давно уж собирался
Вот о чем тебя спросить,
Да никак вот не решаюся,
Не осмелюсь всё никак,
Шуток, дед, твоих боюся».
— «Эх, Сымонка, ты чудак,
Ну, рассказывай-ка смело,
Музыкант мой молодой,
Что на сердце наikipело?
Иль напев сложил какой?»
— «Дед, скажи — земля живая?
Чует боль она, беду,
Как по ней соха кривая
Прорезает борозду?
Иль когда копытом топчет
Старый конь ее весной?»
— «Мудревато мыслишь, хлопчик,
Твой вопрос и впрямь чудной.
Нет, не слышит — не живая:
Разве чувствует песок?
Испокон земля немая,
Как ни бей ее — молчок!»
Смолк Сымонка и пригнулся,
Тень легла на влажный лоб.
В думах он опять замкнулся
Да песок тихонько скреб.
«Нет, дедок, а мне сдается,
Не мертва она — жива.
Ну откуда ж всё берется —
И деревья, и трава?
Всё в земельке, дедка милый!
Чей же сок растенья пьют?

Кто дает им рост и силу?
Почему цветы цветут?
И зачем земля в печали
Поздней осенью, зимой?
Почему приветны дали
И ручьи поют весной?»
— «Кто ж его, Сымонка, знает,
И не нам судить о том,
Тайн земля не открывает.
Здесь с моим дурным умом
Толку, братец, мало выйдет.
Кто же я? Слепой мужик!
Может, ум твой дальше видит,
Может, глубже в дело вник.
Я уж старый, стал глупее,
Как за семьдесят залез».
— «Глянь, дедуся, вон чернеет, —
Показал Сымон на лес, —
Пара елок... Так пригожи!
Приглядишься получше к ним
И увидишь, как несхоже
Одно дерево с другим:
Та вон елка, что на поле,
Поднялась, как важный пан,
Развернувши на приволье
Пышный бархатный кафтан.
А другая — как старуха,
Наклонилась до земли
И шумит ветвями глухо,
Сучья мохом обросли.
Почему ж у этих елей
Две судьбы? Ответь мне, дед».
— «Не слыхал я, брат, доселе,
Чтоб дитя твоих вот лет
Да так мудро рассуждало!
Только, веришь ли, браток,
Всё сдается мне, что мало
Проживешь ты, голубок.
Знай, не любят свет и люди
Узнающих тайны их,
Тех, кто их поступки судит,
Ищет в тьме дорог иных.

Ну, мудрец неодолимый,
Ты чего хотел сказать?»
— «То, что лишь тебе, родимый,
Одному и можно знать».
— «Ну, спасибо за награду,
Рад я этому, дружок!
Вот прилягу только рядом,
Что-то шибко ноет бок...
Песня уж моя пропета,
Эхе-хе... Да и пора —
Сердцевина вся задета,
Еле держится кора. —
Дед прилег, дыша тревожно,
И подпер щеку рукой. —
Смерть крадется осторожно,
Словно к стаду волк седой...
Смерти ты, Сымон, боишься?»
-- «Говоря по правде — нет.
Я готов, ты удивишься,
Помереть с тобою, дед».
— «Жить тебе, мой хлопчик, надо:
Ты дитя еще совсем,
Будет и тебе награда,
Знай, ты нужен людям всем.
Умирать! Ишь, старичина!
Смех и грех, сынок, с тобой».
В это время мерно, чинно
Звон раздался за рекой.
«Вот об этом самом звоне
И хотел я рассказать».
— «Ну, скажи, скажи, Сымоне,
Интересно это знать».

ПЕСНЯ О КОЛОКОЛАХ

Низким гудом, гудом медным
Колокольный звон несется, —
И во мгле вечерней льется,
И с рассветом ясно-бледным.
Звон витает над землею,
Шлют ему привет утрами
Брызги солнца золотого,

Звон летит, кружась, и снова
Гомонит под облаками,
Тешась ширью голубою.
Серебристою росой
Звон встречали ветви, травы
Всей своей красой и славой,
Всею радостью живою
В блеске, свежести и силе.
Так колокола звонили.
И промеж колоколами
Был один необычайный —
Многозвучный, полный тайны,
Как омытый родниками,
Звонко льющийся, хрустальный.
И ни разу не смолкали
Гуды огненные эти:
Неба синь, свободный ветер
И земли могучей дали
В дивном звоне том звучали.
Так звонил он, так он кликал
К правде светлой и единой,
Чтоб отец не мучил сына. . .
Но для правды той великой
Не пришла еще година.
Всякий раз, когда так жадно
Слушал свет тот звон с тоскою,
Хор других с насмешкой злою
Песнь его глушил нещадно.
Видно, им завидно стало:
Полнозвучна сила эта,
Что весь мир, во тьму одетый,
Чистой правдой озаряла,
Словно солнце в час рассвета.
Смолкли вещие призывы,
Смолкли песен переливы.
Но живет тот клич в народе,
Что зовет людей к свободе;
Он живет в сердцах заветом
Вечной правды, воли, света.

Жизнь сникала в шумном лесе,
Обнажался лик земли,
И летели в поднебесье
С криком звонким журавли.
Осень золотом и алым
Заткала шатер лесной,
Меж кустов бродягой шалым
Ветер пел, шурша листвою.
Осень шла в сырых туманах,
В перелетных криках птиц,
Травы вяли на полянах,
И цветы склонялись ниц.
Очи серые прищуря,
С обнаженной головой,
Брел усталый день понуро,
Мглою окутан дождевой.
Глохло поле, замирало,
Словно дух пронесся злой,
И в раздумье озирало
Туч завесу над собой.
Так вот смотрит мать на деток,
Возмужалых сыновей,
Расходящихся по свету
Из родной избы своей.
Тихой грустью повевало
С оголенных темных нив,
Где в лучах шумел, бывало,
Жита радостный разлив.
Пашня там теперь чернела,
Глыбы поднятой земли,
И жнивье, как сеткой белой,
Паутинки оплели.
И, овеян грустью этой,
Наш Сымон играл один,
Он играл прощанье лету —
Жизни леса и долин.
Пел разлуку с дедом милым,
С другом лучшим, дорогим:
Старика угасли силы,
Под крестом лежит простым.

Всё ж неожиданно смерть скосила
Горемыку в ясный день,
Хоть давно она ходила
По следам его, как тень.
Посреди людей, на поле
Дед тихонько прикорнул,
Так без жалоб и без боли
Он затих, лишь раз вздохнул.
Отжил век старик безродный,
Тихо путь свой прошагал,
И никто в песок холодный
Слез горячих не ронял.
Покачали головою:
«Был пастух, а ныне нет», —
И доскою гробовую
От него закрыли свет.
В этот горький час прощальный,
Как спускали гроб на дно
Ямы темной и печальной,
Сердце дрогнуло одно:
«Ах, дедуся мой хороший,
Ты почто ушел, почто?
Кто меня пригреет, кто же?
Слово ласки скажет кто?»
Притулившись под крестами,
Мальчик тихо голосил;
Стук комков земли ножами
Сердце рвал, лишая сил.
Одиночества такого
Он доселе не знавал,
Пеленой густой, суровой
Душу мрак его застлал.
Оглядел сквозь слезы поле:
Там вон груша, там лесок,
Справа желтенький песок,
А дедуси нет уж боле...
Смерть и жизнь!.. Как странно это!..
Жить зачем? Чтоб умирать?
Смерть пришла, и песня спета,
И приложена печать.
И не будет даже следа,

Словно ты совсем не жил. . .
Тосковал малец по деду,
В снах бродил с ним, говорил.
Дед за век свой долгий справил
Скрипку дивную, смычок,
Их Сымону он оставил:
«Чародей ты, паренек!
Ну, играй, — подарок важный!
Думы в скрипку все вольешь,
И душой заплачет каждый,
Как смычком ты поведешь.
Кто несет путем изрытым
Правды крест, тяжел и жгуч,
У того к сердцам закрытым
Есть всегда надежный ключ.
Ну, иди своей дорогой!
Да Курилу вспомяни,
Жить осталось мне немного,
Прямо считанные дни.
Скрипкой ты развеешь горе,
С нею ты уж не один,
Скрипка хлеб твой и опора,
Береги ее, мой сын.
Скрипка верно всем служила,
Так и ты ей верен будь, —
Говорил пастух Курила, —
С нею твой назначен путь».
Хороша ж была та скрипка,
Словно пел в ней кто живой, —
Так легко, свободно, гибко,
Так взволнованно, с душой,
Лишь рука смычком, бывало,
У плеча по ней вела.
Славно скрипка та играла,
И звенела, и жила.
Он со скрипкой неразлучен,
С ним всегда Курилы дар.
Как прекрасен, многозвучен
Чистый голос, полный чар.
А коль хлопцу горько станет,
Обоймет печаль его,

Скрипку вспомнит — солнце глянет,
Озарит мальчика всего.
Что и где услышит только,
Выльет вмиг из-под смычка,
Тут тебе и вальс, и полька,
А то пустит казачка.
«Музыкант, смотрите, новый,
Да еще какой скрипач!
Самородок, одним словом,
Сам с аршин — зато ловкач».
И девчата нынче рады,
Если к ним Сымон зайдет,
Дарят ласковые взгляды,
В праздник всяк его зовет.
Скрипку деда к подбородку
Осторожно хлопец брал
И, присевши на колодку,
Ковалея, кадрили играл.
Пальцы ловко так ходили,
И легко смычок летал,
Дружно струны гомонили,
Словно вихрь их колыхал,
То разгульно, звонко-звонко,
А то вдруг едва слышать.
И в семье родной Сымонку
Стали меньше попрекать.
«Не загинет хлопец, может, —
Рассуждала мать с собой, —
Жить талант ему поможет,
Малый с верною рукой;
Хлеб игрой себе добудет
И уж тем подмогу даст,
Что обузою не будет
И тягот убавит часть. . .»
Батяка хоть не сознавался,
Но он тоже малость мяк,
Коль ему вдруг доставался
За сынка вниманья знак.
Без охоты парень только
Для танцующих играл,
К скорбным песням доли горькой
Хлопца голос сердца звал.

Неотступно в нем звучали
Эти песни, душу жгли.
Был роднее мир печали
Сыну бедному земли.

5

Уж Покров не за горами,
Ветер рощи обнажал,
Молодой мороз утрами
В колеях ледок ковал.
Глухо в поле. Опустели
Нивы желтые давно,
Не услышишь птичьей трели,
Грустно, холодно, темно.
В тишине над всей землею
Недвижим повис туман,
Скрыв белесой пеленою
Вековой вдали курган.
Одиночеством, пустыней
С неба веяло, с дорог,
Сединою ранней иней
На кусты, на травы лег.
Прогнала веселье осень,
Пригорюнилась земля,
Оживляла только озимь
Потускневшие поля.
Днем таким овечек стадо
Выгнал на поле Симон;
Тишина ему отрада. . .
Сел на мох под елку он,
А овечки озимь ели,
Чуть к лесочку отойдя,
И пугливо в лес глядели,
Вдруг ушами поводя.
«Ну и глупая скотина!
Ветер тронет куст — бегут,
Камень встретят, хворостину —
Уж копытом землю бьют. —
И Симонка усмехался: —
Ишь, дрожат от пустяка,
Куст им волком показался!»

Так под говор пастушка
Успокаивалось стадо,
И катилось время ладом.
Но сегодня в самом деле
Будто всех овец трясло!
«Ну чего вы, одурели?
Что вам в голову взбрело?» —
Говорил Сымон со стадом,
Всё ж тревожился и сам
И, привставши, зорким взглядом
Шарил в поле по кустам.
«Уж не волк ли их пугает?» —
Только так подумал он —
И похолодел Сымон:
Волк из лесу вылетает,
На овечек прямо садит,
Злой, оскаленный, что кат.
Где уж с ним парнишке сладить,
Этакий страшенный гад!
Пасть большущая раскрыта,
Даже клык видать кривой,
Очи блещут зло, несыто,
Сам косматый и седой.
Стадо кинулось со стоном,
Аж пошел по полю стук,
А он хватъ одну с разгона
Да за горло, и — каюк!
Волчьим зубом чуть коснется
Или грудью налетит —
И овца не встрепенется,
В поле мертвая лежит.
С диким криком, перепуган,
Хлопчик кинулся туда.
«Га-га-га! Пошел, зверюга!
Люди, волк! Сюда, сюда!»
Волк овец развеял в поле,
Трех на месте уложил,
А баранчика схватил
Да и в чашу, на приволье!
У Сымонки сердце ныло,
И от криков он охрип,
На пригорке сел без силы,

Онемел язык, прилип,
Произнести не может слова,
Бел, что стенка, паренек.
Ох, нагнало зверя злого
Лихо черное не в срок.
Страх и горе душу смяли,
Плачет мальчик, жив едва.
Люди плач тот услышали,
Из леска везя дрова.
Хоть на крик бежали живо,
Да поспеть уж не смогли,
Лишь собрать овец пугливых
Пастушонку помогли.
Гнал Симонка стадо робко,
Еле ноги волочил,
Ох, задаст же тятка трепку,
Что овец не сохранил!
А о том, что он невинен,
Хлопчик и не думал тут:
Разве был хоть раз доньне
Справедливым батькин суд?
Нет, он скажет всё же: «Тата!
Я не спал, вокруг глядел,
Да внезапно волк проклятый,
Словно вихорь, налетел».
Только дома не поверят,
Ох, раскатится же гром!
Не хотел бы ни вечерять,
Ни показываться в дом.
Брел, объят тоскою жгучей,
Бедный хлопец наш в пыли,
На телеге же скрипучей
Трех овец в село везли.
Вот село уж недалеко,
Задержался в поле он,
Вон и дом их, шест высоко
Там поднялся у окон.
Видно, как телега стала, —
Трех овец во двор несут,
И, накинув что попало,
Дядьки из дому бегут,
Говорят о чем-то. Люди,

Суется, спешат туда...
«Ну, Сымонка, худо будет!
Ох, беда тебе, беда!..»
А вот чешет дядя Юрка:
«Хорошо ты пас овец!
Где ж баранчик?.. Вот и шкурка...
Вот и мясо!.. Молодец!..
Вот доверь, пошли такого!
Напорол так напорол!»
Больше не сказав ни слова,
Только взглядом укол
И погнал во двор овечек,
А Сымонка шел за ним,
Торбу вскинувши на плечи,
Молчалив и нелюдим.
Вот и дворик их и хата,
У крыльца, в сенях народ,
Гомон, шум, кричат ребята,
Норовя пролезть вперед.
Плыл тревожный говор люда
В тьме, нависшей над селом,
Различал мальчонка худо,
Что творилось кругом.
«Погубил почти полстада!
Ты чего ж смотрел? Где был?
Самого бы лучше, гада,
Волк на месте задушил!» —
Батька злой, сверкая взглядом
Кинул жгут колючих слов.
Нет, не жди теперь пощады!
Да Сымон на всё готов:
Будут лаять — пускай лают,
Будут бить — пусть хоть убьют,
Все угрозы не пугают,
Никакой не страшен суд.
Он, как будто издалека,
Как чужой, на всё взирал,
В забытии таком глубоком
Долго он один стоял.
«Что стоишь там как заклятый?
Грех наш, господи, прости! —

Мать сказала. — Иди в хату,
Пропадешь ты без пути!» —
И вздохнула. Жалко стало
Несуразного сынка,
Острой болью сердце сжало.
Вдруг отец из хлевушка
Вышел темный и сердитый.
Не сдержала мамка слез:
«Не дерись уж, погоди ты,
Разум он и так растрес».
— «Прочь отсюда, чтоб и смрада
Твоего мне здесь не знать,
Дня прожить не можешь ладом,
На село уж показать
Стыдно мне, седому, очи.
Скрипку забирай и — вон!
Вон из дому — куда хочешь,
И не сын ты мне, Сымон!»
Хлопец, выгнанный из дому,
У гумна на камень сел.
Горе билось в горле комом,
В тьму ночную он глядел.
Он глядел не плача. Слезы
Были все на дне души.
Где-то сонный ветер лозы
На болоте ворошил.
Хлопец встал, не размышляя,
Перелез через заплот,
Скрипку к сердцу прижимая,
Зашагал вперед, вперед...
«Ты, отец, уж слишком круто,
Разве малый виноват,
Что не сладил с волком лютым?
Выйдь, покличь его назад! —
Сердце мамки тосковало. —
Ведь мальчонка побелел,
Испугался, знать, немало,
За день прямо постарел».
— «Нет, пускай он там поплачет!
Цел он будет, не ходи!
Как замерзнет, сам прискачет,
Сядь уж лучше и сиди».

Только мать не усидела,
Вышла тихо на крыльцо.
«Где ты?» — крикнула несмело.
Ночь пахнула ей в лицо
Неприветливо, тоскливо.
Тьма сдвигалась молчаливо.
«Эх, обидели сынка,
Встреча с волком нелегка! . .
Эй, Сымонка!» Тишь опять,
И глядят напрасно очи,
Вытирает слезы мать.
Вышел батька: «Иди в хату
Да не прячься, а то — дам!
Понял? Слушать надо тату!
Что ты скрылся, дурень, там?
Небось вижу!» Но за тьмою
Он не видел ничего.
Встав кругом глухой стеною,
Ночь глядела на него.
Батька больше не сердился
И Сымонку долго звал,
Только сын не воротился —
В темноте сырой пропал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Темень землю покрывала,
Поле мертвое молчало
И холодной тишиной
Неприветливо встречало
Всех, кто, выйдя в час ночной,
Грусть-тоску свою и горе
Нес в неведомую даль,
Чтоб рассеять на просторе
Все обиды, всю печаль,
И, в пути — между крестами —
Дав им вызреть до конца,
Скорбной песней и слезами
Их вернуть людским сердцам.

Шел Симон во тьме, в тумане,
Не встречая никого.
На тяжелый путь скитаний
Погнала судьба его.
Шел. Куда — не знал, не ведал,
Может быть, на край земли!
Но под крест убогий деда
Его ноги привели.
Тут он только и очнулся,
Стал, бедняга, сам не свой,
Боязливо оглянулся —
Спит погост в ночи глухой.
Он присел на край могилы,
Скрипку рядом положил
И заплакал: «Дед мой милый!
Ты один мне другом был;
Ты в житье моем суровом
Утешал меня не раз,
Лаской ты и добрым словом
Помогал мне в горький час. . .
Что ж глаза твои закрылись?
Как один я проживу? . . .»
Плакал хлопчик, и катились
Слезы градом на траву.
На могилку лег и ухом
Он припал к сырой земле,
Но молчит могила глухо
В непроглядной мертвой мгле.
И, вздохнув, Симонка замер,
Стих отчаянья порыв, —
Душу он омыл слезами,
В них тоску свою излив.
И на сердце полегчало,
Будто ночь его взяла
И тихонько покачала,
И легонько понесла,
Будто взмыл он над крестами
И поплыл, поплыл, поплыл!
Только ветер за ушами
С вольным свистом заходил.
Вот летит он в небе синем,
Вслед несется тучек рой,

Он смеется вместе с ними,
Тешась резвою игрой.
А над ними искры мечет
Солнце, вставшее в ночи,
Посылая им навстречу
Искрометные лучи. . .
Но нависла тень мгновенно,
Точно черные крыла:
Как поток, несется пенно
Туч клубящаяся мгла.
Солнце мрак ночной окутал, —
Чуть приметен бледный след.
Вот еще, еще минута —
И совсем погаснет свет!
И с последним бликом света
Покидает хлопчик высь. . .
Только что там? Точно где-то
Звуки скрипки раздались.
Голос слушая унылый,
Видит он: из темноты
Снова выползли могилы
И понурые кресты.
Видит он: как онемелый,
Примостившись под крестом,
Дед Курила. Белый-белый
Весь он в сумраке густом.
Дед играет. . . Песня эта
Душу жжет, как будто стон . .
Может статься, с того света
Богу жалуется он,
Что парнишка пропадает,
Что один ушел он в мир,
Что безвинно он страдает,
Бесприютен, гол и сир. . .
И от песни той неожиданной,
Что впервые он слышал,
Заживали в сердце раны,
Жар обиды затухал. . .
Дед играет, звуки тают,
Не устанут струны петь
И такую грусть рождают,
Что никак не утерпеть;

И кресты, склонясь, застыли,
И в тиши ночных часов
Дружно вторили Куриле
Хором стройных голосов.
А Симон поник безгласно,
Свесив голову на грудь,
Чар томительных и властных
Он не в силах оттолкнуть.
Он не может, он не хочет
Больше жизнью жить такой,
Если дед из царства ночи
Кличет душу на покой!
Он как будто помирает,
Уж косы он чует взмах!
Он не плачет, не вздыхает,
Грусть прошла, и не смущает,
Как недавно, душу страх.
Но в тот миг, когда, казалось,
Он почти уж не дышал,
Что такое с дедом случилось?
Влез он в скрипку и пропал.
А она сама играла
До тех пор, пока струна
Вдруг не лопнула. Настала
Снова в мире тишина.
Тут невольно спохватился,
Поднял голову Симон.
«Это ж только сон приснился!» —
Загрустив, подумал он.
Обернулся — скрипка рядом,
Но чуть тронул — вот те на! —
Он пугливым смотрит взглядом:
Вправду лопнула струна!
И вокруг так мрачно стало!
Как в ознобе, он дрожал,
Песня в памяти звучала,
Ужас болью сердце сжал.
И, схватив скорее скрипку,
Ненавидя эту ночь,
Он согнулся весь и шибко
Побежал с кладбища прочь.
Словно пленник из неволи,

Он бежал, не чуя ног,
И очнулся только в поле,
На распутье двух дорог.

Эх, дороги в край счастливый!

Эх, дороги,
Пояса!

Сколько ножек пронесли вы
Чрез облоги,
Сквозь леса!

Эх, дороги, нити кросна,
Вы связали
Ширь земли,

Вы тесьмой колея колесных
Молча в дали
Пролегли!

Вы, пути, пути-дороги,
Кто вас гонит
В белый свет?

Чьи тут пыль взметают ноги?
Чей хоронят
Ветры след?

Пусть поведали бы версты,
Что писали
Вам тут дни

И как с тьмой в единоборстве
Погасали
Тут огни!

Пусть бы даль нам рассказала,
Где бескрыло
Виснет мгла,

Что она нам обещала,
Как манила
И звала!

Эх, дороги в чистом поле,
Нити серые земли!
Сколько к доле и к недоле
Ног людских вы пронесли!
Про юдоль-печаль народа
То могли б вы рассказать,
Что не выдумать и сроду,
Что одним вам только знать!

Над Сымонкой думки вьются:
Что начать? Куда пойти?
В дом с повинною вернуться?
В свет ли горе понести?
Свет страшит бескрайней ширью,
Он же только мошка в нем,
Он — пылинка в звездном мире,
Он — дымок в просторе том.
Коли здесь, между своими,
Он «никчемный дармод»,
Как сживется он с чужими?
Как чужого встретит свет?
А домой? Нет, лучше в петлю,
Чем терпеть да спину гнуть.
Счастье он найдет ли, нет ли —
Надо в путь, в далекий путь!

2

Заблестала на сонном востоке луна —
Берег неба над краем земли;
Золотые челны поплыли,
А в безбрежной дали
Разливает свой блеск огневая река,
И уж чья-то рука
Поднимает завесу с земли.
А над лесом улыбки рассыпал денек,
Зорко вскинув глаза с высоты,
Сноп колосьев несет золотых,
И парчу, и цветы —
Белый свет убирать, свить для неба венков,
И распался замок
Непроглядной ночной темноты.
Вспыхни, солнца пожар! Распрячьтесь во весь
рост,
Разгорайся сильней и сильней!
Новый день, наступай поскорей!
На душе веселей,
Будто капли вчера только пролитых слез
Заморозил мороз,
В серебро превратил, чародей!

Шел Сымонка, озирался
На широкий небосвод,
День горел, сиял, смеялся
И манил, манил вперед.
Обходил Сымонка села,
Чуть завидятся вдали,
По пластам шагал тяжелым
Свежевспаханной земли,
Чтоб с людьми не повстречаться,
Сгинуть с глаз их без следа,
Чтоб не вздумали дознаться:
Кто? Откуда он? Куда
Вышел из дому до света,
Кое-как в тряпье одетый
И обутый в лапотки?
Долго он шагал; далеко
Позади его село.
Уж над пущами высоко
Солнце красное взошло
И изгнанника ласкало,
Грело, нежило теплом
И, как сына, целовало
Светлым, ласковым лучом.
Как смеются только дети,
Рассмеялся тут Сымон,
Не один, мол, он на свете,
А вдвоем со скрипкой он!
И, глаза поднявши, хочет
Разом всю окинуть даль,
Распрявиться что есть мочи, —
Что прошло — того не жаль.

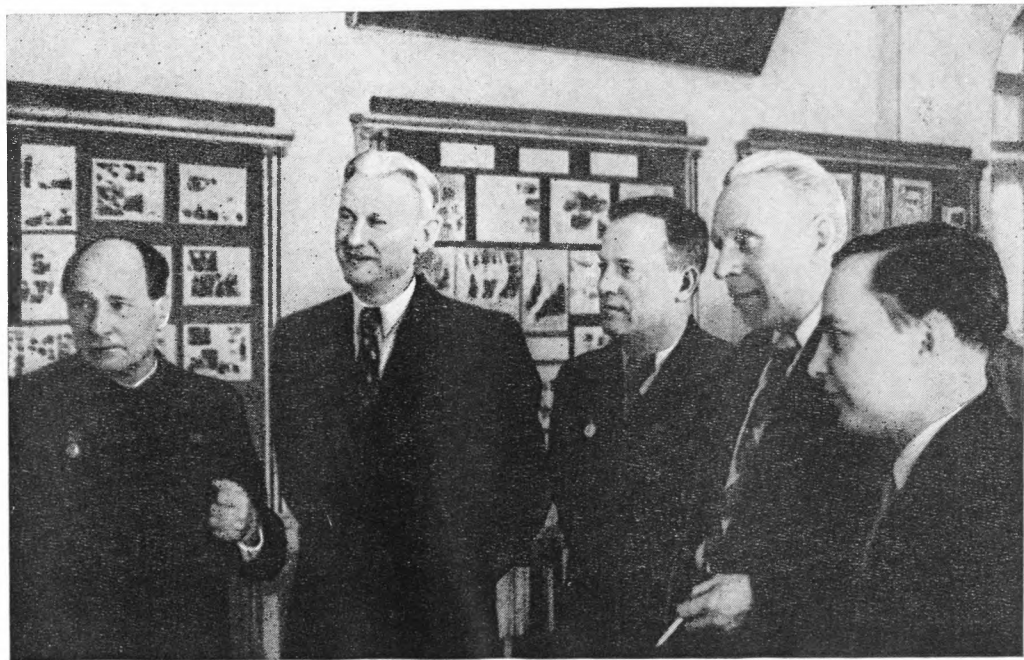
Эх, что может быть дороже
Вольной волюшки в полях?
Дали синей да пригожей,
Тех бескрайних бездорожий,
Где для всех — широкий шлях?
Златотканых этих тучек,
Звонких песен ветровых,
Думок светлых, грез летучих,

Тайных сказок, чаш дремучих,
Стежек узких да кривых?
Что дивней бродяжьей доли,
Тайн извечных бытия,
Шума рощ и жита в поле,
Встреч нежданных на приволье,
Песен вольного житья?
Эх ты, ширь-простор далекий!
Счастлив будет здесь любой,
Кто, безродный, одинокий,
Вольный духом, ясноокий,
Мирно сдружится с тобой!
Всё беглец забыл в тревоге,
Тут же он как с неба вниз
Вдруг свалился: ныли ноги,
Лютый голод сердце грыз.
Нелегка задача — где бы
Раздобыть еды? Беда.
Попросить ли корку хлеба?
Только сунуться куда?
И он стал искать глазами,
Где добыть бы хлеба мог.
Глядь, а хата за пеньками,
Из трубы идет дымок,
Катит легкие клубочки,
Взвившись дужкой, на простор,
Так и манит сквозь пенечки
Тот уютный, тихий двор.
Верно, там пекут оладьи,
Хоть разок бы откусить. . .
Он стоит, на хату глядя, —
Что ж, зайти да попросить?
Нет, зайдешь, а тут, пожалуй,
Вдруг да спросят: кто такой?
Всюду, знает он, немало
Жесткой хитрости людской.
Да и псы там, верно, люты. . .
Так не лучше ль прочь уйти?
Видит хлопчик, что на хутор
Завернуть не по пути.
С голодухи млеют ноги,
Цель темна, а ты иди!

Трудны первые пороги,
Что же будет впереди?

Он идет, а следом-тенью
Думок тянется клубок.
Вдруг, глядит он, в отдаленье
Вьется тоненький дымок:
Он, и ласковый и властный,
Позабывтый пастушком,
Словно синий шнур атласный,
К небу тянется тишком.
Огонек средь поля тлеет,
Никогошеньки вокруг,
Хлопчик разом веселеет:
Зря ты падал духом, друг!
Врассыпную, как рыбешка,
Думки скрылись в том дыму:
Ой, вкусна в золе картошка!
Видно, полдничать ему.
Знай пеки! Найдетса малость
В поле этого добра.
И Сымон, забыв усталость,
Тащит хворост для костра.
Вздул огонь. Своя забота —
Чай, не барщина, не в труд;
До седьмого рад бы пота
Он копать картошку тут.
Завтрак спеет под золою,
Пламя жаркое горит
И трещит, кипит смолою,
Будто что-то говорит.
И огонь всё разгорался,
С буйным шумом вверх взлетал,
Из-под веток выбивался,
Алой лентой завивался,
Сучья жарко обнимал;
И дымок, резвясь лукаво,
За клубком клубочки гнал,
Взвившись слева, рвался вправо,
Тонким столбиком вставал
И в пустыне светозарной
Таял, таял без следа...

Огонек, шалун коварный,
Как явился он сюда?
Ум Сымонки ищет жадно:
«Где ж он был? Уйдет куда?
В тьме и в холоде отрадный,
В буйном гневе беспощадный, —
Он и стар и нов всегда.
Он живет, и жить он будет,
Хоть как будто и погас. . .
Я ж тут только гость на час,
Как и все на свете люди. . .
Как всё дивно в мире, право!
Что б и мне огнем тут быть;
Я б дымком по небу плавал,
На земле бы стал светить».

Угольки дотлели,
И еда поспела.

Полуденною порою
У Сымонки пир горою:
Служит пень ему скамьею,
Стол накрыт скатеркой мшистой,
Самотканой, бархатистой
И затейливо-цветистой.
Мать-земля те нитки пряла,
А ту пряжу солнце ткало.
Вот живот уж бубна туже,
А картофелинки тужат:
Мол, и мы других не хуже!
Из-за них, готовясь к драке,
Сойки, злые забияки,
Свищут в хвойном полумраке.
Муравьи даются диву,
Подползают молчаливо,
Озираются пугливо,
Бьют по-своему в ладошки
И всем миром тянут крошки
От рассыпчатой картошки.

Хлопчик так набрался силы,
Будто заново он жил,

Уголок радушный, милый,
Как он славно послужил!
Расставаться неохота.
Сел Симон на гладкий пень.
Позабылась грусть-забота,
Так сидел бы целый день.
Он сидит, а в нем играет
Струн волшебных перезвон,
Нет ему конца и краю,
Полонил всю душу он.
Где его слышал он? Всплыло
Всё, что снилось в эту ночь:
Крест, могила, дед Курила,
Звон струны — ну всё точь-в-точь.
Скрипку он настроил живо;
Чуть коснулся струн смычок —
И уж песен переливы
Полнят лес-молоднячок.
Тут весь мир забыл Симонка,
Только сердцу волю дал;
Отзываясь струнам звонко,
Лес смеялся и рыдал.
Скрипка пела-голосила,
Как осенний мелкий дождь,
То в ней чувствовалась сила —
Вешних вод живая мощь;
То вдруг разом обрывала
Громовой напев она,
Чтобы в дрожи чуть дышала
Снова чуткая струна.
Вновь смычок ходил печально,
Будто что-то он терял,
И сквозь слезы эхом дальним
Лес ту песню повторял.

Смолк мальчонка, содрогнулся,
Аж подпрыгнул: перед ним
Сивый дед стоит, нагнулся,
Взор белесый недвижим.
Страшен, бледен, весь оборван,
Посох стиснула рука,

На боку обвисла торба, —
Видно, нищий с большака.

Дед с допросом: «Кто ты, милый?
Чей? Откуда? Расскажи! . .
Ну и хват, святая сила!
Молодец, чтоб был я жив!
Твоя песня раны лечит,
К сердцу лепится смолой!»
Хлопчик видит: что ж, по речи
Дед хоть страшный, да не злой.
Что ж сказать ему на это:
Правду выложить? Солгать?
Дед стоит, но нет ответа,
Он с расспросами опять.
«Чей я? . . Да ничей. . . прохожий. . .
Вот иду себе тишком. . .»
Сам же смотрит: странник божий
Не огрел бы посошком.

«Как же так, брат? — дед дивился. —
Я никак не разберу:
Что ж, под вербой ты родился
Иль грибом каким в бору?»

— «Выгнан, дедка, я из хаты,
А куда иду я? В свет!»
Приздумался кудлатый,
Что-то взвешивает дед.
«В свет? Эх, хлопчик, свет — велик он.
Не оглянeshь. Задарма
Сгинешь в нем, как дым; взгляни-ка,
Вон уж осень, там — зима,
А куда пойдешь зимою?
Без угла тебе пропасть.
Враз спознаешься с бедою,
Как ощерит голод пасть!
И на стуже доведется
По-цыгански пропотеть.
Тяжко так порой придется —
Впору Лазаря запеть!

А на свете, хлопчик, всяких
Много сыщется людей.
На понурых и собаки
Брешут яростней и злей. . .
Как же жить тебе на свете?»

— «А не знаю. . . как-нибудь. . .»

— «Э, негоже так, мой цветик,
Не на тот встаешь ты путь!»
Дед умолк, молчал Сымонка,
Глаз с земли поднять не мог,
А старик всё взвесил тонко
И промолвил: «Что ж, сынок,
Вот я сам-то как смекаю:
Всё уладим, не тужи,
Я старик и лучше знаю,
Что к чему, чтоб был я жив!
Мы пойдем моей дорогой,
Легче будет нам вдвоем;
Голод? Ну его до бога,
Раньше срока не помрем.
У меня своя есть хатка,
Дров нарубим, знай лежи!
Печь пригреет нас, как matka,
Хорошо, чтоб был я жив!
Встретим зиму без опаски,
Пусть трещит себе мороз,
Станем сказывать мы сказки, —
У меня их полный воз».
— «Ну, а бьешь? Скажи по чести!»
— «Что ты?! Нет, чтоб был я жив,
Помереть на этом месте!»
— «То-то ж, страшно у чужих».
Дед маленько посидел тут,
Отдохнул да поснедал
И Сымонке сальца дал,
Чтоб скрепить задатком сделку.

Таёт ночка. Полусонный
 День улыбочиво встает,
 С ней в простор идет бездонный
 И теряет там ее
 В даялях синих и широких,
 Где играет звездный рой
 И где тучек одиноких
 Не гоняет ветер злой.

Как тот день за ночью следом
 Ходит круглый год, Симон
 Так же шел за старым дедом:
 Дед — под горку, в гору — он;
 Дед хирел, теряя силы,
 Жизни круг он замыкал
 И ступал на край могилы,
 Хлопчик круг свой начинал.

К хате шли они от хаты
 Круглый год, из края в край,
 На плечах — одни заплаты,
 На устах одно — «подай!».
 В тех скитаньях всё бывало:
 Их мороз студил не раз,
 Вьюга снегом засыпала,
 Ярый ветер торбы тряс;
 Как шальной, он выл, смеялся,
 Жег лицо и с ног сбивал,
 Под лохмотья забирался,
 Шапки злобно с них срывал,
 А поймать их в поле просто ль?
 Хватъ! . . А ветер обманул. . .
 Вот когда Симонка вдосталь
 Злого горюшка хлебнул.
 Но он шел себе покорно,
 Мерным шагом, как и дед,
 И на стежке им просторно,
 И открыт им белый свет.
 Только что нам в том просторе?
 Свет с чего нам будет мил,

Коли мы — лодчонки в море
Без руля и без ветрил?
Что орлу простор? Постыл он,
Хоть открыт повсюду путь,
Коль былой не стало силы
Вольно крыльями взмахнуть
И лететь, куда захочет,
По бездонной глубине,
Там, где в тучах гром рокочет,
Небо рушится в огне.

Шел Симон со скрипкой-другом,
Шел, в сугробах увязал,
В хате, сев у печки в угол,
К образам подняв глаза,
«Малых сил слезницы» пел он,
Потрафляя деду в тон,
И псалмы за дедом смело
Выводил на скрипке он;
И в тот час, как только звуки
Песен дедовских святых
Скорбью сердца, стоном муки
Чуть касались струн живых —
Скрипка сразу оживала
И уж новым языком
Горечь сердца изливала
И рыдала под смычком.
И сосед теснил соседа,
Круг сжимался всё плотней,
И кошель в лохмотьях деда
Становился всё полней.
Грош завелся, видно, с горя,
Как не велся искони. . .
Так по хатам да подворьям
Зиму мыкались они.
Эй, седая, полно злиться!
Приходи скорей, весна:
Ты — крылатая зарница,
Ты — призывная струна,
Ты — девица-чаровница,
Ты приветлива, ясна,
Звонкой радости полна,

Ты — надежд и грез слиянье,
Песен гром и тишина,
Ты — стремленье, ты — сиянье,
Ты бескрайна и вольна,
Ты — прекрасное мечтанье,
Ты — раздумий глубина,
Ты — улыбка. . . Ты — весна.
Приходи ж, весна-отрада,
В крупных росах засияй,
Дай добра, теплом обрадуй,
Разбуди дремотный край!

И пришла краса-княгиня,
Посогнала снег с земли,
И куда глаза ни кинет —
Оживлялась там пустыня,
Травы пестрые росли.
И Симон нетерпеливо —
А зачем, и сам не знал —
Ждал весны той, ждал как дива,
Ждал и зиму проклинал.
А теперь Симон веселый,
Чует он, что вновь живет,
Что живет с ним листик квелый,
Что в травинке жизнь поет,
В каждой почке, и в лесочке,
И в полях, и на лужку,
И под вербою в тенечке
На криничном бережку;
Сердце будто запевало,
А про что, оно не знало, —
Пелось просто так, само;
Чуял хлопчик, что спадало
С шеи тяжкое ярмо
Той сиротской доли горькой,
Весь хотелось свет обнять,
Сирым людям ясной зорькой
В тьме их жизни засиять
И сказать им, что счастливым
Можно быть и на земле,
А они, хитры и лживы,

Подозрительны, гневливы,
В тьме погрязли и во зле.
Глубь небес любил он эту,
Над землей их звездный кров,
Он в душе дивился свету
И движенью тех миров.

Вот бредут, бывало, с дедом,
Место славное, тепло,
Час — как раз перед обедом.
«Слышь, Сымон, куда ни шло, —
Скажет дед, — давай присядем?»
А Сымон тому и рад.
Только вот, к его досаде,
Дед хитер и скуповат,
Всё посулами он тешит,
А одежи нет как нет.
Хоть и стар и хил, а брешет, —
Прощельга, видно, дед.
Дед же сядет возле дуба
В кружевной сквозной тени,
Люльку вложит в рот беззубый,
Набок голову склонив,
И за проповедь берется,
Как прилично старикам.
Но к тому ведет, чтоб хлопца
Поверней прибрать к рукам:
Не избегнет, дескать, кары
Тот, кто старость оскорбил.
«Дед, постой-ка, ты вот старый,
Ты сулил мне, а купил?»
— «Что?» — «Армяк: на мне ведь нету
Нитки целой, сам скажи. . .»
— «А на что он? Дело к лету,
Не к зиме, чтоб был я жив!
Наряди в обнову мальчика —
Так какой же нищий он?
Люди станут тыкать пальцем,
В ней для нас — один урон!
Люди скажут: он богатый,
Погляди, какой армяк!

На порог не пустят хаты,
А в недобрый час собак,
Не дай бог, еще насвищут
И наложат под бока...
Бедность, хлопец, доля нищих,
Рвань — отмета бедняка.
А вот взглянешь на такого —
Как не дашь, коль не злодей?
Помяни мое ты слово,
Лучше знаю я людей»
— «Дед, скажи, а мы не станем
Жить по правде, а не так? ..»
— «Ну, а как, скажи, а как?
Голова твоя пустая!
Где ж обман тут? Вот чудак!
Раз взялся уж ты за гуж,
Не скули, что, мол, не дюж;
Ты мои послушай речи:
С волком — вой, с конями — ржи,
Будь ягненком среди овечек...
Только так, чтоб был я жив!
Ты послушай, что скажу я:

Раз вещунья-птаха,
Черная рубаха,
Мыкаясь по свету,
Думала-гадала, —
Ей, мол, воли мало,
Ей, мол, счастья нету.
Пташки все как пташки:
Им легко иль тяжко,
А живут — дай боже!
Кто живет в болоте —
Есть гнездо в чароте,
Да и сыт он тоже:
Цапля — рыбной ловлей,
Аист — тот на кровлю
Не взлетит без жабы,
Гуси или утки
Рады плавать сутки,
Лишь вода была бы.
Кто живет на поле —

Жнет с другими в доле,
Клюнет — любо-мило!
Только та воронка
Невесть что, Сымонка,
В голову забила:
Хочет быть орлицей
Аль блеснуть зарницей
По небесной шири,
Чтоб в любом творенье
Вызвать удивленье,
Стать первейшей в мире.
Вверх она взглянула,
Крыльями взмахнула —
Выше, выше, выше!
Уж летит высоко,
Еле видит око,
Стала меньше мыши.
Только, кто ни глянет,
Всяк смеяться станет:
«Это же ворона!»
Видит, плохо дело,
Зря она потела,
Не по ней корона!
Пусть бы приуныла,
Да не тут-то было!
Невтерпеж вороне:
«Чтоб достигнуть славы,
Я, мол, стану плавать
Лебедем в затоне!»
И пошла осокой
На берег высокий,
Павой выступала,
Стала над водою
И — бух с головою!
Как с печи упала.
Взмокла не на шутку,
Ведь она ж не утка,
Потонула было.
Грош ей и цена-то:
Поглядишь — крылата,
А взлететь нет силы.

И теперь ворона
Уж не хочет трона
После неудачи.
И с того ей раза
Вольный путь заказан,
Круг ей обозначен.
Не мечтай, Сымонка,
Ты, как та воронка,
О широкой воле, —
Лучше деда слушай,
Навостривши уши. . .
Да. . . борись с недолей!»

Хлопчик слушал басни эти:
Ох, и врет же старый пень!
Всё, куда он тонко метит,
Ясно хлопчику, как день.
И Сымон приметил даже,
Как хитрец свой бок берег,
Разговор ведя про кражи,
Про убийц с больших дорог.
«Хвор ты, дед, — он спросит кротко, —
Что хватаешься за бок?»
— «А и верно, хвор, сынок, —
Дед кряхтит, — мой век короткий»,
Стонет, охает притворно,
Будто вправду что болит,
На боку ж, в лохмотьях черных,
Целый груз монет лежит.
И плетет он сказки-складки,
Как злодеев люто бьют,
Как хватают мертвой хваткой,
Коли в пекло попадут.
Как их только ни пытаются:
Варят черти их в котлах,
Кожу лентами сдирают,
Кости жгут в печах дотла;
Бьют по спинам вертелами,
И живое мясо рвут,
И стальными молотками
Пальцы грешников толкут.

Но страшнее кара сыщет
Тех — исчадий зла и лжи, —
Кто обкрадывает нищих.
Так-то, брат, чтоб был я жив!

4

Подошло начало мая,
И была ж тогда весна!
Ну такая, что бывает,
Может, за сто лет одна.
Всё в свой срок и в меру было:
Дождь пройдет, опять тепло,
Ночь гнала земная сила
На простор, где так светло.
Выйдешь в поле на рассвете,
Так и пил бы дух земли,
Кинь их в борозды — и дети
Тут бы, кажется, росли.
А в предутреннем тумане,
Чуть проглянет синь небес,
Сразу вспыхнет на каштане
Росных капель ясный блеск;
В нем горит зари усмешка,
В нем и радуга дрожит,
А с цветками вперемешку
Вьются травы вдоль межи.
Всё молчит в тиши дремучей,
А прислушайся — и в ней
Ясно слышен рост могучий
Сочных трав и зеленей.
Паром легким и летучим
Вверх с земли плывет туман,
Как молитва солнцу, тучам,
И горят огнем блескучим
И пригорки, и курган.
Да, весна была на диво.
Тут бы только жить да жить!
Той весны, поры счастливой,
Век Сымонке не забыть!
Как-то раз, в субботу, что ли,
Славный выдался денек.

Сильно парило, а в поле
Вдруг повеял ветерок,
С запада легко подул он,
Затеня неба край.
«Не к ненастью ль, на беду нам?
Ходу, хлопчик, подбавляй, —
Быть, кажись, грозе, гляди ты:
Томно как-то, тяжело,
Лег и спал бы как убитый,
Так от зноя развезло,
Что насилу тянешь ноги,
Под забором впору лечь».

Дед с Симонкой край дороги
Шли с котомками оплечь.
«Глянь, уж солнце невысоко,
Не пройти бы хуторов,
Ты их видишь? Где? Далеко?»
— «Не видать тут, дед, дворов», —
Осмотревшись, хлопчик скажет.
И опять молчком идут;
А на западе, как в саже,
Тучи черные встают;
То нестройные ряды их
Мчатся в степи,
 Дымовые,
 Как живые,
Словно витязи седые
Небом высланы на бой;
То сбиваются гурьбой,
То драконом многоглавым
Подползают в вышине,
А слова победной славы,
Потрясающей дубравы,
Гром кует им на огне. . .
То не тихие зарницы
Полыхают и горят,
Сам Перун там грознолицый,
Перейдя земли границы,
Рать ведет, за рядом ряд.
Лук его — из молний свитый,
Туча — щит, а стрелы — гром,

Буря — конь многокопытный,
Сам он — вихрями обвитый,
Неба ширь — ему шатром.
И всё ниже, и всё ниже
Обвисает кровля туч,
И гремит всё ближе, ближе
Гром, срываясь глыбой с круч;
Пополам вот-вот расколет
Небо грохотом Перун,
Гнет леса, гудит над полем
На манер гитарных струн —
Басовито и певуче. . .

Всё глядел Сымон на тучи.
А они — чернее ночи!
В гущу их — разбой! Содом!
Блеск слепящий рвал их в клочья!
Сотрясал их грозно гром!
«Зря пустились мы в дорогу.
Где ж укрыться нам теперь? . .
Веруй в бога, только богу
Не всегда, дружище, верь!»
Дед быстрее идти старался
И Сымона подгонял,
Став, минутку озирался
И опять шагал, шагал. . .
«Ну и гром! Вот страсть господня!
Будет нам, чтоб был я жив! . .»
— «А с чего, дедок, сегодня
Ты всё крестишься, скажи?
Грянет гром, а ты — креститься,
В толк я что-то не возьму».
— «Надо ж глупым уродиться!
Всё зачем да почему!
А затем, чтоб злого духа
Крестным знаменьем прогнать.
Как же этого не знать?
Чтоб востро держал он ухо. . .
Сам Илья ему грозитя
В небе стрелами громов,
Разъезжая в колеснице
Над землей меж облаков;

То он оборотней ищет
Под крещеною душой,
Черт ведь всё по свету рыщет,
Чтоб ввести нас в грех большой».
Дошлый дед! Он не дал маху:
Тут уж слушай да молчи!
Пред Сымонкой вдруг со страху
Встали черти-рогачи.
Вон грозят с березы парню,
Рожки выставив и хвост,
Что-то юркнуло в кустарник,
Что-то прыгнуло под мост.
А в дуплище что за диво?
Впрямь — копытца, уши, нос...
Знать, чертенок — хитрый пес —
Там таится молчаливо.

С колесницы ж ярких молний
Мечет громы сам Илья.
Аж дрожит кругом земля,
День темнеет, жути полный.
«Дед, гляди-ка, вон усадьба,
По-над лесом хуторок!»
— «Эх, прямую стежку знать бы!
Ну, живей, живей, сынок!»

С большака они свернули,
Напрямки идут межой.
Тучи ж небо затянули,
Всё кругом покрылось мглой.
Серебристой веской ртутью
С туч передних дождь упал,
Осветив на миг лишь путь их,
Гром над ними прозвучал.
И, не выдержав обвала
Расколовшихся небес,
Туча ставы разорвала,
Будто лед река взломала,
Сокрушая всё окрест.
В блеске молний слепнут очи,
Буря, ливень, гром грохочет,
Воды мчатся что есть мочи.

С уважительным поклоном
В дверь вошли Симон и дед,
По обычаям исконным,
Дому отдали привет.
Стал Симонка возле лавки,
Робко торбу снял с плеча,
А с сермяжной безрукавки
Лился дождик в три ручья.
Будто грош от солнца медный,
Он лиял, как некий зверь,
И таким-то жалким бедный
Хлопчик выглядел теперь!
Лишь глазенки освещали
Худобу и грязь лица
И невольно выдавали
Грусть и горе без конца.
В них таилось выраженье
Не бездумных детских лет,
В них избыток огорченья
Скорбный свой оставил след.
И тот взгляд довольно было
На мгновенье уловить,
Чтоб его тоски унылой
Никогда уж не забыть, —
Так-то жизнь прошла бездольно
По сиротской полосе,
Что на хлопца сердобольно
Поглядели в хате все.
«Кто ж, дедуля, этот хлопчик?
Свой тебе он или как?»
— «Нет, родные, не свояк,
Так, недолей связан общей».
— «Но родню имеет всё ж он?
Иль сиротка? Как, сынок?»
Весь Симонка насторожен,
Под собой не слышит ног.
«Он, сказать, ушел из дому,
Его батька выгнал вон.
А куда пойти такому?
Вот со мной и ходит он».
— «Что-о? — И тут на хлопца, строго
Сам хозяин вскинул взор: —

Ты сбежал? Побойся бога!
Э, да ты, видать, востер!
Что ты сделал, признавайся?
Верно, ты прожженный плут?»
— «Брось ты, батька, не ругайся!
Ни при чем он, может, тут, —
Говорит хозяйка тихо, —
Что ж корить-то задарма?
Не сбежал бы, каб не лихо,
Не сладка ведь и сума».
Слушал хлопчик — да и в слезы:
Жалость режет без ножа,
Как в ненастье лист березы,
Весь он мелко задрожал.
Знать, слышал горюн несчастный
Слово ласки в первый раз,
В первый раз видал он ясный
Взгляд сочувствующих глаз.
Сразу в хате стало тише, —
Всех до сердца пронял стыд,
Что, слова простые слыша,
Так заплакал он навзрыд.
«Полно, стихни, как не стыдно,
Да сотри-ка слезы с глаз!» —
Рассердился дед, как видно,
Дернул, за плечи потряс.
«Ну а чья же эта скрипка? —
Тут спросил хозяин. — Слышь?»
— «А его! Способный шибко
К этой мудрости малыш.
Ну, Симон, сыграй-ка, братец,
Пусть послушают паны!»
И словами деда в хате
Были все удивлены.
С непросохшими слезами
Из угла шагнул Симон,
Просветлевшими глазами
Всех кругом окинул он.
И в тот миг, как вспышка краткий,
Чей-то взгляд он вдруг поймал,
Что следил за ним украдкой
И глаза его искал.

Никогда уж не забудет,
Пока жить на свете будет,
Хлопчик — сам-то весь с вершок —
Глазок ясных, бровок гнутых,
Будет помнить на минуту
Губки тронувший смешок.
И глаза он снова вскинул,
Взгляд тот снова уловил,
Осторожно скрипку вынул,
Чуть головку наклонил,
И запела скрипка людям
Песни сердца наизусть,
И, теплом вливаясь в груди,
По мальчишеской причуде
Осеняла душу грусть.
Затаили все дыханье —
Так Сымон зачаровал,
Только изредка молчанье
Вздых невольный прерывал.
Подперевши лоб рукою,
Сам хозяин сел за стол,
С нежной, ласковой тоскою
Устремившись взглядом в пол.
А хозяйка, как стояла,
Так застыла и молчит,
Точно что ее сковало. . .
На лице слеза блистала,
А струна звучит-звучит!
А Сымон в тревоге сладкой,
Глядь — и вскинет взор подчас,
Чтобы встретиться украдкой
С парой милых, ясных глаз.
А они, лучась, глядели
Мягко, нежно, словно пели,
Так светло и так пригоже,
Как глядеть лишь юность может.
Шли лучи тепло и ясно
В душу скорбную к нему,
Озаря день ненастный,
Разгоня в сердце тьму.
И тогда все струны словно
Оживлял веселый тон,

Плыл смычок легко и ровно,
Со струнами полюбовно
Звонко вел беседу он.
Так на поле в вечер мая
Ветерок дохнет, взлетев,
Колоски чуть-чуть качая,
Тайный шепот их слагая
В тихий, ласковый напев.

Кончил он, но песен звуки
Жили в памяти души,
Будто те слова разлуки,
Что звучат тебе в тиши.
«Хлопчик, друг ты мой любезный
Что за мастер ты, браток!
Как зовут тебя, болезный,
Золотой ты мой цветок?»
И Симонку хвалят в хате
Вперебой на все лады.
«Ну, иди за стол, приятель;
Сядь сюда, старик, и ты,
Подкрепиться-ка с дороги. . .
Дед, сними ты свой мешок!»
И в ответ кряхтит убогий:
«Благодарствуйте, панок!
Вот я тут присяду, с краю,
Да хранит вас божья мать. . .
Я, панок, — не стану лгать —
Очень хлопца уважаю,
Славный малый, молодчина,
Кровь чужая, а скажи:
Вот люблю его, как сына,
И кормлю. . . чтоб был я жив!»
— «Худ он, дед, не руки — плети.
Что ж, Симонка, ты не ешь?
Ганна, сбегай-ка да в клетки
Сыру хлопчику отрежь!»

А! То Ганна! Ну — девчинка!
И бедовая ж она!
Вся фигурка — что тростинка,
Облик светлый, как весна.

А как глянет, глазки вскинет,
Усмехнется — ясный день!
Хоть какая злость остынет,
С хмурых лиц сбегает тень.
«Угощай артиста, Ганка!»
Застыдилась тут она,
И, как маков цвет, белая
Стала вся красным-красна.
Всё же глазки подымает
На Сымонку, но опять
Их стыдливо опускает,
Не найдется, что сказать,
Как просить его честь-честью.
И Сымонка сам не свой:
Сыр жует он с мясом вместе,
Клецки молча мнет рукой.
Сам не знает, что с ним станет
И куда бы руки деть, —
Он в глаза не может Ганне
Смело, просто поглядеть.
Дед же, взгляд подняв к иконам,
Осенил себя крестом
И, вставая, чтит поклоном
Хлебосольный этот дом.
«Дай вам бог за подвечерок
Вдосталь счастья заиметь!
Ну, Сымон, стемнеет скоро,
Как бы в Липы нам поспеть?»
Стало хлопцу так тоскливо.
«Что ж, пойдем», — а сам вздохнул:
Вот и кончен день счастливый!
Встал и хату оглянул.
И уныло так заныло
Сердце бедное его!
И кручина подступила,
А о чем она? С чего?
По путям бродяжьим снова
Побираться день за днем,
Когда здесь, под этим кровом,
Обогрет он так теплом! . . .
«Тут ночуйте, кто вас гонит?»

Пол под вами не горит,
Да и день уже на склоне, —
Им хозяин говорит. —
Клуня — рядом, и на сене,
Право ж, лучше отдохнуть,
Чем в грязи-то по колени
Проторять в потемках путь!»
— «Пусть вас бог не оставляет!
Крыша есть — и хорошо», —
Молвит дед и вновь снимает
Свою торбу и мешок.

б

Отгремели в небе громы,
Вдаль несутся стороною
Затихающей волною,
А по пущам буреломы
Как застыли от истомы;
Сходит ночь в молчанье мертвом,
Дуб над братом распростертым,
С горя голову склоняя,
Капли слез с ветвей роняет.
Уползают туч отары,
Как таинственные птицы,
Блещут крыльями зарницы,
И, зажжен грозой, яро
Скалит зубы столб пожара.
Гибель там, беда лихая,
Пламя рвется, полыхая,
Миг — и небо загорится.
Высь туманная блескуче
Растянулась над лесами
Золотыми поясами;
Искры-звезды сбились в кучи.
Небо всё сияет, дышит
И как будто надпись пишет
На шелку звездой падучей.

С дедом лег Сымон на сене,
Да не сходит к хлопцу сон:

Перед ним плывут, как тени,
И встают со всех сторон,
Словно тучки золотые
Над просторами лугов,
Думки-образы такие,
Что для них не сыщешь слов,
Чтоб понять их было можно,
Уловить их странный ход;
А они зовут тревожно.
Но куда? Назад? Вперед?
И меж ними образ Гани,
Всех светлей и ярче всех,
Точно звездочка в тумане
Глаз ее искристый смех.
Он, как бисер, рассыпался,
Он манил к себе и звал,
Майским цветиком качался,
Точно знаки подавал.
У Сымонки в полном сердце
Песня пелась, как и днем:
Распахнуть ей время дверцы —
Нет раздолья песне в нем,
Ясен мир его, да тесен.
В жизни каждому свое:
Не для звонких, вольных песен
Подневольное житье!

И не может хлопчик сладить
Сам с собой, чтоб не сыграть.
Он тихонько с сена слазит —
Песне волю хочет дать.
Обняла всю землю ночка;
Тихо-тихо, спит трава,
И цветок свернул листочки,
Кычет в сумраке сова.
А над дальней полосой,
Где сливаются с землею
Темным краем небеса,
Взором вдруг блеснут зарницы,
Осветив на миг криницы,
И долины, и леса.
Эти взоры глаз искристых

Гонят мрак со всех сторон,
Но завес тяжелых, мгlistых
Приподнять не хочет он,
Чтоб господства не утратить,
Чтоб закрыть дорогу дню;
А Сымонка, тих, как в хате,
Взглядом — глаз докуда хватит —
Устремляется к огню.
И по струнам по шелковым
Вдруг повел смычком Сымон,
И, звуча напевом новым,
Полетел к полям, к дубровам
Чутких струн согласный звон.
Говорили струны, пели,
Душу всю излить хотели:

Как прекрасны вы, звезды-узоры!
Словно высыпал иней огнистый,
Словно кто-то цветные монисты
На парчовые бросил уборы.
То не вас ли приветствуют горы
И пучины-просторы
Далей дымчато-мгlistых?
И не вам ли средь тучек зарницы
Золотые веночки свивают? . .
А с востока в челнах выплывают
Слуги солнца и светлой денницы,
Ведь уж время окошкам раскрыться,
Чтобы дню поклониться,
Что вдали запевают.
Кабы солнечной был я искринкой,
Заглянул бы в высь далечко,
Я шептался бы с чистой росинкой,
Я из тучки катился б слезинкой,
Золотой бежал бы речкой
Подле милого крылечка.

Звезды — очи темной ночи,
Ясный месяц — часовой,
Стаи тучек — оторочки
На одежке ветровой.
Небо — стан, где по кросенцам

В челночке, с румяным солнцем,
Выплывает день живой.
А зарницы — жар из горна,
Что раздула вышина.
Громы — отзвук разговорный
Молний-птиц и Перуна;
Звездный ливень — умиранье,
Вспышки радуг — выплыванье
Златодонного челна. . .

Только — тсс! Что там такое?
Ветка дрогнула листком!
Вон в кустах у частокола
Что-то спряталось тишком!
«Кто там? Кто там за кустами?»
— «Это я, Сымонка, я! —
Тьма встревожена пустая. —
Не пугайся ты — своя!»
И, как бабочка, неслышно,
От смущенья чуть дыша,
Раздвигает Ганна вишни.
Отступил Сымон на шаг.

Г а н н а

Как я скрипку услышала,
Не стерпела — да в кусты.
С полчаса я тут стояла.
Хорошо играешь ты:
Век бы слушала, сдается!

Так шепча ему, она
Села рядышком, смеется,
Тихой радости полна.
Удивлен Сымон — ни слова,
А девчинка шепчет снова.

Г а н н а

Что ж молчишь? Я помешала?
Ну! Сымонка! Ты не рад?

С ы м о н

Мне сдается — солнце встало,
Осветило этот сад,

Ты ведь добрая, с душою,
Вся ты светишься добром,
И мне кажется — с тобою
Я давным-давно знаком.

Г а н н а

Поиграй!

С ы м о н

А как услышат
Да велят идти домой?
Так побудем, только тише, —
Ночке дай сыграть самой.

Г а н н а

Что ты, разве ночь живая?
Ночка просто... просто тень,
Когда землю тьма скрывает,
Когда гаснет ясный день.

С ы м о н

А не слышала ты, что ли,
По ночам совсем живых
Голосов в безлюдном поле
Либо шепота травы?
Или как в лесу сердито
Речь дубов идет-гудет,
Или как на ниве жито
С ветром песню заведет?
Вон прислушайся, Гануся,
Как звучит, звенит вокруг...

Г а н н а

Нет, мне страшно, ох, боюсь я...
Иль обманывает слух,
Или то нечистый дух?

С ы м о н

Ты не бойся: не посмеет
К нам злой дух и подступиться,
Здесь добром и миром веет,
Он же этого боится.

С духом неба светлокрылым
Дух сливается земной,
Не давая темным силам
Потревожить наш покой.
И зверям, рыбешкам, пташкам
Так легко дышать добром,
И небесным тем барашкам,
Где гремел недавно гром,
И тем звездам неподвижным,
И тем звездам, что дрожат,
И просторам непостижным,
Что над звездами лежат;
Всяк тут чувствует и дышит,
Всё вокруг поет, звенит,
Лишь глухой их не услышит, —
Как и мы, живут они.

Г а н н а

Я ведь темная, известно!
Всё, что ты сказал, — мне ново.
Много в свете дел чудесных,
Как размыслишь, право слово.
А цветочки в поле этом, —
Объясни ты мне толково, —
Больно им, как рвешь их летом?

С ы м о н

Ну конечно, больно будет,
Хоть заплачь — живые всё же,
Не видать лишь слез, а может,
Не хотят их видеть люди!

Г а н н а

Как всё ясно мне с тобою!
Я не буду рвать их больше:
Пусть живут себе подольше,
Как положено судьбою. . .
Как постиг ты, знать хочу я,
Что вокруг и что над нами?

С ы м о н

Больше так я — сердцем чую,
Вижу кое-что глазами.

Был я меньше, жил я с дедом,
Да не с этим, а с другим,
Он мне многое поведал,
Толковал я вволю с ним.
Он и скрипку дал мне эту,
Обучил смычком водить.
Помер он прошедшим летом,
Я ж с сумою стал ходить.

Г а н н а

Ты — с сумой! Как это стало?
Разве это справедливо?
Ты же вправе быть счастливым,
А дают тебе так мало! . .
Как мне жаль тебя, бедняжка,
Горемычный сирота! . .
Твоя долюшка люта,
Даже думать — сердцу тяжко!

С ы м о н

Может — да, а может — нет:
Не без счастья белый свет.
Вот послушай, сделай милость,
Что в народе встарь сложилось:

Неказистый
Да невидный рос дубок,
Весь корявый, жидколистый,
На один склоненный бок.
Ясно: сильный да проворный
Лучший грунт облюбовал.
Ну а слабый и покорный
Жизнь задаром отдавал.
Дерева росли, мужали,
А заброшенный дубок
Все ни за что обижали,
Сир он был и одинок;
Словно нищий иль клейменный,
Как чужой среди чужих,
В пуще он грустил зеленой,
Будто камень срьд межи.

Поглядеть — дубок никчемный
И не годный никуда.
Да чужой-то кут — он темный,
Кто заглянет внутрь туда?
У него ж был клад богатый:
Думок, снов и песен впрок,
Сказок угол непочатый;
С ним шептался ветерок,
С ним совет держали тучи,
Облачка смеялись с ним,
Вдаль плывя в одеже лучшей,
Тканной солнцем золотым;
Летом с ним и день и ночьку
Булькал светлый ручеек,
А с полей, из рощ дубочку
Нес все вести мотылек.
Так, сроднившись с белым светом,
Клад отдав родным местам,
Он, бездольный и отпетый,
Дивным песенником стал.
И так песнь его звучала
В час, когда весь свет стихал,
Что и небо замирало,
И земля тут замолкала,
И живое всё скрывал
Мир-покой под кроткой сенью.
И, услышав тот напев,
Злой измены гибло семя,
Исчезали месть и гнев,
Оживала ночь глухая,
День вставал, раскрыв свой зрак.
Испугалась сила злая,
Видит — плохо: сгинет мрак.
Смолкла песня — вновь стемнело.
Не видать нигде огней...
И железо зазвенело
По дубочку у корней,
И срубили диво-древо,
Сердце вынули его,
Чтоб не слышалось напева
Задушевного того.

А дубок без сердцевины
Наземь кинули тогда,
И от той от злой кручины
Смолкли песни навсегда;
Лишь, бывало, на рассвете,
Чуть повеет ветерок,
Несся стон, как из-под плети, —
Плакал срубленный дубок.

Шел вблизи старик-прохожий.
Вдруг те звуки слышит он:
То ли голос чей тревожит,
То ли струн надрывный звон?
Только взяться им откуда?
К деревцу он подступил. . .
Что за притча? Что за чудо?
Дуб стонал и голосил.
Словно он роптал и кары
Всё просил лихой судьбе. . .
И, кряхтя, из дуба старый
Дудку вырезал себе.
И пошел по белу свету
Подаянье собирать,
Но не так уж дудка эта
Стала сказочно играть.
Ведь не то на ней дудели,
Чем душа ее жила,
Пела вволю, а на деле
Подневольною была.
И, будя глухие веси,
Тосковала по полям,
По правдивой вольной песне,
По родным своим корням.
Но однажды на минутку
Вольный голос к ней проник
И вернул печальной дудке
Злобой отнятый язык.
А за миг желанной воли
Всё могла она отдать;
И свою былую долю
Стала дудка прославлять.

И лишь воля к ней вернется —
Дуб мгновенно оживет,
Песня-радость разольется
И в просторы поплывет;
И дубки под отчей сенью
На корнях его взрастут,
И другому поколенью
Песню эту допоют.

Тут Симонка кончил сказку,
Свесил голову на грудь,
Как вчера, горючей лаской
Осенила хлопца грусть.
Ни словца не проронила
Ганна тут, замолк и он,
Их тревога охватила,
Наползла со всех сторон.
И внезапно Ганна встала,
Миг — придвинулась молчком,
Обняла, поцеловала
Крепко-крепко и пропала
Вдруг в вишеннике густом.
Близок алый час восхода,
Тает мрак, редет тень,
И приветствует природа
На пороге новый день.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Край родимый, край пригожий!
Милый дедовский приют!
Что на свете мне дороже?
Где душе теплей, чем тут,
Тут, где речки льются тихо,
Где леса шумят-гудят,
Медом пенится гречиха,
Нивы шепчут-шелестят;
Где на долах безграничных
Дремлет гладь болот, озер;

Где под говор струй криничных
Призадумался простор;
Где под осень плачут лозы.
По весне луга цветут;
Где вдоль большаков березы
В дальний путь гуськом бредут?

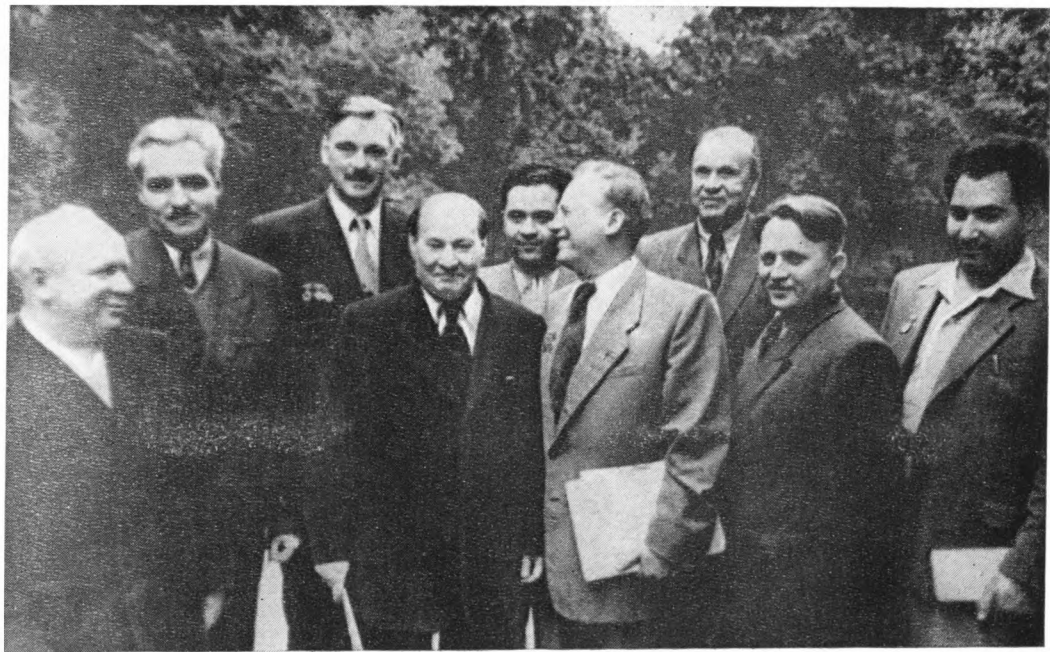
Гей, курганы в чистом поле,
Наша память о былом!
Вы по чьей суровой воле
Понасыпаны кругом?
Чья среди равнин бескрайных
Раскидала вас рука?
Не откроете вы тайны,
Что сказали вам века!
И бежите вы безгласно
В ту ли, в эту ль сторону —
К водам Вилии прекрасной
И под светлую Двину.

Край родимый! Где ж на свете
Край другой такой найти,
Где б во тьме глухих столетий
Красота могла взрасти?
Где бок о бок с нищетою
Нивы пышные цветут?
Где б над долею людскою
Насмеялись так, как тут? . .
Сквозь венцы дерев по селам,
Вышиной под стать лесам,
Церкви, стройные костелы
Главы вносят к небесам.
И виниться колокольни
Всех сзывают искони
«В винах вольных и невольных
Перед богом и людьми. . .»

Белорус, мой брат по крови!
То не сам ли тайный рок,
Дав в удел нам край суровый,
Как на подвиг нас обрек?

Тучей темной, вражьей сворой
К нам в лихие времена
На широкие просторы
Шли чужие племена;
Нас старались в сердце ранить,
Под ярмо навеки взять,
Все святыни опоганить,
Душу злобой оплевать,
Чтобы смерть, бесчестье, беды
Стерли наш последний след,
Чтобы внук не знал, не ведал,
Кто был дед, откуда дед.
И лилась тут кровь безвинно,
Нажитое швед палил,
Бонапарт, Вильгельм бесчинно
Пир справляли среди могил.
Строил тюрьмы царь народу,
Чтобы трон был нерушим,
Мерил волю и свободу
Он на варварский аршин.
И подкованным копытом
Конь карателя ступал,
И в полях пшеницу с житом
Он без жалости топтал.
Край родной! Поля и пущи
По ту сторону межи!
Пан спесивый, завидуший
Затянул на вас гужи,
По варшавской мерке хочет
Белорусу сшить наряд,
Да свернуть не хватит мочи
Ход истории назад!
Братья! Сколько ж испытаний
Довелось нам пережить!
Сколько сгибло дарований,
Сколько их в земле лежит,
Неизвестных вовсе свету,
Не оплаканных никем,
Только ветрами отпетых
Где-нибудь на большаке! . .
Или прав мы не имеем
Путь свой к счастью пролагать

И, как встарь, землей своею
Край родимый называть?

«Гей, Симон! Симон! Ты слышишь?
Солнце встало уж — пора!
Аль забыл, под чьей ты крышей?
Время, брат, и со двора! —
Дед, как дед, проснулся рано,
Будит хлопца. — Надо в путь!
Ишь заспался, вроде пана,
Хоть невежею не будь!»
И собирает дед пожитки
Да бубнит себе под нос:
«Где ж он, хлопец? Экий пряткий,
Куда прах его понес?
Эй, ты, слышишь? Где ты сгинул?»
Дед вскочил, мешок сложив,
Клуню взглядом он окинул:
«Убежал, чтоб был я жив!»
Он не в силах сделать шагу,
Думка мозг его ожгла:
«Обокрал, видать, и — тягу!»
И сама рука легла
На мешочек под рубахой, —
Видит: нет, мешочек цел.
И, оправившись от страха,
Дед на сено вновь присел.
«Вот так диво, что с ним стало?» —
У себя он сам пытал.
А тем часом солнце встало,
Луч под крышей просиял,
Будто день зажег в щели он,
И в полоске золотой
Вдруг бесчисленных пылинок
Закружился легкий рой.
Пташки-ласточки сновали
То на двор, то со двора
И так мило щебетали,
Словно, радуясь, желали
Деду доброго утра.
С сена слез старик в тревоге:
«Ну, куда ж пропал Симон?»

Где его таскают ноги?
Экий малец ветрогон!»
Клуню дед обходит дважды,
Ищет, шарит, позовет,
А испуг с минутой каждой
Неотвязней сердце рвет:
«Бросил хлопец деда, бросил!
Не умел с ним ладить он!»
Расспросить? Что толку в спросе?
Далеко скрипач Симон!
«Где ж твой хлопец, дед?» — «Не знаю
Сам, по чести говоря.
Ни на воле, ни в сарае, —
Вот ищу, да, видно, зря,
Провалился как сквозь землю. . .
Ох, проспал его, проспал!
Мы-то спим, а враг не дремлет!
Я ж без хлопчика пропал!»
Сам хозяин к деду вышел,
Всполошился целый дом,
От подполья и до крыши
Всё обшарили кругом.
Забрели к соседу даже,
Чтоб напасть хотя б на след, —
Точно сгинула пропажа,
Сиротой остался дед.
«Будто сына вдруг не стало,
Так-то жаль, чтоб был я жив!»
— «Знать, сменял тебя твой малый,
Срока, дед, не дослужив!»
Чуть жива, печальна Ганна,
Мысль о нем крушит ее:
Где ж теперь он, бесталанный,
Горе мыкает свое?
Что ж ушел он спозаранку?
Хоть словцо сказал бы он!
Разобидел хлопчик Ганку,
Свет закрыл со всех сторон!
А она о нем гадала,
Сердце тешила мечтой:
Дома, что ли, света мало?
Он и тут бы жил как свой,

Упросила б, верно, тятю —
Как откажешь ей, смоле? —
Приютить Сымонку в хате
Иль пристроить на селе. . .
Ба, да, может, спит он просто
За вишенником? Тайком
Ганне ткнут надежду кросна
Золотистым челночком.
Даже вдруг зарделись щеки. . .
В сад скорей она спешит.
Только там, на солнцепеке,
Пусто, грустно, ни души!
Сиро, словно с этой ночки
Радость всю утратил сад,
Даже дрожжие листочки
Шелестят на грустный лад.
А ведь тут, под этой грушей,
Он сидел, а с ним она,
Тут он ей встревожил душу,
Сладко пела тут струна.
Сердце жжет тоска-тревога,
Смотрит Ганна на луга,
В свет бежит среди них дорога,
А над ней нависла мга.
Ткет косынки на просторе
Душный солнечный туман,
И в бескрайном хлебном море
Млеют елка и курган. . .
Там чужой рубеж, далеко ль
До него? . . Поля пусты,
И на росстанях лишь тополь
Да замшелые кресты.
Ты куда ушел? Куда?
Нет ни слуха, ни следа. . .

Звезды гасли не приметно,
Прояснялся неба край,
Легкий пар, туман рассветный,
Кутал в дымку сонный гай;
А Сымонка, зачарован
Красотой такой вокруг

И неожиданным, смутным, новым,
Что вечер родилось вдруг,
Сам не знал, где заночует,
Что поест, но счастлив был,
Словно в каждой жилке чуял
Он избыток новых сил.
Позабыв на час невзгоду,
Он узнал тут новый свет,
То, чего не ведал сроду, —
Лаской хлопчик был согрет.
И стоял он на границе,
Где решалась вся судьба:
Там — манящий блеск денницы,
Здесь — во мраке — жизнь раба:
Он теперь бедняк, убогий,
Кто ни вздумал — презирай.
Иль заказаны дороги
В жизнь иную, в светлый край,
Где своим талантом может
Счастье он свое добыть?
Нет, покуда век не прожит,
Он, как люди, хочет жить.
Ясным взглядом он измерил
Даль полей, лугов, лесов,
В силы он свои поверил,
В правду новых голосов.
Оглянулся тут Сымонка,
Посошок ольховый взял,
Обернулся в ту сторону,
Где он сердце потерял:
«Будь счастливой, Ганя, зорька!
Не побрезгала ты мной
И в моей судьбине горькой
Будешь светлую мечтой.
Будьте все вы век здоровы,
Будь и ты, дедок, здоров.
Пусть же к вам с прибытком новым
Новый день придет под кров!»

Я один как перст на свете.
 Пестуй, пестуй, вольный ветер,
 Мои думки, мои грезы,
 Сказки-чары, песни-слезы.
 Я пойду, минуя рощи,
 Что темнеют, словно брови:
 Всё в пути мне будет внове,
 Мир увижу, полный мощи,
 Жизнь услышу в полуслове...
 Я пройду, минуя рощи,
 А за рощами, за лесом
 Даль, раскинувшись, как море,
 Не вмещается во взоре
 И чарует неизвестным,
 И зовет к нездешним зорям
 Даль, лежащая за лесом.
 На просторе сердцу любо.
 Там цветы, рассыпав краски,
 Говорить мне станут сказки.
 В тень заманят ветви дуба,
 Дремы полные и ласки;
 На просторе сердцу любо.
 В белый свет бежит дорога
 По пригоркам, чрез ложбинки.
 Будет ветер гнуть былинки,
 И навеет думок много
 Мне о ласковой девчинке
 Та далекая дорога.

Я пойду, один пойду я.
 Дед пусть кличет, негодуя:
 На него не сласть трудиться,
 Сам себе хочу быть паном,
 Разойтись давно пора нам.
 Вольным быть хочу, как птица.
 Тихим утром, до восхода,
 Не сказавшись, со двора
 Хлопчик вышел на свободу
 Поискать себе добра,
 Изменить свою судьбину

И по-новому зажить,
Чтоб вниманье у девчины
Честным делом заслужить.
У Сымонки планов много
Непостижной красоты.
Щедра новая дорога
В голове родит мечты. . .

По бокам поля лежали,
Спали рощи легким сном,
Ручейки перерезали
Путь-дорожку серебром
И бежали, и терялись
Меж высоких бережков,
И вдали перекликались
Ровным строем голосов,
Хлопцу душу обвевали
Миром, лаской, тишиной;
Ветлы сверху им кивали
И от солнца укрывали,
Встав зеленою стеной;
По полям бежали межи,
И вокруг, лаская взор,
Васильками в дымке брезжил
Поля житного простор.
Шел Сымон по вольной воле,
Шел куда глаза глядят.
Как родной он в этом поле —
Брат былинкам, тучкам брат;
Тучки ж в дальнюю сторонку
Уплывали без следа.
«Вы куда? — шептал Сымонка. —
Расскажите мне — куда?
Дети солнца и земли,
Пронеслась гроза над вами,
Вас невзгоды обошли».
А дорога колеями
Извивается, бежит,
Вдоль дороги колосками
Жито с нею говорит;
Как цветистые рисунки —
Рощи, поймы и поля,

Зеленя лежат, как струнки,
Дышит теплая земля.
А вон там, на повороте,
Где высокий крест стоит,
Купол башни в позолоте
Спелым яблоком горит.
Хлопчик чувствует усталость —
Солнце стало припекать.
Закусить пора бы малость,
Где бы хлебца поискать?
Стежка в сторону свернула,
Изогнулася дугой,
Сквозь деревья проглянула
Крыша красною трубой.
То корчма. Весь люд окрестный
Знал угрюмый этот дом.
Рыжий Шлема, жох известный,
Был давно здесь корчмарем.
Хоть бранить его бранили,
Не желал никто вреда:
Все по слабости любили
Заглянуть порой сюда.
Да и как — считали люди —
Не поладишь с корчмарем?
Присоветует, рассудит
И попотчует вином.
Были б деньги! А не хватит —
В долг поверит как-нибудь,
Но зато уж при расплате
Всё удвоить не забудь!
И к радетелю такому
Люд стекался, как в костел,
Шел и свой и незнакомый
С хуторов, из дальних сел,
Даже шляхтич с важным паном
Заезжали — и не зря:
Каждый гостем был желанным
В час любой у корчмаря.
Стал Сымонка, размышляя:
Как — зайти иль обойти?
Посмотрел — сума пустая!
Пропадешь с такой в пути.

И с опаской, словно топко,
На порог ступает он,
Зал оглядывая робко,
Темный, страшный, как притон.
Там вдоль стен на лавках низких
За столом сидит народ,
На столе — куски, огрызки.
Люди пьют, кричат вразброд.
Разговор хмельной и жаркий,
Там и тесть, и сват, и кум;
С дробным звоном ходят чарки,
В головах же бродит шум.
Пахнет водкой. Как в тумане,
Всё в махорочном дыму,
Смех и говор с крепкой бранью
Сотрясают всю корчму.
«Го! Скрипач пришел — гляди-ка!
Ну-ка, хлопчик, тра-ля-ля!
Потанцуем, сват Громыка,
Так, чтоб охнула земля!»
У Сымонки прямо в пятки
В тот же миг ушла душа:
Эх, бежать бы без оглядки!
Но стоит он чуть дыша.
А хозяин, как знакомый,
Подскочил: «Входи, не стой!
Тут, в корчме, мы все как дома!
Или, может, ты святой?
У меня всем места хватит,
Да не бойся — не съедят!
Ты гостям сыграешь, братец,
А они вознаградят!»
Повернул Сымонка круто:
А чего ж бояться тут?
Свой талант в одну минуту
Он представит им на суд.
Скрипку взял, смычок подмазал
Да по струнам как повел —
Стихло всё, как будто сразу
Замер весь огромный стол.
Звуки ширятся и льются,
Наполняя всю корчму,

Люди смотрят и смеются
И кивают в такт ему.
Казачка мотив веселый
Тут пришелся в самый раз:
Подобрал Громыка полы
И пустился первым в пляс.
Скрипка так и подмывает —
Аж захватывает дух!
Сам корчмарь гостям мигает,
Приговаривая: «Ух!»
А у двери корчмариха
Смотрит с кучею ребят,
Их лопатки, плечи лихо
Так и ходят струнам в лад!
И такой наш хлопчик нотой
Кончил, с вывертом руки,
Что в картуз его без счета
Полетели медяки.
И Сымонку в общем крике
Хвалят все наперебой:
«Чей он? Хват! Артист великий!
Не сыграет так любой!»
Что ж, лиха беда — начало,
Как говаривали встарь,
Только скрипка отзвучала —
Подошел к нему корчмарь.
«Слушай! В крике мало толку!
В чем же толк — ты хочешь знать?
Так зайди ко мне в светелку,
Есть о чем потолковать!»
На мази как будто дело,
Ведь такой не скажет зря!
Поскорее захотел он
Всё узнать у корчмаря.
И пошел, забрав монеты,
Он взглянуть в глаза судьбе,
Но ему в каморке этой
Стало вдруг не по себе.
Он дивится молчаливо:
Кто сердитый этот дед?
Как он смотрит! Что за диво?
Ну и странный же портрет!

Встанешь вправо, встанешь влево —
Острых глаз с тебя старик,
Полных хитрости и гнева,
Не спускает ни на миг.
Оробел Сымонка шибко,
Жутко бедному ему,
Словно он попал ошибкой
Под его надзор в тюрьму.
Но корчмарь, не замечая,
Что парнишка сам не свой,
Сел и, головой качая,
Разговор завел такой:
«Ну, дружок, садись покуда.
Знаю я твой горький хлеб!
Жить, как ты, бездомным, худо,
Всё я вижу, я не слеп.
Будешь век голодным, битым,
Коли нет своей стези,
Ты же можешь быть и сытым
И не жить вот так — в грязи!
Право, будто ты нарочно
Насажал себе заплат,
На тебя взглянуть ведь тошно —
Ты, как вобла, высох, брат.
Этак жить весь век негоже!
Что за пища хлеб да квас?
Надо справить и одежду,
И обувку про запас.
Надо, друг, стремиться к цели,
Коль имеешь ты царя
В голове. Что, в самом деле,
По дворам шататься зря?
Что там выходишь ты, малый?
Просто... мочи нет молчать!»
И давай делец бывалый
Снова хлопца поучать:
«Хочешь быть ты человеком,
Угол свой иметь всегда —
Оставайся здесь тогда,
Под моей живи опекой!
У меня в иные дни
Здесь полно. А что за люди!

Вот тебе и дело будет —
Любят музыку они.
Знай играй перед гостями —
Ци-ли-ли да цим-та-там!»
Стал корчмарь водить руками
По невидимым струнам —
Ну совсем скрипач умелый!
Разобрал Сымонку смех.
«Это легкое, брат, дело,
И отказываться грех!
Я тебе, ну, право слово,
Лучший угол отведу!»
— «Что ж, играть мне, пан, не ново —
Мы со скрипкою в ладу.
Я согласен жить у пана,
Я готов остаться тут!»
Так негаданно-нежданно
Наш Сымон нашел приют.

3

Дом был старый, но исправный,
Места хватит хоть кому,
А бездомному — подавно, —
Ну чего желать ему?
В кухне печь сама как хата,
А за печью уголок, —
В нем хотя и темновато,
Что сказать Сымонка мог?
Там зато тепло и сухо,
Спи себе, как важный пан,
А прусак залезет в ухо
Либо черный таракан —
Что ж, мириться надо с этим,
Коль живешь не у своих, —
Много есть бродяг на свете,
Не посадишь на цепь их!
В кухне всем хозяйством ведал
Корчмарев батрак Яким,
Власть забрал он над соседом
И подшучивал над ним:
«Пан ты, хлопец, да и только!

Позавидует прусак,
Что по шелкам — вон их сколько! —
Век ютится кое-как.
Так за печкой спать приятно,
Что проспишь и счастье тут!
Сам хозяин, барин знатный,
А еще знатнейший плут,
Сладко так не будет с женкой
На перинах почивать!»
Всё шутил Яким с Сымонкой,
Ладя хлопчику кровать.

На кухне — тьма,
Огонь загашен.
Спит батрак.
Недвижный мрак
Сымонке страшен,
Как тюрьма.
Его во тьме
Томит забота,
Сон нейдет:
Корчмарь-то врет —
Неладно что-то
Здесь в корчме! ..
Но нет! Но нет!
На смену ночке
Выйдет день,
Прогонит тень,
И в уголочке
Будет свет! ..
Ярким светом,
Огнецветом
Кто сияет?
То — Она
И с улыбкой
В дреме зыбкой
Прилетает,
Как весна!
Шорох мыши
Глуше; тише
Скрип в подполье,
Хрип в печи.

А виденье —
Светотенью
На приволье
Шлет лучи.
Облик тонкий
Всё яснее,
Слышно имя —
Огнецвет!
И Сымонка
Только с нею,
И лишь ими
Полон свет!

То тревожит вновь Сымонку
Светлой думкой сладкий сон
И уносит в ту сторонку,
Где увидел Ганну он.
Вот он, садик тот заветный,
А за ним — счастливый дом,
А над ним покой всесветный
Вширь раскинулся шатром.
Воскрешает безмятежный
Звездный свет в душе живой
Милый голос, облик нежный,
Взгляд девичий огневой.
Думы тают в хороводе,
А из сумрачных долин
Мертвый сон к Сымонке сходит,
Ночи темный властелин.
И Сымонка сам не знает,
Где тут явь и где тут сон,
И далеко улетает
На волшебных крыльях он.
. . . Ясноглазый и румяный
День встает. Из-под руки
Глядя в даль, в траве медвяной
Зажигает огоньки,
Всё живое блеском будит,
Согревает солнцем всех
И вокруг на радость людям
Рассыпает звонкий смех.
И к Сымонке заглянул он
И шепнул ему по дружбе,

Что Сымонка здесь на службе,
Что уж ночь давно минула.
Вот постель он прибирает,
Хлопчик жмурится со сна
И о службе размышляет —
Какова-то здесь она?
Но приказ хозяйки сразу
Разрешил его вопрос:
Пол подмел он по приказу,
Выгнал кур и дров принес.
Всё бездомному пристойно,
За прислугу здесь наш «пан»,
Он и по воду, и к стойлу,
Он и в погреб, и в чулан.
И корчмарь дает работу
Да еще твердит ему:
«Надо, брат, иметь охоту
В нашей жизни ко всему!»
Правда, хлопца приодели,
Дав поношенный кафтан,
Повертели, оглядели
И сказали: «Чем не пан?»
Да и сам он был доволен,
Только вот болтун Яким
Языку дал снова волю
И подшучивал над ним:
«Что ж, подарок прямо хватский!
Ты теперь пан Лапсердацкий,
В нем сто лет проходишь, брат,
Он не зря тебе до пят!
Что с того, что рван и стар он?
Спесь была б — сойдет и так!»
Хоть Яким не злой был парень,
Но на шутки был мастак.
Всё Сымонке было ново,
Странно было всё в корчме:
Что ни дело, что ни слово —
Всё себе лишь на уме!
Дом имел свое обличье,
Был в нем прочно утвержден
Свой порядок, свой обычай,
Свой неписанный закон.

А корчма не пустовала —
Уж такой был тот уклад!
Что в ней душ перебивало!
Шел сюда и стар и млад.
Двери целый день скрипели,
Не смолкали шум и гам...
Здесь кричали, пили, ели,
А иные по углам
Поджидали терпеливо
Стука дробного колес
И в глаза смотрели льстиво —
Кто б стаканчик им поднес?
Здесь и в будни было людно,
Ну а в праздник — не пройти:
И родного батьку трудно
В давке было бы найти.
Летом тише, как обычно, —
Вот зимой зайди в корчму!
Будь тут самый горемычный —
Стало б весело ему.
Тут и ругань, тут и пенье,
Тут и пляс, а иногда
В ход пускались и поленья,
Как гуляла беднота.
А потеха затевалась
Перед святками зимой —
Не одна здесь изломалась
Половица под ногой!
Выбрав девушку под пару,
Парень вихрем скачет с ней,
Точно в час дневного жара
Вол, бегущий от слепней.
Хлопцы вертят, крутят девок,
Их по воздуху несут.
Те направо и налево
Стены лентами метут.
Пол кряхтит под их ногами,
Доски гнутся и трещат,
И подскакивает пламя
В тусклых лампах пляске в лад.
Отплясали, пропотели
И — за двери, на мороз,

Чтобы чувства охладели
И румянцем вспыхнул нос!
Молодые танцевали,
Веселился кто как мог,
Силы в жилах бунтовали,
Рассыпаясь дробью ног,
А Сымонка до рассвета
Им как проклятый играл,
Не слышал он слов привета,
Прежней радости не знал,
Без огня, без увлечения
Он по струнам вел смычком;
Просто не было терпенья
Пять часов сидеть молчком
И тянуть, тянуть, как пряжу,
Бесконечную кадрили,
Сам себя не слыша даже,
Тратя дар свой, точно пыль.
Встав на завтра раным-рано,
То полы он подметал,
То хомут чинил он рваный,
То на кухне помогал.
А чтоб он, гонясь за славой,
Даром время не терял,
От него корчмарь лукавый
Скрипку на день запирал.
И назойливее мухи
Всё жужжал ему Яким:
«Что-то, братец, ты не в духе!
Плохо с «отчимом» таким?
Скотник ты, скрипач великий,
Подметала, водонос,
Он с тебя сдирает лыко,
Словно конь, ты тянешь воз!
Дело дрянь, как говорится, —
В жизнь тебе закрыли дверь:
Уж над собственной скрипицей
Не хозяин ты теперь.
Здесь у вас не будет лада,
Уж поверь мне, братец мой.
Хлеб чужой нигде не сладок,
Возвращайся-ка домой!

Сердце батьки ведь не камень,
Он простит твою вину,
Счастье там возьмешь руками,
А не только что струну!»
— «Сам-то служишь ты?» — «Послушай,
Дурака, брат, не валяй-ка:
Ведь ко мне не влезут в душу
Ни хозяин, ни хозяйка!
Я не то, что ты, пропащий, —
У меня, брат, верный план:
Я возьму кусок послаще,
Чем твой продранный кафтан!
Я — солома, не мякина,
Я не гнить, гореть хочу.
Я, бездомный, сиротина,
С вольным ветром улечу!
Только вверх глаза я вскину —
Взгляд мой вдаль проложит след;
Ты услышишь про Якима
И родишься сам на свет. . .
Эх, Сымон! . . Ты мне не пара,
Разве б ты такое смог?
Мой товарищ — волк поджарый,
А быть может, и. . . острог».
Что он — тайну поверяет?
Иль наводит лишь туман?
Может, шайку собирает
Он, разбойник-атаман?
Ох, дурное здесь творится. . .
Вон хотя б тот страшный дед,
Что со стенки всё грозит. . .
Что-то здесь неладно, нет!
Ляжет спать Сымон. Без света —
Жутко, сиро, сон нейдет. . .
Сколько бедному забот!
Как тревожит душу это!

4

Всё готово
В думках тайных:
В свет бескрайний,

На просторы —
К жизни новой,
За дубровы
И озера!
Стань мне, поле,
Новосельем,
И с весельем,
Жизнь, воскресни!
В горькой доле
Рвутся к воле
Думы-песни.
Встреть счастливым,
Ясным смехом,
Звонким эхом,
Синий гай!
С желтой нивы,
Звонкий колос,
Братский голос
Мне подай!
Глянь скорее,
Солнце, вниз ты
Взором чистым:
Я твой сын!
Как в тюрьме я,
Я унижен,
Я обижен,
Я — один!

Прочь, постылое бессилье!
Мне иное по плечу.
Жить в неволе не хочу,
Здесь мне душно, как в могиле;
Разверну я шире крылья,
В свет привольный полечу!
Нет, довольно! Ты хоть ловок,
Но и я умнее стал,
Хватит мне твоих издевок,
Ты б своих так опекал!
Понял я свою ошибку,
Кончить службу вышел срок,
Ты напрасно спрятал скрипку,
Чтобы я уйти не мог. . .
У Сымонки всё готово,

Всё обдуманно давно,
Жизнь свою начнет он снова,
Глянет в новое окно.
Не такой теперь он бедный,
Вот тебе и «тра-ля-ля»!
Серебром есть три рубля
Да пятак вдобавок медный.
Принесет он батьке с маткой
Всё, что нажил здесь трудом,
Он на срок, хоть самый краткий,
Завернет в отцовский дом.
Эх, родимый уголочек!
Мало ль он о нем мечтал?
Сколько долгих темных ночек
В горьких думах недоспал!
Снился отчий дом Сымонке,
Он что дальше, то сильней
По родной грустил сторонке,
Хоть жилось несладко в ней.
Да не знал никто на свете
Думок хлопца-горюна,
Разве вот немые эти
Печь да темная стена!
Только что ему сейчас-то?
Уж не служит здесь он, баста!
Он мечтает о дороге,
Видит вольное житье
И еще кого-то... Ноги
Не минуют дом ее!
Так Сымонка строит планы
В уголке своем тишком,
Только Шлема окаянный
Скрипку держит под замком!
Разве это справедливо, —
Ах, обманщик он и лгун! —
Чтоб сынок его сопливый
Смел касаться этих струн?
Самому порвать их лучше!
Жар по жилам пробегал,
Когда старший скрипку мучил,
А поменьше — помогал.
Сам не мог найти он места

От обиды, а Яким,
Как заноза, в сердце вьестся
И всё тешится над ним:
«Эх, Сымонка, моя рыбка!
Ну, пропала твоя скрипка!
Если к ним уже попала —
Так и знай, брат, что пропала!
Можно ль быть таким свирепым?
Бьет смычком, как будто цепом,
А она ревет коровой. . .
Пожелай ей быть здоровой!
А ведь всё равнин проклятый,
Там, на стенке! Это он
Жмет тебя со всех сторон.
Ох, колдун! Урод пузатый!»
Раз Сымон мальчишек палкой
Чуть со злости не избил,
Дело кончилось бы свалкой,
Да отец их тут же был.
«Что ты, друг? Всё будет цело,
Я ж присматриваю сам.
Эка, брат, тебя заело!
Ладно, больше я не дам».
«Нет, не надо делать шуму, —
Думал хлопчик, — дайте срок! . . .»
Затаил он в сердце думу,
Чтоб им было невдомек.
Всё готово для дороги,
Скрипки ж нет. . . Ну как тут быть?
У кого просить подмоги,
Чтобы пленницу добыть?
Там и Шлема, и хозяйка,
Там и дети. . . И старик
Глаз не сводит ни на миг.
Сколько стражи — посчитай-ка!
Он уйдет в свой уголочек
И обдумывает план:
Только б выдался денечек,
Чтоб в корчму заехал пан
И потребовал бы скрипку,
Как бывало уж не раз, —
Тут исправит он ошибку!

Тут он промаха не даст!
Но когда-то это будет?
Дни проходят задарма,
А покуда бьешься в людях,
Глядь — и вновь придет зима,
И опять в корчме всю зиму
Знай летай через порог! . .
«Не открыться ли Якиму?
Он бы, может, мне помог?
Только нет, Яким — насмешник,
Коль не выдаст — изведет. . .
Может, кто из хлопцев здешних
Сам за деньги украдет?
Нет! Они всегда ведь рады
Донести. Тогда трудней
Обмануть уж будет гада.
Самому всё сделать надо, —
Это как-то поверней!
Да, но как же? Вот загвоздка.
Надо б взять — да и в кусты! . .
Спать, хозяин, стало жестко,
Хоть стелил и мягко ты.
Ты — обманщик. Потому-то
Жить в корчме — мне острый нож! . .»
Не теряя ни минуты,
Разорвать он хочет путы,
Видно, стало невтерпех.
. . .Он прислушается, глянет,
К двери крадучись тишком;
К скрипке так его и тянет,
Что в каморке под замком.
Дальше, дальше он крадется,
То замрет, то ступит шаг.
Только сердце птицей бьется
И как будто гром в ушах.
Он еще подходит ближе —
Всё под гнетом тишины. . .
Видно, вышел дьявол рыжий,
И ни хлопцев, ни жены!
Он последний шаг ступает,
К двери, сгорбясь, прилипает

И сквозь скважину замка
Будто видит старика!
Будто тот, грозя глазами,
Говорит ему: «Не лезь!»
Лишь на миг Сымонка замер,
А потом, напрягшись весь,
Он замок сбивает с двери
И, не глядя на портрет,
Сам себе еще не веря,
Подбегает к шкафу. Нет!
Не сбылась его мечта:
Рвет он дверцу — заперта!
И, забыв, что нужно б тише,
Хватъ рукой по шкафу он!
И в ответ как будто слышит
Пленной скрипки тихий стон.
Видно, тяжело ей в неволе!
Но идут. . . Он шмыг во двор
И давай бог ноги — в поле,
Как впросак попавший вор.
Мозг сверлит ему сомненье:
Увидали или нет?
Весь он в страхе и волненье:
Не напали бы на след!
На корчму глядит украдкой:
Что в себе она таит?
Нет, как видно, всё в порядке —
Двор пустой, корчма стоит
Погруженная в дремоту,
Как стояла и вчера. . .
Только вон хозяин что-то
Бродит около двора.
За конюшню хлопчик вышел
На развилку двух дорог.
Вечереет. Чуть колышет
Жито теплый ветерок.
Манит, манит вдаль дорога,
Тут бы скрипку да суму! . .
Но, придя в себя немного,
Видит он: нахмурясь строго,
Сам корчмарь идет к нему.

Вон — хозяйка! Вон ребята
Мчатся к батьке во всю прыть...
Неужели им, проклятым,
Всё известно? Как же быть?
Притаился тут Сымонка,
Не дыша залег в кустах,
Только сердце бьется звонко,
Мысли вихрем кружит страх.
Видно, что корчмарь в тревоге,
Всюду рыщет быстрый взгляд...
Постояли на дороге,
Поглядели — и назад.
Только выглянул несмело
Он, дивясь делам таким,
Как до слуха долетело
Слово «конь», потом — «Яким».
Ох, промчалась туча мимо:
То Яким пропал с конем!
Всё ему слова Якима
Осветили, как огнем:
«Я не то, что ты, пропащий, —
У меня, брат, верный план:
Я возьму кусок послаще,
Чем твой продранный кафтан!
Только вверх глаза я вскину —
Взгляд мой вдаль проложит след;
Ты услышишь про Якима
И родишься сам на свет!»
Вот когда за дело можно,
Им теперь не до него.
Только надо осторожно,
Не напортить бы чего!
Скоро кончится страданье...
В добрый час, давно пора!..
К дому он идет задами
И — на кухню со двора.
Чуть беднягу держат ноги...
Оглянулся он в дверях —
Путь свободен: на дороге
Всё семейство корчмаря.
Самый час залезть в каморку,
Скрипку вызволить на свет,

Хоть, наверно, смотрит зорко
Со стены проклятый дед.
В нетерпении проворен,
К двери крадучись молчком,
Он в углу хватает шкворень,
Чтоб расправиться с замком.
Прижимает к стенке ухо —
Всё в каморке тихо, глухо,
И без всякого труда
Распахнул он дверь туда.
Проникая взглядом в душу,
Смотрит дед, как на врага,
На него наставив уши,
Как бодливые рога,
Злей, чем прежде, и суровой
Он седые сдвинул брови,
Этот грозный часовой,
И Сымонка, сам не свой,
С ужасом не в силах сладить,
К шкафу бросился не глядя,
Словно в омут головой,
Он сорвал задвижку, дверцы
Разошлись, и нежный гуд
Полоснул его по сердцу...
Скрипка милая, ты тут!
Он ее скорей снимает,
Смотрит, гладит, обнимает...
Скрипка с ним! Теперь — айда!..
Вдруг он деда вспоминает:
«У, седая борода!»
И грозит ему сердито —
Мол, держись, старик, теперь,
Чтоб всё было шито-крыто!
И с добычею — за дверь!

5

Пусто, жутко среди ночи...
Словно ходит кто, бормочет,
То ли плачет, то ль хохочет...
Может, то хозяин плачет?

Может, утка где-то кричит?
Что за блеск во тьме маячит?
То не деда ль блещут очи? . .
Пусто, жутко среди ночи.
Всё враждебней ночь и строже,
Лес шуршит своей одежей,
Листья бьются в частой дрожи,
А в лесу — что там такое?
Вон уже их двое, трое,
Вон уж валят целым роем. . .
Сколько их! Что делать, боже!
Всё враждебней ночь и строже.
Хоть бы месяца подкова
Из-за туч блеснула снова,
Чтоб развеять мрак суровый!
Месяц выплыл, посветлело;
Церковь встала вешкой белой,
Глядя издали несмело
Средь молчанья гробового. . .
Скройся, месяца подкова!
В этом мертвом лунном свете
Каждый будет на примете,
Здесь поймают сразу в сети!
Вон — в коре корявой дуба
Чей-то нос и чьи-то губы,
Весь ощерен рот беззубый, —
Хуже прежних страхи эти. . .
Нет, страшней при лунном свете!
Хлопчик слушает сторожко —
Ночь тоскует, ежась дрожко,
Чуть виднеется дорожка.
Трижды свист раздался где-то —
То ли знак хороший это,
То ль недобрая примета. . .
Что таит ночная стежка?
Хлопчик слушает сторожко.
Ночь всё глуше, полночь скоро;
В небе встали звезд дозоры,
А корчма-то с косогора,
Где теряется дорога,
На Сымонку смотрит строго,
Тяжелей, мрачней острога,

Точно полная укора . . .
Ночь всё глуше, полночь скоро.
Прокричал петух далеко,
Замер крик в ночи глубокой
Сиротливо, одиноко.
Немота во тьме бескрылой,
Лишь в ушах тот крик унылый
Да в глазах — всё дед постылый,
Как тяжелая морока . . .
Прокричал петух далеко.
Но уж близок час рассвета!
Коли ночь ты прожил эту,
Так ступай по белу свету!
Тьма редет, ночь светлеет,
Ночь и доброй быть умеет.
Снова сердце молодеет,
Песней утренней согрето . . .
Наступает час рассвета!
Чутко-чутко дремлет нива,
Лес синее молчаливо,
Как бывает после бури;
Тучек шелковые гривы
Развеваются игриво
В затуманенной лазури.
Звезды в небе, как девчата,
Разбегаются куда-то
И прощаются до ночи, —
Их вспугнул рассвет крылатый
И росой холодноватой
Моет заспанные очи.
И сквозь темную завесу
Поднимает из-за леса
Ясный день свой флаг багряный,
И плывет туман белесый
В край далекий, неизвестный
Через нивы и поляны.
Хлопчик видит дня рожденье!
Скрылась ночь, исчезла тьма.
Волен он, конец мученью,
Не гнетет его корчма.
Так светло и так просторно!
Грусть-тоска прошла, как дым;

Он идет вперед упорно
Шагом легким, молодым.
Всё приветствует он: небо,
Луг росистый, мелкий лес,
Запах спеющего хлеба,
Колосков живой навес.
И маячащие взгорья,
И далекие боры. . .
Вон и сосны в житном море,
Как родные две сестры.
Их и корни перевиты,
Он приметил их тогда. . .
Дальше тянутся ракиты
Вдоль дороги в два ряда.
Солнце греет, как припарка,
Переждать бы где в тени!
Так Сымонке душно, жарко —
Хоть садись да отдохни!
Вдруг он видит — земляника,
Что кораллинка в траве.
Стой, дружок, повремени-ка —
Наберем мы горсти две!
И лесок такой здесь славный,
Так и манит тот лесок!
Здесь и дрозд, знакомец давний,
Подает свой голосок,
Словно в гости зазывает. . .
И Сымонка не зеваёт:
Примостившись под кустом,
Он в тенечке отдыхает
И так сладко засыпает,
Растянувшись там пластом.
Долго спал он, как убитый.
Там, где он заснул в тени,
Солнце жжет, гудят сердито
Злые, нудные слепни.
Он, открыв глаза, зевает,
Озирается вокруг,
Видит лес — и сам не знает,
Как сюда попал он вдруг?
Но чуть вспомнилось, в чем дело,
Что случилось с ним вчера, —

Одурь сонная слетела,
И как будто — с плеч гора!
Волен он в пути-дороге,
Он уж больше не слуга!
Уж не ступит в той берлоге
На порог его нога! . .
Только что там? Что за диво?
Иль то лес навел туман?
Кто-то глянул из-за ивы,
Вспыхнул чей-то смех счастливый.
Быть не может, то — обман!
Нет! То миг предчувствий добрых,
Луч, из тьмы блеснувший вдруг,
Осиянный солнцем образ,
Звездной песни сладкий звук.
Призрак вспыхнул и растаял,
Как под вешним солнцем лед,
Только в мыслях он блистает
И покоя не дает.
Странно! Что же это, право, —
Сон ли светлый это был?
Иль русалочья забава?
Иль то леший подшутил?
«Э! — махнул Симон рукою. —
Ну какая в этом статья?
Где уж мне с моей судьбою
О несбыточном мечтать?»
Он из сумки вынимает
Рыбу, хлеб — что их жалеть?
Пусть корчмарь уж не пеняет
На него за эту снедь!
Будет завтрак, как у пана,
Здесь, на бархатном лугу! . .
Только кто его неожиданно
Вдруг позвал: «Симон! А-гу!»?
Он вскочил и оглянулся
И увидел в тот же миг —
Куст легонько шелохнулся
И как будто там возник,
Точно в рамке листьев зыбкой,
Нежный девичий портрет,

Алый рот цветет улыбкой,
Светом солнца взгляд согрет.
«Ганна! Родненькая Ганя!»
К ней шагнул и, поражен,
Что сбылось его желанье,
Вдруг застыл на месте он.
«Ах, Симон! Какой ты странный!
Иль со мной ты не знаком?
Иль не к часу гость незваный? —
И веселым смехом Ганна
Залилась над пареньком. —
Вот так встреча! А сейчас-то
Как же ты сюда попал? ..
Помнишь ночь, когда от нас ты
Не сказавшись убежал? —
Ганна быстро говорила,
Глядя с лаской на дружка,
Даже малость пожурила,
Что ушел исподтишка. —
Я чернику собирала,
Только вижу — кто-то спит!
Даже струсил сначала:
Не мертвец ли то лежит?
Я бежать домой хотела,
Но дай, думаю, взгляну
Хоть одним глазком на тело,
Шаг ступила и задела
Я ногою за струну.
Тут-то я тебя узнала!
И так жаль тебя мне стало —
Очень хил уж ты на вид!
Я сидела, поджидала,
Пусть он, думаю, поспит!
Ну, здоров ты? Как живется?
Похвались житьем своим!
Сядем тут!» Она смеется
И садится рядом с ним.
Так ни разу наш Симонка
Не был счастлив на веку,
А кукушка на суку
Меж ветвей зеленых звонко
Всё твердит свое «ку-ку»,

Жизнь им долгую пророчит...
Век сидеть он здесь готов,
Он сказать так много хочет,
Да никак не сыщет слов.

С ы м о н

Если б ты, Гануся, знала...
Но послушай, как чудно:
Что-то в лес меня всё гнало
И шептало мне одно:
«В лес зайди!» да «В лес зайди!»
Отдохни там, посиди!» —
Словно встречу предвещало!

Г а н н а

Ты откуда ж? Не из дому?

С ы м о н

Жил в корчме я, да утек.
Так корчмарь меня допек,
Хоть кидайся прямо в омут!

Г а н н а

Бедный! Сколько униженья
От людей ты перенес! ..
Изменился ты, подрос,
Глаз же грустных выраженье
Так же сердце жжет до слез...
А скажи: уйдя от нас,
Вспомнил ты меня хоть раз?

С ы м о н

Ганя! Я откроюсь сразу:
Не было такого дня,
Чтобы в горе ты меня
Не утешила ни разу.
Я лежу один, бывало,
Жутко, полночь уж близка.
Злая смертная тоска
Когти выпустит и жало.
А чуть вспомню о тебе я —

И забудется корчма,
На меня теплом повеет,
И надежда сердце греет,
Что не вечно будет тьма.

Г а н н а

Значит, помнил ты, что Ганна
Где-то здесь живет в глуши?

С ы м о н

Я скажу от всей души:
Ты всегда, везде желанна!

Г а н н а

Ты же есть хотел садиться!
Здесь и стол и дом везде —
Сядь и ешь! Чего стыдиться,
Коль охота есть к еде!
А то, хочешь, будем вместе
Мы справлять маевку тут?

С ы м о н

Что же, завтрак — он не в труд!

Г а н н а

Сядем вон на этом месте,
Пир устроим, как паны!
Вот с черникой туюсочек,
Сыру вкусного кусочек
И гречишные блины!

Под густою тенью вяза
Сели завтракать они,
И Сымон в своих рассказах
Воскресил за днями дни.
Корчмаря, Якима, деда
Он представил в лицах ей,
И о том он ей поведал,
Что таил в душе своей:
Как зайдет домой теперь он
С полной пазухой монет,

Как со скрипкою намерен
Он пуститься в белый свет;
Песни складывать он будет
И уверен, что порою
Облегченье даст он людям
Задушевною игрой.
Смолк Сымонка, брови хмурая,
Грустно голову склонив, —
Так стихает перед бурей
Ширь встревоженная нив.
Ганна тоже приуныла,
Затуманилась она,
Будто грустью осенила
Их обоих мысль одна.

С ы м о н

Что ж мы смолкли? Эх, Гануся!
Как подумаю, что вновь
Одинокий потащусь я —
Просто в сердце стынет крови!
В этой радости минутной
Я не думал ни о чем,
Свет забылся неприятный,
Словно я и не жил в нём.
Ты собой его закрыла,
Видел я тебя одну,
Сердце билось новой силой,
Словно встретило весну.
А теперь оно в тревоге —
Снова врозь пойдут пути,
Между нами есть пороги,
Где уж нам их обойти!
Вон — колейки, присмотрись-ка!
Иль на скрипку вон взгляни:
Две струны идут хоть близко,
Да не сходятся они...

Г а н н а

Что ты! Что ты, в самом деле!
Ну какой в разлуке прок?
Много в свете есть дорог,
По одной придем мы к цели.

А пороги —
Прочь с дороги!
Сам взгляни, как ровно в поле
Две колеек вдаль идут!
Пусть же две струны, две доли
Песню дружно в лад ведут!
Ну пойдем к нам в гости, право!
Не чурайся нашей хаты!
Вот бы праздник был на славу
И для мамки и для таты!

С ы м о н

Отдохнул и я бы с ними.
Что ж, я к вам зайду, Гануся!
Только вот денек с родными
Повидаюсь и вернусь я.
Мне слова твои, ей-богу,
Точно песня в путь-дорогу!
Ты дала мне словно крылья,
Много радости дала,
И забудет чернобылье,
Увидав цветок, пчела.

Г а н н а

Ну, теперь хоть на прощанье
Поиграй, Сымонка, мне,
Чтоб в минуту расставанья
Песня пела о весне!

Он почувал вдохновенье,
Весь хотелось свет обнять,
Встать пред нею на колени,
Ей всю жизнь свою отдать.
Скрипку взял и заиграл он,
Волны звуков потекли,
А кукушка куковала
Им о радостях земли.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Дрожит огонь, как песнь печали,
Дрожит огонь во тьме ночной
Под одинокою сосной.
Во мраке никнут сонно дали,
Кричит сова в тиши лесной,
Дрожит огонь, как плач прощальный,
Дрожит, покинутый в бору,
Сквозь мрак мерцая на ветру...

Горел костер... Тут были люди,
Плели из сучьев и ветвей
Ему венок, но без людей
Он сник. Лишь угли тлели в груди,
Никто теперь и знать не будет,
Что он пред смертью пел своей.
И мрак колеблется, как сито,
На месте том, где был костер,
А ветер, налетев, как вор,
Разнес его золу сердито.
Всё, всё суровой тьмой обвито.
Горел костер — погас костер!

Г а н н а

Ну, мой милый, хоть и тяжко,
Всё ж пора сказать — прощай!
Почему же я не пташка,
Я умчалась бы в твой край.
В добрый путь! Дай бог удачи
Долю лучшую сыскать,
Чтобы свой удел батрачий
На счастливый променять.
Я ж, мой милый, в думах буду
Счастье звать всегда к тебе,
Чтоб оно с тобою всюду
Было в песнях и борьбе.
Выйду я в садок вишневый,
Чтоб у месяца узнать:

«Где Сымонка, он здоровый?» —
И возьмется ль передать
Он тебе от сердца слово.
Ты же на небо взгляни
И в скитанья час суровый
Нашу встречу вспомяни.
Ну, так помни нашу хату
И меня не забывай.
Ну. . . прощай!
Будь счастливым, будь богатым!

С ы м о н

Горька минута расставанья.
Ну, в добрый путь! Не забывай!
Родным поклон мой передай,
Я верю в скорое свиданье.
Ты опора мне, подмога,
Солнце дум моих и снов,
Я сложу тебе дорогой
Песнь весеннюю цветов.
Между волн зеленых поля,
Где шумят колосья жита,
Там дорожка-змейка скрыта,
Ты глядишь туда, соколик!
Ходит ветер на приволье,
Носит шорох многодумный,
Молвит сказку лес разумный
О чудесном о раздолье.
Ты глядишь туда, соколик,
Где окончен бег тропинки.
Не видать уже косынки,
Здесь ее сокрыло поле.
Ходит, бродит ветер вольный.
Шепчет что-то василечкам,
Нету красного платочка.
Стал печален день раздольный. . .
На небесном синем доле
Виснут тучки, как пушинки;
Сном полдненным спят былинки,
Ты ж печалишься, соколик. . .
У Сымона сердце билось,
Как не билось уж давно.

Так о братьях не томилось
И о матери оно.
«Слушай, хлопче, что, коханий,
Ты здесь делаешь?» Симон
Глянул — гость пред ним неожиданный.
Вздрыгнул парень, удивлен.
По обличью пан-вельможа,
Из великих, знать, панов.
Всё за это — рост, одежда,
Самый тон обычных слов.
За плечом его двустволка,
На боку ягдташ тугой,
И широкий пояс ловко
Обнимает стан прямой.
От сапог идет сиянье,
Рог — как чертово ребро,
Завершало ж одеянье
В шляпе гордое перо.
Острым взглядом смерил парня,
Вскинул ус — врагам на страх,
На ремне ж из лучшей псарни
Пляшет гончая в ногах.
«Кто играл здесь?» — молвил громко,
Оглядев поляну, пан.
Вперил очи наш Симонка
В шитый золотом жупан.
Обдало ознобом плечи —
Как тут с ним заговоришь?
Вот, брат, встреча так уж встреча!
Здесь как раз в беду влетишь.
Хлопец топчется и мнется,
Всё же в страхе признается:
«Я!» На темя паренька
Властно панская рука,
В перстнях, белая, кладется.
«А ты кто ж такой, откуда?»
— «Я бездомный сирота,
А играю я для люда —
Кто даст хлеба, кто холста».
— «Так... Ну что ж, ступай за мною!» —
Пан сквозь чашу зашагал,
А за ним Симон с сумою.

«Эх, зазря, кажись, пропал.
Ну, чего меня он водит?» —
Хлопца вновь берет испуг.
Пан легко на горку всходит,
Примостил ружье на сук,
Лихо поднял рог крученный,
Рог блестящий, золоченый,
Длинный выставил сапог,
Гордо голову закинул
Да расправил грудь и спину
И запел в тот чертов рог.
Побежало звучно эхо
От сосенки до дубка
И затихло дальним смехом,
Мягким покотом клубка.
Чуть затих призыв звенящий,
Как немедля под горой
Вдруг ответил рог второй, —
Звук его приплыл из чащи,
Где виднелся вяз седой.
А в сторонке, где-то дале,
Словно чей-то тихий вздох,
Полный боли и печали,
Отозвался третий рог.
Переводит хлопец очи
То на пана, то на лес,
Где рожок вдали хлопочет.
Что с ним барин сделать хочет?
Он, видать, хозяин здесь.
Вот уж случай впрямь неожиданный!
Не утечь ли поскорей
В пущу темную от пана?
После будет тяжелей!
Нет, нельзя уж! Вон шагают
К ним два пана — лесники.
Убегать тут не с руки,
Всё равно тебя поймают.
Пан присел на пень дубовый
В ожидании друзей,
Снова взор его суровый
Вдруг блеснул из-под бровей.

«Ну, прошу присесть, панове,
Здесь на бархатном покрове, —
Пан вельможный пошутил, —
Вот какую в той дуброве,
Гляньте, дичь я изловил!» —
На Сымонку, как на диво,
Пан рукою указал,
А скрипач решил тоскливо:
«Эх, напрасно не сбежал.
Пан чего-то замышляет,
Запропал я без вины,
А быть может, — кто их знает, —
Пособят ему паны?»
Он гадает напряженно
И глядит в густой сосняк,
Как волчонок окруженный,
Да не вырваться никак.
«Ну, любезный, не смущайся,
Поиграй, как ты играл».
Хлопец, вздрогнув, скрипку взял
(Не утек, теперь вот майся!),
Подтянул легонько струны,
Раз, другой провел смычком
И мечтам отдался юным,
Позабыв про всё кругом.
На поляне стало тише,
И серебряным ручьем
Льется песня. Лес не дышит,
Не шелохнется листком.
Замолчали даже пташки —
Не попасть им скрипке в тон,
Только пчелки да букашки
Свой вплетают в песню звон.
Он играл о том свиданье,
О девчине ясноокой,
Воле вольной и широкой,
О своем играл скитанье
И о доле одинокой;
Все стояли как немые,
И никто вздохнуть не смел.
Закусив усы густые,
Пан сурово вдаль глядел.

«Да, таких я слышал мало,
Тут талант уж богом дан,
Сколько дерзости, запала!» —
Вдруг один заметил пан.
Пан другой сопел смущенно,
Удивленный, и потом
Одарил молчком Сымона
Круглым новеньким рублем.
А хозяин — пан усатый —
Музыканту молвил так:
«Ну, любезный мой простак,
Сбросишь нынче ж ты заплаты.
Ты уж больше не батрак!
Раз в лесу ты мне попался,
Я беру тебя в свой двор!» —
Пан с усмешкою поднялся,
Так закончив разговор.
Лес нахмурился угрюмо,
Словно вдруг навис туман.
Где же вы, мечты и думы?
Отобрал всё это пан.
Промелькнул вдруг образ Ганны,
Образ милый и желанный.
Не пошел он с ней, родною,
А теперь томись, бедуй...
Парня тронули рукою:
«Руку, галган, поцелуй».

Шеи выгнувши дугою,
Кони дружные несут,
Только вьется пыль трубою,
Встречь поля, луга бегут.
Одинокие курганы,
Села, фольварки, кресты,
Лес, окутанный туманом,
Рвы, лощины и кусты.
Эх, дорога! Как отрадно
На лихих орлах лететь,
Вдаль глядеть очами жадно,
Горьких мыслей не иметь.
И сказать: «А, будь, что будет»,
И не думать ни о чем,

И дышать свободно грудью
На просторе молодом.
Как на бархате расшитом,
На полях лески встают,
Золотые волны жита
В дымке трепетной бегут...
В первый раз бедняк убогий
Жар лихой езды познал.
Эх, дороги вы, дороги!
Кто вас первый протоптал?

2

«Вон и замок! Видишь шпили? —
Кнутовьем махнул фурман. —
А вот здесь медведи жили,
Дикий хаживал кабан,
Серны легкие скакали,
Тут и зубрам был простор.
Вот, брат, бор был так уж бор!
Нынче всё пообкорнали», —
И фурман потупил взор:
Может, вспомнил век прожитый,
Прошлой молодости дни,
Вечер, сумраком повитый,
Жизни сникшие огни.
«Гей вы, кони молодые!
Гей, соколики лихие!
Что застыли?» —
И кнутом старик взмахнул...
Кони шеи заломили,
Словно их огонь лизнул,
И помчались! Под дугою
Звонко бубенцы дрожат
И над ширью полевою
Песней горестной звучат.
В башни темные, глухие
Вперив взор, Симон притих, —
Нет, порядки здесь чужие,
Не для них он, не для них!
Но, признаться, интересно!

Наглядишься там всего!
Если ж сердцу станет тесно —
Не удержит пан его.

А денек в тишине угасанья
На покой величаво отходит,
И закат — как улыбка прощанья,
Мир и сон наступают в природе.
Как был день тот событиями жарок,
Одарил он Сымонку богато:
Утро встретил он в чаще косматой,
Полдень был ему песней крылатой
И закат размышленьями ярк.

А на замке позолота,
Так и блещет и горит.
Ну а где ж нужда, забота,
Где народ, залитый потом?
Он в грязи живет, забит.
Мрак, как зверь голодный, глянул
И пополз неторопливо
Вдруг из леса на поляну,
Встречь белесому туману,
Что с низины молчаливо
Встал незряче, боязливо.
Тучки, небо, лес, земляца —
Стихло всё, внимает чутко, —
Где-то тихо плачет дудка;
Будет тяжко, будет жутко,
Как наступит ночь-черница.
Замок грозен, он тревожит
Видом башен, всей громадой;
И хоть башни те похожи
На собор старинный божий,
Да от их золотых нарядов
Веет злобою и ядом,
Колет очи, душу гложет.
Блеск тех окон — смех фальшивый:
Эти окна — очи змея,
Словно лед, горят, не грея.
Замок смотрит вокруг брезгливо,
Подавляя всё спесиво.

«И куда я еду? Где я?» —
Хлопец думает тоскливо.

Вот гора. Притихли кони,
Заскрипел сухой песок,
А с горы, как на ладони,
Вдруг открылся городок
С колокольнями, домами,
С тонкой сетью проводов,
С мостовыми, площадями,
С темной зеленью садов —
Вязов крепких, полнотелых,
Лип развестисто-густых,
С чередой крестов замшелых
На могилах вековых.
В небесах закат багровый,
Холодея, умирал,
И его прощальным словом
На крестах огонь сиял.
Страх тяжелый, беспричинный
Душу юноши объял,
Словно руку самочинно
Он на город поднимал.
Где же сыну леса, пашен,
Тихих тропок и дорог
Жить среди камня, стен и башен
Замка, что так хмур и строг?
Пред его туманным взором
Встал родной крестьянский дом,
Груша батьки у забора,
И душа заняла в нем.
Эх, какая ж это доля —
Ласки матери не знать
И родные сказки поля
На чужие променять!
Так не век же бить поклоны,
Он своим путем пойдет
И в беде не пропадет,
Не шутите вы с Сымоном!
А тем часом кони звонко
Бьют железом по камням.

Вот мосточек и речонка
С ивняком по берегам.
Воз запрыгал меж домами
С палисадами, садами;
Возле окон георгины,
Розы пышные и мак,
И средь них горошек синий
Будто родственник-бедняк,
Дальше ряд кирпичных зданий,
Рынок с лавками, пустырь,
В стороне костел и бани,
За часовней монастырь.
За костелом круто снова
Вбок дорога повернула,
На минутку промелькнуло
Изваяние святого.
Он в сутане, и воздеты
Кверху руки и глаза,
Будто он за замок этот
Шлет молитвы в небеса.
Перед ними золотое
Тихо озеро блестит,
Словно зеркало большое,
А над озером стоит
Замок грозный, величавый,
Амбразур там виден ряд,
От дождей темны и ржавы,
Стены древние глядят.
В замок шла одна дорога —
Через насыпь над водой.
«Тут не лучше, брат, острога,
Что же станется со мной!» —
Так Сымонка боязливо
О судьбе своей гадал.
Замок темный и спесивый
Всё сильнее его пугал.
Вот и въезд во двор закрытый,
Словно черная нора;
Звучно цокают копыта —
То дает уж весть гора:
Кто-то здесь во двор въезжает —
Друг, а может, враг лихой,

Вот сбежится стража злая,
Если недруг — лучше стой!
Только в замке всё молчало.
Вот и стук копыт затих,
Ночь уж косы расплетала,
Мрак повис в ветвях густых.
В замке мрачно и безлюдно,
Словно вымер он, пустой,
Сном окован беспробудным,
Околдован силой злой.
Но дорожки тут в порядке
И промерены под шнур.
Так пригожи клумбы, грядки,
Сколько здесь цветов, фигур!
Бричка дважды повернула,
Три моста в пути минула,
Кони встали и — конец!
«Ну, побудь же здесь, малец!
Я вернусь обратно разом,
Лишь в контору подойду, —
Вон она там, на виду, —
И отдам письмо от князя».
С брички слез фурман, хромая,
Идет, ноги разминая.
Слез и хлопец тоже наземь,
В тьме пропал старик возница,
Шаг затих его широкий,
А Симонка одинокий
Оробел, не шевелится.
Но всё тихо! Где-то близко
Нетопырь мелькнул ушастый,
На кусте листок зашастал,
Кто-то где-то тихо пискнул,
И деревья и строения
В темноте глядят сурово,
Словно злятся на чужого,
В молчаливом размышленьи.
Только звезды тут знакомы —
Золотые, голубые,
Те же милые, родные,
Так же блещут, что и дома...
Чу, шагают! Замер парень,

Глухо топает фурман,
А за ним какой-то барин —
Незнакомый, новый пан.
«Ну, пойдём, — сказал возница, —
Тут тебе и хлеб и соль,
Так служить панам изволь,
Дай тебе тут бог прижиться!»
Пан спросил, нахмурив брови:
«Это он и есть игрок?»
— «Да, он самый, мой панок.
Ну, живи тут на здоровье».
И Сымонка наш со скрипкой
Вслед за барином идет.
Тот дымит из трубки шибко
И под нос себе поет.
Стук колес и топот звонкий
В этом сумраке ночном
Для бездомного Сымонки
Был последним тем звеном,
Что его скрепляло с полем
И с просторами лугов.
Сердце вздрогнуло от боли:
Вновь над ним чужая воля,
Снова власть чужих оков! . .
Шли аллеей. Пан, помешкав,
Гостя нового спросил
С нескрываемой насмешкой:
Кто играть его учил?
Как наткнулся он на князя?
Как добился ласки там?
(Но ему, во всяком разе,
Нужно помнить, что он хам!)
Парень только глянул косо:
«Ох, видать, зловредный гад!
Хоть беги тотчас назад».
Но затихли уж колеса;
Он один здесь с паном злющим;
Знать, несладко будет жить;
Под забором сгнуться лучше,
Чем такой чуме служить.
Но идет за ним покорно,
Не свалить свинца с души,

Как и ночка, думки черны,
Только звездочки в тиши
Над глухой стеной сияют,
Свет их ласково дрожит,
Звезды хлопца утешают.
Что ж, придется здесь пожить...
Домик вдруг возник неожиданно,
Скрыт ветвями был он весь.
«Ну, Шопен мой голоштаный,
Не один ты будешь здесь:
Там живут при кухне люди,
Всё такие же, как ты;
И тебе там угол будет,
Снимешь ветошь нищеты,
Там топчан найдешь свободный,
Раздевайся и усни,
Ну а если ты голодный,
Сам на кухню загляни».
Дверь открыл он из прихожей
И невольно шаг сдержал:
Такой горницы пригожей
Хлопец в жизни не видал.

3

Наш Симон поднялся рано —
Он не спал уже давно:
Солнца луч из-за каштана
Заглянул ему в окно.
У Симонки думок много,
Не сочтешь, как звезды, их,
Есть у них своя дорога —
Тропок тысяча кривых!
Передумал он немало,
Нагадав себе всего;
Душу хлопца волновало:
Что ж потребуют с него?
Тут он всем чужой, далекий
И не будет век своим,
Хоть бы повар толстощекий
Подружился малость с ним,

Хоть сказал бы парню слово,
Пусть себе на свой фасон.
Для Сымонки всё тут ново,
Словно видит странный сон.
Может, впрямь здесь дело злое,
Наваждение, обман. . .
Тут к столу в свои покои
Музыканта кликнул пан,
Что вчера был с ним, Галыга, —
Ой собака, ой сквалыга!
«Ну-ка, гений самотужный,
Покажись нам, что за «князь». —
В зале смех пронесся дружный. —
Эй, взгляните, Витак, Стась!» —
Так там встретили Сымона
Челядь «верная» и пан,
Будто влез он, как ворона,
В лебединый белый стан.
«Ну, какой талант, откуда?
Что за «гения» нашли?
Можно ль ждать такого чуда —
Ведь дитя простого люда,
Сын он торбы и земли». —
Да Сымон не поддается,
Скрипку он свою берет,
Чистый звук, чаруя, льется
И куда-то всех зовет.
И высокие покои
Подхватили этот клик,
А насмешники «герои»
Прикусили вдруг язык.
Пастушок же наш играет,
Он забылся, он не здесь,
Он в лесу, где тишь ласкает
И где милой взор сияет,
Там он, там он с нею весь.
Это ей от сердца весть
Он из замка посылает.
То не музыка — горенье,
Пламень сердца, жар живой,
Голос страсти, вдохновенье,
Песня звезд во тьме ночной.

Изумлен Галыга крайне,
И не верит он ушам.
Зря смеялся он заране,
А поддался чарам сам.
«Гм! сыграл на удивленье,
Правда, в технике есть брак.
Ты и вправду, брат, мастак!» —
Пан промолвил в заключенье.
В замке музыкой он правил,
Капельмейстером служил.
«Ты скрипач достойных правил.
А теперь мне удружи:
Я сыграю на рояле,
Ты же втору подбери».
Очи хлопца заблестали,
Слушал он минутки три,
После сразу начинает,
Без ошибки в тон понав,
Строго такт он соблюдает,
Смело волю звукам дав.
«Молодец! — сказал Галыга. —
А ты грамоте учен?»
— «Где там, — вымолвил Сымон, —
Нет, меня минула книга.
А что это вот? — в смущенье
Он спросил. — Скажи, панок».
— «Это? Нотный, брат, станок...
Но с налету, без ученья
Не поймешь его значенья.
Это поле есть такое.
Его пашет, но не плуг,
Боронят не бороною,
Где севец, да не пастух.
И он сеет в озаренье
Красоты и вдохновенья.
Пахарь тот — свободный дух.
А собирает это жниво, —
Молвил пан велеречиво, —
Тот, кто ведает науки.
Слушай и гляди, малой».
На рояль кладет он руки,
Загремел марш удалой.

Льются звуки громко, бурно,
Вихрем кружатся, плывут
Полновесно и бравурно
И как будто воздух рвут.
«Слышал, что в тех знаках скрыто?
Вот какая сила в них!»
Парень, словно в землю врытый,
В изумлении затих.
«Нет ли шутки тут, обмана?
Диво!» — думает Симон,
То на ноты, то на пана
Переводит очи он.
«Ну, что скажешь?» — «Ой, паночек,
Я хотел узнать бы ноты. . .
Что я видел — труд, заботы.
Век живу средь темной ночи.
Научи, чтоб эти знаки
Мог и я читать, как пан, —
Хлопец гнет покорно стан. —
Освети мне путь во мраке».
Пан Галыга вскинул очи,
Будто впрямь растроган он.
«Гм, учиться, значит, хочешь! —
Пан теперь был удивлен. —
Ладно, волен ты покуда,
В сад иди себе, гуляй,
Да смотри, не забывай,
Кто ты родом и откуда!»
И Симон во двор выходит,
Пышность чванная кругом,
Он один смущенно бродит
В царстве странном и чужом.
А в глазах всё те же ноты,
Точки, хвостики, крючки. . .
До чего ж ему охота
Вникнуть в дивные значки! . . .
Как исполнить то желанье,
Как завесу злую снять,
Что скрывает свет познания,
Будто клятая печать?
А уж замок — вот махина!
Стены, башни — прямо страх!

Пред его красой старинной
Ты былинка, мошка, прах.
Страшный замок! Крутобоки
Башни, темная стена,
Ров вокруг него глубокий,
Не достанешь глазом дна.
Сколько пролито здесь пота,
Чтобы выросла гора,
Чтоб тут жили без заботы?!
Кто нанес сюда добра?
Кто же башни эти вывел?
Кто же эти стены клал?
Кто одежды парчевые
Для покоев княжьих ткал?
Чьими сильными руками
Вынянчены здесь паны?
Чьею кровью и слезами
Эти стены скреплены?
«Сколько роскоши в палатах,
И дано всё одному! —
На свои взглянул заплаты. —
Почему так, почему?»
С новой силою сомненье
Сына бедности томит,
А в душе растет смятенье:
«Видно, кривда здесь царит.
Барам — всё, а нам немного:
Им и жить и пановать,
А другим одна дорога —
Только горе горевать».
Нет, Сымонке здесь тоскливо,
Бесприютно, сиротливо.
Он идет от замка влево.
Парк. А в парке веселей,
Там приветливей, светлей
И слышны листвы напевы.
Наш Сымон глядит смелей.
А дорожек в парке много,
И на всех блестит песок;
Вот сошла с души тревога,
Огляделся паренек
И прислушался: гуденье,

Мягкий звон и ровный шум,
Трав, лучей и мошек пенье,
Тихий шелест песен-дум.
И Симон припомнил песни,
Что по нотам пан играл,
Верно, здесь песняр-кудесник
Те мелодии слагал.
О, каким бы стал счастливым
Он, познавши силу нот.
Он пошел бы в мир бурливый,
Он понес бы свет в народ.
Славно в парке! А подале
Грива леса чуть видна,
Сбоку елка — краля кралей,
Так нарядна, зелена! . .
И под елью с пышной хвоей
Он припомнил лес другой,
Лес далекий, дорогой,
И в той чаще — они двое.
Ганна так цвела, сияла,
Дрозд им песни пел тогда,
А кукушка куковала
И считала им года.
Да какие? Кто узнает?
Ворожила, да про что?
Эх, весна ты молодая!
Кто тебя не ведал, кто?
Загляделась тишь лесная
На волну волос льняных,
Только он да солнце знает
Тайну звуков тех лесных.
И найти он хочет слово,
Много слов, и слов живых,
Чтобы звуков смысл, основа
Ярко выразились в них.

Светят вечерние звезды, как взоры,
Земля засыпает, овейна тишью,
Мне дума в душе твое имя напишет,
Его назовут мне родные просторы,
Где серп серебристый восходит всё выше,
Те звезды мне светят, как милые взоры.

Когда поутру величавое солнце
Мильонами радуг блеснет на росинках,
Я слышу твой голос в цветах и былинках,
В студёных и чистых криницах-оконцах,
В летящих с травы и деревьев пушинках.
Улыбка твоя мне сияет, как солнце.
И полдень, и вечер, и утро золотое,
Просторы полей и небесные дали
Всечасно мне образ твой дивный рождали
И имя шептали твое дорогое.
С тобою я в счастье, с тобой и в печали.
Ты всюду мне светишь, как утро золотое.

Жил при замке дед Данила,
Родом из-под Мозыря,
Милость князя одарила
Старика того не зря.
Старый князь-отец когда-то
На Полесье наезжал,
Вепрей бил, лосей рогатых
И с медведем в бой вступал.
Но однажды вышло плохо:
Пуща-темень в зимний час
Конский топот, звуки рога
Услыхала в первый раз.
И обиделась старуха
На непрошенных гостей
И своим надёжным слугам
Подавала сигнал скорей.
Вот медведь встает из ямы,
Очи кровью налились,
И на князя лезет прямо —
Разорву, мол, берегись!
И как буря насаждает;
Князь прицелился, как мог,
Бьет, но только задевает,
Не свалив медведя с ног.
Кто был близко — отскочили,
Князю ж некуда бежать.
«Ну, пропал я — зверь осилит,
Некому ружья подать».

А медведь — на задних лапах,
Он уж рядом, в двух шагах,
Вдруг споткнулся, рухнул набок,
Справа грянуло — ба-бах!
«Брось ты, князь, свою безделку,
Чтоб не смела пуделить.
Вот моим сподручно бить
Хоть медведя, хоть и белку.
Пусть связал я лыком ложе,
А промашку не дало,
И гляди — удар хороший:
Сердце зверю враз прожгло!»
Князь Данилу обнимает:
«Ты ведь жизнь мне подарил! —
Расквитаться как, не знает. —
Что ты хочешь?» — пан спросил.
Полешук-лесник обтерся,
Вынул трубку с табаком,
Шаг назад ступил, оперся
О сосновый ствол плечом.
«Поменяем, княже, люльки, —
Молвил пану он в ответ, —
Я еще к своей кривульке
Дам в придачу и кiset».
Князь со смехом вынимает
Свою трубку, отдает, —
У Данилы сердце тает,
Смотрит, глаз не оторвет.
С той поры Данилу боле
Князь уже не забывал,
Леснику усадьбу, поле
И лесок он даровал.
На Полесье так уж знали:
Князь приедет пострелять —
За Данилой посылали
В пушу пана провожать.
И никто, как дед Данила,
Тех не знал трущоб лесных,
Ведь не зря его взрастила
Пуша в недрах вековых.
Меж болот и топей мшистых
И в лесах из края в край

Был Данила паном истым
Всех богатств и дивных тайн.
После старый князь Данилу
Взял на службу в замок свой,
Хоть тому милее было
Жить в глуши своей лесной.
Парк Данила охраняет,
Верно службу он несет,
Ничего не проморгает,
Все кусты перетрясет.
Платье носит дед простое:
Свитку рыжую и брыль;
Курит, чмокая губою,
И бормочет сам с собою.
Может, сказка, может, быть
Деду думки взворошила,
Пуща в памяти всплыла,
И душа по ней тужила,
Полетела б, коль могла.
Дед под елью замечает
Чью-то тень и — напрямик;
Строгим тоном вопрошает:
«Ты откуда, боровик?»
— «Я, дедусь, из замка буду,
Иль нельзя мне здесь побыть?
Тут так радостно повсюду,
Лес вон с небом говорит».
Усмехнулся дед Данила.
«Любишь, хлопец, лес? Ну что ж!
Красота в лесочке, сила...
А давно ты тут живешь?»

4

«Эхе-хе, сынок мой милый, —
Произнес, вздохнувши, дед, —
Ныне меньше в людях силы,
Измельчал теперь и свет.
А лесов-то настоящих,
Вижу, хлопчик, ты не знал.
В дебрях сумрачных, гудящих
Ты покуда не бывал.

Ты подумай только: пуща!
День идешь и два идешь,
И такая темень, гуща —
Глазом неба не найдешь.
А какие великаны
Дерева встречались вдруг!
Выйдешь этак на поляну
И замрешь, захватит дух,
Даже страх одолевает.
А как ветер загуляет,
Пуща дрогнет, запое!т!
Вот уж музыка, дай боже!
Только больше лес молчит,
Да понять не всякий может,
Что в молчанье он таит.
Нет, в большом лесу ты не был.
Словно вечный праздник в нем,
Меж ветвей, аж в самом небе,
Гул стоит, как дальний гром.
Верь мне, — слушать дед умеет! —
Каждый ствол, сынок, в бору
Голос вещий свой имеет,
А затянут на ветру —
Гимн выходит настоящий.
Истинно, мой хлопец, так.
А скажи, что молвит чаща,
Не поверят, брат, никак. . . —
Оглянувшись, дед Данила
Вдруг понизил голос свой. —
Ты послушай-ка, что было
Как-то раз в бору со мной:
Знал я пущу на Полесье,
И вот в ней я слышать стал
Странный шум, он был невесел.
Незнакомый, сиротливый,
Голос жалобно-тоскливый
Словно к небу всё взывал.
А в соседних чащах кроны
Тянут свой обычный шум,
Только в пуще плач и стоны. . .
Я всё слушал удивленно,
Так и этак брал на ум,

Не распутав той загадки,
Я о ней потом забыл.
Но зимою под колядки
Снова пущей проходил —
Что же? Пуща вековая
Стонет так же сиротливо,
Ну, аж просто брало диво:
Отчего ж напасть лихая?
Что б ты думал? Эту пущу
Откупили гандляры,
И нещадно в сердце, в гущу
Их врубилась топоры. —
Дед повел вокруг очами
И присел, шепча опять:
— Эге, хлопец, тут ночами
Стал я что-то примечать:
Здесь творится, брат, такое!
Сам увидишь и поймешь:
То ли бесов племя злое,
То ль пророчество какое,
Что уж там — не разберешь.
И не высмотришь той силы,
И не выследишь тех троп». —
Парень глянул на Данилу,
На его в морщинах лоб. . .

С ы м о н

Ну а что же тут бывает?

Д е д Д а н и л а

Кто-то ночью здесь гуляет,
В чашах, этой вот дорогой.
Будет, будет перемена!
Идет новое колено,
Оно тут, уж у порога.
Ведь на свете всё не вечно,
И земля свой лик меняет,
За волной волна сникает
В синем море бесконечном,
Всё приходит и уходит,
А тем боле, хлопец, люди,
Они сами себе судьи
И в неволе и в свободе.

Сымон

А скажи мне, дед мой любый,
Почему так в мире стало,
Что одним дается мало,
А другому аж по губы!
Хоть бы здесь: уж так богато,
Что не всякому приснится,
А мужик в ярме проклятом
Должен век в грязи влачиться.
Кто делил богатства света —
Тот делил несправедливо.
Не для всех земля радива.
Чья же, дедка, воля эта?

Дед Данила

В том и дело, хлопец милый:
В жизни люди все не ровны.
В рабстве стонет слабый, темный,
У другого ж право силы —
Едет, вожжи взяв тугие;
И покуда не порвутся —
Пот, и кровь, и слезы льются,
Люди ходят как слепые.

Сымон

А чего ж те вожжи разом
Не порвать, дедуся, смело?

Дед Данила

Видно, время не припело,
Всё своим свершится часом.

Сымон

Разве ж час тот сам настанет?
Сам объявится неожиданно?
И придет конец обману,
И на всех тут правда взглянет?

Дед Данила

Есть на свете некий разум,
Он и пишет всем законы,

И кладет всему препоны,
Всё своим свершает часом,
Он снимает и короны.
А что против его воли,
Что до срока выступает,
То бесславно пропадает,
Не имея в жизни доли.

С ы м о н

Ну а коль невмочь придется,
И тогда, что ль, ждать покорно
Жизни светлой и просторной
И не надобно бороться?
Ой, нет, дедка: против силы
Можно ставить только силу,
Коль живым не хочешь, милый,
Лезть безропотно в могилу.

Д е д Д а н и л а

Ого, хлопец, ты горячий!
Ну а в замок как попал?
Своей волей пришагал
Или, может быть, иначе?
А свой меч девал куда ты?
Ты лишь в мыслях на войне!
Отложил, сдается мне,
Ты момент своей расплаты.
Ты, видать, брат, шит не лыком.
Эта скрипочка твоя?
А ну, хлопче, попиликай,
Молодым играл и я.

Меж деревьев родовитых,
Меж дубов-богатырей
Волны звуков самовитых,
Грустью нежною повитых
Темных дебрей и полей,
Полилися, задрожали,
Словно брызги рассыпали
Меж ветвями тополей
Слушал дед окаменелый,

Опустивши очи вниз,
А под усом старым, белым
Губы тонкие тряслись.
Годы, время молодое,
Угол свой, родимый край,
Гомон пуши, шелест хвон —
Где всё это? — не пытай!
Не вернется это боле.
И теперь, как сквозь туман,
Перед ним встает и поле,
И болота, и курган.

Д е д Д а н и л а

Не обижен ты судьбою!
Вон как музыкой владеешь,
Ею всё сказать умеешь,
С ней живешь одной душою.
Где ж ты здесь обосновался?
Я спросить не догадался.

С ы м о н

Я при кухне.

Д е д Д а н и л а

Там негоже,
Перейдешь ко мне, быть может?
Там огонь души затухнет...
Не люблю я псарни пана,
Всех подлиз и холуев,
Дух лакейский — дух поганый,
Аж проклясть его готов!
А мой дом — вон та сторожка,
Будем жить с тобой вдвоем,
Неказист, в одно окошко,
Да зато удобно в нем.

С ы м о н

От души спасибо, дед.
Очень рад, пойду охотно.
В замке мне и впрямь тошнотно,
Там простора сердцу нет.

Дед Данила

Верно, хлопец. А со мною
Ты покой себе найдешь,
С дедом ты не пропадешь,
Как за каменной стеною.

Дедова сторожка
Досками обита,
Чистая, большая,
Печь — как мать родная,
Светлое окошко
Солнышком залито;
Хорошо и просто.
Всё у деда ладно:
Добрые полати,
Как в родимой хате,
Сумка из бересты
Сплетена нарядно,
На стене ветвистый
Рог — видать, лосиный, —
Дробовик помятый
И рожок завязтый,
Сработанный чисто
Из доброй лесины.
И шесток тут сделан,
И лучник при печи, —
Словом, своя хата,
Крестьянина-брата.
Сердцу хлопца мило
От этакой встречи,
Он остался тут не в шутку,
Сникла с сердца маета:
С дедом каждая минутка
Чем-нибудь да занята.
То вдвоем с душой открытой
Разговор живой ведут,
А то важно, деловито
В парк в дозор они идут.

Раз под вечер дед с Сымоном
Вышли в парк, начав обход.

Уж темнело. И над кленом
Месяц красил небосвод,
В путь ночной сбирался тоже,
Предназначенный ему;
Звезды ласково, пригоже
С неба вглядывались в тьму.
Всё молчало, мглой одето.
«Стой, послушаем, дедок:
Слышишь? Там играют где-то,
Выйдем-ка на бугорок.
До чего ж играют складно!»
— «Это тренькают паны».
Парень ловит звуки жадно
Средь полночной тишины.
Снова в нем горит желанье
Нот премудрость разгадать
И с души завесу снять,
Чтоб развеять ночь незнанья.
Он идет на эти звуки,
Притаился под окном,
Крепко стиснув свои руки, —
Он войти не смеет в дом
И таиться должен вором:
Он — мужик, он — «песья кость»,
Подневольный он тут гость,
Его место под забором. . .
Кривда здесь всему основа!
Он бессилен, как лоза, —
И с очей сбежать готова
От обиды злой слеза.
Для потехи бар богатых,
Для забав господ-панов
Вы, соломенные хаты,
Взрачиваете сынов!

5

Ночь над парком. Тихо, сонно,
Небо звездами дрожит,
А на взгорье замок темный,
Затаясь как зверь, лежит.

Жутью дикою мерцает
Смутный ряд его окон,
Замок тяжело почивает,
И его тревожен сон.
В толстых стенах временами
Вдруг протяжно загудит,
Словно сдавленный камнями
Кто-то рвется и хрипит.
«А что там, дедуся милый,
Словно плещет над окном?
Слышишь, шорох мягкокрылый?»
— «Этот замок — страшный дом!
Кровь порою в жилах стынет...
То, сынок, нетопыри,
Только мрак ночной нахлынет,
Тут играют до зари;
Словно туча налетает!
Писк поганый, шорох крыл,
Знать, их что-то привлекает,
Так им этот замок мил.
Уж, наверно, что-то чуют,
Любы старость им и ржа.
Много уж веков векуют
Эти стены-сторожа.
И ни дождь и ни морозы
Их не точат и не бьют.
Меж камней их тяжких слезы
Злых обид людских текут.
Если б эти стены, башни
Вдруг смогли заговорить,
Сколько бед, деяний страшных
Удалось бы им раскрыть!
Слышал ты, что люди бают?
Рассказать тебе могу,
И коль зря они болтают,
Так и я тебе солгу.
Люди сказывают: в стены —
С древних то пошло веков, —
Чтоб стоять им неизменно
Против всех невзгод, врагов,
При закладке их муруют,
Слышь, сынок, детей живых.

Люди так давно толкуют,
В песнях так поется их.
Тут такие, парень, страхи
Приключались не раз.
Вот к примеру: в поздний час
Ходят черные монахи,
Ищут что-то здесь, копают.
Так лишь раз бывает в год,
А с рассветом исчезают,
Чтобы в свой прийти черед.
Бьют колокола тут сами,
Свечи блещут в вышине,
А за каменными рвами
В полуночной тишине
Пенье медленное слышно,
А в гробу в убранстве пышном
Чью-то голову несут.
И вот диво: голова,
Люди молвят, не мертва.
Грозно блещут злые очи,
Зубы лякают большие,
Губы черные, кривые
Что-то злобное бормочут...
Может, сказка, парень, это,
Может, правда — не скажу,
Только есть одна примета,
Вот пойдем-ка покажу».
В парке мрачно, глухо, пусто.
Тополя, дубы молчат,
А под ними густо-густо
Тени черные лежат.
А чем дальше — всё темнее,
Всё дичее парк большой.
Настоящим лесом веет
От его стены сплошной.
Повернул старик с дорожки,
Ниже свод листвы навис,
Месяц тоненькие рожки
Наклонил легонько вниз.
И в долине перед ними
Сталью озеро блестит,

Здесь за вербами седыми
На траве удод бубнит;
Где-то слышен однотоновый
Жаб унылый хоровод,
Словно сказка топей сонных,
Словно жалоба болот.
След блестящий, столб огнистый
Лег от месяца в воде,
Луг вольготный и росистый,
Никогошеньки нигде.
«Здесь вот, — дед остановился
И на чашу показал, —
Здесь он в те разы стучал,
Да сегодня припозднился.
Рубит он об эту пору,
Сам себе не верил я
И считал всё это вздором,
Думал, шутка это чья», —
Пареньку старик кивает.
«Ну а кто ж здесь рубит, дед?»
— «Э, то музыка другая, —
Был в тиши его ответ. —
Дело в том, что рубит в чаще
Здесь совсем не человек».
Парня страх берет знобящий:
«Кто ж тот странный дровосек?»
— «И прикинь на ум ты, хлопче,
Что порубок нет кругом
И травы никто не топчет,
Так зазря и стук и гром».
— «Дедка, что всё это значит?
Говоришь, что нет следов,
А топор ночами скачет
И сечет стволы дерев.
День придет — опять всё цело.
Правду молвил ты, дедок,
Тут и впрямь лихое дело,
Крепко спутанный клубок».
— «Эге, хлопец мой, на свете
Много разных есть загадок,
Да для них есть свой порядок,
Их разгадка в их примете.

Вот не зря топор гуляет
В этой чаще по ночам:
Он, мой хлопец, возвещает
О возмездии панам».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Оживился замок хмурый,
Всюду в нем огни видны,
Блещут окна, амбразуры,
Башни, рвы озарены.
Парк живет, горит, сверкает.
Как кораллы на шнурах,
Над дорожками пылает
Цепь огней на деревьях,
Серебристо озаряя
Кроны старых лип, дубов.
Нынче здесь гульба большая,
Много съехалось панов.
Искрометными снопами
Льется свет от фонарей,
Дорогой плетя орнамент
Чудодейно из теней.
На песке, в листве косматой,
На литых, как медь, стволах
Словно молнии крылатой
Замер здесь слепящий взмах.
И над огненной пляской
Тьма сошла еще плотней,
А из глуби неба сказкой,
Полной неги, тихой ласки,
Вниз смотрел из-за ветвей
Полумесяц ясный, чистый,
Чуть начатый пирожок,
Ночь ему из тучек мгlistых
Голубой сплела венки.
«Им тут рай. С такого хлеба
Не захочешь и на небо, —
Строго думал дед Данила. —
Им на этом свете мило,

А окончат путь земной —
Толпы слуг и духовенства
Пышный гроб их понесут,
И от райского блаженства,
Как и тут, нас отпихнут».
А паны себе гуляют,
Пьют заморское вино, —
Точно кровь горит оно.
Им лакеи услужают,
В замке их полным-полно.
Меж столетних, бородатых,
Мхом обернутых стволов
Толстых кленов и дубов,
Вставших кругом, как солдаты,
Стол накрыт, да так, что гнется
От закусок дорогих,
Там вино шумит и льется,
Пьяный говор раздается,
Смех паненок молодых.
А уж как они одеты!
Сколько золота, камней,
Серьги, кольца и браслеты,
И одна другой видней.
Звонкий щебет их порхает,
Князь шалает молодой,
Черти его батьку знают,
Что творит он той порой:
То прискокнет, то пригнется,
То руками поведет,
Плечи вскинет, засмеется,
Как мотыль над лампой вьется,
Точно шмель в цветах поет.
«Эй, друзья, поднимем чаши!
Выпьем за прелестных наших!»
Песню лихо князь заводит,
Дребезжит, что твой козел,
И глазами всех обводит,
Чаркой стукая об стол.
«Виват, наш вельможный княже!» —
Все встают, крича, смеясь.
Опустели снова чаши,
На руках взлетает князь.

Музыканты ловко, разом
Поднимают — кто кларнет,
Кто смычок над контрабасом,
Чтоб живей бурлил банкет.
Да как грянули стозвонно
И пошли и вширь и ввысь,
Аж листы дубов и кленов
Встрепенулись, затряслись.
Дирижер на части рвется —
Пан Галыга — вихрь степной:
То над скрипкой затрясется,
То покрутит головой.
Руки ходят, как пружины,
Отбивает такт нога,
Рассекают лоб морщины,
Сам же гнется, как дуга.
«А где тот холоп со скрипкой?
Гей, сюда его податы! —
Чаркой князь пристукнул шибко. —
Да что б мигом, не зевать!»
Шум веселый оборвался.
Озираемый толпой,
Не спеша, к столу пробрался
Музыкант наш молодой.
Вышел он и поклонился,
Глянул хмуρο на гостей:
Вот, брат, где он очутился,
Пир такой ему не снился;
Сколько роскоши, огней!
«Он сыграет нам отменно!» —
Усом черным князь ведет
И на белый стол кладет
Алый локоть свой надменно,
Хоть Симон играл немало,
Всё ж теперь его рука
Вдруг невольно задрожала,
Крепко сжав конец смычка.
Если б он огнем летучим
Мог им душу опалить,
Болью острой и колючей
Все их помыслы обвить,
Чтоб познали крест неволи,

Крест тяжелый мужика,
Свист холодный ветра в поле
И судьбину бедняка!
Он играл, и струны властно
Песнь суровую вели,
И звучал в их клике страстном
Гнев обиженной земли.
Вот аккорд последний льется,
Все захлопали кругом, —
Видно, так уж тут ведется,
В этом замке вековым.
Князь очами в парня впился:
«А скажи, любезный мой,
Что ты высказать стремился
Горемычной песней той?»
— «Я скажу, вельможный княже! —
И Сымонка начал так: —
Эта песнь — о доле нашей,
О житье под властью вражьей,
Где повержен люд во мрак!
Ох, большая буря зреет,
Тучи собирает,
Тот, кто зло, неправду сеет,
Горе пожинает.
Ты могуч и славен, княже,
То закон, что князь прикажет,
Все права твои священны,
А владения бесценны.
Одного ж и князь не может,
Хоть и молвить то негоже:
Думки вольные, живые
В цепи заковать стальные.
Дума ходит, где захочет,
От земли до небосклона,
Нету ей нигде заслона,
Она правдой колет очи
И вельможе и простому.
Горе княжескому дому!
Свежий ныне ветер веет,
Хоть он веет тихо.
А кто зло, неправду сеет,
Тот собирает лихо!»

Воли, воли и простора!
 Прочь границы!
 В сердце бьет струя криницы,
 Дух живой, как блеск зарницы,
 Двигай в гору!
 Воли, воли и простора!
 Не желаю вашей доли,
 Богатеи!
 Вы обманщики-злодеи,
 Вы для нас сковали, змеи,
 Цепь неволи.
 Не желаю вашей доли!
 Как добыли рай просторный,
 Чем купили?
 Сердце ваше полно гнили,
 Подлость в каждой вашей жиле,
 Дух тлетворный!
 Как добыли рай просторный?!
 Сгинет ваша власть и сила,
 Ваше право:
 Близок ваш закат кровавый,
 Он несет вам меч расправы,
 Тьму могилы,
 Сгинет ваша власть и сила.
 Завалили вы нам двери,
 Свет закрыли,
 Чтоб не дать разнять нам крылья,
 Чтоб мы яму вам не рыли.
 Эх вы, звери!
 Мера вам по вашей мере.

День за днем, за летом лето,
 Пронеслось три года так.
 Эх, крестьянский сын-бедняк,
 Не достиг своей ты меты.
 Жил Симон одной надеждой
 И мечтой, что в замке он
 Перестанет быть невеждой
 И, панами просвещен,
 Сам читать сумеет книги,
 Знаки звуков разбирать

И, быть может, их писать, —
Разве он глупей Галыги?
Много думал он об этом,
Молвил старому не раз,
Да у деда для ответа
Был один и тот же сказ:
«Брось ты, парень, эти штуки,
Плюнь на них, возьми их шут,
Эти подлые науки
До добра не доведут.
Знал я книжника такого,
Тьму он разных книг прочел,
Всё искал — что есть основа,
Ажно ссохся, право слово,
Под конец с ума сошел!
Да учить тебя кто станет?
Ты ж для них холоп-мужик!
Нужно выломать язык,
Речь родную опоганить,
Пусть их род в болото канет!»
Дед был старого закала
И никак не мог понять
Этой жажды и запала
Мудрость книжную познать.
Наконец Сымон решился
У Галыги попросить,
Чтоб гордец тот согласился
Хоть в неделю раз учить
Хлопца нотам и не злился.
Полон воли и отваги,
Он идет к нему тишком,
А Галыга-пан к сермяге
Обернулся со смешком:
«Ну, что скажешь, пан бездомный,
Самотужный мой Шопен?»
— «Я к вам с просьбой преогромной».
— «Что? Обидел старый хрен?»
— «Нет, не то, паночек милый,
От другого тяжко мне:
Без науки жить постыло,
Книги вижу я во сне.
Покажи, паночек, ноты,

Растолкуй мне, как и что,
А за панские заботы —
Пану жить годочков сто!»
— «Недурная это плата.
Что ж, расписку дашь от бога?
Для него сто лет немного,
У него запас богатый...
Дело доброе — наука,
Славу, хлеб она дает.
Только, хлопец, где порука,
Что наука впрок пойдет?
Ты разумен без науки.
Помнишь, князю что сказал?
Ты б язык свой привязал.
За такие, братец, штуки
В тюрьмы садят, чтоб ты знал.
Вот затем сама природа
В слепоте вас держит век.
Свет наук не для народа.
Ты мужик — не человек!
Будь своей доволен долей!»
Что ж тут ждать Сымону боле!
Сердце облито слезами:
Все его мечты, желанья,
Дорогие упованья
В грязь втоптал злодей ногами.
Тяжко бедному Сымону:
Что ж, он будет век слепым
И не будет век разгона
Тем желаньям дорогим?
А где правда, братец милый?
Где тот щит душе простой?
Кто с рожденья до могилы
Нашей ведает судьбой?
Так зачем же меж врагами
Здесь влачу я дни свои?
Здесь закованы цепями
Песни вольные мои.
Ну, пора мне в путь-дорогу!
Стосковался посох мой.
Сердце громко бьет тревогу,

Поднимает ветер вой. . .
Воли, воли и простора!
 Прочь границы!
Есть живые там криницы,
Блещут звезды и зарницы,
 Двигай в гору!
Поле родное, широкое поле,
 Жито не сжато,
Простор многодумный,
 Разумный!
Пусть же нас встретит крылатая воля,
 Овеет и хаты,
 И гумна.
Я — изгнанный сын ваш, невольный бродяга!
 Без ласки, без доли,
 Я колос без нивы
 Тоскливый.
Пусть же одна нас обнимет сермяга,
 Тот ветер средь поля
 Шумливый.
Эх, лес темнокудрый, дружище мой милый!
 Деревья седые,
 Могучие кроны,
 Шорох зеленый.
Там соки бегут в высоту у дуба по жилам,
 Там песни лесные
 И звоны.
Там весело-вольно, тишь голубая,
 Краина другая,
 И правда одна там.
 Как с братом,
Гуторит трава там с тобою лесная,
 И ты, дорогая,
 Была там.
Ты солнцем мне светишь, радость моя ты!
 Ты дух мой будила,
 Живила. . .
Твоей не миную я хаты,
 Хоть, может, меня ты
 Забыла.
А тут паутина пана-магната,
 Угрюмые стены

И рвы, что окопы,
Затопы.
Паук беспощадный ткал свои сети,
И вязли в них мухи
И мошки живые,
Слепые.
Но правду не сгубишь, есть правда
на свете,
Есть силы живые!

Что-то всё сильнее гнало
Паренька от этих стен,
И душа его желала
Новых встреч и перемен.
«Эх, а вот другие рады
Панству в замке услужать,
Терпят лихо без досады,
Только б панский стол лизать».
Наш Сымон с одним Данилой
Дружбу вел и говорил,
Их одна судьба роднила —
Голос воли единил.
Дед любил пути-дороги
Меж болот, где жил и рос,
Где его бродили ноги
Жарким летом и в мороз.
«Хоть бы раз мне краем глаза
На Полесье поглядеть,
И тогда, кажись бы, сразу
Можно было умереть.
Близок час конца скитанья,
Весь мой род там погребен,
И одно мое желанье —
Лечь среди родных имен».
Князь настигнут был бедою
И живым уйти не смог:
Чьей-то пулею шальнойю
Был смертельно ранен в бок.
Ужас в замке поселился,
Смолкло всё в его стенах,
И над старой башней взвился
Черный, словно полночь, флаг.

«Вот что значит стук тревожный
Топора, что я слышал.
Кто-то двери в замок грозный
Для несчастья прорубал.
Ну, теперь махни рукою!
Верь уж мне: одна беда
Приведет, как волк, с собою
Стаю бед лихой тропою, —
Так бывает, брат, всегда.
Мы с тобою, парень, мошки,
Нас забыли все кругом,
Можем смело в путь-дорожку
Ночью двинуться вдвоем».
Ночь над замком жаром дышит,
Паром веет от земли,
Часто молниями пышет
Туча темная вдали.
Огнекрылый вихрь гуляет,
Мглу густую в клочья рвет,
И горит и полыхает
За лесами небосвод.
А в костеле звон печальный,
Звон унылый, погребальный.
Да уж поздно слезы лить,
Грех души не замолить,
Грех насилья, притеснения,
Что века из рода в род
Здесь сносили поколения,
Здесь терпел простой народ.
«Время, время нам в дорогу,
Ждет на озере челнок. . .
Потемнело небо строго,
Быть большой грозе, сынок».
Режет челн седое лоно,
След его — полет стрелы,
Всё сильнее ветра стоны,
Плеск и брызги дикой мглы.
Замок дальше с каждым взмахом
Синих молний, словно змей,
Выплывает он из мрака.
После тьма еще черней.
Замок словно негодует

На своих неверных слуг...
Дном челнок песок шурует,
Ветер, волны, мрак вокруг.
«Дед, на башню глянь, объята
Вся огнем... Иль подожгли?..»
— «То, сынок, пришла расплата,
То прорвался гнев земли».

3

«Ой, как ноченька сияет,
Грех в такую пору спать,
Месяц окна озаряет,
Далеко кругом видать.
Хоть присяду на кровати
У замерзшего окна,
Спят давно уж в каждой хате,
Только я не сплю одна».
Ганна косы поправляет,
Шалью плечи одевает
И садится на постель.
За окошком снег сверкает
И искрится, словно хмель.
Стынут вербы на морозе,
Ткет зима им свой узор
И ласкает их, набросив
Кружевной на них убор.
Эх, мороз, кудесник старый,
Ты — любитель и мастак
Наводить на окна чары,
Рассыпать ромашки, мак.
Никакой мастак на свете
Потягаться с ним не может,
Кто напишет так пригоже
О поющем, ясном лете?
Тут полет свободной кисти,
Тут широкий светозор,
Тут и пальм чудесных листья,
И кораллы чистых зорь;
Тут осока и чароты,
Ветви пышные дубов,
Нив созревших позолота,

Копны тучные снопов,
А как солнца луч огнистый
Глянет утречком в окно,
Заиграет жар искристый,
Брызнет полымем оно.
Ночью ж месяц безмятежно,
Серебром залив простор,
Нить золотую сказки нежной
Заплетает в тот ковер.
Ганна в думках улетает
За холодное окно.
Ночь седая расстилает
В поле снега полотно.
Тихо всё кругом, тоскливо,
Только щелкает мороз,
Да внезапно боязливо,
Как с ресницы капли слез,
Упадет беззвучно иней
С ветки вербы вековой.
«Где он, милый, мой единый?
Где бездомник мой родной?
Где он ходит, где блуждает
Подневольный голубок?
Где головку приклоняет?
Где нашел свой уголок?
Хоть пришла б весна скорее
Да повеяло б теплом,
Под живым ее крылом
Жить бы стало веселее.
Эх, мороз, мороз трескучий,
Всё цветами ты расшил,
Только в поле стужей жгучей
Цвет живой ты погубил.
Месяц, месяц ясноокий,
Ходишь ты из края в край.
Где же друг мой одинокий?
Ты хоть весть ему подай».
— «Ганна, что тебе не спится?
Уж за полночь, а она
Села там и не ложится,
Как примерзла у окна», —

Мать девчину окликает,
Заставляет дочку спать,
А сама с тоской вздыхает, —
Да и как тут не вздыхать?
С той поры, как здесь с сумою
Музыкант тот побывал,
Словно силой колдовскою
Ганну он зачаровал.
Ганна стала молчалива,
В сад уйдет, сидит одна.
Что там думает она?
Мать не в шутку брало диво —
Перемена так видна.
Поскупела и на речи,
Что таит — не угадать,
Знай молчит, понурил плечи.
Ну, девчину не узнать!
А порой найдет минута —
Звонко песню заведет,
Улетает с сердца смута,
Вся, как майский день, цветет.
И сама слагает песни
И поет их у окна,
Нет искусницы чудесней
В этом деле, чем она. .
Уродилась, что ль, такую?
Или сглазил кто чужой
И минутою лихою
Отобрал ее покой?
Иль пора ей наступает —
Время девичьей весны?
Мать и так и сяк гадает,
Но ничто не помогает —
Ни попы, ни шептуну.
Так за днями шли денечки.
Распустился сад густой,
Зацветали и веночки
Красоты ее живой.
Ганна — славная девчинка:
В меру рост и тонкий стан,
Ей завидует былинка,
Что украсила курган.

Миновало третье лето,
Понапрасну Ганна ждет.
Неужель та песня спета
И навек тот звук замрет?
Одинокой, бедной Ганне
Грустно думалось порой:
«Почему при встрече той,
В тот заветный час свиданья
Не зашел он к нам домой?»
Сердце ныло у девчины,
В одиночестве цвело;
Три весны уже прошло...
Нет, наверно, есть причины!
Обещал он ей, как другу,
Обещал он ей, как брат...
Полетела пташка к югу,
Прилетит она назад.
Вновь надежды оживают,
Думки светлые встают.
В сердце вновь лучи играют,
Ей кросенца счастье ткут.
Любы думы ей живые,
В них она с дружкой своим.
Эх вы, годы молодые,
Искры сердца золотые,
Вы уходите, как дым.
Ганна жнет на поле жито,
Солнце щедро ласку льет.
Шмель веселый, басовитый
Песню ей свою поет.
Ганна тоже запекает,
Слушает ее лесок
И легко перенимает
Чистый, звонкий голосок.
А как дождь пройдет шумливый,
Тучи грозно прогремят,
Запоет ручей бурливый,
Лужи в поле заблестят.
В этот час в лесу дорогу
Преградит жнее ручей:
«Задержись ты здесь немного,
Подивись красе своей».

И задержится девчина
Перед зеркалом лесным,
И глядит в его глубины
Взором ясным, голубым.
Свесив косы над водою,
Тихой радости полна,
Свежей розой молодою
Отражается она,
И с улыбкою счастливой
Ганна тешится собой.
«Ты прекрасна, ты красива», —
Молвит ей ручей лесной.
И по странной вдруг причине,
Словно всплыв из темных вод,
Сон припомнился девчине,
Полный страха и забот.
И опять ей жутко стало —
То был верно сон лихой:
В пруд тогда она упала,
Голос там звучал глухой:
«Будешь ты русалкой плавать
В темной, зыбкой глубине,
Будешь цветиком-купавой
Колыхаться на волне».
Дух у Ганны захватило:
«Ой, пропала я одна,
Захлебнусь я, нет уж силы,
Буду здесь погребена».
Тьма девчину обернула,
Омут черный закрутил,
Тяжким сном она заснула,
Мох постелью ей служил.
Слышит вдруг — играет скрипка,
Тихо музыка плывет:
«Ганна, Ганна, тут я, рыбка, —
Это он ее зовет. —
Ты не бойся, я с тобою,
Я тебя уберегу. —
И он борется с водою. —
Смело ты иди за мною».
Вот они на берегу.
Миновало горе-лихо,

Вновь пред нею белый свет,
Омут плещет тихо-тихо,
И тревоги темной нет.
А Симон глядит ей в очи.
И легко так стало Ганне.
О, как сладок миг свиданья,
То, наверно, сон пророчит!
Всяко думалось девчине —
Знала радость и печаль.
Мать слезу украдкой снимет,
Дочку старой было жаль.
«Ох ты, доченька, чудная,
Разве ж можно сохнуть так,
Позабудь о нем, родная,
Он бродяга и бедняк.
Сам без хлеба и без хаты,
Может, запил где один.
Лучше ты держись Кондрата,
Богатея это сын».
— «Или вам я в тягость, мама?
Разве стала лишним ртом?
Сватов мне не надо в дом,
Не хочу идти за хама!»
— «Ой, гляди, сменяешь бы́ка
Ты, дочушка, на инды́ка.
Разве словишь ветер в поле?
Ветер ветром был и будет...
Да что скажут тебе люди?
Ох, нескладна твоя доля!»
Промеж хлопцев-кавалеров
Был один, шустер и лих,
Высшей мерой себя мерил,
И в свою удачу верил,
И чванлив был за троих.
Стал за Ганной волочиться
Удалец тот Доминик,
Над любовью он привык
Лишь смеяться и глумиться.
Только тут не пофартило,
Как он ей ни угождал,
Как усы ни фабрил мылом,
Как глазами ни играл.

Он друзьям своим поклялся
Сердце Ганны полонить,
В две недели обещался
Ганну гордую склонить:
Вот увидите, свиданья
Будет с ним она искать
И исполнит все желанья,
Только вздумай он сказать.
Началось всё ради спора,
А закончилось вот так:
Сердцеед наш braveй скоро
Сам попался в плен, бедняк.
Псом ходил за Ганной следом,
Потерял покой и сон,
Не до шуток стало, — где там! —
Так несчастный был влюблен.
«Эх, дубина я, дубина.
Вот я сделался каким!»
А красавица девчина
Лишь смеялася над ним.
«Иль моей ты хочешь муки?
Иль не видишь, как тужу?
Я на всё пойду: и руки
На себя я наложу,
И себя со мной загубишь,
До того ты доведешь!
Всё равно, кого ты любишь,
Понапрасну только ждешь!»

4

По шири безгласной
В одежке атласной
Денек на покой отплывает.
Денек отдыхает,
Денек замирает
С прощальной улыбкою ясной.
И синие дали
Кой-где заблистали
Дрожащими звездами робко,
И горною тропкой,

Таясь, неторопко,
Ночь сходит в безмолвной печали.
Встал мрак темноликий
В долине, на стыке,
Где сходитя небо с землею,
И хмуро густою
Трясет бороною,
Пугая закатные блики.
А месяц двурогий
По темной дороге
На землю спустил свои нити,
Блестит на раките,
И, путаясь в жите,
Туман проползает безногий.
Земля онемела.
Лишь ветка несмело
Зашепчется с веткой средь бора,
Да лёт метеора
Безбрежье простора
Прорежет дорожкой белой.
И тьма и свеченье,
Покой и движенье
Слились, — да и как им не слиться?
И в мертвенной черни
Печали вечерней
Рассветная искра таится.

Небо меркло. Даль темнела.
Где недавно солнце село,
Сумрак там взмахнул крылом.
В тихом поле, кончив дело,
Шел хозяин за волом.
Звезды первые мерцали,
Споря с отблеском зари,
И, как будто изнутри
Освещенные, дремали
Розоватых тучек стайки,
Легких, тонких, как шелка,
И нашептывала байки
Бережкам крутым река.
Косы ночка распустила
Над полями, над лесами,

Все листочки волосами,
Все былинки перевила.
Было всё спокойно, тихо,
Лишь сова зловещим криком
Всем бездомным горемыкам
Накликала злое лихо.
Через заросли осота
Вдоль реки бежала стежка,
А по стежке крался кто-то,
Озираяся сторожко.
То беспаспортный бродяга
Или то злодей лихой,
Что по рощам да оврагам
Ждет проезжих в час глухой?
Доминик влюбленный это!
Как ты срама ни таи,
А пойдешь просить совета
У седой ворожеи,
Коль ни лаской, ни обманом
Сердцем тем не завладеть,
Коль глаза твои без Ганны
Не хотят на свет глядеть!
Он идет, а мрак всё гуще,
Ночь всё глуше, всё черней;
За полями, в старой пуще
Запеваает соловей.
А в лугах — ему помехой —
Верещит-трещит дергач,
И в ночи разносит эхо
То ли песню, то ли плач.
Стежка влево забирает
И по горке вверх ведет.
Доминик едва бредет,
Сердце в страхе замирает.
Вот с пригорка он глядит:
Кривобока и горбата,
Где-то там, в овражке, хата,
Словно нищенка, стоит.
Как купальский светлячок,
В ней мерцает ночничок.
В этой хатке обветшалой,
Чуть поодаль от села,

Бабка-знахарка жила,
Ворожила и гадала...
...Бьет в виски хмельная кровь,
Хлопец смотрит мутным взором:
Пусть из сердца наговором
Бабка вытравит любовь!
Или зельем приворотным
Девку пусть приворожит!..
Убежал бы он охотно,
Да любовь не убежит!..
Он не волен над собою,
Словно вдруг попал в полон,
И дрожащею рукою
Постучал в окошко он.
«Кто там?» — «Это я, бабуля!»
— «Кто такой ты?» — «Доминик.
К вам я, бабушка Аршуля!» —
Он сказал и весь поник.
И зловеще среди ночи
Заскрипел засов в дверях.
«Ну, входи, входи, молодчик!»
Подавляя в сердце страх
И кой-как собравшись с силой,
Он ступил через порог:
Тускло лампочка светила,
Чуть дышал в ней огонек.
Он увидел, как в тумане,
По стенам пучки цветов,
Запах трав сухих дурманил
Так, что хлопец был готов
Задохнуться. Видно, это
Свою подать принесли
Бабке-знахарке за лето
Луг и лес ее земли.
«Ну, так в чем твоя кручина?
С сердцем, верно, нелады?
Коль неласкова девчина —
Горше нет для вас беды!»
— «Да, бабуся, девчинка, совсем молодая,
Забрала мое сердце в неволю!
Не пойму: меня сглазили, что ли,
Только нет мне ни жизни, ни доли.

Без нее я, бабуся, томлюсь и страдаю,
Через эту любовь ни за что пропадаю!
Дай же, дай мне совет! Дай душе избавленья!
Сделай так, чтоб, не зная покою,
Она всюду ходила за мною!
Научи, как мне этой рукою
Отомстить за обиду ее, за презренье. . .
Вырви с корнем любовь. Отгони
наважденье!»

— «Ну, наверно ж есть причина,
Что неласкова она?
Ой, хлопчина-молодчина,
В облаках вода темна!
Вот посмотрим!» Бабка встала,
Полный ковш воды взяла,
Пошептала, поплевала, —
Пуще страху навела.

«Я беду
Наведу,
Я беду
Отведу
На боры-
Гущары,
На поля,
На моря,
На луга-
Берега,
На пустошь-облоги,
На безлюдь-дороги,
И в пушу,
И в гушу,
И в топи немые,
И в недра глухие,
От сердца, от дому —
Худое худому».

Заклинанье бормотала
Вполголоса, глухо,
Будто вправду что-то знала
Вещая старуха.
«Погляди-ка в воду малость. . .
А теперь глаза закрой. . .

Стой тут, что б ни показалось...
Зряч, как солнце, будь слепой!» —
Строго бабка приказала.
Весь затрясся Доминик,
На пол свитка с плеч упала,
Заплетается язык:
«Тьфу ты, пропасть! Что со мною?
Что за чертовы дела?
Кто рукою костяною
Мне грозитя из угла?
Вот я вижу: там из гая
Кто-то вышел к балке. Вот
Стал он, а с другого края
Чаровница моя злая
Ему руку подает!»
— «Меж тобою и девчиной
Кто-то третий встал давно,
И тебя по той причине
Ей любить не суждено.
Та любовь их до могилы
И сильнее что ни год...
Нет, помочь тебе не в силах
Никакой тут приворот!»
— «Врешь, плутуешь ты, старуха!
Силой я ее возьму!
Сгубит пусть меня присуха,
Девку не отдам ему!»

.
Как-то в сумерках полями
Ганна шла домой одна,
Любовалась колосками
Золотистыми она.
Их срывала, целовала,
Забавляясь, как дитя,
И тишком на них гадала,
То ль серьезно, то ль шутя:
«Если любит мой Сымонка —
Зацвети хоть на часок!»
И втыкает стебель тонкий
В косу рядышком с гребенкой,
И как будто вправду звонкий
Зацветает колосок!

Но взглянула в поле Ганна
И едва сдержала крик:
Видит, в сумерках туманных
К ней крадется Доминик.
Сердце девушки упало.
Оглянулась — никого,
И бедняжка задрожала:
Что там в мыслях у него?
Ведь не зря в безлюдном поле
Он подкрался к ней ужом,
А глазами так и колет,
Так и режет, как ножом!
Чуя сердцем всё, что скрыто
В мутной мгле его души,
Ганна вмиг шмыгнула в жито,
Затаилась там в тиши;
Не глядит, а только слышит,
Как по житу напрямик
К ней бежит и шумно дышит
Разъяренный Доминик.
Как ей быть? Совсем уж близко
Шелест ржи и топот ног,
И она, пригнувшись низко,
Припустилась в ближний лог.
Убегает от позора
В муках страха и тоски,
Словно серна, за которой
Неотступной злою сворой
Увязались гончаки.
«Стой ты, дьявольское семя!
Стой, обидчица, змея!
За насмешки — дай лишь время —
Заплачу сторицей я!»
То кричит он, тон меняя:
«Стой, Гануся! Стой, дурная!
Ганя! Ганя! Я шучу!
Ну зачем бежать так шибко?
Подожди минутку, рыбка, —
Я ж тебя не проглочу!»
А у Ганны нет уж силы,
Ей ни крикнуть, нидохнуть,

Разрывает кровь ей жилы,
Как в огне, пылает грудь.
Сполз платок, коса развита,
А сама как смерть бледна...
Не русалка ль в море жита
Кверху выплыла со дна? ..
Только вдруг она упала
На меже ничком в овраг,
Встать пыталась, да не встала,
Погрузившись в черный мрак...
Над оврагом хлопец замер.
Чуть вокруг шуршала рожь,
Поле сумрак залил сплошь...
Он искал ее глазами,
Только где ж ее найдешь?
И пошел, свернувши круто,
Прямо к лесу вдоль межи...
Хоть тужи, хоть не тужи,
А ее укрыли рута
И колосья спелой ржи...

Ганну люди ранней ранью
Подобрали — без сознания.

.

5

Распрощался хлопец с дедом,
И — раздолья вольный сын —
Он знакомым торным следом
Зашагал опять один.
У него маршрут готовый,
Четко в сердце он пролег, —
Дал Симон недаром слово
Завернуть к ней на порог.
Но не только в слове дело,
В нем — полдела. Слово — что?
С языка подчас слетело
И забылось. Тут не то!
Тут проснулась в сердце песня —
Юной жизни чародей,

Тайный зов, весны предвестник,
Мука сладкая людей.
Молодое сердце жаждет
Отклик сердца услышать,
Загореться так однажды,
Чтоб всю жизнь не потухать.
Уж огнем оно согрето,
Мир украшен тем огнем;
С ним цветет зимою лето,
С ним и ночью — точно днем.
В сердце льется он лучами,
Жаром вечно молодым...
Но и розовое пламя
Омрачает горький дым.
Шелест нивы, сердцу милый,
Тучек легкое руно;
Лес... тот самый, синекрылый;
Запах, крепкий, как вино...
Под зеленою накидкой
Ветки нежатся в тепле,
Ветерок, шепчась с раkitкой,
Ходит чуть навеселе.
Старый дуб в дремучей думе
Дремлет, что-то затая;
В каждом шорохе и шуме —
Жизнь особая, своя.
А где солнце бьет сквозь листья,
Нити желтые суча,
Свет и тени там сплелись,
Как узорная парча.
Стал Сымонка — лес знакомый,
Много он наводит дум...
Эх, зеленые хоромы!
Сердце ваш узнало шум...
Вон курган стоит, сугулясь...
Вспомнил путник, рад не рад:
Там их стежки разминулись
Года три тому назад.
На курган Сымонка всходит,
Чтоб всё вновь перестрадать,
Стал и взглядом он обводит
Даль полей и неба гладь.

Снова видит вдоль дороги
Два ряда седых раки.
Там его шагали ноги
В день счастливый. . . Он глядит,
А тревога душу гложет:
Не конец ли всем мечтам?
Что сказать он Ганне сможет?
Как он встречен будет там?
Может, всё давно забыто
И чужим он стал уже,
Как вон тот, былем повитый,
Серый камень на меже?
Но средь мыслей этих горьких,
Прежней лаской вспыхнув вдруг,
Глазки Ганны, точно зорьки,
Осветили всё вокруг,
Отогнали прочь тревогу,
Как дурной, тяжелый сон,
И с кургана на дорогу
Вновь спускается Симон.
Ветерок его ласкает,
Греет солнышком восток;
Где-то шепчет-напевает
Говорливый ручеек.
Меж раки усталым шагом
Продолжает хлопец путь;
Ветки гостю машут флагом,
Говорят, куда свернуть.
По пригорочкам вприпрыжку
К хуторам бежит межа, —
Тут Симонка стал, под мышкой
Скрипку бережно держа.
Пот стирает и с одежи
Отрясает пыль дорог, —
Ведь неприбранным негоже
На такой ступить порог!
Только верно ль это чудо
Совершится с ним опять? . .
А уж близко, уж отсюда
Всю усадьбу их видать.
Вон и дом, и сад вишневый,
Он разросся, как лесок!

И Сымон припомнил снова
Взрослых ласковое слово,
Детский смех и голосок.
Он стоит, как будто путы
На ногах, глядит туда:
Как чудно! Прошли года,
Живы ж только те минуты!
Впрочем, хватит рассуждений!
Ну-ка, подем напрямик,
И, едва сдержав волнение,
Увидал он в тот же миг —
Кто-то вышел из-за хаты,
Серп висит через плечо,
А в руке горлач пузатый
С квасом или с чем еще.
И Сымон невзвидел света:
Не хозяйка ль то? Она!
Только вот — с чего бы это
Вышла жать она одна?
Как, однако, постарела,
Видно, это неспроста. . .
Он подходит к ней несмело —
Ну совсем, совсем не та!
Высох рот, глаза запали,
Лоб морщинами изрыт.
«С добрым утром! Не узнали?» —
Ей Сымонка говорит.
Тут она остановилась,
Поглядела молча. «Нет,
Уж прости ты, сделай милость,
Не могу узнать, мой свет! . .
Стой! Не может быть! Сымонка?
Будто спала с глаз заслонка,
И узнала ж по глазам!
В нашу ты забрел сторонку
Поневоле или сам
К нам наведаться надумал?»
— «В добрый час взглянуть — зайду, мол,
Как-то живы они там? . .»
— «А у нас, сынок, несчастье,
Горше не было напасти:
Наша Ганечка больна!

Помутился ясный разум. . .
Может, кто испортил сглазом —
Не в себе совсем она».
Хлопцу сразу жарко стало:
Вот пришел он, страшный час!
Сердце сжалось и упало,
Свет в глазах его погас;
Горе ноги подкосило;
подавив невольный стон,
Вдруг руками что есть силы
Стиснул голову Сымон.
С головы картуз свалился,
И бедняга опустился
Прямо на сухой репей. . .
А она горлач подносит,
Наклоняется и просит
С теплой лаской: «На, испей».
— «. . . Где же Ганя?» — «Ганна в хате.
Не свались хоть ты-то с ног! . .
Счастья нашему дитяти
Не судил, как видно, бог!
Уж прибрал бы дочку лучше,
Чем лишить ее ума!»
Мать заплакала беззвучно,
Еле стоя и сама.
«Нет! Судьба ей быть здоровой!
Можно мрак с души согнать,
Как рукой, хворобу снять!
Покажите мне ее вы,
Чтобы после не пенять!»
Весь горит он вдохновеньем,
Весь натянут, как струна,
Мать же смотрит с сокрушеньем,
Недоверия полна. . .
Но надежда вновь волнует,
К ней придя невесть откуда:
Ну а вдруг случится чудо?
Хворь пройдет, беда минует! . .
«Что ж, пойдем, родимый, к хате!»
. . . Так ступил он на порог,
Будто кто его стерег
С черной вестью об утрате. . .

Мухи — роем. Вон полати,
Вон и Ганин уголок. . .
Только разве это Ганя?
Неподвижна и бледна,
Вся растрепана. . . Ни взглянет,
Ни закроет глаз она.
Мертвый, мгlistый, мутно-синий
В тех глазах туман застыл,
И как будто зной пустыни
Жаждой губы опалил.
Сколько боли и мучений!
Чтоб в минуту злой страды
В страшном умопомраченье
Не случилось с ней беды,
Ей связали руки-ноги,
И лежит она одна,
В забытьи, в бреду, в тревоге,
А за нею — смерть видна!
И Сымон в тоске, в испуге,
Точно скованный стоит.
Сердце рвет ему подруги
Незнакомый, страшный вид.
Ближе он на шаг ступает,
Чтоб в глаза ей заглянуть,
Но бедняжка — как слепая,
В ямах глаз всё та же муть.
Боже! Что с девчинкой случилось!
Как бывшего смутный след,
Тело хилое осталось,
А души в нем прежней нет. . .
И глядит он исступленно,
Точно ищет душу эту. . .
Вдруг в глазах незрячих света
Вспыхнул проблеск потаенный.
Вспыхнул он и на мгновенье
Засиял во мгле суровой,
Будто ожил взгляд и снова
Потонул в слепом затменье.
Хлопец вздрогнул, встrepенулся,
И с волнением в груди
Он плеча ее коснулся:

«Ганя! Радость! Погляди!» —
Ей в глаза впился глазами,
Словно влить скорей спешит
Чувств и мыслей светлый пламень
В жуткий мрак ее души.
Он в том проблеске минутном
Видит сбывшейся мечту...
Но больная взглядом мутным
Смотрит, точно в пустоту...
Он плечо ей стиснул больно:
«Ганя! Видишь ты? Кого? ..»
И она глаза невольно
Устремляет на него.
И глядит, и видит будто,
И, поднявшись, в муке лютой
Тщетно силится сорвать
С ног и рук тугие путы,
И со стоном на кровать
Навзничь валится бедняжка.
«Ой, она как неживая!
Ганя! Доченька родная! —
Плачет мать. — Ох, тяжело, тяжело!»
— «Нет! Здорова будет Ганна!» —
Шепчет радостно Сымон,
А глаза блуждают странно,
Точно сам безумный он.
Ганна спит. Прошли все сроки,
День минул, минула ночь.
Лечит Ганну сон глубокий,
Злую немочь гонит прочь.
Стережет тот сон Сымонка
И, храня ее покой,
Держит пальцы ручки тонкой
Загрубевшею рукой.

«Спи, моя рыбка, спи, золотая!
Зорька зажжется, ясна и светла,
Скроется страшная мгла.
Солнечный луч к нам заглянет, блистая,
Сумрак разгонит он взмахом крыла,
Смоет дыханьем тепла».

Спит девчинка крепким сном.
Вот слетает ночь вторая,
Тьму крылами рассевая,
Разливая тишь кругом.
Опустилась ночь у леса,
Синий мрак к нему приник;
Ясный месяц вздул ночник,
Расстилает свет белесый,
Белит звездочкам рушник.
А Симонке грустно, больно:
Что сулит ей этот сон?
И такую ж ночь невольно
В давнем детстве вспомнил он.
И внезапно, как когда-то,
Вновь пришло на ум ему
Выйти в сад и возле хаты
Растревожить ночи тьму.
Может, время сон нарушить?
Может, звонкая струна
Исцелит больную душу,
Всколыхнув ее до дна?
Он берет тихонько скрипку,
Раскрывает в сад окно
И с печальной улыбкой
Шепчет ей, родной давно:

«Ты услышишь голос моей песни,
Мысли твои прояснятся,
Тьма растает, как тают туманы
В блеске солнца;
Вновь вернется покой в твою душу,
Песню ты только послушай!»

По щекам прозрачно-белым,
По губам, что сжег ей жар,
Затаенно и несмело
Луч улыбки пробежал.
Окрыленный той улыбкой,
Ей уже, как счастьем, рад,
Хлопец выпрыгнул со скрипкой
Из окна в знакомый сад.

Видно, сердцем в чаше темной
В миг один он отыскал
Уголочек тот укромный,
Где когда-то ей играл.
На окошко поглядел он,
Там спасенья ждет она!
И заплакала-запела
Вдохновенная струна.
Стонет скрипка, как живая,
Нежным голосом в тиши,
Трепет сердца изливая,
В страстных звуках раскрывая
Всю тоску и боль души.
Голубком летит над лесом
Песнь, рожденная струной,
Мчится к далям поднебесным
Горькой жалобой земной.
И, как видно, эта ночька
Песню жалобную слышит:
Не шелохнет, не колышет
Ни тростинки, ни кусточка,
Ни былинки, ни листочка,
Ни ржаного колосочка. . .
Но внезапно смолкла скрипка,
Будто лопнула струна:
Чей там призрак, бледный, зыбкий,
В черной прорези окна?
То не Ганны ль облик тонкий!
Этим чудом потрясен,
И надеется Сымонка,
И глазам не верит он.

Г а н н а

Ночью ли, в раннюю ль рань
Слышу музыку я?
Нет, то немочь моя. . .
Ах, отстань ты, отстань,
Сердца мне не тумань!
Кто раскрыл мое окошко?
Подступает сад стеной. . .
В мыслях смутно, в сердце дрожко,
Сон гнетет меня дурной. . .

Темный омут... Я — русалка.
Тянет пенная вода!
Страшно мне, мне жизни жалко...
Ой, беда идет, беда!..

С ы м о н

Ганя, Ганечка! Не бойся:
Это я! Прошел твой сон!..

Г а н н а

Ты! А кто ты?

С ы м о н

Я — Симон,
Музыкант я... Успокойся!..

Г а н н а

Это правда?.. Что со мною?
Дай мне вспомнить!.. Душит ил...
Нет, припомнить нету сил,
Манит омут глубиною!..

С ы м о н

Брось! За горы, за моря
Улетает ночь, и омут
Пусть грозит теперь другому!..
Вон забрезжила заря,
Не тревожься, Ганя, зря!
Ты больна была, Гануся,
Вот и бредила во сне.
Омут чудится, клянусь я,
Это сон, поверь ты мне!

Г а н н а

Сон — сказал ты? Что ж за мука
Наяву всё видеть сон!
Ты бы знал, как страшен он,
Ох, как страшен!.. Дай мне руку
Да не смейся, что я трушу...
Говори мне, будь со мной,
Сладко слышать голос твой,
Он, как песня, льется в душу!

Сымон

Ганя, рыбка! Да не бойся!
Успокойся

И засни.

Извелась ты, измоталась,
Истрадалась

В эти дни.

Спи, твой сон постерегу я,
Покачаю, поношу —
Спать пора уж малышу!
Люли-люленьки родную!
Сказку Гане расскажу я,
Глазки-звезды погашу.
Позабудь о муке горькой!
Ну, Гануся, ляг в постельку! . .
Слушай сказку: «На земельку
Уронила раз на зорьке

Радуга кудельку.

Звездочка кудельку спряла,
Месяц смастерил кросенца,
А на них соткало солнце
Цвет-лилею, что сияла

Золотистым донцем.

Вся обсыпана росой,
В шелковой одежке белой
На заре она блестела,
Словно всё своей красою

Осветить хотела.

Улыбалось ей небо,
И лучи на ней горели,
Ей на радость, на веселье
Золотилось море хлеба

И цветочки рдели.

Расцвела она под лаской,
Лепестки на солнце грея.
Пчелка, днем кружась над нею,
Забавляла байкой-сказкой

Юную лилею.

Ей и жаворонок вольный,
Леса житель голосистый,
Песни пел в лазури чистой

И будил простор раздольный
Трелью серебристой.
А лилея, песням внемля,
Вся от счастья замирала,
Лепесточки раскрывала
И певца к себе, на землю,
Нежно призывала...»
Ты не слушаешь, родная?

Видит: Ганя под шумок
Сладко спит, и, кротко тая,
Тьма расходится густая,
Нарождается денек.
Ганна дышит тихо, ровно,
Разрумянилась от сна,
А Сымон глядит любовно,
Как спокойно спит она.
Рассыпает ленты солнце,
Расстилает рушники
На поля, на гладь реки
И целует сквозь оконце
Кос льняные волокна,
Жилки синие руки.
И в ответ на ласку эту
Смех ей губы осветил:
К ней пришла пора рассвета,
Возрожденья юных сил.

Я расстаюсь с моим Симоном.
Один тут замкнут круг, а там,
Покорны жизненным законам,
Начнутся новые; и вам
О них рассказ правдивый свой
Напишет кто-нибудь другой.
Пошел Сымон своей дорогой,
Понес он людям песен дар —
Огонь души и сердца жар,
Чтоб жизнь им скрасить хоть немного.
А с ним, как верная подруга,
Плечом к плечу девчина шла,
С ним вместе тяготы несла.

Они навек нашли друг друга,
Их не пугали дождь и вьюга,
Их не страшила жизни мгла.
И уж в пути, скитаясь с нею,
Он досказал ей до конца
Ту сказку-складку про лилею
И про пернатого певца.

1911—1918, 1924—1925

ПРИМЕЧАНИЯ

Якуб Колас оставил глубокий след в поэзии, прозе, драматургии и публицистике. Среди широких кругов читателей он известен прежде всего как автор проникновенных лирических стихотворений, рассказов в стихах и больших лиро-эпических поэм («Новая земля», «Сымон-музыкант», «Хата рыбака», «Возмездие», «Суд в лесу», «На путях свободы»). Стихотворное наследие поэта вошло в поэтические сборники, из которых наиболее значительны: «Песні-жалобы» («Песни-жалобы»), Вільна, 1910; «Водгулле» («Эхо»), Мінск, 1922; «Нашы дні» («Наши дни»), Мінск, 1937; «Адпомсцім» («Отомстим»), М., 1942; «Голас зямлі» («Голос земли»), М., 1943; «Мой дом», Мінск, 1946, а также «Збор твораў (Собрание сочинений) у 7-мі тамах», Мінск, 1952; «Збор твораў у 12-ці тамах», Мінск, 1961—1964; «Збор твораў у 14-ці тамах», Мінск, 1972—1978.

На русский язык стихотворения Я. Коласа переводились еще до революции и печатались в прогрессивных газетах и журналах, но лишь после Октября его творчество приобрело всенародную известность.

На русском языке изданы: «Собрание сочинений в 4-х томах», М., 1951—1952 и «Собрание сочинений в 3-х томах», М., 1958, многочисленные сборники: «Избранные произведения», М., 1938; «Избранные произведения в одном томе», М., 1943; «Избранные произведения в 2-х томах», М., 1956; «Стихи и поэмы», М. — Л., 1949; «Стихотворения и поэмы», М. — Л., 1952; «Стихотворения и поэмы», Л., 1961 («Б-ка поэта», М. с.), «Мой дом», М., 1972 и т. д.; неоднократно выходили «Стихотворения» (в 1961, 1962, 1967 гг.), «Избранное» (в 1946, 1947, 1949 гг.), «Избранные стихи» (в 1935, 1939 гг.).

Переводы стихотворений и поэм Я. Коласа для настоящего издания сверены с текстами последнего «Збора твораў» (в 14-ти томах) и в ряде случаев исправлены. 29 стихотворений переведены специально для данного сборника, причем 27 из них на русском языке печатаются впервые (они отмечены в содержании звездочкой).

В сборнике два жанровых раздела: «Стихотворения», «Поэмы». Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке. Даты написания уточнены по «Збору твораў» (в 14-ти томах), подготовкой и изданием которого руководил автор настоящих примечаний. Авторская датировка дается без скобок; в угловые

скобки заключены даты первой публикации; знак вопроса означает, что дата установлена приблизительно.

Даты дореволюционных стихотворений и выхода номеров дореволюционных газет указываются по старому стилю; сохраняются двойные даты отдельных номеров газеты «Наша ніва».

В примечаниях приводятся названия стихотворений на белорусском языке. В необходимых случаях — сведения историко-литературного характера и пояснения отдельных слов.

Сокращения, принятые в примечаниях

альм. — альманах.

Водгулле — Я. Колас, Водгулле, Мінск, 1922.

газ. — газета.

загл. — заглавие.

зб. тв. — збор твораў.

Зб. тв., т. 1, вып. 1 — Я. Колас, Збор твораў, т. 1, вып. 1, Мінск, 1928.

Мой дом — Я. Колас, Мой дом, Мінск, 1946.

Песні-жальбы — Я. Колас, Песні-жальбы, Вільна, 1910.

сб. — сборник.

стих. — стихотворение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Перевод стих. «Не пытайце, не прасеце. . .».

2. Перевод стих. «Нёман». Опубликовано в первом номере газ. «Наша ніва», 1906, 23 ноября. Газета сыграла важную роль в развитии белорусской литературы (с марта 1914 г. вплоть до закрытия в августе 1915 г. ее редактором был Янка Купала). На ее страницах печатались Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Тетка (Э. Пашкевич), М. Горецкий, Т. Гартный, К. Буйло, З. Бядуля, А. Гурло и другие передовые белорусские писатели.

3. Перевод стих. «Дарога».

4. Перевод стих. «Наш родны край». Этим стихотворением сельский учитель К. М. Мицкевич дебютировал в печати под псевдонимом Якуб Колас в только что возникшей первой легальной белорусской газете «Наша доля», 1906, 1 сентября, № 1. Газета придерживалась революционно-демократического направления и просуществовала совсем недолго: вышло всего шесть номеров, пять из которых конфисковала полиция. Писать Я. Колас начал еще в детские годы, но до нас дошли лишь его юношеские стихотворения, написанные преимущественно на русском языке (есть несколько и на родном). Большинство этих ранних стихотворений датировано 1902—1905 годами, а одно — «Осень» — 1898-м. Автографы стихотворений на русском языке хранятся в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литовской ССР (Вильнюс), а на белорусском — в Литературном музее Я. Коласа (Минск). Стихотворением «Наш родны край» завершался период ученичества, юношеских исканий.

5. Перевод стих. «Беларусам».

6. Перевод стих. «Моладасць». *Ранніца* — утро.

7. Перевод стих. «Ворагам» («Багачы і панства...»). Впервые опубликовано М. Горещким в его «Гісторыі беларускай літаратуры» (Вильно, 1921) под загл. «Нашым ворагам», по списку агронома из Вилейщины А. Сухого. Текст публикации отличается от авторского, имеются дополнительные строфы.

8. Перевод стих. «Вобразы самаўладдзя». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1907, 24 февраля под загл. «Расейскіе образы», за что газета была оштрафована. И о. инспектора по делам печати Кемерлинг писал прокурору Виленской судебной палаты: «...стихотворение, подобно помещенному на стр. 3 под заглавием «Расейскіе образы», способно... сильно возбудить простого малоинтеллигентного читателя белорусской газеты и внушить ему неуважение к суду, полиции, земскому начальнику, помещику, войску и законам государства и сделать его легкой жертвой преступной пропаганды» (Я. Колас, 36. тв. у 14-ці тамах, т. 1, 1972, с. 472).

9. Перевод стих. «Не бядуй!».

10. Перевод стих. «Наша возьме». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1907, 23 ноября (6 декабря) под загл. «Горкая доля», а в сб. «Песні-жальбы» — без загл.

11. Перевод стих. «Месяц».

12. Перевод стих. «Плытнікі». *Барбара* — толстая веревка, скрученная из лозы. *Гартоль* — толстый деревянный кол, прикрепленный к веревке; служил плотовщикам вместо якоря. *Шырыга* — бревно, которым останавливали плот. *Прыс* — шест, вместо багра. *Бом* — толстый шест, которым поднимали и перекатывали колоды.

13. Перевод стих «На ростанках». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1907, 3 (16) августа под загл. «На перакрэстку», в сб. «Песні-жальбы» — под загл. «На ростані».

14. Перевод стих. «Мікалаю II». В стихотворении речь идет о роспуске Николаем II Первой Государственной думы, просуществовавшей с 27 апреля по 8 июля 1906 г.

15. Перевод стих. «Наша доля».

16. Перевод стих. «Пясняр».

17. Перевод стих. «Доля батрачкі».

18. Перевод стих. «Кірыла».

19. Перевод стих. «Жніво».

20. Перевод стих. «За падаткі».

21. Перевод стих. «Сціхнуў шум на калідоры...». Написано во время пребывания в тюрьме. 9 июля 1906 г. в Николаевщине состоялся съезд революционно настроенных учителей Белоруссии. Одним из организаторов его был Я. Колас. Делегаты съезда проявили большую активность и в то же время недопустимую беспечность. Поэтому полиция без особого труда попала на заключительное заседание и конфисковала протоколы и другие материалы. Все участники съезда были немедленно уволены с занимаемых ими мест и отданы под суд. Попечитель Виленского учебного округа в своем донесении министру народного просвещения писал: «За время с января по сентябрь месяц текущего 1906 года училищному совету Минской дирекции училищ пришлось уволить от службы 17 учителей, 1 учительницу и 4 помощников учителей Минской губернии частью за устройство недозванного съезда с политическими целями, а частью за противоправительственную агитацию в среде местного крестьянского населения» (ЦГИА, ф. 733, оп. 175, л. 78). Следствие по делу участников съезда продолжалось 2 года, однако судебные власти не могли собрать достаточно материалов для предания всех их суду. Поэтому 13 человек из 16-ти подписавших протокол съезда решено было не привлекать к ответственности. 15 сентября 1908 г. Я. Коласа вместе с В. С. Мицкевичем, С. И. Островским и Я. С. Безменом судила выездная коллегия Виленской судебной палаты по статьям 126 и 129 Уголовного уложения за «возбуждение народных масс к ниспровержению существующего строя». С. И. Островский был оправдан, а Я. С. Безмен вовсе не присутствовал на съезде. Он возглавлял Кореличский волостной комитет Минской окружной крестьянской организации при РСДРП и вел революционную работу среди крестьянства. Такое искусственное объединение двух разных дел в одно явно противоречило букве и духу закона, но царское правительство не хотело упустить удобный случай для расправы над поэтом-революционером. Я. Колас был осужден к трем годам лишения свободы и наказание отбывал в Минской тюрьме. В заключении он написал много стихотворений, составивших цикл «Песни неволи», вошедший в сб. «Песні-жальбы». (Подробнее см.: М. Смолкін, Якуб Колас перад царскім судом. — В сб.: «У сэрцы народным (Жыццё і творчасць Я. Коласа)», Мінск, 1967; Ю. Пшыркоў, Судовая справа Якуба Коласа. — В сб.: «Беларуская літаратура і літаратуразнаўства», вып. 4, Мінск, 1976).

22. Перевод стих. «Ліпы старыя». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1908, 29 января (11 февраля) под загл. «З песень астрожніка».

23. Перевод стих. «Вецер».

24. Перевод стих. «Асадзі назад!».

25. Перевод стих. «Мужык» («Я — мужычы сынок...»).

26. Перевод стих. «Усход сонца».

27. Перевод стих. «У астрозе».

28. Перевод стих. «Чыгунка».

29. Перевод стих. «Думкі ўюцца, томяць грудзі...». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 12 (25) ноября с пометой: Мікалаеўшчына. Видимо, упоминание родного села дано самим Я. Коласом или редакцией газеты из цензурных соображений, потому что поэт в это время находился еще в тюрьме.

30. Перевод стих. «Жытні колас». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 20 июля (2 августа) под загл. «Ржаны колас» с пометой: Мікалаеўшчына

31. Перевод стих. «Маці».

32. Перевод стих. «Наша сяло».

33. Перевод стих. «Родныя вобразы». Опубликовано в сб. «Песні-жалыбы» под загл. «Родныя абразы».

34. Перевод стих. «Канстытуцыя». Опубликовано в газ. «Вольная Беларусь», 1917, 21 декабря под загл. «Расійская канстытуцыя». Является откликом на манифест 17 октября 1905 г., в котором народом Российской империи «милостиво даровались» демократические свободы — совести, слова, союзов, собраний. Идейным вдохновителем манифеста явился С. Ю. Витте (1849—1915), занимавший пост председателя Совета Министров (октябрь 1905 — апрель 1906). *Речь вели насчет земли В Думе депутаты* и т. д. — см. примеч. 14.

35. Перевод стих. «Пад спеў ветру».

36. Перевод стих. «Сохну марна я ў астрозе...». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 13 (26) августа под загл. «Родныя вобразы», с пометой: Мікалаеўшчына; в сб. «Песні-жалыбы» — под загл. «Думкі ў турме».

37. Перевод стих. «Зіма».

38. Перевод стих. «Песні вясны».

39. Перевод стих. «На адзіноце».

40. Перевод стих. «Покліч» («Гэй, чуеце, хлопцы? Дзе вы, адкажце?..»). Я. Колас неоднократно обращался к своим товарищам-единомышленникам, участникам учительского съезда. В стихотворениях «Сябрам» («Друзьям») и «Сябрам-выгнаннікам» («Друзьям-изгнанникам»), написанных в 1907 г., до суда, поэт выражает горячую озабоченность судьбой товарищей, призывает быть твердыми до конца, вселяет веру в победу правого дела. В тесной тюремной камере представления поэта значительно расширились, мировоззрение стало более цельным и революционно направленным. Отсюда решительное осуждение ренегатства бывших единомышленников и интеллигенции вообще.

41. Перевод стих. «Асенні дождж».

42. Перевод стих. «Адлёт жураўлёў».

43. Перевод стих. «Гусі».

44. Перевод стих. «Родныя песні». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 17 (30) декабря с пометой: Мікалаеўшчына.

45. Перевод стих. «Я не знаю...». Опубликовано в сб. «Песні-жальбы» без 1-й строфы; в 3б. тв., т. 1, вып. 1 — под загл. «Родныя абразы».

46. Перевод стих. «Лес» («Глуха шэпча лес зялёны...»). Впервые опубликовано в альм. «Маладая Беларусь», СПб., 1912, сер. 1, сш. 2. В продолжение столетий белорусский язык был запрещен в качестве государственного и литературного. Печатание книг на этом языке не разрешалось из опасения царского правительства, что кроме «малорусской» будет создана еще и «белорусская» литература и тем самым будет разбито и ослаблено «литературное и национальное единство, а вследствие этого и политическое могущество русского народа...» (Отношение Виленского отдельного цензора по внутренней цензуре Главному управлению по делам печати за № 67 по поводу сборника Ф. Богушевича «Белорусские рассказы» от 16 марта 1899 г. — В кн.: Ф. Багушэвіч, Творы, Мінск, 1967, с. 201). Одним из важных революционных завоеваний народных масс в борьбе с царизмом была легализация белорусского языка как языка письменности. Почти одновременно с появлением легальной белорусской прессы возникают и национальные издательства: в Петербурге — «Загляне сонца і ў наша аконца» (1906—1914), в Вильно — «Наша ніва» (1907—1914), «Наша хата» (1908—1910), «Палачанін» (1910—1911) и др. В Петербурге отдельными книжечками выходят в 1913 г. рассказы Я. Коласа: «Нёманаў дар», «Тоўстае палена», «Батрак», «Прапаў чалавек. Паслушная жонка. Грушы сапежанкі».

47. Перевод стих. «Першае знаёмства».

48. Перевод стих. «Мужык» («Я — мужык, бядак пахілы...»).

49. Перевод стих. «Ручэй».

50. Перевод стих. «Бездараж». Стихотворение свидетельствует о том, что в период политической реакции, наступившей после поражения первой русской революции, Я. Колас остался верен революционным идеалам.

51. Перевод стих. «Каля парога».

52. Перевод стих. «Школьная работніца».

53. Перевод стих. «Рана вам журыцца...». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1910, 11 (24) марта под загл. «Думкі».

54. Перевод стих. «Толькі стогне зямля. . .».
55. Перевод стих. «Мяцеліца».
56. Перевод стих. «Вясна».
57. Перевод стих. «Надрывайся і шумі. . .».
58. Перевод стих. «На полі».
59. Перевод стих. «Хмары». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1910, 1 (14) июля с пометой: Минск, хотя, находясь в тюрьме, Я. Колас обычно избегал указывать настоящее место написания произведения.
60. Перевод стих. «Вярба».
61. Перевод стих. «Журба палёў».
62. Перевод стих. «Першы гром».
63. Перевод стих. «Тройка».
64. Перевод стих. «Ноч перад навальніцай». *Криница* — родник, ключ.
65. Перевод стих. «Мацерына гора». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1913, 8 марта под загл. «Гора мацеры».
66. Перевод стих. «Раздум'е». Поэзия Я. Коласа дооктябрьской поры с каждым годом заметно обогащалась в идейном и жанровом отношении. Стихотворение представляет интерес как один из примеров философской лирики поэта.
67. Перевод стих «Нязбытныя надзеі». Опубликовано в сб. «Песні-жальбы» под загл. «Хмары», в сб «Водгулле» — под загл. «Хмарка» (др. ред.).
68. Перевод стих. «У зімні вечар». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1910, 9 декабря под загл. «У зімовы вечар» (др. ред.). *Красно* — полотно.
69. Перевод стих. «У судзе». *Сотский* — низшее должностное лицо сельской полиции.
70. Перевод стих. «Дзе б ні быў я, што б ні думаў. . .».
71. Перевод стих. «Каля акна ў астросе». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1911, 17 марта под загл. «Пад акном у астросе» с пометой: Минск; в газ. «Наша ніва», 1911, 28 июля — под загл. «З турмы».
72. Перевод стих. «Перад судом». Опубликовано в газ. «Вольная Беларусь», 1917, 11 сентября с пометой: Пермь. В Перми Я. Ко-

лас проходил военную службу с 18 мая 1916 г. по 25 июля 1917 г. в 162-м запасном полку, после окончания военного Александровского училища в Москве.

73. Перевод стих. «Песняру». Впервые опубликовано в газ. «Дзянніца», 1918, 3 декабря, издававшейся в Петрограде под редакцией Т. Гартного (Д. Ф. Жилуновича), известного белорусского писателя и общественного деятеля.

74. Перевод стих. «Верныя сябры».

75. Перевод стих. «Дудка».

76. Перевод стих. «Забытая магіла».

77. Перевод стих. «Арол».

78. Перевод стих. «На раздарожжы». *Камора* — застава в помещичьих лесах, где осуществлялся контроль за вывозкой крестьянами купленных дров.

79. Перевод стих. «Заход сонца».

80. Перевод стих. «Пагуляў на волі...». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1914, 30 октября и в сб. «Водгулле» под загл. «Вечер». Одно из последних стихотворений, написанных в тюрьме.

81. Перевод стих. «Тры жаданні».

82. Перевод стих. «Сялянскія думкі».

83. Перевод стих. «Эй, скажы мне, небарача...».

84. Перевод стих. «Вясною» («Вяселыя людзі — снуюць і гамоняць...»).

85. Перевод стих. «Закліканне вясны». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1913, 20 февраля под загл. «Вясне».

86. Перевод стих. «Старыя дубы». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1913, 5 сентября под загл. «Дубы».

87. Перевод стих. «Будзь цвёрды».

88. Перевод стих. «Будзе навальніца». Явилось отзвуком на Ленские события (см. об этом в кн.: Ю. С. Пшыркоў, Якуб Колас, Мінск, 1951).

89. Перевод стих. «Майская раніца».

90. Перевод стих. «Божа мой! Калі паўстане...».

91. Перевод стих. «Поле».

92. Перевод стих. «Гай».

93. Перевод стих. «Ворагам» («За што лілася кроў людская?..»). Впервые опубликовано в газ. «Вольная Беларусь», 1917, 23 ноября. Отношение Я. Коласа к империалистической войне выражено в стихотворениях «Новому, 1915 году», «На лугу», «Боже мой! Когда настанет...», «Новому году», «Мысли солдата», «Поле», «Люд стонет, горюет под тяжестью меча...» и др. От пацифистского неприятия войны как бессмысленного убийства ни в чем не повинных людей поэт приходит к пониманию ее классового характера и к твердому убеждению, что самодержавие и буржуазия не в силах прекратить войну. Это может сделать только сам народ.

94. Перевод стих. «Палессе» («Край лясоў, край балот...»). *Бугай* — бекас, болотная птица.

95. Перевод стих. «Да працы!». Впервые опубликовано в газ. «Вольная Беларусь», 1917, 8 (21) ноября. Это первый отклик Я. Коласа на исторические события переживаемого времени. Эволюция мировоззрения логически привела его к приятию Великой Октябрьской социалистической революции.

96. Перевод стих. «Покліч» («Гэй, чулыя сэрцам! Гэй, души жывыя!..»).

97. Перевод стих. «Водгулле». Взгляды Я. Коласа на сущность и общественную роль литературы нашли отражение в ряде дореволюционных стихотворений: «Не ищите, не просите...», «Певец», «Певцу», «Дудка» и др. Поэт, по его представлению, должен говорить, как людям «в неволе живется», как им «душно под властью ярма». В новых условиях требования к поэзии становятся значительно шире и многообразнее.

98. Перевод стих. «У палях Беларусі». После шестилетней разлуки 15 мая 1921 г. Я. Колас возвратился в Белоруссию как признанный певец своего народа. Общественность Минска устроила ему теплую, сердечную встречу. Происшедшие социальные и политические перемены в жизни трудящихся масс воодушевили поэта великими идеями. Начался самый плодотворный период в его творчестве. Были завершены большие эпические произведения, начатые до революции («Новая земля», «Сымон-музыкант»), и созданы новые («На путях свободы», «Хата рыбака», «Возмездие», трилогия «На расганах», повести «Трясина», «На просторах жизни» и др.). В связи с работой над крупными произведениями в поэзии и прозе поэт значительно меньше, чем в дореволюционное время, уделял внимания лирике и рассказу.

99. Перевод стих. «Ноч».

100. Перевод стих. «Ворагам» («Яшчэ не слеў у полі дрот калючы...»). Явилось ответом на антисоветскую пропаганду буржуазной печати Западной Европы.

101. Перевод стих. «Піянерам».

102. Перевод стих. «Калгасу „Слабада“». Колхоз «Слобода» был создан в местечке Самохваловичи Минской области.

103. Перевод стих. «На „шлюб“ пана Студніцкага». В. Студніцкі — один из наиболее активных идеологов буржуазно-помещичьей Польши. В своей книге «Политическая система Европы и Польши» (1935) выразил стремление империалистических кругов Запада перекроить политическую карту Европы и Азии, отнять у Советского Союза Дальний Восток, Среднюю Азию, Кавказ, Украину и Белоруссию. Он с Японией «невинной» Хочет обвенчаться. Студніцкі выступал за создание блока Японии, Германии и Польши для борьбы с Советским Союзом. «От моря и до моря» — девиз польских феодальных кругов эпохи Речи Посполитой (XVII—XVIII вв.), когда территория Польши простиралась от Балтийского до Черного моря. Реваншистские круги буржуазной Польши подхватили этот девиз и сделали его основой своей пропаганды, доказывая необходимость восстановления польского государства в границах до 1772 года. «Белорусская криница» — реакционная клерикально-националистическая газета, издавалась в Вильно с 1925 по 1937 год.

104. Перевод стих. «Шчаслівая хвіліна».

105. Перевод стих. «Загібелька». Явилось откликом на эпиграму белорусского драматурга и поэта-сатирика К. К. Крапивы (р. 1896), посвященную пребыванию Я. Коласа в июне 1935 г. в составе советской делегации на Международном конгрессе защиты культуры в Париже. Эпиграмма была опубликована вместе с дружеским шаржем художника В. Волкова в газ. «Літаратура і мастацтва», 1936, 16 сентября; в переводе эпиграмма приводится в качестве эпиграфа (в оригинале без эпиграфа). Загібелька — небольшая деревня Пуховичского района Минской области, где часто отдыхал Я. Колас, и в частности летом 1935 г., перед отъездом в Париж.

106. Перевод стих. «Раскуты Праметэй». Демченко М. С. (р. 1912) — инициатор массового движения колхозников за получение высоких урожаев сахарной свеклы. Стаханов А. Г. (1906—1977) — шахтер в Донбассе, в 1935 г. добился рекордной добычи угля за смену; явился инициатором массового движения новаторов производства за повышение производительности труда, названного по его имени «стахановским».

107. Перевод стих. «Янку Купалу». Я. Купала (1882—1942) дебютировал стихотворением «Мужик» на белорусском языке в минской газ. «Северо-западный край», 1905, 15 июля.

108—109. Перевод цикла «Восеньскае».

1. Перевод стих. «Зачынае гоман вецер непакорны...», датированного 29 августа 1935 г.

2. Перевод стих. «Зямля савецкая», датированного 6 октября 1935 г.

110. Перевод стих. «Песнярам савецкай зямлі». Посвящено участникам III пленума Союза писателей СССР, проходившего в Минске 10—16 февраля 1936 г. В речи на пленуме Я. Колас сказал: «Очень радует тот факт, что наш пленум является яркой демонстрацией дружбы и взаимного понимания братских литератур Советского Союза» (Я. Колас, 36. тв. у 14-ці тамах, т. 11, 1976, с. 200).

111. Перевод стих. «Камсамольцам». Опубликовано в газ. «Звязда», 1936, 10 марта под загл. «Прывет». Посвящено XI съезду комсомола Белоруссии, начавшему свою работу 10 марта 1936 г.

112. Перевод стих. «У майскія дні».

113. Перевод стих. «Песняй вітаю я вас».

114. Перевод стих. «Радасць».

115. Перевод стих. «Вусце». *Устье* — поселок в Пуховичском районе Минской области, где Я. Колас отдыхал в 1937 г. *Балачанка* — небольшая речка, приток Свислочи. *Блужский бор* — деревня в Пуховичском районе, так же называется и лес возле деревни.

116. Перевод стих. «Жыве Руставелі». Написано в связи с 750-летием создания поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

117. Перевод стих. «Я жыву».

118. Перевод стих. «Сіла маладая». Посвящено Международному юношескому дню.

119. Перевод стих. «Вусцяньскі груд». *Устье* — см. примеч. 115. *Березанка* — небольшой поселок в Пуховичском районе Минской области.

120. Перевод стих. «Джамбулу». Посвящено 75-летию творческой деятельности казахского народного поэта-акына Джамбула Джабаева (1846—1945).

121. Перевод стих. «Чырвоная Армія».

122. Перевод стих. «На новай зямлі».

123. Перевод стих. «Баяну-кабзару». Написано в связи с 125-летием со дня рождения Т. Г. Шевченко (1814—1861).

124. Перевод стих. «Клятва». Написано в связи с принятием нового текста присяги бойца Красной Армии.

125. Перевод стих. «Мой дом».

126. Перевод стих. «Над Свіслаччу». *Блужский бор* — см. примеч. 115. *Буслица* — анст. *Кручок* — урочище при слиянии рек Свислочи и Балачанки. *Устье* — см. примеч. 115.

127—128. Название цикла дано, по-видимому, переводчиком. После нападения фашистской Германии на Польшу Советское правительство 17 сентября 1939 года взяло под защиту население западных областей Белоруссии и Украины, находившихся под властью буржуазно-помещичьей Польши.

1. Перевод стих. «Гудзе зямля, дрыжаць лясы...», датированного 3 октября 1939 г.

2. Перевод стих. «Свайму народу», датированного 21 сентября 1939 г.

129. Перевод стих. «Не тужы». Посвящено сыну поэта, М. К. Мицкевичу (р. 1926).

130. Перевод стих. «Развітанне». В автографе помета: Клязьма. Там жил Я. Колас после эвакуации из Минска (с 5 июля по 7 августа 1941 г.).

131. Перевод стих. «Голас ветру».

132. Перевод стих. «Над магілай партызана». Переведено по автографу.

133. Перевод стих. «Народу-барацьбіту».

134. Перевод стих. «Майму другу». Переведено по автографу. Посвящено Марии Дмитриевне Мицкевич (1891—1945), жене поэта.

135. Перевод стих. «У цяжкую часіну».

136. Перевод стих. «Дуб». Дед Андрей — Андрей Асиевский, житель деревни Подбережье Пуховичского района.

137. Перевод стих. «Голас зямлі». Тевтоны — древние германские племена; здесь: синоним немецко-прусской военщины.

138. Перевод стих. «Капайце яму, далакопы». Долокоп — могильщик.

139. Перевод стих. «Вясною» («Вясенняе неба, таполі...»). Автограф в тетради, подаренной автору поэтом С. М. Городецким (1884—1967) в Ташкенте в годы Великой Отечественной войны с дарственной надписью:

Для милого голоса,
Для новых стихов
Любимого Коласа
Отдать всё готов.

С августа 1941 по ноябрь 1943 г. Я. Колас жил в Ташкенте. Здесь были написаны стихотворения, включенные в сборники «Голос земли» (Авториз. пер. с белорус. С. Городецкого, Ташкент, 1942), «Адпомсцім» (М., 1942), поэма «Суд в лесу» (1942) и др. произведения.

140. Перевод стих. «Стары гасцінец». Опубликовано в газ. «Савецкая Беларусь», 1942, 10 июня под загл. «Родны шлях».
141. Перевод стих. «Над магілаю друга». *Янка Купала* скончался 28 июня 1942 г. в Москве.
142. Перевод стих. «Бацьку Мінаю». *Бацька Минай* — Минай Филиппович Шмырев (1891—1964), один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Трех его детей и сестру гитлеровские захватчики взяли в качестве заложников и расстреляли.
143. Перевод стих. «Байцам і камандзірам Чырвонай Арміі».
144. Перевод стих. «М. Д. М.» *М. Д. М.* — Мария Дмитриевна Мицкевич (см. примеч. 134).
145. Перевод стих. «Бывае музыка і ў стуку. . .».
146. Перевод стих. «Слова».
147. Перевод стих. «Чую голас».
148. Перевод стих. «Салар». *Салар* — река в Узбекистане.
149. Перевод стих. «Зорка».
150. Перевод стих «Чымган». В августе — сентябре 1943 г. Я. Колас отдыхал в санатории на горе *Чимган* в Узбекистане.
151. Перевод стих. «Узбекистану». Написано перед отъездом из Ташкента. *Салар* — см. примеч. 148. *Чимган* — см. примеч. 150.
152. Перевод стих. «Жыве між нас геній». Один из автографов с пометой: январь 1943 г., другой — с пометой: Ленинские дни 1943 г.
153. Перевод стих. «Жыві, народ!». Автограф под загл. «Вариант гимна БССР». В 1944 г. встал вопрос о создании государственного гимна БССР.
154. Перевод стих. «С. Гарадзецкаму». *С. Городецкий* — см. примеч. 139.
155. Перевод стих. «Топаль». Посвящено Янке Купале.
156. Перевод стих. «На ростанях». Посвящено памяти М. Д. Мицкевич (см. примеч. 134).
157. Перевод стих. «У родных мясцінах». Опубликовано в сб. «Мой дом» под загл. «На руінах прошласці», *Устье* — см. примеч. 115.

158. Перевод стих. «Ці дома я, ці я ў паходзе...». Посвящено памяці М. Д. Мицкевич. (см. примеч. 134).
159. Перевод стих. «На магілах герояў».
160. Перевод стих. «З падарожжа».
161. Перевод стих. «Зварот». *Кюстрин* — город на Олере (ныне Костшин в Польше).
162. Перевод стих. «Лясам Беларусі». *Трут* — гриб.
163. Перевод стих. «Я зачыню наглуха ў сэрце дзверы...».
164. Перевод стих. «Наш шлях».
165. Перевод стих. «Песня на сон у бяссонне».
166. Перевод стих. «Мары аб вясне».
167. Перевод стих. «Зімой у Балачанцы». *Балачанка* — речка и село в Минской области.
168. Перевод стих. «Мінск».
169. Перевод стих. «З майго летапісу». *Застреха* — нижний свисающий край крыши у избы. *Сусек* — отгороженное место в амбаре для зерна.
170. Перевод стих. «У старэчай адзіноце».
171. Перевод стих. «Роднаму краю і народу».
172. Перевод стих. «Максіму Танку». *Максим Танк* (наст. имя и фамилия: Евгений Иванович Скурко) (р. 1912) — белорусский поэт.
173. Перевод стих. «Не ведаю, каму сказаць мне «дзякуй»...».
174. Перевод стих. «Найдаражэйшы падарунак». Является стихотворной надписью на бумаге, наклеенной на бутылку с нефтью. Эту нефть геологи нашли в Полесье и послали в дар Я. Коласу. *Талаш* — герой повести Я. Коласа «Трясина» (1933).
175. Перевод стих. «Сам сабе».

ПОЭМЫ

176. Перевод поэмы «Новая зямля». Поэма начата в марте 1911 г., когда Я. Колас находился в Минской тюрьме. Работа над ней продолжалась в течение 12 лет. В письме к жене 5 января 1923 г. поэт писал: «Сегодня же закончил я «Новую зямлю». Конец меня удовлетворяет в полной мере. Несколько штрихов — и «Новая зямля» вполне оправдывает свое название и избавляет меня от надоедливой мысли, что содержание не соответствовало своему имени»

(Я. Колас, 36. тв. у 12-ці тамах, т. 12, 1964, с. 31). Отдельные главы появлялись на свет в иной последовательности, по сравнению с тем, как они расположены в поэме. Сначала были написаны гл. 27—29. Они представляли рассказ в стихах из шести частей под загл. «Как дядька ездил в Вильну и что он там видел». Этот стихотворный рассказ был напечатан в газ. «Вольная Беларусь», 1918, 21, 28 апреля с пометой: Минский острог. Затем были написаны: гл. 2, датируется 7 июня 1911 г., впервые опубликована в газ. «Наша ніва», 1912, 27 сентября с подзаголовком «Начало из рассказа „Новая земля“»; гл. 1, датируется 22 июня—3 июля 1911 г., опубликована в газ. «Наша ніва», 1912, 19 июля с подзаголовком «Отрывок из рассказа „Новая земля“»; гл. 8, датируется 1—10 августа 1911 г., опубликована в газ. «Вольная Беларусь», 1918, 26 мая; гл. 6 (датируется 15 августа 1911 г.) и гл. 7 (датируется 26 августа 1911 г.) опубликованы в журн. «Адраджэнне», 1922, № 1 под загл. «Из поэмы „Новая земля“»; гл. 5, датируется не позднее 15 сентября 1911 г., так как в первой публикации (журн. «Вольны сцяг», 1922, № 1) имеется помета: Минский острог; гл. 4 и начало гл. 14 написаны во время пребывания в тюрьме, в периодике не публиковались; гл. 3 опубликована в газ. «Наша ніва», 1913, 4 января с пометой: Минский острог и ошибочной датой: 10—20 декабря 1911, в то время как Я. Колас был освобожден из заключения 15 сентября 1911 г. Остальные главы написаны после Октябрьской революции в 1919—1923 гг., частью на Куршине, где Я. Колас работал учителем после демобилизации, частью по приезде в Минск. М. И. Мушинский, занимавшийся творческой историей «Новой земли», установил, что главы, написанные в дооктябрьское время, были существенно переработаны после революции, поэтому есть основание считать поэму произведением советской литературы (см.: М. Мушыньскі, Ад задумы да здзяйснення. Творчая гісторыя «Новай зямлі» і «Сымона-музыкі», Мінск, 1965). В предисловии к первому изданию поэмы на русском языке Я. Колас писал: «В основу поэмы... положена биографическая канва. Михал, Антось, Ганна, Владик, Алесь, Костусь — все это живые люди. Даже имена их оставлены без изменения. В числе этих персонажей находится и сам автор поэмы. Среди иных действующих лиц поэмы участвуют также живые и еще живущие люди с сохранением их имен, фамилий, кличек» (Я. Колас, Новая земля, М., 1934, с. 5). Это дало основание некоторым критикам считать «Новую землю» семейной хроникой. Однако такое определение жанровых особенностей поэмы исходит из одностороннего понимания ее идеи, вне учета того, как это отмечал неоднократно и сам автор, что жизнь и стремления героев «Новой земли» даются в плане широких художественных и социально-исторических обобщений. Перед нами, таким образом, не семейная хроника, а эпопея жизни и революционной борьбы белорусского народа на рубеже XIX и XX столетий. Отдельным изданием «Новая земля» впервые вышла в 1923 г. При жизни автора издавалась в 1927, 1934, 1946, 1953 гг., вошла в «Збор твораў у 7-мі тамах» (1952). 4-е издание поэмы было подготовлено в 1941 г.; сохранился сигнальный экземпляр, однако тираж был уничтожен гитлеровскими захватчиками. В переводе на русский язык С. Городецким «Новая земля» вышла в 1934 г., правда не полностью: из 30 глав в книгу включены лишь 17 (1—3, 5, 6, 8—10, 13, 14, 16,

17, 25—28, 30). В 1949 г. был опубликован в переводе полный текст поэмы под редакцией П. Семынина. «Новая земля» вошла также в «Собрание сочинений» Я. Коласа в 4-х томах (М., 1951—1952).

Гл. 1. *Понаряд* — колесный скат, колеса для телеги.

Гл. 2. *Чепела* — сковородник. *Услон* — небольшая скамья. *Версача* — национальное белорусское блюдо. *Кошница* — корзина. *Сеножать* — сенокосный луг. *Свержень* — село в нескольких километрах от урочища Альбуць, описанного в поэме. *Щупак* — щука. *Цеп* — орудие для молотбы.

Гл. 3. *Волока* — мера земли, около двадцати десятин.

Гл. 4. *Камора* — см. примеч. 78. *Егомосьць* (польск.) — его милость.

Гл. 5. *Сессия*. Каждое воскресенье лесники собирались у лесничего для отчета. Эти сборы назывались «сессиями». *Навой* — задний вал ткацкого станка, на который навивалась основа. *Рогач* — ухват.

Гл. 6. *Баранчик божий* — бекас.

Гл. 8. *На шапках было «R» с короной*, то есть начальная буква фамилии князя Радзивилла.

Гл. 9. *Лайдак* — лентяй, негодный человек.

Гл. 10. *Васпан* (польск.) — господин, сударь.

Гл. 11. *Долбня* — долото. *Вентерь, неретки* — рыболовные снасти. *Шашель* — жук, вредитель деревянных построек. *Човен* — челн.

Гл. 12. «*Памдей*» — пошло от «пана дзезя», т. е. от сокращенного польского выражения «пане добродзезю» (пан-благодетель). *Пся крэв* (польск.) — собачья кровь (ругательство).

Гл. 13. *Дымарь* — посудина с тлеющим огоньком, выделяющим много дыма, для защиты от пчел. *Застреха* — см. примеч. 169. *Бортник* — человек, занимающийся лесным пчеловодством. *Спас* — название трех церковных праздников в августе; здесь, по-видимому, имеется в виду Спас первый — медовый, приходившийся на 1 августа по старому стилю. *Фольварк* — поместье с жилыми и хозяйственными постройками.

Гл. 14. «*Директор*». В дореволюционной Белоруссии некоторые крестьяне, желая обучить детей грамоте, нанимали им в «учителя» ребят, которые окончили начальную школу. Таких домашних «учителей» и называли «директорами». *Покров* — название церковного праздника, приходящегося на 1 октября по старому стилю.

Гл. 15. «*Нчатки*» — учебник для начальной школы «Начала христианского вероучения», в котором описываются библейские легенды и персонажи. *Митуситься* — суетиться, метаться. «*Верую*» — молитва; здесь, по-видимому, и сборник молитв для начальной школы. *Коляда* — старинный рождественский обряд, сопровождавшийся песнями и обходом соседей.

Гл. 16. *Курпаты* — курносый.

Гл. 17. *А у инога нет Рубля, быть может, на билет*. Помещики запрещали крестьянам собирать грибы и ягоды в своем лесу бесплатно, без билетов.

Гл. 19. *Пуга* — кнут.

Гл. 20. *Филипповки* — рождественский пост у православных. *Никола* (зимний) — церковный праздник, приходившийся на 6 декабря по старому стилю. *Крещение* — религиозный праздник (6 января

по старому стилю) в память евангельской легенды о крещении Иисуса Христа. *Кутья* — обрядовое поминальное кушанье из пшеницы или риса с изюмом, медом. *Сыта* — подслащенная медом вода.

Гл. 21. *Гонт* — кровельный материал (дранка). *Коломаз* — смазчик колес.

Гл. 22. *Летошний* — прошлогодний. *Мурожное* — луговое. *Полевничий* — охотник.

Гл. 23. *Цо повеш, галган? Цо потшэба?* и далее (польск.). — Что скажешь, голодранец? Что нужно? Я дал тебе, дурню, хлеба! И иди к черту! *Кировничий* — управляющий имением.

Гл. 24. *Планица* — предмет культа в православной церкви в виде четырехугольного куска ткани с изображением тела Христа в гробу. *Бабка* — род высокого кулича. *Скоромный* — запрещенный церковными правилами к употреблению в дни поста (мясная и молочная пища). *Разговляться* — употреблять скоромную пищу в первый раз после поста. *«Веселый день»* — псалом.

Гл. 25. *Бабка* — наковальня для отбивания кос. *Петровки* — пост перед Петровым днем — церковным праздником в честь апостолов Петра и Павла (29 июня по старому стилю).

Гл. 27. *Здор* — нутряной свиной жир. *Балагол* — извозчик.

Гл. 28. *Манерка* — фляжка. *Повет* — уезд.

177. Перевод поэмы «Сымон-музыка». Поэма начата 22 ноября 1911 г. и окончательно завершена в мае 1925 г. Первая часть датируется 22 ноября — 21 декабря 1911 г.; вторая — 6 апреля 1912 г. — 27 августа 1913 г.; третья — 3 ноября — 12 декабря 1917 г.; четвертая — 13 декабря 1917 г. — 10 января 1918 г.; пятая — 13 января — 25 декабря 1918 г. Первые три части вышли отдельной книгой в 1918 г. (с подзаголовком «Казка жыцця»). Новая советская действительность расширила поэтические горизонты Я. Коласа, дала возможность значительно глубже понять явления прошлого, четче осознать задачи исторического будущего. В связи с этим любимое и задушевное произведение поэта «Сымон-музыкант» перестало его удовлетворять. Колас начал переделывать поэму в 1923 г. и 8 июля 1924 г. закончил свой труд, однако рукопись была утрачена. Неудача не сломила автора, Я. Колас продолжал усиленно работать, и в 1925 г. «Сымон-музыкант» был закончен в новой, третьей, редакции. При жизни Я. Коласа поэма выходила в 1925, 1928, 1946, 1953 гг., вошла в «Збор твораў у 7-мі тамах» (1952). На русском языке напечатана впервые в «Собрании сочинений» Я. Коласа в 4-х томах (М., 1951—1952) с небольшими сокращениями. Некоторые исследователи указывают на фольклорное происхождение сюжета поэмы (И. Сяпунін, Фальклорная матывы ў паэме «Сымон-музыка». — В кн.: «Вялікі пясняр беларускага народа», Мінск, 1959). Мушинский, ссылаясь на воспоминания сестры поэта, Е. М. Лойко, указывает, что еще в юношеские годы Я. Колас услышал от нищего рассказ о талантливом мальчике-музыканте, он и лег в основу поэмы (Я. Колас, Зб. тв. у 12-ці тамах, т. 6, с. 509). Сам автор в письме к литератору Л. Клейнборту признавался, что сильное впечатление оказал на него «Слепой музыкант» В. Короленко. Отсюда очевидно, что традиционный сюжет о талантливом юноше-музыканте, бытовавший в фольклоре, устных преданиях и рассказах, в живописи и художественной

литературе, Я. Колас разработал по-своему, наполнив его реальными фактами современности, решая актуальные проблемы, поставленные историей перед белорусским народом.

Ч. 1. *Азям* — длиннополый кафтан. *Покров* — см. примеч. 176.

Ч. 2. *Клуня* — хозяйственная постройка для молотьбы и хранения хлеба. *Кут* — угол в избе.

Ч. 3. *Росстань* — перепутье.

Ч. 4. *Фольварк* — см. примеч. 176. *Галган* — см. примеч. 176. *Фурман* — владелец или возчик фургона. *Брыль* — мужская шляпа с полями. *Гандляр* — барышник.

Ч. 5. *Горлач* — узкогорлый глиняный сосуд.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Я. Колас. Фотография Г. Бугаенко. 1948 г.
2. С. 39. Публикация стихотворения «Наш родны край» в газете «Наша доля».
3. С. 103. Обложка первого сборника стихотворений Я. Коласа.
4. *Между с. 208 и 209*. Я. Колас после окончания учительской семинарии. Фотография 1902 г.
5. *На обороте*: Я. Колас с семьей. Фотография 1928 г.
6. *Между с. 240 и 241*. Я. Колас, И. Гурский, Я. Купала и А. Толстой в президиуме собрания, посвященного декаде белорусской литературы. Фотография 1939 г.
7. *На обороте*: М. И. Калинин вручает Я. Коласу орден Ленина. Фотография 1939 г.
8. *Между с. 496 и 497*. Молодые белорусские писатели в гостях у Я. Коласа. Слева направо (сидят): Н. Велюгин, К. Кириенко, Я. Колас, А. Белевич, И. Громович, И. Шамякин; стоят: Я. Брыль, И. Мележ, А. Русецкий, Н. Аврамчик. Фотография 1947 г.
9. *На обороте*: Я. Колас среди участников республиканского совещания писателей, посвященного 30-летию БССР. Слева направо: Я. Колас, А. Фадеев, П. Бровка, М. Лыньков, А. Кулешов. Фотография 1948 г.
10. *Между с. 528 и 529*. А. Твардовский и Я. Колас. Фотография 1949 г.
11. *На обороте*: Я. Колас среди делегатов Третьего съезда писателей БССР. Слева направо: А. Прокофьев, К. Симонов, С. Михалков, Я. Колас, Х. Гулям, П. Бровка, К. Крапива, И. Шамякин, Г. Мухтаров. Фотография 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Из глубины народной жизни. Вступительная статья И. Я. Науменко	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Не ищите, не просите. . .». Перевод Е. Мозолькова	37
2. Неман. Перевод Б. Турганова	37
3. Дорога. Перевод В. Цвелева	40
4. Край родимый. Перевод Б. Турганова	40
5. Белорусам. Перевод Е. Мозолькова	41
6. Молодость. Перевод М. Исаковского	42
7. Врагам («Каты-лиходеи. . .»). Перевод М. Исаковского	43
• 8. Образы самодержавия. Перевод Г. Семенова	44
9. Не горюй! Перевод Е. Мозолькова	45
10. Наша возьмет. Перевод Б. Турганова	45
11. Месяц. Перевод Н. Сидоренко	46
12. Плотовщики. Перевод Б. Турганова	46
13. На перепутье («Ты скажи мне, тьма глухая. . .»). Перевод Е. Мозолькова	48
14. Не верьте. Перевод М. Исаковского	49
15. Наша доля. Перевод В. Цвелева	50
16. Певец. Перевод М. Исаковского	50
17. Доля батрачки. Перевод С. Родова	51
18. Кирила. Перевод Н. Сидоренко	52
19. Жниво. Перевод В. Цвелева	53
20. За подати. Перевод В. Цвелева	54
21. «Шум затих по коридорам. . .». Перевод М. Исаковского	54
22. Старые липы. Перевод М. Комиссаровой	55
23. Ветер. Перевод М. Исаковского	56
24. «Осади назад!» Перевод С. Родова	57
25. Мужик («Я мужичкий сынок. . .»). Перевод Б. Турганова	58
• 26. Восход солнца. Перевод Г. Семенова	60
27. В остроге. Перевод Н. Сидоренко	61

¹ Переводы, публикуемые впервые в настоящем издании, отмечены звездочкой.

28. Железная дорога. (Чугунка). Перевод Н. Сидоренко . . .	62
29. «Вьются мысли, мучат сердце...». Перевод Н. Сидоренко	63
30. Колос ржи. Перевод Н. Сидоренко	63
31. Мать. Перевод А. Корчагина	65
32. Наше село. Перевод Н. Сидоренко	67
33. Родные образы. Перевод В. Цвелева	68
34. Конституция. Перевод М. Исаковского	69
35. Под напев ветра. Перевод В. Цвелева	70
* 36. «Даром чахну я в остроге...». Перевод Г. Семенова . . .	71
* 37. Зима. Перевод Г. Семенова	72
38. Песня весны. Перевод М. Исаковского	72
39. На заимке. Перевод Н. Сидоренко	73
40. Призыв. Перевод М. Исаковского	76
* 41. Осенний дождь. Перевод Г. Семенова	77
42. Отлет журавлей. Перевод М. Исаковского	77
43. Гуси. Перевод В. Азарова	79
44. Родные песни. Перевод Н. Сидоренко	79
45. Я не знаю... Перевод Н. Сидоренко	80
46. Лес («Глухо шепчет лес зеленый...»). Перевод Н. Сидоренко	81
47. Первое знакомство. Перевод М. Исаковского	81
48. Мужик («Я — мужик, бедняк постылый...»). Перевод М. Исаковского	82
49. Ручей. Перевод Н. Сидоренко	83
50. Бездорожье. Перевод Б. Иринина	84
51. У порога. Перевод С. Родова	85
52. Сельская учительница. Перевод Н. Сидоренко	87
53. «Рано приуныли...». Перевод В. Цвелева	90
54. «Только стонет земля...». Перевод Н. Сидоренко	91
55. Метелица. Перевод В. Цвелева	91
56. Весна. Перевод Н. Сидоренко	92
57. «Надрывайся и шуми...». Перевод С. Городецкого	93
58. На поле. Перевод Б. Иринина	94
59. Тучи. Перевод Б. Турганова	95
60. Вербa. Перевод С. Городецкого	96
61. Печаль полей. Перевод М. Исаковского	97
* 62. Первый гром. Перевод Г. Семенова	98
63. Тройка. Перевод Н. Сидоренко	98
64. Ночь перед грозой. Перевод Н. Сидоренко	99
65. Материнское горе. Перевод М. Исаковского	100
* 66. Раздумье. Перевод Г. Семенова	101
67. Несбывшаяся надежда. Перевод М. Исаковского	102
68. В зимний вечер. Перевод М. Исаковского	104
69. В суде. Перевод С. Городецкого	105
70. «Где б я ни был, что б ни думал...». Перевод Б. Кежуна	105
71. У окна в остроге. Перевод Н. Сидоренко	106
72. Перед судом. Перевод М. Исаковского	107
73. Поэту. Перевод Г. Семенова	108
74. «Верные друзья». Перевод М. Исаковского	109
75. Дудка. Перевод Н. Сидоренко	110
* 76. Забытая могила. Перевод Г. Семенова	110
77. Орел. Перевод С. Городецкого	111

78. На перепутье («На большой дороге...»). Перевод В. Цвелева	111
79. Заход солнца. Перевод Н. Сидоренко	112
80. «Погулял на воле...». Перевод М. Исаковского	113
* 81. Три желанья. Перевод Г. Семенова	114
82. Крестьянские думы. Перевод В. Цвелева	114
83. «Эй, скажи, что это значит...». Перевод М. Исаковского	115
* 84. Весною. Перевод Г. Семенова	116
* 85. Зазыванье весны. Перевод Г. Семенова	117
86. Старые дубы. Перевод М. Исаковского	118
87. Будь твердым. Перевод Б. Турганова	119
88. Будет гроза! Перевод Б. Турганова	120
* 89. Майское утро. Перевод Г. Семенова	120
* 90. «Боже мой! Когда настанет...». Перевод Г. Семенова	121
91. Поле. Перевод В. Цвелева	121
92. Лес («Любо вспомнить лес зеленый...»). Перевод В. Цвелева	122
93. Врагам («Зачем же кровь лилась людская?..»). Перевод В. Цвелева	123
94. Полесье. Перевод М. Исаковского	124
95. К труду! Перевод Е. Мозолькова	124
96. Ключ. Перевод П. Семьнина	125
97. Эхо. Перевод М. Исаковского	126
98. В полях Беларуси. Перевод Г. Семенова	126
99. Ночь. Перевод М. Исаковского	127
100. Врагам («Еще колючки проволочных заграждений...»). Перевод С. Городецкого	128
101. Пионерам. Перевод С. Городецкого	129
102. Колхозу «Слобода». Перевод Н. Вольпин	129
103. На «свадьбу» пана Студницкого. Перевод С. Городецкого	130
104. Счастливая минута. Перевод Б. Иригина	131
105. Загильбка. Перевод М. Исаковского	133
106. Раскованный Прометей. Перевод Н. Сидоренко	135
107. Янке Купале. К тридцатилетию его литературной деятельности. Перевод М. Тарловского	136
108—109. Осеннее. Перевод С. Родова	
1. «Поднимает гомон ветер непокорный...»	137
2. Земля Советская	138
110. Поэтам Советской земли. Перевод Б. Иригина	141
111. Комсомольцам. Перевод Н. Сидоренко	141
112. В майские дни. Перевод М. Исаковского	142
113. Песней приветствую вас. Перевод Н. Сидоренко	144
114. Радость. Перевод Б. Иригина	145
115. Устье. Перевод Н. Сидоренко	147
116. Живет Руставели. Перевод С. Городецкого	149
* 117. Я живу. Перевод Г. Семенова	149
118. Сила молодая. Перевод С. Обрадовича	150
119. Устьинский холм. Перевод Н. Сидоренко	152
120. Джамбулу. Перевод С. Городецкого	153
121. Красная Армия. Перевод П. Семьнина	154
122. На новой земле. Перевод Б. Турганова	155
123. Тарасу Шевченко. Перевод С. Обрадовича	156

124. Клятва. Перевод Г. Семенова	157
125. Мой дом. Перевод С. Городецкого	158
126. Над Свислочью. Перевод П. Семынина	159
127—128. 17 сентября 1939 года. Перевод Е. Мозолькова	
1. Гудит земля.	162
2. Своему народу	163
129. Не грусти. Перевод Б. Иренина	163
130. Разлука. Перевод С. Городецкого	164
131. Голос ветра. Перевод С. Городецкого	165
132. Над могилой партизана. Перевод П. Карабана	166
133. Народу-борцу. Перевод С. Городецкого	169
134. Моему другу. Перевод С. Городецкого	169
135. В тяжкую годину. Перевод С. Городецкого	170
136. Дуб. Перевод П. Карабана	171
137. Голос земли. Перевод С. Городецкого	175
138. Копайте яму, долокопы. Перевод С. Городецкого	176
139. Весною. Перевод П. Карабана	177
140. Старый путь. Перевод П. Карабана	178
141. Над могилой друга. Перевод П. Карабана	179
142. Батьке Минаю. Перевод С. Городецкого	181
143. Бойцам и командирам Красной Армии. Перевод П. Карабана	182
144. М. Д. М. Перевод П. Карабана	183
145. «И в стуке музыка звучала. . .». Перевод В. Микушевича	183
146. Слово. Перевод В. Микушевича	184
* 147. Слышу голос. Перевод Г. Семенова	184
148. Салар. Перевод С. Сомовой	185
* 149. Звезда. Перевод Г. Семенова	186
150. Чимган. Перевод Б. Иренина	187
151. Узбекистану. Перевод С. Сомовой	189
152. Живет средь нас гений. Перевод П. Карабана	190
153. Живи, народ! Перевод В. Цвелева	191
* 154. С. Городецкому. При вручении дубового кия. Перевод Г. Семенова	191
* 155. Тополь. Перевод Г. Семенова	192
* 156. На прощанье. Перевод Г. Семенова	193
157. В родных местах. Перевод Е. Мозолькова	194
* 158. «В дороге, дома ли, когда я. . .». Перевод Г. Семенова	195
159. На могилах героев. Перевод Е. Мозолькова	195
160. В пути. Перевод Е. Мозолькова	196
161. Возвращенье. Перевод П. Семынина	198
162. Лесам Белоруссии. Перевод П. Семынина	199
* 163. «Я наглухо закрою в сердце двери. . .». Перевод Г. Семенова	200
164. Наш путь. Перевод Е. Мозолькова	201
* 165. Песня на сон в бессонницу. Перевод Г. Семенова	202
166. Мечты о весне. Перевод Н. Вольпин	203
167. Зимой в Балачанке. Перевод В. Цвелева	204
168. Минск. Перевод Н. Вольпин	204
169. Из дневника. Перевод Н. Вольпин	205
* 170. Стариковское одиночество. Перевод Г. Семенова	207
171. Родному краю и народу. К тридцатилетию БССР. Перевод А. Суркова	208

* 172. Максиму Танку. <i>Экспромт. Перевод Г. Семенова</i>	209
* 173. «Кому сказать спасибо мне на свете...». <i>Перевод Г. Семенова</i>	209
* 174. Самый дорогой подарок. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	210
175. Самому себе. <i>Перевод В. Микушевича</i>	210

ПОЭМЫ

176. Новая земля	
1. Усадьба лесника. <i>Перевод С. Городецкого</i>	213
2. Воскресное утро. <i>Перевод С. Городецкого</i>	219
3. За столом. <i>Перевод С. Городецкого</i>	226
4. Первое хозяйство. <i>Перевод Е. Мозолькова</i>	233
5. Переселенье. <i>Перевод С. Городецкого</i>	240
6. Около землянки. <i>Перевод С. Городецкого</i>	248
7. Дядя-повар. <i>Перевод Е. Мозолькова</i>	256
8. Смерть лесничего. <i>Перевод С. Городецкого</i>	263
9. Новый лесничий. <i>Перевод С. Городецкого</i>	270
10. На панской службе. <i>Перевод С. Городецкого</i>	277
11. Дедов челн. <i>Перевод Е. Мозолькова</i>	284
12. «Сессия». <i>Перевод П. Семынина</i>	291
13. Выборка меду. <i>Перевод С. Городецкого</i>	300
14. «Директор». <i>Перевод С. Городецкого</i>	314
15. «Начатки». <i>Перевод П. Семынина</i>	320
16. По вечерам. <i>Перевод С. Городецкого</i>	328
17. Волк. <i>Перевод С. Городецкого</i>	337
18. Зима в Поречье. <i>Перевод М. Исаковского</i>	344
19. На речке. <i>Перевод М. Исаковского</i>	352
20. Коляды. <i>Перевод М. Исаковского</i>	359
21. Таинственные звуки. <i>Перевод М. Исаковского</i>	366
22. На глухаринных токах. <i>Перевод П. Радимова</i>	373
23. Панская потеха. <i>Перевод П. Радимова</i>	381
24. Пасха. <i>Перевод П. Радимова</i>	388
25. Летней порой. <i>Перевод С. Городецкого</i>	394
26. Осмотр земли. <i>Перевод С. Городецкого</i>	409
27. По дороге в Вильну. <i>Перевод С. Городецкого и Е. Мозолькова</i>	422
28. Дядя в Вильне. <i>Перевод П. Семынина</i>	432
29. На Замковой горе. <i>Перевод П. Семынина</i>	442
30. Смерть Михала. <i>Перевод С. Городецкого</i>	448
177. Сымсн-музыкант	
Часть первая. <i>Перевод П. Семынина</i>	463
Часть вторая. <i>Перевод Б. Иринина</i>	488
Часть третья. <i>Перевод Б. Иринина</i>	526
Часть четвертая. <i>Перевод П. Семынина</i>	562
Часть пятая:	
Гл. 1—3. <i>Перевод П. Семынина</i>	593
Гл. 4—5. <i>Перевод Б. Иринина</i>	609

Примечания	629
-----------------------------	-----

К иллюстрациям	649
---------------------------------	-----

Якуб Колас
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1978,
656 стр. План выпуска 1978 г. № 383

Редактор *Н. Г. Захаренко*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Е. Я. Лапине*

ИБ № 1219

Сдано в набор 18.05.78. Подписано к печати
24.08.78. М 18637. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
типографская № 1. Литературная гарни-
тура. Высокая печать. Усл. печ. л. 34,91.
Уч.-изд. л. 35,77. Тираж 40 000 экз. Заказ
№ 481. Цена 3 р. 90 к. Издательство «Со-
ветский писатель», Ленинградское отделе-
ние. Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
190000, Ленинград, Центр., Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На с. 140 перед строкой 7 снизу: «Юность бьет живая» должна следовать строка: «Родником кипучим».

